

ЧЕРНЫЕ РАССКАЗЫВАЮТ...

ЧЕКИСТЫ

РАССКАЗЫВАЮТ...

Книга 2-я

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1972

Предисловие В. Ф. Кравченко

Составитель И. И. Шмелев

...Всемерное повышение оборонного могущества нашей Родины, воспитание советских людей в духе высокой бдительности, постоянной готовности защитить великие завоевания социализма и впредь должно оставаться одной из самых важных задач партии и народа.

Из резолюции XXIV съезда КПСС
по Отчетному докладу ЦК КПСС

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы о чекистах, о их трудной, но удивительно захватывающей деятельности пишут довольно часто. Может быть, поэтому иногда можно услышать: «Не много ли?»

Из опыта своей деятельности знаю: не много. История нашего государства отвела этой профессии важное и почетное место. Партия поставила чекистов на самый острый участок борьбы с врагами нашей Родины. А их было немало. Хитрых, коварных, а самое главное — готовых, не задумываясь, затянуть петлю на шее первого в мире социалистического государства. Чтобы победить их, нужны и ум, и мужество, и готовность жизнь свою отдать без остатка за дело, которое поручено партией, народом.

Сама профессия — опасная и героическая — рождает героев. Сколько будет существовать эта профессия, столько и будут совершать подвиги чекисты. Во имя любви к Родине, любви к партии. Так разве уместно говорить, что о чекистах написано много?

И еще: книги о чекистах пользуются неизменной популярностью у нашего читателя, они никогда не залеживаются на книжных прилавках. Советский читатель, подготовленный и взыскательный, с радостью встречает каждую книгу о людях невидимого фронта, ждет ее. Он-то знает, что читать.

Принято думать, и не без основания, что автор в совершенстве должен изучить то, о чем он намерен поведать. Не удивительно поэтому, что в числе авторов лежащей перед нами новой книги «Чекисты рассказывают...» чекисты-ветераны В. Егоров, А. Лукин, В. Листов, В. Востоков, А. Зубов, А. Сер-

геев, опытный в прошлом следователь Е. Зотов. Они выступают в содружестве с профессиональными литераторами Ф. Шамагоновым, Л. Леровым, Т. Гладковым и др. И содружество это себя оправдало.

Книга получилась интересной, увлекательной. Она насыщена захватывающими событиями и вдумчивыми наблюдениями людей, живой практический опыт которых немислимо заменить никаким вымыслом, ибо воображению, пусть даже самому изобретательному, не угнаться за подлинными жизненными ситуациями. То обстоятельство, что многие авторы книги сами были главными и непосредственными участниками описываемых событий, придает их повествованию необыкновенную силу, привлекает документальной достоверностью. В ситуациях и характерах нет правдоподобия, в них — правда жизни.

Сборник начинается рассказом «Заложник» В. Егорова. Действие разворачивается в Советском Азербайджане в 30-е годы. В сложной обстановке тревожного времени, когда многочисленные враги революции, поддерживаемые из-за кордона, шли на прямые преступления в надежде на возврат старых порядков, чекисты обезвреживают опасную банду Гейдар-аги. Это рассказ о боевом товариществе и верной дружбе, о готовности пожертвовать жизнью за общее дело, за товарища.

Работа чекистов уже в первые годы Советской власти была наполнена чувством большой ответственности за судьбу человека. «Нам судьбы людские доверены. Разные. Совсем искалеченные среди них попадают. И за каждую мы в ответе. Очень человеческая у нас служба», — говорит один из героев рассказа. И это не просто слова. Это — кредо молодого чекиста, суть его профессии.

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для органов государственной безопасности. Советские чекисты вступили в поединок с опытным и коварным противником — разведкой фашистской Германии — и вышли победителями по всем статьям.

О легендарном советском разведчике Николае Кузнецове и его боевых товарищах, сделавших все возможное и, казалось, невозможное для предотвращения террористического акта над главными участниками исторической Тегеранской конференции, — рассказ «Прерванный прыжок».

Деятельность чекистов в тылу врага полна мужества и самопожертвования. В своем письме брату Николай Иванович Кузнецов писал: «...Я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Война за освобож-

дение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно. Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. Я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за светлое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины». Именно так думали герои-чекисты в те дни, когда над Родиной нашей нависла смертельная опасность. И не только думали. Жизнь свою отдавали, если другого выхода не было, а интересы государства требовали. Именно так поступил один из героев рассказа, молодой советский разведчик Юрий Диков, взорвавший в воздухе самолет с гитлеровскими диверсантами.

Отгремела Великая Отечественная война. Советский народ-победитель вернулся к мирному, созидательному труду. Но чекисты и в мирное время остались на боевом посту, ибо действует тайный фронт империалистических сил против мира и социализма. Их разведки и специальные службы свой главный удар направляют против нашего государства. В повести «Венский кроссворд» рассказывается о том, как советские контрразведчики обеспечили безопасность членов советской делегации в Вене при заключении мирного договора с Австрией, пресекли попытки вражеских разведок, намеревавшихся осуществить враждебную акцию против советского консула. В повести хорошо показано, как подобного рода попытки разбиваются о революционную бдительность советского человека.

Интересна повесть «Индекс без индекса». Ее авторы знакомят читателя с умной и кропотливой работой следователей, которым предстоит разобраться в сложном деле. На крупном нефтепроводе произошла авария, она причинила огромный материальный ущерб, поставила под угрозу жизнь многих людей.

Кто виноват? Не диверсия ли это? На эти и многие-многие другие вопросы должны ответить следователи КГБ.

В повести, насыщенной глубокими психологическими зарисовками, показывается, что неустанная борьба сотрудников госбезопасности всегда ведется не только против чего-то, но и за что-то. «В каждом расследовании есть две стороны. Одна сторона — это найти виновного, а другая — установить, что виновного нет». Герои повести — чекисты, ведущие расследо-

вание, отказываются от предположений, кажущихся на первый взгляд заманчивыми, но исходящими из ложного тезиса, что враг глуп. «Глупость в действиях противника их не устраивает, они привыкли считать, что противник умен и осторожен». Эта повесть также о трудной любви немецкой девушки, попавшей в сети буржуазной разведки, о начале ее прозрения и о том, как чекисты борются за честное имя одного из героев книги, советского человека, «биография которого вплетается в жизнь нашего общества».

Неотвратимо возмездие за преступления, содеянные против своего народа. Страшна участь убийц, живущих на нашей земле в постоянном ожидании расплаты. Отчаявшиеся, влекомые жгучим страхом перед неизбежным разоблачением, они хотели бы удержать свое страшное прошлое на почтительной дистанции от сегодняшней жизни, от самих себя. Напрасно! Рано или поздно они предстанут перед справедливым судом. Об этом, а также о бескорыстной помощи советских людей, которую постоянно ощущают чекисты, ведущие розыск опасных государственных преступников, повествуется в рассказе «Братец» В. Востокова.

В повести «Развязка» речь идет о работе советских чекистов в наши дни. Не является секретом, что шпионская и подрывная деятельность империалистических разведок против нашей страны захватывает все новые и новые стороны политической, военной, экономической, общественной и культурной жизни. Делая ставку на политически незрелых людей, на антиобщественные элементы, с помощью разного рода идеологических диверсий они пытаются подорвать морально-политическое единство советского народа. Тщетные потуги!

В Советском Союзе нет классов и социальных групп, на которые могли бы опереться буржуазные разведки. Мы отличаемся от врага своей сплоченностью, высокой идейной убежденностью и революционной бдительностью. Все это конкретно и убедительно раскрывается авторами. Живо и интересно они рассказывают о чекистах сегодняшних дней. Это повесть о любви и ненависти, о беззаветной преданности и предательстве, о настоящих патриотах и о тех немногих, морально опустошенных, для которых «деньги не пахнут», кто готов продать себя по сходной цене.

Советские чекисты, руководимые ленинской партией, черпают свою силу в повседневной помощи и поддержке всего советского народа. Более полувека они стоят на страже интересов Советского государства, интересов мира и социализма.

Противник, с которым повседневно ведут борьбу органы

государственной безопасности нашей страны, коварен и силен. По оценке довольно известного американского публициста Альберта Кана, только в американских разведывательных органах насчитывается до 300 тысяч человек. Только ЦРУ, по признанию американской печати, ежегодно расходует суммы в пределах от одного (газета «Нью-Йорк таймс») до 2,5 миллиарда долларов (журнал «Ньюсуик»). Это, естественно, заниженные цифры, но и они говорят о многом.

Перечень подобных фактов можно продолжить до бесконечности. Все они будут свидетельствовать о сложности и ответственности задач, стоящих перед органами государственной безопасности, о большой важности и в наше время беззаветного труда советских чекистов. В этом убеждает настоящий сборник. И в этом — его огромная заслуга. Большое спасибо авторам, которые нашли слова, чтобы интересно и увлекательно рассказать о том, о чем нужно писать постоянно.

Большое спасибо и составителю этой книги. Его трудам и хлопотам, его беззаветной преданности делу, которому он любовно служит, мы обязаны тем, что еще одна хорошая книга о чекистах увидела свет.

Начальник Пресс-бюро КГБ при Совете Министров СССР
полковник В. КРАВЧЕНКО

ЗАЛОЖНИК

I

Улочки одноэтажного городка, упрятавшего свои дома за высокими глинобитными заборами, были пустынные, казалось, город совсем обезлюдел. И только ровные струйки дыма да острый запах сгорающего кизяка говорили о том, что за заборами жизнь идет своим чередом.

Ровно в полдень сонную тишину нарушил грохот старого фаэтона. Заскрипели калитки, женщины, прикрыв лица платками, выглядывали из дворов, за широкими юбками матерей копошились черноголовые ребятишки. В начале тридцатых годов фаэтон на улицах городка, стоявшего в стороне от оживленных дорог, был немалой редкостью.

Запыленный экипаж проехал к южной окраине и остановился у единственного двухэтажного дома, в котором помещался штаб пограничного отряда.

В фаэтоне приехали двое военных. Первый — высокий, с мощным торсом, лобастый, с дочерна загорелым лицом.

Второй, значительно моложе и поменьше ростом, кареглазый, с густыми черными бровями и курчавой шевелюрой, был, несомненно, кавказцем. Новенькие скрипучие ремни ладно охватывали его фигуру.

Высокий военный пошел было к дверям, но остановился, поджидая замешкавшегося товарища. А тот не торопился. Вытащив из кармана носовой платок, тщательно вытер лицо, шею, поправил фуражку, посмотрел вниз —

щегоольские сапоги были серыми от пыли. Он решительно наклонился, вытер сапоги и, поискав глазами, куда бы деть безнадежно испорченный платок, хотел швырнуть его в ведро, привязанное сзади к фаэтону, но, спохватившись, протянул спутнику.

— Оботри сапоги.

— Стоит ли, Анатолий Максимович? Обратно поедем верхом, еще хуже запылимся,— пошутил кавказец, однако платок взял.

В маленькой приемной навстречу им поднялся военный.

— Мы из Баку. Старший оперуполномоченный АзГПУ Волков, оперуполномоченный Мехтиев,— Анатолий Максимович протянул командировочное предписание и удостоверение личности.

Просмотрев документы, адъютант исчез за дверью, но тотчас вернулся.

— Товарищ Орлов просит вас.

В просторном кабинете было светло и прохладно. На деревянном выскобленном полу темнели пятна воды, на окнах слегка колыхались холщовые занавеси.

— Здравствуйте, товарищи. Садитесь,— Орлов кивнул в сторону кресел у стола.— Устали, наверное, с дороги? По какому деду, догадываюсь. Вас интересует наш последний нарушитель?

Волков кивнул.

— И надо же такому случиться. Не успел сержант крикнуть вылезшему из кустов нарушителю: «Стой! Руки вверх!» — как тот с кинжалом надел на него, завязалась борьба. Сержант оттолкнул нарушителя. Он упал и стукнулся головой о камень. Когда старший наряда добрался до места схватки, нарушитель был уже мертв.

— Случай действительно необыкновенный. Нас интересует, кто погибший, с какими заданиями шел. Мы приехали выяснить подробности,— сказал Волков.

— Боюсь, особо интересных подробностей сообщить вам не сможем. Вещи мы просмотрели внимательно, нет ни адресов, ни имен, никакой зацепки. Правда, в кисете лежала половинка нардовской игровой шашки, видимо, пароль. Довольно много денег в червонцах, кинжал, пистолет, три запасных обоймы. В хурджине смена одежды, хлеб, сыр. Все документы его здесь, в папке.

Волков взял папку, которую протянул ему Орлов, раскрыл, вынул слегка потрепанный паспорт.

— Наджафов Ашраф, 1892 года рождения, урсженец Агдама... Работает? Да, конечно, работает.— Он раскрыл серенькое удостоверение.— Работает гражданин Наджафов в конторе по снабжению треста «Азнефть». И прописаться собирался: вот справочка для представления в милицию приготовлена. Хоро-ошие документы,— уважительно протянул Волков,— с ними хоть куда. Погляди, Юсуф.

Мехтиев взял в руки паспорт. С маленькой карточки упрямо и мрачно глядел на него скуластый густобровый человек.

— Сильный, наверное, был,— задумчиво промолвил Юсуф.

— Если послабее оказался, может, и взяли б живьем. Дорошенко не новичок на границе, только за прошлый год у него четыре задержания на счету, а с этим не справился. То есть справился, конечно, да только...— Орлов махнул рукой.

Волков решительно поднялся.

— Разрешите вещи его еще посмотреть. Народ у вас опытный, знаю, а все-таки своей глаз...

— Понятно, понятно,— Орлов кивнул.— Вас проводят. Комната рядом, там все. И что было на нем, и что при нём.

Бакинцы вернулись минут через пятнадцать.

— Есть что-нибудь интересное? —спросил Орлов.

— Да как вам сказать...— Усевшись на прежнее место, Волков выложил на стол кожаный, прошитый по краям сыромятными ремешками кисет.— Как полагаете, куда направлялся нарушитель? С чем шел?

Орлов усмехнулся.

— Кое-что предположить можно. Поначалу мы думали, что к нам. Вы, конечно, знаете, месяц назад взяли мы трех человек. Они шли с заданием влиться в банду, которая в нашем районе. Оружие несли, денег почти не было. Все здешние, бывшие кулаки. Вербовал и снаряжал их некто Сеидов. Знаком?

— Как же, Мурсал-Киши Сеидов, знаем его давно,— ответил Волков.

— И хозяина его тоже знаете? Так вот,— продолжал, не дожидаясь ответа, Орлов.— Поначалу была мысль, что этот — головной второго эшелона. Потом подумали-подумали — не получается. Во-первых, деньги. Их в лес нести совсем ни к чему. А самое главное что? — неужи-

данно повысил голос начальник погранотряда и выжидающе взглянул на молчавшего до сих пор Юсуфа.

— Справка для прописки,— выпалил Мехтиев, заливаясь румянцем, совсем как неожиданно вызванный учителем школьник.

Точно,— удовлетворенно кивнул Орлов.— С бумажками-то за кордоном хлопотно, каждую достань, да заполни, да не ошибись. Понапрасну этим товаром там раскидываться не будут. Согласны?— на этот раз начальник отряда обращался уже к Волкову.

Пожалуй,— ответил Волков, извлекая из кисета небольшой плоский кусочек дерева — половину игральной шашки, надсеченной по краю чем-то острым и потом разломленной.— Смотри, Юсуф. Где-то в Баку сидит человек, у которого лежит вторая половинка. И когда к нему принесут эту, они будут знать, о чем можно разговаривать. Фокус стар, но удобен. А главное — ухватиться не за что.

— Помнится,— задумчиво начал Орлов,— лет пять назад служил я недалеко отсюда. Начальник ваш нынешний, Гордеев Николай Семенович, между прочим, был тогда начальником отдела АзГПУ в нашем округе. А с той стороны границы на соседнем участке орудовал белогвардеец из Баку, мой, можно сказать, «крестник». Прошляпил я его, выпустил за кордон. Вот... И стал этот «крестник» на РОВС¹ работать. Удобно с ним было дело иметь — возьмешь нарушителя и сразу видишь — почерк господина есаула. Прямо-таки близнецов к нам запускать: легенда, снаряжение, задание — все на одну колодку скроено. Худо, видно, было у него по части фантазии. Тут другой класс работы. Ну ладно,— Орлов примял папиросу и глубоко затянулся.— Будем считать, что вечер воспоминаний закончен. Что думаете делать?

— Возвращаться в Баку, докладывать. Хозяйство все это,— Волков указал на кисет, папку с документами,— если не возражаете, с собой заберем. Скажите, а этого нарушителя тем троим вы показывали?

— Что вы! Специально запретил. И на допросах о нем не поминали. Мало ли как вы это дело потом повернуть захотите.

— Так, так,— Волков помолчал, думая о чем-то сво-

¹ РОВС — Российский общевойсковой союз. Белогвардейская организация.

ем.— Значит, на той стороне не могли знать, что он не дошел?

— Исключено,— решительно ответил Орлов.— От границы он уже порядочно удалился, ни стрельбы, ни шума не было. Место глухое, населенных пунктов поблизости нет, груп мы вывели глубокой ночью.

— Все ясно,— застегнув сумку, Волков поднялся.— Разрешите отправляться?

— Так сразу? — Орлов не скрывал своего разочарования.— А перекусить? И вообще, посидели бы, о Баку рассказали, я там уже месяца три не был.

— К поезду надо успеть. Не я, время торопит. Гость-то серьезный пожаловал.

— И то,— Орлов поднялся.— Ладно, езжайте. Николаю Семенычу большой мой привет. Пусть бы проведаль, уток тут у нас что воробьев на сенном рынке, вспомнили б молодость.

Обменявшись с начальником погранотряда рукопожатиями, Волков и Мехтиев вышли. А минут через десять дробный цокот копыт оповестил о том, что бакинцы уехали.

Волков и Мехтиев скакали рядом. Сытые кони шли ровной машистой рысью. Чуть сзади держался усатый сверхсрочник, который должен был привести назад коней.

— Послушай, Юсуф-джан. У персов поговорка есть: «Дурак говорит, мудрец думает». Ты за сегодняшний день столько молчишь, лет на десять, наверно, мудрее стал. Теперь скажи что-нибудь. Или, может, ты все это время думал об одной тихой улице на Баиллове? Той самой...

Мехтиев вспыхнул, нахмурился.

— Не надо так шутить, Анатолий Максимович. Я младший, понимаю, но шутить, пожалуйста, не надо. Честное слово, все время о деле думаю. Только быстро не получается.

— Быстро не всегда здорово,— примирительно сказал Волков, подумав, что делопроизводитель Света Горчакова, девушка не частой красоты и совсем уж редкой находчивости, успела, кажется, лишиться душевного покоя еще одного молодого сотрудника управления.— Мы вот торопимся в Баку, а докладывать пока нечего. Следы есть, а ведут в никуда.

— Почему в никуда? — Юсуф так резко повернулся

в седле, что его гнедой, заплывав, пошел боком, как в манеже.— В «Азнефть» следы ведут. Пусть справка фальшивая, но образец где-то брали? Брали. Удостоверение тоже оттуда.

— А я об этом не подумал. Справка и есть справка, мало ли липы всякой нам несут. А мысль неплохая. Едва ли так уж прямо она нас на след выведет, но кое-что может дать. Постой-ка... Что это там?

Уже несколько километров они ехали по невысокой земляной дамбе, пролежавшей между опушкой леса и протянувшимся во всю ширину долины рисовым полем. Слева, залитые водой, огороженные аккуратными земляными валиками, чеки рисовых делянок сверкали под солнцем, как гигантская парниковая рама. Справа стояла сплошная стена плотной зелени.

Кое-где попадались группы крестьян, работавших по колено в вязкой коричневой жиже, неуклюжие арбы, запряженные сонными буйволами.

Одна такая арба, съезжавшая с дамбы на раскисшую дорогу, безнадежно застряла в самом центре громадной лужи. Повозка была нагружена хворостом, а на самом верху, вцепившись руками в расплывавшиеся вязанки, с трудом удерживалась девочка лет семи, совсем взрослому закутанная в выцветший платок. У арбы беспомощно суеился старик в заплатанном архалуке и высоко подвернутых шароварах. Буйволы уже явно выбились из сил, старик тоже.

— Подожди, пожалуйста, отец! — по-азербайджански крикнул Мехтиев, осаживая гнедого.— Совсем немного погоди, сейчас помогу.— И он спрыгнул с коня.

— Куда тебя понесло, Юсуф? — сердито окликнул его Волков.— Держи коня. Это больше по моей части.

Юсуф пытался было возразить, но Анатолий Максимович на этот раз действительно рассердился.

— Держи повод, говорят. И со старшими не спорь. Марш на дорогу.— И, тяжело ступая, Волков полез в самую середину лужи.

Старик, что-то объясняя, хватался то за ярмо, то за скользкие от грязи деревянные колеса. Не обращая на него внимания, Волков чуть присел, пошире расставив ноги, взялся за скособочившийся короб — даже под гимнастеркой было видно, как вздулись, закаменели могучие мышцы. Медленно, по сантиметру, повозка стала подниматься. Еще усилие, еще... с чавканьем, бульканьем про-

вернулись колеса, налегли на ярмо почуявшие подмогу буйволы, арба двинулась вперед.

Волков подумал о том, что раньше легче бы сдвинул такую арбу. Сказывается нерегулярность тренировок. Он с детства увлекался спортом. Это передалось ему от отца — тренера, подготовившего целую плеяду гимнастов. На юридическом факультете Волков уже прославился как гиревик, не раз занимавший призовые места. И когда встал вопрос о направлении его на службу в органы, он заколебался. Обещание дать ему возможность продолжать занятия спортом в обществе «Динамо» решило все. Но Волков с головой ушел в оперативную работу, и времени для тренировок оставалось все меньше и меньше.

— Ай, пехлеван¹, ай, яхши пехлеван! — повторял, разводя руками, владелец арбы. А Волков, мрачный и сердитый, уже шагал обратно, недовольно бурча себе под нос:

— В таком виде в управление не придешь.

Погнали коней, чтобы наверстать потерянное время:

Анатолий Максимович молчал, раздосадованный тем, что перемазался и что начало дела было не слишком обнадеживающим.

II

Прогрохотав колесами по стыкам станционных стрелок, поезд набирал ход. Осталась позади долина Куры. Террасы, выстланные выгоревшей травой, стали уходить на север к самому горизонту. А где-то далеко проступали в предвечерней дымке сизые угловатые очертания вершин и облачно-белые шапки снегов Кавказского хребта.

Анатолий Максимович, известный в управлении своей методичностью, на остановке купил газет и теперь погружился в чтение. Юсуф молча глядел в окно, за которым промелькали знакомые места — родина отца. Юсуф не был здесь с раннего детства. Он вспоминал о судьбе отца — рабочего нефтяных промыслов, пришедшего на них из деревни в поисках заработка. Мешади Самед, искалеченный приводом в мастерской и вышвырнутый владельцами без копейки пособия, несмотря на увечье, трудился до конца своих дней и не роптал на судьбу.

¹ Пехлеван — богатырь (азерб.).

Товарищи собрали для него немного денег, собирали тайком — в 1907 году это было делом рискованным, того и гляди попадешь в черный список. Мешади Самед перебрался в Баку, оборудовал маленькую слесарную мастерскую и зажил обычной жизнью городского ремесленника.

Юсуф родился за год до всех этих событий и хорошо помнил до уголков прокопченный полуподвал, верстак, заваленный рухлядью, вечное гудение паяльной лампы, большую жестяную вывеску мастерской. Эта вывеска была, пожалуй, одним из самых ярких воспоминаний его детства, потому что рассматривал он ее часто и подолгу. На бледно-голубом фоне из-под кривобоких керосинок, кувшинов с носиками, похожими на лебединые шеи, и пузатых купеческих замков проступали кисти винограда, румяные лепешки, шампуры с аппетитным шашлыком. Вывеска прежде украшала вход в какой-то духан, а потом была переделана для слесарной мастерской художником из опившихся семинаристов.

Доходы от мастерской были более чем скромные, соседи именовали ее владельца «почтенным Мешади Самедом» больше из вежливости. Но как бы то ни было, четверых детей он вырастил и даже осуществил свою давнюю мечту, послал старшего сына в духовную школу — медресе. Но долго проучиться Юсуфу не пришлось.

Мешади Самед был простым, работающим, честным человеком, далеким от какой бы ни было политики. Но, верный лучшим традициям своего народа, он знал, что за добро надо платить добром.

Это случилось в 1919 году. Однажды вечером глухую тишину Шемахинки, на которой жили Мехтиевы, нарушила злобная скороговорка перестрелки. Она длилась недолго, меньше минуты, и тотчас в ставню постучали торопливо, тревожно.

Ковыляя на своей деревяшке, Мешади Самед поспешил к окну.

— Кто там?

— Открой, Самед. Это я, Гордеев Николай. Помнишь Сабунчи, промысел?

— Николай? Друг в дом — радость дому. Сейчас, дорогой, сейчас, только вот лампу.

— Света не зажигай. И скорее!

Издали донесся остервенелый, захлебывающийся лай собак. Мешади Самед распахнул дверь. В проеме

показалась темная фигура, послышался торопливый шепот. Сгорающий от любопытства Юсуф с трудом разбирал обрывки фраз.

— Гонятся... Очень важно... Спрячешь... А если меня... отдашь сверток тому, кто придет от Николая.

— Заходи в дом,— твердо сказал отец.— Как можно? Ты же ранен? Спрячешься во дворе.

— Нельзя, Самед. Всю семью вырежут. Рана легкая, уйду. Рисковать нельзя. Спрячь и закрывайся.

Гордеев исчез. Мешади Самед быстро проковылял в угол, где спали ребятишки, тронул за плечо Юсуфа.

— Не спишь?

— Нет, отец.

— Возьми это,— он сунул в руки мальчику небольшой, туго обтянутый липкой от смолы парусиной сверток.— Беги на задний двор и спрячь дальше от дома. Быстрее. Пока в доме будет кто-то чужой, не возвращайся. А если меня... уведут, отдашь пакет тому, кто придет от Николая. Понял?

— Да, отец.

Через несколько минут, когда Юсуф уже карабкался по столбу, поддерживающему общественную голубятню, под окнами Мехтиевых залилась лаем ищейка, в дверь застучали рукоятками маузеров.

— Иду, иду, уважаемые! Не стучите так сильно, напугаете соседей! Я уже, уже иду! — нараспев выкрикивал Мешади Самед, неспешно разжигая керосиновую лампу. Но отворить дверь ему не пришлось. Ветхий запор не выдержал, в комнату ворвались трое полицейских. Офицер, командовавший облавой, и полицейский проводник с собакой остались на улице.

То, что в домике не скрывается посторонний, было видно сразу. Мешади Самед держался с достоинством, разговаривал почтительно, так, как и подобает правому мусульманину говорить с представителями власти. Может быть, все и обошлось бы благополучно, полицейские, во всяком случае, уже вышли из дома, но проводник что-то сказал офицеру, тот включил фонарик, пошарил лучом по стенам, осветил дверной проем...

— На полу кровь! — бросил офицер.

Старший из полицейских тоже увидел на пороге лужицу свежей крови.

— Колченогая собака! Ты хотел меня обмануть? Твои щенки заплатят мне за это... — И, вытягивая из-за

голенья плоть, он шагнул к занавеске, отделявшей мастерскую от «спальни», где из-под лоскутного одеяла тарахтели глаза два брата и сестренка Юсуфа.

Никто не успел заметить, откуда в руках у Мешади Самеда оказался тяжелый, с острым обушком паяльник. Гулкие удары маузеров загрели уже после того, как старший полицейский, схватившись за рассеченный висок, ватной куклой свалился на пол.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал голос офицера:

— Идиоты! Теперь его не допросит и сам сатана. А он мог кое-что рассказать.

Через год, когда над зданием Бакинского городского Совета вновь было поднято красное знамя, на Шемахинку приехали в автомобиле какие-то люди в военном, расспросив Юсуфа, получили от него спрятанный сверток и увезли с собой вдову Мешади Самеда. Соседи не успели даже как следует посочувствовать несчастной семье — слыханное ли дело, за один год остаться без отца, без матери, — как та же машина привезла Ширин-баджи обратно, растерянную, ничего не понимающую, не знающую даже, радоваться ей или пугаться неожиданной вести.

В большом и красивом доме на Кооперативной улице ее встретили как близкую родственницу; усадили в мягкое кресло и прочитали длинную бумагу, из которой она узнала, что покойный ее муж был не простым ремесленником, а очень важным человеком. Мешади Самед будто бы оказал новой власти такие услуги, за которые эта власть станет пожизненно платить пенсию и ей, Ширин-баджи, и ее детям, пока они не вырастут, а кроме того, возьмет их всех в новую школу.

А еще через несколько лет бывший рабочий-нефтяник, позже — подпольщик и чекист Николай Семенович Гордеев пригласил Юсуфа, к тому времени уже закончившего школу, на работу в органы ОГПУ.

...Сгустились сумерки. Анатолий Максимович отложил последнюю газету, шумно вздохнул, похлопал Мехтиева по колену.

— Все, Юсуф-джан. Давай-ка, брат, ужинать. У меня, между прочим, та-кие бычки припасены — пальчики оближешь. — Расстегнув свою полевую сумку, Волков извлек оттуда банку бычков в томате. — Ай, какая рыба! Сам бы ловил, только консервы делать не умею. Да ты чего опять молчишь? О чем задумался?

— О неизвестном...

— Еще одну версию прорабатываешь? — чуть усмехнувшись, предположил Волков.

— Нет, Анатолий Максимович, — очень серьезно ответил Юсуф. — Другое у меня из головы не идет. Понимаете, на бека, на купца нарушитель никак не похож, Совсем простой человек с виду. Так какая сила его сюда погнала?

Волков помолчал. Потом отставил банку в сторону.

— Так, Юсуф, так, дорогой. И очень, брат, хорошо, что ты над этим задумываешься. Нам судьбы людские доверены. Разные. Совсем искалеченные среди них попадают, есть и такие, что можно еще исправить. И за каждую мы в ответе. Очень человеческая у нас служба, брат.

— Анатолий Максимович, но врага ведь не переделаешь, на другую дорогу не направишь.

— Врагами не рождаются, Юсуф, врагами становятся. И от нас с тобой, между прочим, зависит, сколько их будет у нашей страны, каких и где. Человек ведь не сам себя делает. Сложно это, брат, очень сложно. Помню я... — Не договорив, Анатолий Максимович резко поднялся, неслышно шагнул к двери купе, распахнул — в проходе никого не было. — Заболтались мы с тобой, Юсуфджан, — недовольно проворчал он, возвращаясь на свое место. — Давай-ка будем ужинать.

Но затронутая Юсуфом тема, видимо, всерьез заинтересовала Волкова. Врезав карманным ножом жестяную крышку, он снова отставил консервы и несколько непоследовательно продолжал:

— Я вот сейчас газету смотрел — тревожно в мире. То здесь, то там на нашу страну рычат. А что, наши соседи по собственной инициативе лезут? Думаю, нет, по чужой, заморской указке стали они нашу силу пробовать. Но уж если удастся целую страну на авантюру, бессмысленную, кровавую, толкнуть, то отдельного человека, вроде нашего нарушителя, куда как проще. Тревожно, тревожно в мире. Не вышло в одном, пытаются в другом месте накалить обстановку. Сейчас берутся за наши края.

— Да, случай с засылкой людей в помощь кулацкой банде, о которой говорил Орлов, одно из подтверждений.

— Теперь иностранные разведки разве что на кулака и могут рассчитывать, поэтому изо всех сил стараются раздуть бандитизм, этим нам навредить.

— Значит, выходит, Анатолий Максимович...

— Выходит, Юсуф,— твердо прервал его Волков,— что пожую мы сейчас да приляжем на часок-другой. С вокзала прямо в управление ехать придется, а когда оттуда выйдем, никому не известно.

III

Поезд приходил в Баку ночью. Поздние пассажиры быстро схлынули с перрона, растворившись в полумраке плохо освещенных улиц. Волков и Мехтиев выходили из вагона последними. На вокзальной площади, у здания, увенчанного четырехугольной, очень похожей на тибетейку башенкой, их поджидал управленческий «бенц».

Анатолий Максимович глянул наверх — стрелки на подсвеченном циферблате показывали четверть второго. В обычных случаях сотрудников не встречали. «Гордеев ждет», — подумал он и, шумно вздохнув, распахнул дверь.

Отчаянно чихая, машина двинулась к управлению. Навстречу, позванивая на перекрестках, торопились в депо последние, уже совсем пустые трамваи, изредка попадались полусонные извозчики на фаэтонах с мигающими керосиновыми фонарями.

Через несколько минут Волков и Мехтиев входили в кабинет Гордеева. В комнате было полутемно. Настольная лампа с зеленым абажуром бросала конус света лишь на бумаги и отражалась в ручке вмонтированного в стену сейфа.

Гордеев поздоровался.

— Встретили вас? Садитесь. Рассказывайте.

Неторопливо, обстоятельно Волков доложил результаты поездки.

— Небогато,— покачал головой Гордеев.— Какие соображения по этим фактам?

— По фактам я бы воздержался, мало фактов. А обстановка в целом кое-что подсказывает. Разрешите? — Анатолий Максимович вопросительно глянул на начальника.

— Прошу.

— Судя по документам, он шел в Баку.

— Резонно, примем для начала... — Николай Семенович кивнул.— Дальше.

— Деньги при нем большие, а ни кодов, ни шифров,

ни средств тайнописи. Похоже, что в задачу нарушителя входило работать в контакте с кем-то, кто сам имеет связь с закордоном. Мехтиев вот, по-моему, правильно предположил, что тот человек связан как-то с «Азнефтью».

— Не исключено, не исключено...

— Если все это принять за основу, господин Коллинз из тени выплывает. За последнее время какое дело поглубже ни копнешь — все его работа. Трое, которые у Орлова сидят, оружие у Мурсал-Киши Сеидова получали, а Сеидов — человек Коллинза. В банду, что под Шущей ликвидировали, тоже перед самым выступлением кто-то из-за границы приходил. Задержанные говорили, посланец от англичан. И наконец, в Баку засекли работу нелегальной рации.

— Господин майор в последнее время активизировался. Что собираетесь предпринять? С какого конца подступаться?

— Мне кажется, Николай Семенович, надо архивы поднять, уголовный розыск к этому делу подключить, вообще здесь поискать, нет ли следов нарушителя. Любит майор Коллинз с эмигрантами дело иметь, убеждались мы в этом не раз.

— Ну что ж... — Гордеев, сложив пальцы щепотью, взялся за свою аккуратную, клинышком бородку, подергал, будто проверяя, хорошо ли она держится. — Значит, предлагаете начать с обычного розыска?

— Так точно. Фотокарточку его мы сделаем. Запустим пока ее в работу, тем временем, может, что-нибудь...

— «Может» не годится, — нахмуясь, прервал Волкова Николай Семенович. — То, что предполагал, — логично, обоснованно, скорей всего верно, а что предлагаешь — пассивно и потому плохо. Мехтиев вот об «Азнефти» что-то хотел сказать. Что там сможем сделать?

— «Азнефть» трогать пока рано, — включился в разговор до сих пор сосредоточенно молчавший Юсуф. — Проверить, кто такой на самом деле Наджафов, как предлагает Анатолий Максимович, а потом уже в трест можно идти. Но я, честно скажу, о другом сейчас думаю.

— Ишь ты, «о другом»... — Гордеев склонил набок большую, чуть лысеющую голову. — Ну, давай свое «другое», вноси предложения.

— Предложений у меня нет,— ответил Юсуф.— Просто мысль одна мелькнула. Тот неизвестный, к которому нарушитель шел, должен знать, что к нему гостя направили. Мы считаем, у «нардиста» своя связь с заграницей есть. Теперь что выходит? «Нардист» связника ждет, тот не приходит; «нардист» обязательно беспокоиться начнет. Вот если ему на этом беспокойстве подножку поставить. Только как?.. Это я еще не придумал,— огорченно закончил Мехтиев.

— Николай Семенович, в этом что-то есть,— заметил Волков.

— Есть,— подтвердил Гордеев. Сняв трубку, он позвонил дежурному: — Распорядитесь, пожалуйста, чаю. И покрепче.— Он откинулся на спинку кресла, с минуту сидел молча, прикрыв ладонью утомленные глаза.— Хорошая эта мысль, Юсуф. Надо только ее на местность наложить.

В дверь постучали. На пороге показалась официантка с овальным медным подносом. Гордеев подождал, пока она расставляла на маленьком столе расписной чайник, вазочку с мелко наколотым сахаром и пузатенькие, очень похожие на медицинские банки стаканчики — армуды. Гордеев, привыкший к ним за время работы в Азербайджане, не признавал чаепития из обычных стаканов. А когда официантка вышла, Гордеев предложил садиться к столу.

— Юсуф, ты здесь младший — наливай. И давайте немного побредим.

«Побредим» — было одним из любимых присловий Николая Семеновича. Произносилось оно только тогда, когда в хаотическом нагромождении фактов, имевших отношение к только что начатому делу, вдруг намечалась какая-то схема, тропка, способная вывести к искомой цели.

— Скажу вам прямо: сегодняшний разговор был построен на одних предположениях. И все-таки я этим разговором доволен. Пока вы ничего не упустили и, надо сказать, к толковому выводу подошли...— Гордеев сделал паузу.— А теперь наметим план действий. На месяц-другой посадим своего человека в адресный стол. Лучше девушку, Марину Шубину или Свету Горчакову. Пусть выдает справки. Логика здесь простая. У нарушителя на первое время была только одна возможность легализоваться. По тем документам, что он нес с собой. И майор

его в покое не оставит. У Коллинза было уже два прокола, когда деньги у него брали, границу переходили, а потом дела с ним иметь не желали. А в Интеллидженс сервис, между прочим, денежки на ветер бросать не любят, есть у них и отчетность и прочее. В общем, по всем статьям должны они Наджафова начать разыскивать. Раз «Азнефть» — значит, в Баку. И скорее всего самым простым и законным путем — через адресный стол. А выяснение личности нарушителя по всем другим линиям ведите своим чередом. Чует мое сердце, — Гордеев погладил грудной карман своего кителя, будто и вправду сердце было советником его в этом деле, — чует, что ваш неизвестный имеет отношение ко всему, что сейчас затевается. Но это так, догадки. А вы действуйте.

— Николай Семенович! А если англичане все-таки не станут выяснять, что случилось с Наджафовым? — спросил Юсуф, взволнованный тем, что именно его мысль легла в основу предложенного начальником плана.

— Мы тогда, — Гордеев прищурился, заразительно улыбнулся, — постараемся их на это подтолкнуть. Как? А способ поищем, какой-нибудь да найдется.

Раздался телефонный звонок.

— Слушаю... Да, несите... Та-ак... — протянул Гордеев и тяжело, всей ладонью надавил на рычаг.

Почти тотчас же в кабинет без стука вошел дежурный по связи, подал телеграмму.

— Подождите здесь! — приказал Гордеев и, ссутулясь, присел на край стола, разворачивая сложенный вчетверо листок бумаги. Он читал его долго, хотя донесение состояло всего из нескольких строк. Потом вздохнул, вынул из ящика большой служебный блокнот, протянул дежурному.

— Пишите: «Нуха. Мамедову. Организуйте наблюдение, патрулирование дорог, ведущих в равнину, оповестите сельских активистов, отряды самообороны». Еще запишите: «Кировабад. Опришко. Немедленно усильте охрану строительства рудника и других важных объектов города. Вам в помощь направляются сотрудники управления. Особое внимание уделите контролю железной дороги». Отправьте немедленно. Можете идти.

Когда дверь за дежурным закрылась, Гордеев, поднеся руку к глазам, щурясь, всмотрелся в циферблат часов, потом потряхнул головой, отгоняя сон. Волков и Мехтиева встали.

— Сидите, сидите,— Николай Семенович опустил в кресло, устроился поудобнее и потянулся к чайнику.— А, осгыл уже... Ну, ладно. Пожалуй, отпущу-ка я вас теперь отдыхать, а то уж и рассвет скоро. Завтра до двенадцати свободны. А уж потом придется приналечь.— Допив холодный, ставший совсем черным напиток, он осторожно поставил пузатый стаканчик и сказал: — Сегодня уже из третьего района сообщают о перемещениях банд. Боюсь, что все может начаться раньше, чем мы ожидали. Придется нам...— Он помолчал, пожевал губами что-то невидимое. И решительно закончил: — Да и вам очень стоит поторопиться. Жду с докладом дня через три.

Однако ни через три, ни через шесть дней докладывать было нечего. После первых, казалось бы, удачных шагов выяснение практически зашло в тупик. Обнаружившиеся нити обрывались одна за другой.

Паспорт на имя Наджафова Ашрафа, 1892 года рождения, как и следовало ожидать, оказался поддельным. Однако довольно скоро по картотекам угрозыска удалось установить настоящее имя нарушителя, уточнить детали его прошлого.

Джебраилов Муса — так в действительности звали погибшего. А проживал он, во всяком случае до революции, в поместье многим памятного в те годы Джебраилбека.

Бек, крупный и просвещенный землевладелец, навещался в свои угодья не частр. Он принадлежал к тем кругам азербайджанской знати, в чьих поместьях вполне современные методы ведения хозяйства — система севооборотов, химические удобрения, породистый скот — противоестественно и страшно сочетались с жесточайшим, чисто феодальным угнетением крестьян. Для этого существовали управляющие и телохранители. Муса Джебраилов входил в их число.

Он был головорезом, готовым по первому слову хозяина, выполняя его волю, пойти на любое преступление. И не из преданности, а больше потому, что безнаказанность в этих случаях была гарантирована.

Джебраил-бек последний раз посетил родные места в 1915 году. Тогда он жил в Лондоне и приехал, чтобы оформить продажу нефтяных участков, которые сбыл незадолго до этого концерну Детердинга. Бек так и остался за границей, переезжая из одной европейской сто-

лицы в другую. Его приближенных крестьяне ненавидели лютой ненавистью, и после революции им пришлось не-
сладко.

Ни при англичанах, ни при турках, ни при мусаватах Муса Джебраилов так и не мог найти своего места в жизни.

Сначала он перебрался в Шушу и, похоже, был связан с контрабандистами, пытался заняться торговлей, потом вообще исчез на несколько лет и вновь обнаружился уже не на юге, а на западе республики, почти на границе с Грузией, в знаменитой своими виноградниками Акстафе.

В начале 1926 года кто-то из родственников устроил его заведовать магазином, но проработал он недолго. Совершил растрату, пытался бежать, был пойман, осужден, оказался в тюрьме в Закаталах. Однако сумел уйти из-под стражи и скрыться, по всей видимости, за пределы республики. Кто помогал ему в беге, было неизвестно, и это наводило на размышления.

Еще одно обстоятельство очень насторожило Волкова. В день побега Джебраилова в поселке, неподалеку от границы, было совершено дерзкое, оставшееся нераскрытым убийство. Известный преступник вырезал семью торговца, когда хозяин отлучился из дому всего на два часа, и, забрав ценности, сумел скрыться.

Торговец был родом из Закатал, где сидел Джебраилов, так что какую-то информацию о нем преступник легко мог получить в тюрьме.

Но все это, впрочем, оставалось пока в области чистых предположений, а главное — никак не приближало к разгадке того, зачем Джебраилов вернулся в Азербайджан.

Света Горчакова уже вторую неделю исполняла обязанности сотрудницы Бакинского городского адресного стола, оперативные работники, выделенные в помощь Волкову, за это время уже не раз по ее сигналу отправлялись вслед за людьми, разыскивавшими Наджафовых Ашрафов соответствующего возраста. И каждый раз возвращались ни с чем. Те, кто приходил за справками, искали (и находили) реально существовавших Наджафовых.

К началу четвертой недели Гордеев снова вызвал к себе Волкова и Мехтиева. Был он явно измотан, сух, пожалуй, даже резковат.

— Плохо работаете, Анатолий Максимович. На месте

топчетесь. Уперлись в одну схему и за ее пределами не ищите. Не может, понимаете, не может быть, чтобы еще каких-то следов Джебрайлов нам не оставил. Все его старые связи проверены?

— Так точно.— На лбу Волкова проступили капельки мелкого пота.— Из Закатал, Агдама подробные материалы получены. И в бывшем поместье — там теперь совхоз — тоже товарищи побывали. Единственный, кто пока молчит, уполномоченный в Акстафе. Запрашивал дважды, он в командировке сейчас.

— Сами почему туда не выехали?

— Так ведь здесь, в адресном, один за другим появляются люди, интересующиеся Наджафовым. Вот-вот наш должен обнаружиться, я так полагаю.

— Раз они до сих пор Джебрайлова искать не стали, значит, сами и не начнут. Думайте, как подбросить им эту идею. Могу вам сказать, что нелегальная рация работает чаще, чем раньше. Не исключено, что это переговоры о связнике. Большим утешить не могу. Выезжайте в Акстафу немедленно. А вам, Мехтиев, придется на денек съездить к Орлову. Явился к нему с повинной старый контрабандист из местных и, похоже, говорит кое-что интересное. Его завербовал Мурсал-Киши Сеидов. Нельзя ли через этого контрабандиста подтолкнуть англичан на розыск Наджафова. Обсудите с Орловым. Прошу выполнять.— И Гордеев, видно, чем-то озабоченный, склонился над лежавшими на столе бумагами.

Волков молча повернулся, направился к выходу. Но Юсуф, который относился к Гордееву не просто как к начальнику, а как к другу и учителю, не выдержал. Он шагнул вперед и робко, совсем по-домашнему, мягко спросил:

— Николай Семенович. Может, что сделать надо?

Гордеев поднял голову, недоуменно посмотрел на него, видимо, не поняв, потом невесело, через силу улыбнулся.

— Ничего ты не сделаешь, сынок. Плохо у нас. Банда Гейдар-аги вышла из леса. Был налет. Есть жертвы.

IV

Из управления Юсуф вышел один, Волков остался готовить какой-то документ. Выехать на границу к Орлову надо было в этот же день. Поезд отходил вечером. Сборы предстояли несложные. Забежать домой, предуп-

редить мать, взять чемоданчик со сменой белья и всё. Юсуф решил зайти в адресный стол. Его не столько беспокоило возможное появление новых лиц, разыскивающих Наджафова Ашрафа — он знал, справятся и без него, — как хотелось повидать Свету Горчакову. Думал ли он, что эта девушка, которую впервые увидел год назад, так прочно войдет в его жизнь. Ему надолго запомнился день, когда он встретился с ней. Эта встреча была не совсем обычной. Юсуф дежурил по управлению.

Было семь вечера. Кабинеты и коридоры обезлюдели, все разошлись на обеденный перерыв. Юсуф одиноко бродил по коридору, не уходя далеко от комнаты дежурного. Он не любил время, когда вокруг не было людей. Задребезжавший телефонный звонок вернул его в кабинет. Из бюро пропусков сообщали: «Пришла девушка Света Горчакова, работница швейной фабрики, говорит, что имеет важное и неотложное сообщение». Юсуф терялся в догадках, в чем могло заключаться дело, о котором хочет сообщить эта девушка. Он с удивлением смотрел на щупленькую миловидную блондинку, которую скорее можно было принять за ученицу средней школы, чем за взрослую работницу.

— Садитесь, — указал он ей на стул и кивнул сотруднику бюро пропусков в знак того, что тот может уходить. — Что вы хотите сообщить нам?

— В городе находится сейчас бывший белый полковник, прибывший из-за границы. Его фамилия — Корнеев.

— Откуда вам это известно? — спросил Юсуф, всматриваясь в голубые глаза девушки. Чувствовалось, что она очень волнуется.

— Я его видела час назад на Торговой улице.

— Ничего не понимаю. Он ваш знакомый?

— Я его запомнила на всю жизнь.

— Вот что... Света, — посмотрел он ее имя в пропусках, — расскажите все по порядку. Начинайте с того, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Корнеевым?

— Мне надо начать с детства.

Глаза девушки вдруг наполнились слезами, и, сдерживая рыдания, она начала рассказывать. Рассказ Светы надолго врезался в память Юсуфа. Хотя был он сбивчив, нескладен, Юсуф словно вместе со Светой пережил все.

Света росла с отцом, мать умерла родами. В послед-

ний год первой мировой войны донского казака Матвея Горчакова — отца Светы, имевшего отсрочку по семейным обстоятельствам, призвали в армию. Света осталась в станице на попечении родственников. В 1918 году от казаков, вернувшихся с фронта, она узнала о гибели отца. Почти в каждой семье оплакивали смерть близких, и горе маленькой девочки прошло незамеченным. Свете исполнилось тогда десять лет. Она по-прежнему жила месяц-два то у одних родственников, то у других. Хата ее родителей пришла в полнейшее запустение, девочка почти не бывала там. И вот недалеко от их станицы развернулись бои с красными частями. Многие из станичников выступили в поддержку отрядов красных конников. Но их было слишком мало. Однажды ночью белогвардейский отряд ворвался в станицу. Запылали хаты. Девочка металась между домами, превратившимися в факелы, лизавшие своими оранжевыми языками черное небо. Но никому не было дела до девочки, каждый был занят своим несчастьем, пытаясь спасти из огня хоть что-нибудь из нажитого скарба. Обессиленная, она забылась у завалинки чудом уцелевшего дома. Наутро через станицу потянулись телеги. На передней трепыхалось полотнище старой застиранной простыни с нашитым на ней крестом из красной тряпки. Это перебирался к югу полевой госпиталь белых. Сердобольная сестра Ксения, или как ее все звали — тетя Ксюша, заметила девочку и пристроила на повозку с медикаментами. Так именовали телегу с двумя бутылками йода, упакованными в ящики со стружкой, да со свертком плохо выстиранных, уже не раз использованных бинтов.

Расторопная и сметливая девочка прилась по душе Ксении. Гражданская война разбросала белую часть, при которой находился госпиталь. Тетя Ксюша со Светой добрались до Баку, на родину Ксении. И потекла спокойная жизнь.

Ксения привязалась к послушной девочке и оставила ее при госпитале, хотя душевной близости у них не получалось. Света не могла забыть, что тетя Ксения была с теми, кто сжег родную станицу и о ком медсестра так часто и тепло вспоминала. Света слушала всегда молча, затаив свое отношение к этим ненавистным ей людям. Она не говорила о той ночи, хотя воспоминания о страшном пожарище никогда не покидали ее. Ксения ничего не подозревала. Она считала, что Света была тогда слиш-

дом мала. Света окончила среднюю школу. Неожиданно в Баку появился Мартынов, возлюбленный тети Ксюши, когда-то выхоженный ею от ран белогвардейский подпоручик. Мартынов стал частым гостем тети Ксюши. Света сразу узнала его. Не было сомнений, это тот офицер, который неотлучно находился при бородатом великане. Бородатый свирепо понукал солдат, поджигавших хаты, и наотмашь рубил шашкой метавшихся в ночном пожаре женщин и стариков. Мартынов отсидел в тюрьме за свои злодеяния и приехал в Баку, а полковник Корнеев, тот бородатый великан, успел бежать за границу. Скоро Мартынов перешел к тете Ксюше. Света не захотела жить с ним под одной крышей и, придумав предлог, ушла. Тетя Ксюша особенно не возражала. Уже взрослая девушка, конечно, стесняла новобрачных. Света поступила на швейную фабрику и поселилась в общежитии.

— На днях иду с работы по Торговой улице, смотрю — на противоположной стороне стоят и разговаривают Мартынов и Корнеев, — рассказывала Света. — У меня ноги отнялись, хочу двинуться и не могу, еле справилась с собой. Сразу его узнала, хоть прошло столько лет и он сбрил бороду. Ну, думаю, вернулся ты из-за границы не с добрыми делами. Мартынов рассказывал, что Корнеев играл важную роль в белогвардейской организации за границей.

По дороге к адресному столу вспомнил Юсуф и о том, как он вместе с Волковым брал Корнеева и как тот успел всадить в него пулю. В больнице Юсуфа оперировали, потребовалась кровь, и первой, кто дал ему свою кровь, была Света. «Мы теперь родные по крови», — шутила она потом. Вспомнил сомнения Светы, когда ей предложили пойти на работу в органы, и как он убеждал ее согласиться.

В адресном столе ничего интересного не произошло. Света скучала у окошка. Она была рада приходу Юсуфа, но ее радость моментально улетучилась, когда узнала, что он уезжает вечером.

Юсуф сел рядом, решив подождать окончания ее работы. «Сегодня обязательно надо поговорить серьезно, а то Света все переводит в шутку», — думал он.

В это время вышел из кабинета начальник адресного стола.

— Товарищ Мехтиев, вас просят к телефону.

Вернувшись, Юсуф с печальной улыбкой сказал Свете:

— Звонил Волков, чтобы я сейчас же шел в управление. Гордеев хочет что-то поручить дополнительно в связи с моей поездкой.

V

Агри — так называлось селение, расположенное в одном из боковых ущелий у верховий бурного, стремительного Агричая. Но жителей деревни в здешней округе именовали обычно не агрийцами, что вполне соответствовало бы местным традициям, а фундукчи. Главным источником их доходов был сбор дикого ореха — фундука.

Густые заросли орешника начинались сразу же за огородами и, выстилая крутые склоны ущелья, уходили далеко вверх. Под их покровом скрывались осыпи, расщелины и валуны, они сглаживали рельеф, придавая ему мирную плавность, и лишь кое-где одинокими рифами выдавались над орешником источенные ветрами вершины скал.

Обычно в эту пору года лес не бывал безлюдным. На бесчисленных зигзагах тропок можно было встретить стайку мальчишек, спешивших добрать последний урожай фундука; мужчину, погонявшего ишака, по самые уши завьюченного тугими связками с сеном альпийских лугов; старика, волочившего свежесрубленный куст, на который, как на санки, были уложены вязанки колючего хвороста.

Но в этот день все взрослое мужское население деревни собралось на маленькой площади у наполнявшегося из родника бассейна, под раскидистыми ветвями могучих, старых, как сами горы, чинар. Собралось не по своей воле. Весь день в селении хозяйничала банда Гейдар-аги.

Банда захватила Агри под утро, когда даже самые работающие из хозяев еще не выходили к скотине, а петух дедушки Рза, заменявший в селении муэдзина, еще не возвещал о приближении времени первой молитвы. Банда захватила село умело, по чьей-то хитрой подсказке, без лишнего шума и почти без потерь.

Спешившиеся всадники, оставив на дороге конную заставу, крадучись пробрались по опушке, потом разом, как загонщики, вышли из леса и окружили дворы сель-

ских активистов. Протяжный посвист главара — сигнал к атаке. Четверо из пятерых бойцов самообороны, даже не успев взяться за оружие, были схвачены.

Удалось вырваться лишь Фархаду, комсомольцу, молодому силачу и отчаянному наезднику. Воротившись домой поздно вечером и не желая тревожить родителей, он заночевал в сарайчике, служившим и конюшней и сеновалом. Наган был при нем, и, когда приклады бандитских винтовок забухали в двери его дома, Фархад не растерялся.

Мгновенно взнуздав своего карабаха, он вскочил на него тут же в сарайчике, толчком распахнул настежь хлипкие воротца и с места бросил скакуна в галоп. Бандита, кинувшегося ему наперерез, Фархад сбил конем, второго, уже вскидывавшего винтовку, опрокинул выстрелом в упор и, пригнувшись, перемахнул через низенький глинобитый дувал. Бросив неоседланного карабаха, беглец скрылся в густой чаще на той стороне ущелья. Преследовать его было почти бесполезно, да и небезопасно.

Разъяренные неудачей бандиты хотели было сорвать злость на семье Фархада, но Гейдар-ага запретил. Жены у Фархада по молодости лет еще не было, а обидеть стариков значило восстановить против себя всю деревню. Этого главарь банды пока не хотел.

Схваченных активистов заперли в надежном каменном амбаре местного кулака Сеид-Аббаса, сам Гейдар-ага вместе с несколькими приближенными тоже расположился у него в доме, очень долго мылся, потом ел плов, пил чай, отдыхал. Фархаду нужно было немало времени, чтобы по чашобам закатальских лесов добраться до ближайшего селения, и бандиты не торопились.

Лишь к вечеру, когда тусклое серебро вечных льдов на вершинах гор, будто подсвеченное изнутри, начало наливаться тревожным багрянцем заката, Гейдар-ага велел собрать на площади сельчан.

Ждали его долго, в полном молчании. Наконец, тяжелые, окованные железом ворота распахнулись, и со двора Сеид-Аббаса вырвалась группа всадников. Горяча коней, вздымая клубы пыли, они проскакали по площади и рассыпались по сторонам, на ходу сдергивая с плеч карабины. Следом показался и сам Гейдар-ага.

Горбоносый, пышнобородый, с изрытым оспой лицом, он обратил бы на себя внимание в любой толпе. Низко

надвинутая на лоб серая каракулевая папаха сливалась с полуседыми бровями, взгляд был тяжелым, настороженным, движения степенны, но полны сдерживаемой силы.

К бассейну он подъехал не торопясь, приложив руку к сердцу, поклонился старикам, но не сошел с коня.

— Братья мусульмане! — Гейдар-ага был явно простужен, и оттого голос его звучал хрипло и глухо. — Все вы знаете, что я и мои люди подняли знамя священной войны в защиту веры и наших старых, добрых обычаев. Скоро, очень скоро под этим зеленым знаменем встанут тысячи богатырей. Уже поднимаются мусульмане в других уездах, уже пылают дома отступников, которые на земле наших дедов и отцов хотят завести порядки нечестивцев, затоптать законы шариата. Но пока мне нужна помощь людьми и продовольствием. Я знаю, вы простые честные крестьяне, привычные к топору и мотыге. Стрелять вы умеете в воздух, да и то только на свадьбах, а пара крепких буйволов вам дороже боевого коня. Но, может быть, среди вас найдется настоящий мужчина, который захочет стать в ряды братьев по вере? Кто не боится выступить в защиту ислама с оружием в руках, пусть выйдет вперед. Мы дадим ему коня, шашку и винтовку, мы выведем его на дорогу освобождения.

Гейдар-ага смолк и, подбоченясь, чуть тронул коня каблуками. Сдерживаемый сильной рукой, жеребец заплясал на месте, далеко отбрасывая сухие точеные ноги, брызгая из-под копыт мелкой щебенкой. Толпа настороженно молчала. Потом из ее рядов решительно выдвинулся парень лет двадцати в добротном суконном архалуке. Это был племянник Сеид-Аббаса.

Низко поклонившись Гейдар-аге, он стал рядом с ним и вызывающе обвел толпу взглядом. Словно отвечая на этот вызов, вперед вышел еще один человек. Одет он был бедно, почти нищенски.

— А, Керим-бездельник, — негромко, но явственно донеслось из толпы. — Вором он был, вором и остался, такому прямая дорога в лес.

Гейдар-ага качнулся в седле, рука его легла на кобуру маузера, но благоразумие, видимо, победило. С недоброй усмешкой он обвел крестьян пристальным, сверлящим взглядом, прищурился.

— Вы сказали, я слышал, — негромко, угрожающе произнес он. — Керим мой старый друг и честный мусуль-

манин. Кто-то из вас обидел его. Я не буду спрашивать кто — не годится правоверному выдавать своего соседа. Но, — Гейдар-ага повысил голос, — по закону гор обида должна быть оплачена выкупом или кровью. Мне не хочется проливать мусульманскую кровь. Каждый очаг заплатит за обиду хлебом, мясом, рисом. Вы будете приводить это сами. Раз в неделю. В урочище Трех Дубов. Вы слышали, я сказал.

В толпе раздался приглушенный ропот.

— Кто будет уклоняться, тот враг ислама! — выкрикнул Гейдар-ага. — А что случается с врагами, вы увидите сейчас здесь.

Хлопнув в ладоши, он отдал какое-то приказание одному из охранявших его всадников и медленно отъехал в сторону. Бандит пронесся по улице, круто осадил коня у ворот Сеид-Аббаса, спешил...

Через несколько минут на улицу вывели тех, кто сидел в амбаре. Следом появилась обычная арба на высоких деревянных колесах, запряженная парой сытых, круторогих буйволов. Крестьяне, собравшиеся на площади, с тревогой и недоумением следили за приближавшей процессией.

Связанных активистов тащили почти волоком, продев под стянутые на груди ременные путы арканы, концы которых были привязаны к седлам коней, ехавшие сзади бандиты подгоняли их нагайками, ударами прикладов.

Их подвели к чинарам, втащили на арбу.

— Керим! — еще более хрипло, чем прежде, сказал-выдохнул Гейдар-ага.

Зверски осклабясь, Керим кивнул и перебросил через крепкую ветвь чинары веревку с петлей на конце. Толпа глухо ахнула. Один из аксакалов выступил вперед и, пытаясь придать своему голосу твердость, произнес:

— Недоброе дело убивать людей, которые ничем тебя не обидели. Побойся аллаха, Гейдар-ага, у каждого из них есть дети.

Свистнула плетъ. Аксакал отступил, пошатываясь, прикрыв рукой обожженное ударом лицо.

— Отец! — В гуще толпы водоворотом вскипела короткая схватка, и, отшвыривая пытавшихся удержать его крестьян, оттуда вырвался какой-то юноша, почти мальчик. В несколько скачков он оказался у стремени Гейдар-аги, рванул из-за пазухи тускло блеснувшую сталь...

Бледные в предзакатном свете вспышки выстрелов

отшвырнули его на каменистую землю. Он упал навзничь, перевернулся, еще не понимая, что произошло, приподнялся на локтях, пытаясь дотянуться до выпавшего ножа, и снова рухнул. На выцветшем холсте залатанной рубахи проступили два бурых пятна.

Гейдар-ага сунул маузер в кобуру, круто повернул коня, жестом показал Кериму, что пора кончать, и медленно поехал с площади. Главарь был явно недоволен собой. Рассчитывать на поддержку в этой деревне уже не приходилось.

Час спустя длинная вереница всадников проследовала через деревенскую площадь. К седлам были приторочены бараньи туши, мешки с рисом, мукой, овощами. Отдохнувшие кони даже с грузом шли в гору легко, без понуканий. Лишь приближаясь к старой чинаре, они начинали тревожиться, шарахались, испуганно храпели. Почти каждый из бандитов вел в поводу запасную лошадь. Все они тоже были навьючены припасами, награбленными в деревне. А к седлу пегой, доверенной Кериму, был приторочен обернутый в бурку длинный сверток. Это были винтовки активистов. Гейдар-ага уходил в горы.

Уходил зверь, свирепый, хитрый и осторожный, каким бывает барс, упущенный неопытным охотником и уже никогда не забывающий о своей встрече с человеком, умеющий обойти даже самые надежные ловушки.

А в это время на окраине маленького пограничного городка, лежащего далеко к югу от Агричайского ущелья, городка, уже знакомого читателям по поездке Волкова и Мехтиева, происходили события, имевшие самое непосредственное отношение к судьбе закатальского «барса».

...К городку шел сухопарый, высокий, чуть сутуловатый старик. В аккуратно подстриженных усах, в густой шевелюре ни сединки; обветренная, загорелая кожа туго обтянула острые скулы, и только у глаз собирались веером мелкие морщинки.

Войдя в город, он наискось пересек улицу и присел на корточки у арыка в тени чахлой акации. С минуту посидел неподвижно, будто что-то разглядывая на подернутой мелкой рябью поверхности мутного желтого потока, потом бережно опустил на землю тяжелый хурджин и стал приводить себя в порядок.

Распустив ремешки, старик снял сыромятные чарыхи, вытряхнул песок, затем так же неспешно стянул толстые, ковровой вязки шерстяные носки, выбил из них дорожную пыль и снова обулся. Потом умылся, зачерпывая воду корявой ладонью, посидел, ожидая, пока обсохнет лицо, поймал несколько вялых лепестков, принесенных говорливым ручейком. «Али-Аббас опять не успел вовремя снять свои розы», — печально произнес он. Просидев у воды еще несколько минут, он решительно поднялся и, взвалив на плечо хурджин, зашагал к центру.

Остановился он у глухого глинобитного забора, прорезанного узкой калиткой, и, едва взялся за висевший на ней молоток, как за оградой раздался злобный лай пастушьей овчарки.

— Молчи, Шайтан! — прикрикнул гость, и лай тотчас же сменился радостным повизгиванием. Дом явно не принадлежал старику. И все-таки его здесь знали. Заскрипел засов, навстречу вышла молодая женщина.

— Это вы, отец? Заходите, пожалуйста.

Она хотела было снять с плеча свекра хурджин, но тот отмахнулся.

— Дома Касум?

— Недавно пришел, в больнице был. Да вы проходите, проходите...

А с веранды уже спешил мужчина лет тридцати, высокий, сухопарый, подвижный. Правая рука его, схваченная свежими бинтами, покоилась на перевязи, неумело завязанной под воротником полувоенной гимнастерки.

— Салам, ата! Хороший день сегодня у меня: ты пришел.

Не отвечая на приветствие, старик указал на перевязанную руку сына.

— Это откуда? Случилось что?

— Совсем ничего, ата-джан, — Касум смущенно улыбнулся. — Так, пустяк, немножко царапнуло.

— Стреляли в тебя? — старик не пытался скрыть своего волнения. — У тебя кровник есть?

— Что ты говоришь, отец, — Касум нахмурился. — Я комсомолец, какие кровники могут быть! Бандиты стреляли.

— Почему бандиты? Ты что, милиция, огеуеу? Ты ветеринар, твое дело барашков лечить. — Отец никак не мог успокоиться.

— Правильно, ата. Только я еще и боевик районного отдела АзГПУ. Вот погляди.

Почтительно поддерживая старика под локоть, Касум привел его в комнату. На почетном месте, между нишами, заменявшими в доме шкафы, висели на гвозде короткая кавалерийская винтовка и кожаный патронташ.

— Видишь, оружие доверили.

Отец покачал головой.

— Да поможет тебе аллах в этом опасном деле, сынок.

— Э-э, отец, кто из Расуловых боялся опасных дел? Ты ведь тоже... Ох, ата, ата. Сколько раз мы с тобой говорили. Моя опасность государству на пользу, твоя — ему во вред.

— Ну, ладно, ладно, — старый Расулов только сейчас вспомнил о своем грузе. — Позови Гюльнара, пусть возьмет хурджин. Мать там прислала варенье-маренье, еще кое-что. А мне с тобой поговорить надо.

Молчаливая Гюльнара приняла хурджин, бесшумно ступая, накрыла в задней, самой прохладной комнате стол. Но ни кюкю — яичница со свежей зеленью, ни долма — голубцы из виноградных листьев, ни даже густой, цвета старого червонного золота мед горных пчел ни привлекли внимания старого Расулова.

Поджав под себя ноги, он сидел за низким круглым столиком, крошил на скатерть свежий, домашней выпечки чурек и, равномерно покачиваясь, рассказывал сыну о том, что произошло с ним на днях по ту сторону границы.

— Ты знаешь, товары свои я сбывал муаджиру¹ Кулизаде. Много лет знаю этого человека, всегда думал — хороший, чуткий человек. Оказался — змея двухголовая. Когда я бывал у него в доме, он всегда хорошо принимал, о семье расспрашивал, совсем как родственник. Я ему о тебе говорил, о Гюльнаре тоже, как живете, где работаете, про ее паспортный стол. Почему не рассказать? Пршлую пятницу пошел опять на ту сторону. Оставались у меня кольца золотые, хотел продать, корова старая всем. Думаю — схожу последний раз, потом брошу это дело, раз ты так просишь. Все хорошо было, только в лавке Кулизаде еще один человек меня ждал. Почтенный с виду, посмотришь — тоже купец, только с носом

¹ М у а д ж и р — эмигрант (азерб.).

у него нехорошо, лошадь, видно, ударила, сломала. Мурсал-Киши Сеидов его зовут, я это потом узнал. Поговорили мы с ним, как полагается, а потом стал он меня спрашивать, как думаешь: про кого?

— Откуда мне знать, ата,— в голосе Касума звучала плохо скрытая тревога.

— Не удивляйся, о Гюльнаре. Достань, говорит, через сноху три чистых бланка советских паспортов и принеси нам.

— Ну, а ты что сказал?

— Я сказал: как я могу это сделать? Сноху за пропажу паспортов арестуют. Я этим не занимаюсь, говорю, мое дело — товар принес, унес, заработал немножко.

— Вот видишь! — Касум, не выдержав, вскочил на ноги, заходил по комнате, бережно поддерживая растрепованную руку. — Вот тебе и «товар». Мурсал-Киши этот наверняка с бандитами связан, а может, с кем-нибудь и похуже. Ай, в какое ты дело попал, отец! Ну, а что потом?

— Потом они мне грозить, понимаешь, стали. Мурсал-Киши сказал: Кули-заде сейчас меня полиции отдаст, скажет — я контрабандист, и сгною я в тюрьме на чужой земле. «Мурсал-Киши верно говорит, соглашайся, Гасан,— поддакивал этот внук шакала Кули-заде. — Мы научим тебя, как сделать с паспортами, чтобы Гюльнара в стороне осталась». Я подумал-подумал, решил, все равно так они меня не выпустят. «Ладно,— говорю,— пиши бумагу».

— Какую еще бумагу? — встревожился Касум.

— А, понимаешь, они так сказали, в бумаге написано, за что я деньги у них получил, если обману, они ее сюда в гепеу перешлют.

— И ты подписал?

— Зачем подписал, сказал: «Неграмотный я, палец приложу, ладно».

— Ну, подписать или палец — это разница небольшая,— пробормотал Касум.

— И я так думаю, сынок,— согласился Расулов-старший. — Потому и пришел к тебе прощаться.

— Прощаться?

— Я, конечно, плохой человек, через границу ходить никакая власть не разрешала, только бандитам помогать, которые в моего сына стреляют, амбары крестьянские жгут, я не буду. Иранцы говорят: «Нож не режет свою рукоятку». Решил так: пойду к начальнику, пусть меня

сам в тюрьму сажает. Посижу, выйду, контрабанду брошу, хозяйством заниматься стану. Я на этой земле родился.

VI

Часов около пяти невысокий блондин лет пятидесяти, в светлом полотняном костюме, соломенной шляпе и больших круглых очках, делавших его похожим на старую сову, приехал на фаэтоне на улицу Камо, отпустил извозчика и, внимательно осмотревшись, свернул в боковой переулок с неудобопроизносимым названием — Третий Нижнеприютский. Также называлась раньше и улица, на которую он выходил, но ее переименовали, а про переулок забыли.

Дойдя до своей калитки, человек-сова достал ключ, потоптался, старательно «не попадая» в прорезь замка, тем временем зорко оглядел пустынный переулок и исчез за высоким, выложенным из камня забором.

Маленький дворик утопал в зелени. Могучий великан-карагач, словно папай, накрывал его своей раскидистой кроной, вдоль забора топорщились благородные лавры, на веранду, где хлопотала у керосинки сгорбленная морщинистая старуха, протягивал узловатые ветви старый орех.

Увидев жильца, старушка укоризненно покачала головой.

— Опять вы дома не ночевали, Аркадий Иванович. Все по друзьям, а годы-то немолодые.

— Задержался, тетя Даша! Выходной сегодня! — громко, отчетливо произнес жилец — старушка была глуховата. И, помолчав, добавил: — Заигрался в нарды, а поздно идти не хотелось.

Войдя в комнату, жилец тети Даши с отвращением содрал с себя влажную тенниску и плюхнулся на диван, блаженно шурясь от прикосновения к его прохладной кожаной обивке. Ощущение было почти такое же, как будто он опустил в ванну, без которой он по-настоящему страдал.

Впрочем, если уж быть совершенно точным, больше всего в последнее время человеку в очках не хватало душевного спокойствия, уверенности в том, что и этот год для него окончится вполне благополучно. То ли начали сдавать нервы, то ли работать действительно стало на-

много трудней, но только уже давно человек, числившийся в сверхсекретных картотеках Интеллидженс сервис под номером 015, пребывал в постоянном мрачном напряжении.

Его раздражало все. И эта комната, размалеванная по потолку дурацкими толстобокими гуриями, которые с грацией бегемотов кутались в прозрачные накидки, и весь этот город. А главное — люди! Несговорчивые, бесконечно упрямые, они были очень трудным материалом со своей фанатичной верой, что строят лучшую жизнь и что все происходящее вокруг — свидетельство больших и важных для них перемен...

Собственно говоря, эти перемены замечал и он сам. Опытный разведчик и по долгу службы неплохой экономист, 015 в своих сводках отдавал должное быстрому строительству новых промыслов, первым успехам крестьянских кооперативов, возникновению институтов, заводов, рудников.

Но почему судьба какого-нибудь Дашкесанского рудника волнует и выпускника мединститута, и просоленного морскими ветрами боцмана с танкера-водовоза на линии Баку — Красноводск, этого жилец тети Даши понять не мог, несмотря на свой опыт и умение разбираться в людской психологии.

«Русский этап» его карьеры начинался в Петрограде, еще в дореволюционное время. Сын английского офицера и русской дворянки, воспитанной в Англии и вышедшей там замуж, 015 еще в юношеском возрасте обратил на себя внимание Интеллидженс сервис. Отличное знание русского языка и влиятельные родственники в России по линии матери сыграли решающую роль в дальнейшей судьбе юноши. Незадолго до начала первой мировой войны его мать умерла, а отец, не без участия Интеллидженс сервис, был командирован в Индию, где предстояла служба почти в походных условиях. Сына пришлось отправить к родным в Россию. Английское имя Майкл русские родственники сменили ему на Михаил, прибавили отчество и дали родовитую фамилию матери. Преображенный Майкл начал свою карьеру в царской армии. К концу войны с кайзеровской Германией он был поручиком и подвизался в генштабе, правда, на небольшой, но открывающей доступ к довольно интересным документам должности.

Гражданская война разметала сановитых родственни-

ков Майкла по всему свету, но он не последовал за ними. Он оказался в стороне от активных мероприятий английской разведки в России: от белогвардейских заговоров, восстаний. В порядке политики «дальнего прицела» его готовили для других «дел». Царский офицер в небольшом чине в силу своих прогрессивных убеждений встал на сторону Советской власти. Как бывшего генштабиста его использовали в качестве военспеца в штабе Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1920 году Майкл был инструктором, готовил молодых командиров для работы в оперативном управлении штаба, но сам непосредственного отношения к делам этого управления не имел. Такое положение мало устраивало шефов Майкла, и он получил указание «подобрать ключи» к секретам главного штаба красных.

Из всех своих учеников особое внимание Майкл уделял наиболее способному — Шлемову. Он не принимал участия в шумной компании своих коллег по занятиям у Майкла. Со стороны даже казалось, что он сторонился товарищей. Майкл заметил, что Шлемова что-то угнетает, и стал всячески сближаться с ним. Он наткнулся точно на ледяную глыбу. Много положил Майкл труда, прежде чем сумел зазвать его к себе в гости. Жил Майкл в небольшой двухкомнатной квартире. На валюту, которой снабжали его шефы, можно было приобрести многое, чего не купишь за обычные деньги. Радужный прием, обстановка, умело направленная беседа и хороший коньяк сделали свое дело.

— Меня беспокоит судьба родителей. Они поддались общей панике и ринулись за границу. А каждому из них за пятьдесят. Как устроились там? Живы ли? Почему я их не остановил тогда? — откровенничал захмелевший Шлемов.

— Надо попытаться разыскать их, — подал совет Майкл.

— Но как? Они не знают, где я сейчас, и мне нельзя искать их официально... Я скрыл, что мои родители за границей... Надеюсь на вашу порядочность, — спохватился Шлемов.

— Можете быть совершенно спокойны.

— Мне иногда хочется пойти к нашему комиссару и рассказать все. Он умный человек, поймет. Тем более, что отец инженер, никогда политикой не занимался и к классу эксплуататоров не принадлежал.

— Ни в коем случае. Откуда вы знаете, что делает ваш отец сейчас и какое занимает положение. Надо сначала списаться с ним.

— Но как?!

— Раз вы поверили в мою порядочность, и я поверю в вашу... У меня родственники в Англии и Франции, с которыми я поддерживаю переписку через двоюродную сестру, проживающую в Москве. Могу помочь вам найти родителей.

— Буду вам признателен,— после небольшой паузы сказал Шлемов.— Моего отца зовут Никодим Степанович Шлемов. Выехали родители в Париж. Там по улице Рамбюто, 15 проживает дальняя родственница матери Сусанна Цвеклинская, полька по национальности.

После этого разговора Шлемов стал сторониться Майкла. Отказывался от настойчивых приглашений зайти в гости и даже часто пропускал занятия. Майкл понял, что Шлемов сожалеет о сказанном. Но отступать Майклу было нельзя. Шлемов имел доступ как раз к тем документам, которые интересовали лондонских шефов Майкла. Прошел месяц, и из Лондона Майклу прислали письмо от отца Шлемова, адресованное сыну.

Когда Майкл сказал, что пришло письмо от отца, Шлемов без всяких колебаний согласился прийти за ним.

На бледном лице Шлемова выступили ярко-красные пятна, когда он читал письмо отца.

Майкл с интересом наблюдал за ним. Он знал содержание письма.

Мой сынок, мое сокровище! Меня уверили, что ты жив и здоров. Мы с мамой благодарим всевышнего ежечасно, ежеминутно за счастье, посланное нам. Напиши, сынок, сейчас же. Весть от тебя вернет твоим старикам интерес к жизни.

Буду краток. Меня просили об этом. Мы, слава богу, устроены хорошо и не нуждаемся. Не хватает рядом тебя. Теперь все наши мысли будут о свидании с тобой. Какое счастье, если ты сумеешь выбраться оттуда. Эти добрые господа, нашедшие нам тебя, обещали помочь. Обнимаем и крепко целуем твои родители.

С минуту стоял Шлемов задумавшись.

— Разумеется, я должен как-то оплатить эту услугу «добрых господ»? — спросил он,

— Ерунда, несколько цифр из наметок вашего сектора.

Не ответив, Шлемов круто повернулся и вышел из комнаты.

«Все пропало. Этот психопат передаст письмо комиссару и расскажет обо мне», — молнией пронеслось в голове Майкла. И только то, что Майкл ни на минуту не сомневался в своем предположении, спасло его. Буквально через несколько минут он перешел на нелегальное положение. Стараниями английских шефов он был включен в дополнительный список немецких военнопленных и в затасканном мундире немецкого лейтенанта выехал в Германию.

С тех пор Майкл прошел суровую школу и не оступился ни разу. Потом его заслали в Баку. В 1928 году Майкл в платье азербайджанского крестьянина нелегально перешел советско-иранскую границу и по сфабрикованным Интеллидженс сервис документам на имя Аркадия Ивановича Юдина обосновался в Баку. В его задачу входило восстановление старых английских связей и регулярное освещение хода развития нефтяной промышленности, организация саботажа, диверсий. Но хотя теперь он был уже профессионалом высокого класса, работалось ему много труднее, чем прежде.

Чувство не личной обреченности, а полной исторической бессмысленности того, что приходилось делать, все чаще и чаще овладевало Аркадием Ивановичем. Он понемногу опускался, забросил гимнастику, начал попить, обрюзг.

Доведенные до автоматизма навыки пока еще надежно оберегали его от роковых оплошностей.

Проспал Аркадий Иванович довольно долго. Солнце давно уже зашло, когда он, будто поднятый звонком будильника, вскочил. Было ровно восемь. До сеанса связи оставалось еще достаточно времени, вполне можно было успеть приготовить очередную сводку.

Аркадий Иванович запер дверь, достал из ящика стола отвертку и, подойдя к изразцовой печи, начал методично вынимать из облицовки голубоватые прохладные плитки. Одна, другая, четвертая... Через несколько минут открылся глубокий тайник, в котором стоял аккуратно упакованный радиопередатчик. Аркадий Иванович поставил его на стол, подключил к сети, соединил

с куском провода, поддерживающего над окном плотную штору,— это была антенна, надел наушники. Еще раз посмотрев на часы, он тронул верньеры. Чуть потрескивая, засветились лампы, блестящая игла стрелки поползла по прорези шкалы, рука привычно легла на ключ.

«Я БРС... Я БРС... Прием... Прием...»— неслось в эфир.

Через две минуты в наушниках послышался частый писк ответной морзянки. Длинная колонка аккуратно, по-бухгалтерски выписанных цифр быстро вырастала на гладкой бумаге. Последние несколько знаков он не стал записывать. Они бывали в каждой радиограмме и означали: «Да хранит вас бог, Уильям». Брезгливая усмешка скользнула по обрюзгшему лицу, когда он услышал давно знакомое сочетание точек и тире. Упоминание о боге со стороны шефа, который не моргнув глазом посылал на смерть десятки людей, звучало по меньшей мере неуместно. Но таковы были традиции старой школы, давно уже вызывавшие у Аркадия Ивановича только недобрую усмешку.

Закончив сеанс и убрав рацию, он снял с полки томик Диккенса, служивший ключом к коду, и стал расшифровывать радиограмму.

«Необходимо изыскать возможность самостоятельно связаться с Гейдар-агой, оперирующим в Закатальских лесах, передать ему известный склад № 4, совместно наметить меры по расширению движения. Ликвидация отдельных советских представителей в деревне — акция, не дающая должного эффекта. Очень важно организовать объединение повстанцев в Закаталах с отрядами Саттар-хана, Али Нияза, направить их на более серьезные действия. При получении вами таких возможностей дадим подробные указания. Связаться с Гейдар-агой надо не позднее первой половины октября. Ждем ваших предложений. В настоящее время повторная присылка средств представляется затруднительной. По достоверным сведениям, Наджафов-Джебраилов находится в Баку. По возможности примите меры».

Аркадий Иванович дважды прочитал радиограмму и задумался.

Положение осложнялось. Подключаться к руководству действиями повстанцев без достаточно надежного контакта с начальством по ту сторону границы было де-

лом почти бессмысленным. Работа же на радиции, питаемой от обычной электросети, требовала частой смены квартир, а деньги были на исходе. Приниматься за розыски Наджафова-Джебраилова Аркадию Ивановичу очень не хотелось. «Проклятый святоша. Беспокоится о червонцах, которые дал Наджафову. Ревизии боится,— пробормотал он, не замечая, что ругает шефа на том самом языке советского служащего, который вызывал у него язвительные насмешки.— Но сам я в это дело не полез. Шалишь...»

Робкий стук в дверь прервал его размышления. Тетя Даша звала ужинать.

Сунув радиogramму в карман, Аркадий Иванович вышел на веранду. Над обеденным столом в неярком свете лампы сновали редкие осенние мошки. Старушка уже поставила блюдо с пловом, графинчик, прибор. Но сразу сесть за стол не пришлось. От калитки донесся громкий стук молотка о железную скобу. Пришлось идти открывать.

— А, Эюб!— с некоторым оживлением произнес он, впуская гостя.— Пришел вовремя, тетя Даша отличный плов приготовила. Кстати, есть о чем и поговорить, я уж и сам думал тебя вызвать.

— Сказано: дающий сразу — дает вдвойне. Я голоден, как эскадрон кавалеристов,— широко улыбнулся вошедший, протягивая хозяину жесткую ладонь.

Аркадий Иванович с завистью окинул взглядом Эюба. Смуглый, курчавый брүнет, подтянутый, широкоплечий, он был одних лет с Аркадием Ивановичем, но казался значительно моложе. Четким, размеренным шагом Эюб Гусейнов направился к веранде. Белая рубашка, подпоясанная кавказским ремешком, галифе и мягкие козловые сапоги, туго обтягивавшие икры, удивительно шли к его стройной фигуре.

Они уселись за стол. Старуха поставила второй прибор.

— Повар офицерской кухни в «дикой дивизии» тоже неплохо готовил плов. Но угощал им только по большим праздникам,— сказал Гусейнов, накладывая на тарелку плов, желтый от шафрана.

— Что за привычка — где надо и не надо поминать о «дикой дивизии»? Служба в этой «контрреволюционной националистической части», как теперь ее именуют, не делает тебе особой чести в глазах нынешних хозяев.

— А мне плевать. Я горжусь тем, что был офицером,— нахмурившись, ответил Гусейнов.

— Гордись на здоровье, но про себя. В твоём положении незачем привлекать лишнее внимание. Выпьём?

Первая часть ужина прошла в молчании. Но Гусейнов, непривычный к алкоголю, вскоре раскраснелся, подобрел.

— О чём хотел поговорить, Аркадий Иванович?— спросил он, откидываясь на спинку стула и закуривая.— Плов хорош, курица нежна, как пери¹, но наше дело мужское — о делах забывать нельзя.

— Вот прочти,— Аркадий Иванович передал Гусейнову радиogramму.

Тот внимательно прочел ее и вернул Аркадию Ивановичу. Он сложил листочек, чиркнул спичкой, поджег и положил в пепельницу.

— Ну и что ты обо всем этом скажешь, Эюб?

— Вести эскадрон в атаку я умею. Штаб, если будет нужен, тоже организую. Учить людей воевать — пожалуйста. Но лазить по кустам, искать этого Гейдара? Избавьте! Он что, сумасшедший, твой Уильям?

— Нет, он кадровый офицер разведки. Задание очень сложное, верно. Но если мы категорически будем настаивать, что без связного, знающего Гейдара-агу, не можем наладить работу с повстанцами, шеф что-нибудь придумает,— Аркадий Иванович налил себе еще, залпом опрокинул рюмку.— Он, видимо, не представляет себе, что значит связаться с бандой, которая скрывается в лесу. Да еще найти главаря, заставить себе поверить! И все-таки надо поискать такие пути.

— Ха! Разве я говорю, не надо? Что решишь, скажи, тогда делать буду. Ты меня знаешь. Слушай, Аркадий Иванович,— голос Эюба стал мягок и вкрадчив.— Понимаешь, я опять на мели. Ты не сможешь...

— Больно часто ты попадаешь на мель,— недовольно проворчал Аркадий Иванович, но тут же полез за бумажником.— Но учти: это последние. Запасы мои на исходе, а когда будет перевод, никому не известно.

— Слушай, Аркадий Иванович! А может, я найду все же Наджафова? Обидно мне, честное слово, обидно, мы тут сидим без гроша, а этот осквернивший могилу отца кутит на наши деньги. Ну позволь поищу. Он у

¹ Пери — фея (азерб.).

меня...— Эюб выразительным жестом положил на край стола литой кулак.

— Не хочется мне в это влезать...— Аркадий Иванович какое-то время молчал. Потом пристально посмотрел на Эюба.— А впрочем, попробуй,— произнес он, явно думая о чем-то своем.— Попробуй.

— Очень осторожно сделаю.

— Надо менять квартиру, — сказал Аркадий Иванович.

— Зачем менять? Такой плов тетя Даша готовит! Не надо.

— Перестань паясничать. У меня правило: больше пяти сеансов с городской квартиры не проводить. Два уже были. Так что съезжать придется. Ладно. Займись Наджафовым. Только по-умному. Сделаем так...

И Аркадий Иванович начал излагать свой план.

VII

Майор английской разведывательной службы Коллинз, живший в Иране под видом дипломата, гулял недалеко от здания тегеранского аэропорта. Самолет, который он приехал встречать, запаздывал. На нем должен прилететь старый друг и коллега Коллинза Роберт Кемпбелл. Давно они не виделись. Да, пожалуй, с тех пор, как расстались в Бомбее почти десять лет назад. Эх, Бомбей, Бомбей, прекрасный город, невольно вспомнил Коллинз. А сколько было волнений и неприятных переживаний перед поездкой туда. Ведь с Бомбеем обыкновенно связывалось представление о чуме, избравшей его своим постоянным местопребыванием. Но все это оказалось выдумкой. Когда Коллинз и Кемпбелл вышли из величественного здания бомбейского вокзала, перед ними предстал жизнерадостный и оживленный город. Широкие прямые улицы, великолепные дома, скверы с пышной тропической растительностью, храмы, площади. Да и туземная часть города произвела на Коллинза незабываемое впечатление. Узкие и шумные лабиринты улиц и переулков, дома с причудливыми балконами, навесами, крылечками, окнами и дверями, украшенными резьбой, фасадами с вырезанными на них изображениями богов...

Приехали в Бомбей Коллинз и Кемпбелл из одной разведывательной службы, но с совершенно разными заданиями. В начале двадцатых годов освободительные идеи

Октября стали быстро проникать в Индию и способствовали росту классового самосознания индийских рабочих. В 1920 и 1921 годах по всей стране, а особенно в Бомбее, Мадрасе, прокатилась волна стачек. Наряду с экономическими требованиями индийские рабочие выставляли и политические. Колониальные власти и английское правительство были напуганы размахом стачечного движения. Они понимали, что одними административными мерами не обойтись. Были мобилизованы все возможности контрразведывательных и полицейских органов для разжигания религиозной розни и междоусобиц среди каст. В Индию были срочно направлены дополнительно советники из английских контрразведывательной и разведывательной служб. В число этих советников и попал Коллинз, который специализировался по России. Руководители английской разведки решили использовать события в Индии в своих интересах. Кемпбелл был послан туда под видом служащего английской фирмы «Букингам и Карнатик милз». Он должен был, проявив себя прогрессивно настроенным человеком, перейти на сторону бастующих и заслужить их полное доверие. Когда же стачки прекратятся, Кемпбеллу следовало, подговорив группу индийских забастовщиков, которым угрожала расправа со стороны властей, бежать с ними в Советский Союз. Таким образом английская разведка рассчитывала ввести в СССР своего разведчика. Но среди прогрессивно настроенных английских служащих оказался человек, который случайно знал Кемпбелла по Англии, знал о его службе в разведке. Он предупредил об этом руководителей стачечного движения.

Коллинз никогда не забудет этого дня. Предстояло собрание бастующих в здании кинотеатра, в туземной части города. Кемпбелл должен был выступать. Коллинз проник на это собрание.

Речь Кемпбелла, успевшего сблизиться с некоторыми руководителями стачек, была посвящена международной солидарности рабочего класса. Он с жаром говорил о сочувствии английских рабочих борьбе своих братьев по классу в Индии.

Когда Кемпбелл закончил выступление, слово попросил профсоюзный деятель Чаудхури, руководивший стачкой на одном из предприятий «Букингам и Карнатик милз».

— Мне точно известно, братья, только что высту-

павший здесь является офицером Интеллидженс сервис и специально подослан к нам,— бросил он в зал и сошел с трибуны.

Несколько секунд в зале стояла мертвая тишина, потом вдруг все заговорили. Поднялся неимоверный шум, среди которого можно было разобрать только отдельные выкрики: «Смерть шпиону», «Нельзя щадить предателя», но большинство кричало: «Пусть скажет свое слово».

Бледный и растерявшийся поднялся на трибуну Кемпбелл, но его первые слова:

— Друзья, это клевета, направленная на то, чтобы разобщить нас... — потонули в поднявшемся шуме.

Коллинз сразу понял, что может потерять друга. Среди присутствующих наверняка найдутся сторонники немедленных и решительных мер. Он выскочил на улицу и бросился в соседний дом, где, как он знал, стоял эскадрон драгунского полка британских королевских войск. Командира эскадрона не пришлось убеждать. Прекрасно знавший обстановку и постоянно бывший начеку, он сразу понял в чем дело. Через несколько минут поднятый по тревоге эскадрон бросился на вырубку Кемпбелла. Собрание было разогнано. Кемпбелла удалось отбить у разъяренной толпы, правда, изрядно потрепанного.

...Трехмоторный пассажирский «юнкерс», пройдя над аэродромом, заложил крутой вираж и на несколько минут словно растаял в воздухе, слившись с вечными снегами гор. Серебристая машина вновь обрела четкость очертаний уже над самой землей и через мгновение катила по полю, надменно задрав тяжелый тупой нос и оставляя за собой быстро тающий шлейф пыли.

Посадка была щегольской, недаром на международных линиях компании «Люфтганза» работали пилотами многие отставные асы. Подумав об этом, Коллинз невольно усмехнулся.

Действительно, в том, что один из видных работников Интеллидженс сервис прилетал на самолете, за штурвалом которого сидел летчик бывшей кайзеровской авиации, была ирония судьбы.

Металлическая рыбина подруливала к зданию аэровокзала. Спустя несколько минут Коллинз пожмал руку статному седому джентльмену, одетому слов-

но для прогулки. Безукоризненный костюм кремовой фланели, палевая сорочка крученого шелка, светло-желтые замшевые туфли. Даже рисунок галстука, единственной темной детали его туалета, гармонировал с фактурой старой данкиловской трубки.

Коллинз поджал губы при виде всего этого великолепия, но вспыхнувшая было насмешка тут же уступила место чувству искренней радости.

Черноволосый, смуглый, внешне похожий на местного жителя, майор ловко подхватил портфель гостя и сам, отстранив шофера, распахнул дверцу машины.

На одной из самых оживленных улиц машина замедлила ход. Кемпбелл, давно уже не бывавший на Востоке, с любопытством следил за тем, как шофер лавирует среди автобусов, обвешанных корзинами осликов и равнодушных к уличной толпе верблюдов. Коллинз, словно вымуштрованный гид экскурсионного бюро, время от времени давал короткие точные комментарии. Словом, все шло в лучших традициях колониального гостеприимства.

— Поторопитесь, Мохаммед, мы опаздываем,— на фарси приказал Коллинз шоферу и, вновь перейдя на английский, обратился к гостю.— Надеюсь, вы остановитесь у меня? Комнаты для вас приготовлены, обед,— он взглянул на часы,— ровно в семь, как в Палас-отеле.

Кемпбелл с сомнением покачал головой.

— Остановиться придется, пожалуй, в гостинице. Кто я такой? Рядовой коммерсант. Мне предстоит разного рода визиты, переговоры и прочее. Дорожная фирма, которую я представляю, рассчитывает на заключение крупных контрактов. Но прежде всего я бы хотел, разумеется, иметь честь быть представленным миссис Коллинз.

Обедали вдвоем — Кемпбелл, Коллинз и Эллен Коллинз, миловидная, хорошо сохранившаяся шатенка лет сорока, с чисто коллекционерской страстью обзаводившаяся редкостными меховыми нарядами. О них-то и, в частности, о сравнительных достоинствах каракуля туркменской и иранской выделки и шел разговор поначалу.

Для Эллен Коллинз гость оказался на редкость интересным собеседником, потому что разбирался не только в каракуле, но и в бобрах, песцах, соболях.

Впрочем, миссис Коллинз недолго наслаждалась

беседой. Сразу после десерта мужчины перешли в кабинет.

По обстановке комната напоминала жилище не то ранчмена из разбогатевших ковбоев, не то любителя африканского сафари.

Легкая бамбуковая мебель, крытая звериными шкурами, полутораметровый пропеллер под потолком, просторный рабочий стол, застекленная пирамида с ружьями, чучело сокола-сапсана, искусно посаженное на ветвь чертова дерева, голова тура, украшенная кри-выми, как ятаганы, рогами.

И только длинные стеллажи, заваленные книгами, справочниками, ворохами советских газет и журналов, наводили на мысль о том, что круг интересов хозяина очень широк. А классический, викторианского стиля камин подчеркивал его британское происхождение.

— А вы неплохо устроились, Фрэнк,— Кемпбелл выдвинул легкое кресло-шезлонг на середину комнаты и расположился под самым пропеллером.— Англичанин всегда останется англичанином. Деловитость и комфорт.

— Жалкие попытки как-то скрасить убожество здешней столицы,— отозвался Коллинз.— К сожалению, могу предложить только джин или вермут. Порядочного портвейна здесь не достать.

— Вы забыли мои привычки, Фрэнк?— Кемпбелл посмотрел на хозяина с некоторым удивлением.— Шербет, пожалуйста, и побольше льда.

— На свете сейчас все меняется. За последние годы мне пришлось наблюдать такие перемены, что...

— Нет, майор, нет. Перейдем к делу, у меня, к сожалению, мало времени. Последнее донесение, которое я получил, было недельной давности. Есть что-нибудь новое?

— И да и нет, сэр Роберт. Вербовка Разносчика прошла удачно. Он сейчас здесь, принес бланки паспортов, три штуки, а главное...

— Подождите, майор. Даже моя память не в силах вместить все псевдонимы ваших людей. Разносчик — это кто?

— Советский подданный Расулов, которого мы привлекали через одного из местных купцов. Границу знает как собственный двор, можно сказать, мастер почтенного цеха местных контрабандистов.

— Вы в нем уверены?

— Он слишком многим рискует.

— Нечто подобное,— Кемпбелл помедлил, доставая плоский, на «молнии» трубочный кисет,— я читал в до-
несении, относившемся к этому... да, Богомольцу. По-
тому он как будто предпочел пойти на риск и выйти
из игры?

— Простите, сэр,— Коллинз резко поднялся и, мас-
кируя вспыхнувшее раздражение, прошел к столу за пе-
пельницей, поставил ее перед гостем.— Простите, но
психологическая схема в данном случае совершенно
иная. Посылая Богомольца к русским, мы никак се-
бя не застраховали, ему нечего терять здесь. Я вас пре-
дупреждал об этом. Так и вышло. Его соблазнили день-
ги, которые были у него в руках, и он предпочел восполь-
зоваться ими, не ждать манны небесной. Разносчик, пе-
редава нам паспорта, ставит под удар женщину, родствен-
ницу, жену сына. Своей жизнью он может не очень доро-
жить, но пойти на бесчестье, навлекая опасность на дру-
гого, старший в роде не позволит себе никогда.

— А вы не допускаете, что эти бланки — ловкий ход
ГПУ, которое уже дало их номера каждому своему
агенту?— Оторвав картонную спичку, Кемпбелл стара-
тельно раскурил свой «данхилл», пыхнул клубом души-
стого пряного дыма.— За последние годы русские мно-
гому научились.

Коллинз пожал плечами.

— Возьмите хотя бы их политику на Востоке.— Кемп-
белл чуть нахмурился, восприняв жест собеседника как
несогласие с его словами.— Она становится более осмот-
рительна и эффективна, чем наша. Советы ищут реаль-
ного сотрудничества и предлагают взаимовыгодные ус-
ловия, мы цепляемся за прошлые методы, от которых
давно пора отказаться. Но мы, пожалуй, отвлеклись. Ка-
кими силами будут располагать группы, намеченные для
участия в выступлении?

— Объединение всех отрядов позволит создать очень
подвижную часть приблизительно в триста-четыреста са-
бель.

— Вооружение?

— Русские трехлинейки, маузеры, несколько ручных
пулеметов. К сожалению, среди повстанцев...

— Будущих повстанцев, скажем так. Пока это всего
лишь банды сельских гангстеров,— глядя куда-то мимо

собеседника, холодно уточнил Кемпбелл.— Да, так что «к сожалению»?

На смуглых щеках майора на мгновение вспухли желваки. Сегодня шеф был просто несносен. Но Коллинз сдержался.

— К сожалению, среди будущих повстанцев слишком мало бывших военных, так что для столкновения с регулярными соединениями отряд не очень пригоден. Я полагаю, что целесообразно отсрочить дату выступления с тем, чтобы ввести в окружение наиболее авторитетных вожakov нескольких кадровых военных.

— А зачем?— с откровенной издевкой протянул сэр Роберт.— Неужели это может что-нибудь изменить?

— Простите, сэр,— майор вскочил, опустив руки по швам.— Я не умею выполнять приказаний, смысл которых мне не ясен. Я полагал, что добросовестная и тщательная подготовка выступления...

— Потрудитесь сесть, Франклин!— Это прозвучало как команда. Благодушный седой джентльмен, так уютно расположившийся в низком шезлонге, куда-то исчез.— Сидите и слушайте, только очень внимательно. Мне не так уж нужно было это путешествие, но я пошел на него из-за вас. Из-за того, что мы вместе начинали эту службу и вы кое-что сделали для меня. Сейчас я недоволен вами, Фрэнк. Пока — только я. Это не страшно. Но вы теряете ориентировку, а значит, раньше или позже в работе возможны крупные провалы. Этого вам не простят. Зачем вы ковыряетесь в мелочах? Почему медлите? Неужели вы думаете, что эти «триста-четырееста сабель» могут повлиять на судьбу Советов? Для выступления не нужны военные. Это должен быть крестьянский бунт. Бессмысленный, жестокий и страшный. Такой, о котором можно будет кричать в мировой прессе. Это вы понимаете?

— Сэр Роберт,— Коллинз, уже взявший себя в руки, попытался отстоять свою позицию.— Но разве хорошо подготовленное выступление, захват крупного центра, умелые действия повстанцев не дадут должного резонанса? Разумеется, я не рассчитывал сокрушить Советы. Но организовать дело так, чтобы повстанцы не выглядели просто бандитами, считал своим долгом.

— Ерунда!— Кемпбелл очень осторожно, постукивая головкой трубки по костяшке согнутого пальца, выколол пепел.— Поймите, ради бога, что кадровый военный

может только повредить делу. Мы не должны дать возможность увидеть за всем этим нашу работу. Не операция, но бунт! Выступление должно впечатлять не тактикой, а...— он помедлил, подыскивая наиболее точное определение,— а варварством. Зверством, если вам угодно. Пусть захватят какой-нибудь городок. Пусть разнесут его в пыль и заставят власть подавлять восстание самыми жестокими и крутыми методами. В этом смысл выступления. Это будет первая ласточка из очень голосистой стаи. Ну хорошо. Значит, Разносчик сообщил, что видел Богомольца. И что же?

— Тот был обеспокоен встречей и сразу постарался скрыться в толпе. На базаре это не трудно.

— А если все-таки Богомолец пришел в ГПУ с повинной?

— Абсолютно невозможно,— уверенно ответил Коллинз.— За убийство целой семьи по советским законам ему обеспечен расстрел. ГПУ не станет привлекать такого человека. Основатель советской разведки был очень строгим моралистом. «Чистые руки» и прочее.

— Да-да,— Кемпбелл задумчиво склонил голову.— За господином Дзержинским была известна эта слабость. Хотя неизвестно, слабость ли это... Но предположим все-таки, что встреча на базаре тоже придумана в «бакинской Лубянке»? Как и ход с паспортами. Допустим, что Богомолец был задержан, дал показания...

— Это исклѹчено, сэр Роберт, как вам известно, 015 цел,— подчеркнуто официальным тоном ответил Коллинз,— а все инструкции Джебраилов должен был получить уже в Баку. 015 не может сам войти в контакт с повстанцами, а Джебраилов — родственник Гейдар-аги, одного из главарей. Через него должны быть установлены связи, передан склад.

— Как 015 опознал бы Джебраилова?

— По вещественному паролю.

— Это нечто вроде перстней генералов ордена Иисуса?— Сэр Роберт был известен как знаток истории.

— Я полагал, что подобный прием в данном случае оправдывает себя,— по-прежнему сухо ответил майор.

Кемпбелл усмехнулся.

— Ну, ну, Фрэнк. Будьте терпимее к стариковским причудам. Ведь я искренне к вам привязан. Хотите вернуться в Лондон? Вам давно уже не тридцать, а я всегда рад видеть вас в отделе.

— Я не справляюсь с обязанностями?— Коллинз все еще был обижен.

— Если бы так, вам пришлось бы вернуться.— Сэр Роберт еле заметно подчеркнул это «пришлось».— И все-таки подумайте. Восток, конечно, многое значит для Британской империи, но главные события будут разыгрываться не здесь... Будьте диалектиком, Фрэнк. С возникновением такой силы, которой становится Москва, прежняя колониальная политика протянет недолго. Двадцать, тридцать, максимум пятьдесят лет. Подобные примеры очень заразительны. Главная игра скоро переместится в Европу.

— Вы полагаете, начнется война?— искренне заинтересованный Коллинз забыл о недавней обиде.— Но где та сила, которую мы можем столкнуть с большевиками?

— Ее надо растить, майор.— Кемпбелл, поглядев на часы, с явной неохотой поднялся.— И ее растят. Азия не выступит против русских, американцы пока заняты своим континентом, поэтому приходится растить ее в Европе. Большая игра начнется там. Хотя,— он тщательно пригладил волосы,— хотя и здесь нам придется очень много работать. Не хотите ехать в Лондон — не надо. Скучать вам не придется и здесь. Кстати, чуть не забыл. Что, мы делаем ставку на одного Гейдар-агу? А кандидатура номер два у вас не подготовлена?

— Увы, к этому пистолету нет запасных обойм. Гейдар-ага единственный, кто может стать во главе крупного дела. Остальные перегрызутся, не успев выйти из леса.

Сэр Роберт, уже направлявшийся к двери, приостановился.

— Вот это самое скверное, Фрэнк. А если с ним что-нибудь случится?

— Тогда мне придется подать в отставку,— выдавил из себя Коллинз.

— Дай бог, чтоб этого не произошло,— поминая господ, Кемпбелл набожно поднял взгляд (в глаза бросился плавно вращающийся пропеллер), чуть усмехнулся и протянул хозяину руку.

VIII

Базар в иранских городах не только торговый центр, но и своеобразный политический барометр, чутко реаги-

рующий на события в стране. Бывали дни, когда неожиданно, в самый разгар торговли, базар вдруг закрывался. Так выражался протест против какого-нибудь мероприятия властей. Базар — организованная сила мелких торговцев, ремесленников, составлявших значительную часть городского населения, и с его мнением часто приходилось считаться.

Крытый базар — это скорее город в городе, со своими улицами, переулками под стеклянными куполами. Здесь можно купить решительно все — от домашней утвари до верблюда. Рядом с красивыми узорной вязки джорабками¹ можно увидеть чулки-паутинки швейцарской выработки, со знаменитыми персидскими коврами — итальянские гобелены машинной работы. Здесь же гончарные изделия — творчество искусных умельцев, посуда из серебра и меди исфаганской чеканки, кольца, серьги с бирюзой из-под Мешхеда.

Трудно сказать, кого больше бродило по торговым лабиринтам, около груд товаров, выложенных перед лавками, покупателей или пришедших просто поглядеть, поболтать, узнать новости. Здесь же сновали толпы нищих, калек.

Из небольшой лавчонки, на витрине которой вперемишку с золотыми монетами лежали кольца, серьги, вышел Расулов. Не оглядываясь, он шагнул в густую толпу и тут же затерялся в людском потоке.

Из лавки выглянул старик в коричневой аба. Седые брови, как два огромных куста, нависли над глазами. Он проводил Расулова взглядом, перебирая янтарные четки. Хотя одеждой он не отличался от остальных купцов, но его пронизательный суровый взгляд и перебитый, словно у боксера, нос говорили, что этот старик не всю жизнь занимался торговлей. Потеряв Расулова из вида, старик вернулся в лавку.

На ней не было вывески, но все на базаре знали, что она принадлежит муаджиру Ахмеду Кули-заде, когда-то имевшему в России большое торговое дело. Сам хозяин, низенький, костлявый, в потрепанном аба, примопившийся, несмотря на теплую погоду, у чадившего мангала², совсем не был похож на большого купца. Тщедушный, с болезненным лицом, он вызывал жа-

¹ Джорабки — носки (азерб.).

² Мангал — жаровня (азерб.).

лость. Закрашенные хной седины не делали его мо-
ложе.

— Ну, как, Мурсал-Киши, выполнит Расулов поруче-
ние, свяжется с Гейдар-агой?— спросил он старика, по-
хожего на боксера, когда тот прикрыл дверь.

— Думаю, что да. За несколько встреч успел при-
смотреться к нему. Аллах не лишил его разума. Он ло-
вок и хитер. Русским не поздоровится. Всевышний ус-
лышал мои молитвы. Пусть наши враги кусают друг
друга как можно больнее.

— Эх, Мурсал-Киши, Мурсал-Киши, сколько раз
говорил тебе, нельзя русских и англичан сваливать в од-
ну кучу. Теперь это не те русские, которые были при
царизме, которые никак не могли поделить с англича-
нами наше отечество.

— Во имя аллаха, Ахмед, не мутி мою душу. Ты и так
лишил меня покоя. Знаю, что скажешь. Теперешние
русские против захвата чужих земель и угнетения на-
родов. Они отказались от царских претензий к Ирану
и даже возвратили нам, что захватило царское прави-
тельство. Ты правду говоришь, но сделали это русские
из-за слабости, их раздирала война внутри страны.

— Нет, Мурсал-Киши, как бы они не были слабы,
с нами справились бы. Поверь мне, их поступки подска-
заны идеями, которым они служат.

— Хорошие идеи — опоганить религию, запретить
торговлю. Ты же сам уехал из России — не мог там тор-
говать.

— Правильно. Большевики безбожники и запреща-
ют людям торговать в свою пользу, но это их внутрен-
нее дело, зато к другим народам они справедливы. Анг-
личане, наоборот, не мешают верить в аллаха и поощ-
ряют торговлю, а вот нашу страну грабят. И если бы не
большевики, которые им мешают, давно сожрали бы
нас.

Мурсал-Киши сел на ковер около мангала и, протя-
нув к нему руки, задумался.

— Совсем ты меня запутал, Ахмед. Много я думал
о твоих словах, — наконец заговорил он. — Выходит, нам
надо поддерживать большевиков, раз они против англи-
чан?

— В какой-то мере да, Мурсал-Киши.

— Зачем же ты помог мне с Расуловым?

— Не хотел отказать в твоей просьбе, Мурсал-Ки-

ши, чтобы не потерять тебя как друга. Откровенно говоря, надеялся еще открыть тебе глаза. Знаю, связался ты с англичанами не из-за денег. Ты патриот и в конце концов поймешь, что я прав.

— Ты внес в мою душу большие сомнения. Порой мне хочется послать всех англичан к их предкам. Я давно почувствовал, что пользы от того, что помогаю им причинять неприятности большевикам, для нас нет.

— От этого выигрывают только англичане, Мурсал-Киши. Мы невольно помогаем им душисть себя же.

— Нет, это уж слишком!

Мурсал-Киши отдернул руки от мангала, вскочил и зашагал по крохотной лавчонке.

Кули-заде с усмешкой поглядывал на него.

— Знаешь, Мурсал-Киши, мне пришлось столкнуться с большевиками. Из-за них бросил хорошо налаженное дело в России и выехал сюда. Много потерял на этом. Но так как аллах повелевает быть справедливым, должен сказать тебе, что часто встречал среди них приличных людей. Мне понравилось, как они верят в свои идеи и борются за них. А самое главное — к нашей стране относятся хорошо. Ты же сам знаешь, что в Азербайджане, а в особенности в Баку, на нефтяных промыслах работают десятки тысяч иранцев, которые не сумели найти заработка у себя на родине. Нам с тобой не раз рассказывали возвращающиеся оттуда, как хорошо там относятся к иранцам. Разве тоже можно сказать об англичанах?

— Надо все хорошо обдумать,— сказал Мурсал-Киши, усаживаясь к мангалу. — Порвать с Коллинзом, но как тогда бороться с нашими угнетателями? Брать в руки винтовку?

— Зачем же, винтовка не поможет. Сейчас не время браться за нее. Лучше продолжать работать с Коллинзом, но о его черных замыслах сообщить русским. Это ударит по англичанам лучше любой винтовки.

— Помогать сознательно большевикам?

— Что же, раз это совпадает с нашими интересами.

Мурсал-Киши снова вскочил и зашагал по лавке. Кули-заде молчал.

Анатолий Максимович Волков был опытным оперативным работником. Но если бы не приказ Гордеева, он, наверное, не собрался в Акстафу. Между тем именно в этом городке отрывочные, разрозненные ниточки, которыми располагали до сих пор сотрудники АзГПУ, завязались в первый, но весьма ощутимый узелок.

Муса Джебраилов оказался близким родственником — двоюродным братом — самого Гейдар-аги. Кулацкий главарь в свое время устраивал его на работу, да и побег из-под стражи, дерзкий, среди бела дня, тоже, судя по всему, был организован опытной рукой.

Но три года назад трудно было предполагать, что скромный товаровед винодельческого совхоза Гейдаров вскоре станет одним из бандитских главарей. Джебраилов был арестован за мелкую растрату и приговорен к незначительному сроку. Достаточно серьезно и глубоко его побег не расследовался. Хотя теперь это уже не имело значения.

Достаточно определенным стало самое главное — зачем и почему Джебраилов-Наджафов вновь оказался в Азербайджане. Это был связник, и скорее всего ему было поручено вступить в контакт с Гейдар-агой.

Отчаянно кляня себя за нерасторопность — все эти сведения можно было получить значительно раньше, — Анатолий Максимович заторопился в Баку.

А тем временем в столице Азербайджана происходили немаловажные события.

...Рабочий день в бакинском адресном бюро подходил к концу. Посетителей стало меньше, телефонные звонки реже. И вот тогда-то в полутемный учрежденский коридор неуверенной походкой вошла сгорбленная старуха с большой базарной кошелкой.

Из кошелки торчали ножки курицы, перья зеленого лука, горлышко бутылки, заткнутое обломком кукурузного початка. Ханум, видно, обсуждала какие-то новости с встретившейся приятельницей — в этот час на базар не ходили даже самые откровенные лентяйки.

В общем, бабушка была ничем не примечательна. Мехтиев, который зашел за Светой Горчаковой, чтобы пригласить ее в кино, не обратил бы на старуху никакого внимания, если бы не вопрос, который она задала Свете по-азербайджански:

— Скажи, доченька, где здесь справки про адреса

выдают? Племянник мой в Баку, говорят, переехал, а как его найти — совсем не знаю.

Юсуф перевел Свете вопрос старухи и тут же спросил:

— Как племянника зовут? А где родился, когда, знаете? Без этого очень трудно адрес найти.

— Наджафов Ашраф, — охотно откликнулась старуха. — Немолодой он, старше тебя. А родился где-то под Агдамом, села не помню.

«Наджафов Ашраф» — это поняла и Горчакова, не знавшая азербайджанского языка. За последние полтора месяца Света уже пять раз выдавала справки о Наджафове и только что жаловалась Юсуфу, что задание, которое она выполняет, оказалось совсем не похожим на настоящую оперативную работу.

Минуту спустя, приставив к старушке в качестве переводчицы какую-то девушку, уже получившую нужную ей справку, Мехтиев звонил в управление.

Пока Горчакова очень старательно, круглым ученическим почерком заполняла бланк запроса, от управления уже отъехала машина с двумя сотрудниками. Лена Шубина и Николай Киреев заняли место на скамейке в скверике, расположенном прямо перед входом в адресное бюро.

Девушке, которую Юсуф попросил помочь старушке, удалось с трудом выяснить возраст племянника. Оказалось, что родился он вскоре после холеры в Карабахе и лет за десять до русско-японской войны. Столь относительная точность лишь усложняла работу Горчаковой. Исчерпывающих сведений по таким данным Света найти не могла. Тогда бабушка попросила дать ей справку на всех Наджафовых Ашрафов.

— Хорошо, — сказала Горчакова и ушла в соседнюю комнату к картотекам.

Старуха поправила сбившуюся чадру, вытащила из бездонной своей кошелки клубок, спицы, уселась на скамейку и принялась за вязанье. А переводчица, обрадованная тем, что ей наконец-то представилась возможность уйти, выскользнула за дверь.

Сообщив необходимые сведения в управление, Юсуф перешел на противоположную сторону улицы и сделал вид, что внимательно изучает витрину. Интуиция подсказывала ему: на этот раз запрос относился к «тому самому» Ашрафу Наджафову.

Для такого предположения было довольно много оснований.

После того как Расулов ушел за границу с бланками паспортов, прошло уже больше недели. За это время чекисты установили, что нелегальный радист, прежде работавший в окрестностях города, дважды выходил в эфир непосредственно из Баку.

На следующий день после того, как Расулов вернулся с той стороны, он через своего сына сообщил начальнику заставы Орлову, что принес очень важные известия.

Юсуфу очень хотелось принять участие в проверке «тетки» Наджафова. Но от этого пришлось отказаться. Во-первых, старуха могла запомнить своего случайного переводчика, а во-вторых, посылать к Расулову какого-то нового человека Гордеев считал нецелесообразным.

Он и Юсуфа посылал в пограничный городок с очень большой неохотой. Коллинз был опытен, и сведения о частых встречах Расулова с каким-то приезжим могли до него дойти и обязательно насторожить.

Впрочем, Юсуф навещал Расуловых под видом двоюродного брата Касума. Соседи знали, что в Баку у старого Гасана немало родни, и такой риск Николай Семенович считал возможным.

Волков возвращался из Акстафы во вторник днем, Мехтиеву пришлось выехать накануне вечером, а в среду, тоже вечером, после окончания работы, сотрудники, наблюдавшие за домом на Тазапирской улице, где проживала «тетка» Наджафова — Масьма Гусейнова, сообщили, что ее внук, старший бухгалтер финуправления треста «Азнефть» Эюб Гусейнов начал обход адресов, полученных старухой в адресном бюро.

По словам Гусейнова, Масьма, его бабка, уже довольно давно впала в тихое помешательство. А сейчас она вообразила, что один из племянников неожиданно разбогател и не хочет поделиться с бедной старухой. Эюб случайно увидел у бабки справку адресного стола и сам решил предупредить всех Наджафовых, которых она, возможно, будет посещать, что старуха не в своем уме.

Срочно проверили, действительно ли Масьма Гусейнова больна. Выяснили, что примерно с месяц назад Эюб Гусейнов жаловался одному из своих сослуживцев на болезненное воображение бабки, причиняющее ему много

неприятностей. Медики подтвердили: при некоторых формах циклотонии такой бред вполне возможен. Изучение прошлого Гусейнова не выявило ничего подозрительного. Правда, Эюб служил в «дикий дивизии», но ведь это было давным-давно.

А скромный бухгалтер тем временем продолжал свой неторопливый обход. Али Байрамова, 53а; Коммунистическая, 15; Первая Баилловская, 24; улица Красина в поселке Сабунчи, Замковый переулок в Крепости. И так далее.

Аркадий Иванович Юдин, разрабатывая с Эюбом Гусейновым план поисков Наджафова, предусмотрел, что, посетив адресный стол, они могут попасть в ловушку. В соответствии с этим и был подготовлен отвлекающий маневр с полусумасшедшей бабкой, Масьма Гусейнова вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды — поведение ее внука, во всяком случае на первых порах, не давало возможности подозревать его.

Аркадий Иванович Юдин в поле зрения Гордеева оказался в общем-то неожиданно. Собственно говоря, в визите Эюба Гусейнова к своему сослуживцу не было ничего подозрительного. Мало ли по какому поводу могут встретиться они в нерабочее время. Но сразу после того, как Эюб Гусейнов покинул уединенный домик в Третьем Нижнеприютском переулке, неизвестный радист снова вышел в эфир.

До этого передачи шли в строго определенное время. А тут рация заработала в совершенно неурочный час. Пошло сообщение о результатах поиска Наджафова? В городских условиях засечь рацию, работающую очень недолгое время, достаточно сложно. Но если предположительно известно ее местонахождение, то становится много проще. Занимавшийся этим работник АзГПУ Хентов поклялся Николаю Семеновичу, что при следующем же сеансе сможет дать точный ответ относительно дома в Нижнеприютском,

Х

Как только Юсуф вернулся из поездки к Расулову, Гордеев вызвал немедленно его и Волкова к себе.

— Докладывай, — сухо приказал он Юсуфу.

Рассказ Мехтиева был краток. Старый Гасан не преувеличивал, он принес с той стороны очень важные но-

вости. Мурсал-Киши, встречавшийся с Расуловым в лавке тавризского купца, поручил ему увидеться с Гейдар-агой и предложить тому воспользоваться тайным складом оружия, оставленным англичанами на территории Азербайджана во время интервенции, больше десяти лет назад. Старому Гасану дали и координаты склада. По словам Мурсала-Киши, запасов на этом складе достаточно, чтобы поставить под ружье полноценный батальон. Получив склад, Гейдар-ага убедился бы в реальной помощи англичан. После этого Расулову поручалось передать главарю банды пожелание английских друзей об установлении с ним регулярной и надежной связи. Затем Расулов должен перейти в Иран и получить там дальнейшие указания.

С минуту Гордеев молчал, потом сказал:

— Ладно. Давай дальше.

Но Юсуфу больше было нечего докладывать. Расулов остался у себя в селе и ждал указаний.

— Введи Мехтиева в курс дела, — не поднимая головы, сказал Гордеев, и Анатолий Максимович, не вдаваясь в детали, посвятил Юсуфа в результаты своей поездки и события последних двух дней.

— Ну, что будем предпринимать, товарищи?

Поломать голову было над чем. Тот факт, что Коллинз доверил судьбу склада еще недостаточно проверенному агенту, каким в его глазах должен был быть Расулов, с очевидностью говорил по крайней мере о двух важных обстоятельствах. Прежде всего о том, что какой-то надежной, действенной связи между Коллинзом и лесными бандами пока нет и что с установлением ее англичане очень торопятся.

Полученные данные позволяли сделать и еще один вывод, хотя не столь уж неожиданный, но теперь получивший прямое и окончательное подтверждение. Гейдар-ага должен был стать не исполнителем какой-то отдельной частной акции, а центральной фигурой будущего выступления.

Но что конкретно можно было предпринять, чтобы сорвать планы противника?

Подменить Расулова кем-то из чекистов было очень соблазнительно. И все же от этой мысли пришлось отказаться. Хотя Гейдар-ага в прошлом сам и не встречался с Расуловым, но кое-что о нем знал. Да и по возрасту старый контрабандист должен был меньше насторожить

подозрительного главаря бандитов. Идти в лес должен был все-таки старый Гасан.

В преданности Расулова чекисты не сомневались. Но хватит ли у него выдержки, умения, чтобы самостоятельно вывести банду под удар?

А как поступить со складом? Ликвидировать, вывезти оружие? Но Гейдар-ага почти наверняка захочет предварительно удостовериться в его наличии, и, если склада не обнаружит, Расулову будет угрожать смертельная опасность. Оставить пока в неприкосновенности, использовать как приманку? Но обязательно надо убрать оттуда все, что может взорваться при возможной перестрелке. А если бандиты сумеют завладеть складом?

Нужно было найти ход, позволяющий совместить несовместимое — обеспечить безопасность старому Гасану, установить надежный контроль за складом и гарантировать захват Гейдар-аги.

На решение этих вопросов ушла неделя. Потом вернулся из Закатал обескураженный Расулов. Он рассказал Гордееву о своих долгих мытарствах в поисках возможности связаться с Гейдар-агой. Сделать это никак не удавалось до тех пор, пока старый Гасан не познакомился с местным муллой, который, как оказалось, встречался с главарем банды. Мулла повидался с Гейдар-агой и объявил Расулову, что главарь знает Расулова, но примет его лишь при условии, что тот явится вместе со своим сыном. Сказав мулле, что поедет за Касумом, старый Гасан поспешил в Баку.

Он дал понять Гордееву, что не хотел бы втягивать в это опасное дело сына, ставить на карту его жизнь.

На следующий день Николай Семенович не вышел на работу. До этого три дня дул бакинский норд. У Гордеева разболелись старые раны. Юсуф пришел его проведать. Он расположился в кресле у дивана, на котором лежал Николай Семенович. В соседней комнате решал задачи десятилетний Сема — сын Гордеева. В комнатах было неуютно, чувствовалось отсутствие женщины. На столе плохо выглаженная скатерть, вещи Семы разбросаны: раскрытый ранец валялся на кресле, тут же его кепка, ее место на вешалке занял огромный бумажный змей, который мастерил, как видно, сам Сема. Об этом красноречиво свидетельствовал подоконник, сплошь замазанный клеем и покрытый прилипшими кусками бу-

маги. Исчезли тонкой работы салфеточки, их, наверное, отдали стирать, а потом забыли положить на место. Юсуф помнил, что к ним была равнодушна Елена Петровна, жена Гордеева, так нелепо погибшая в прошлом году. Она поехала повидаться к родителям в Воронежскую область. Жили они в селе на опушке леса. Елена Петровна пошла в соседнее село к сестре. Неожиданно разразилась гроза, и первой же молнией она была убита. Гордеев никак не мог смириться со смертью жены.

Юсуф старался занять Гордеева разговором. Они говорили о трудностях, с которыми столкнулись в деле с Расуловым, о призе, взятом недавно Волковым на спортивных соревнованиях, что пора уже сменить их допотопный «бенц» и о многом другом, хотя Юсуф охотнее поделился бы со своим другом радостью: на его чувство Света отвечает взаимностью. Но как-то неловко было говорить на эту тему. Он не знал, что Гордеев давно следит за их отношениями и не раз собирался поговорить с Юсуфом, но откладывал, ждал, что тот сам начнет этот разговор. И вот когда все темы были исчерпаны, Юсуф решил, наконец, сказать о Свете. Он понимал, что Гордеев может обидеться, если узнает обо всем в самый последний момент.

Но им не удалось поговорить. В передней раздался звонок, и Сема, опрокинув стул, бросился к двери. Через несколько секунд он вернулся.

— Папа, там тебя спрашивает какой-то дядя. Говорит, привез письмо.

— Письмо? От кого? Ну, что ж, проси, пусть зайдет.

Сема побежал в переднюю и вернулся с высоким мужчиной лет тридцати.

Он вошел, стащил с головы папаху и остановился посредине комнаты.

Окинув взглядом его старенький костюм, видневшуюся из-под пиджака рубашку от спецовки, которые выдают на нефтяных промыслах, Гордеев подумал: «Рабочий с нефтепромыслов».

— Да пошлет всевышний мир этому дому, — заговорил наконец нежданный гость, обращаясь к Гордееву и косясь на Юсуфа. — Ты Николай Гордеев?

— Я... Садитесь, — указал Николай Семенович на стул рядом с собой.

Но гость не сел. Он опять посмотрел на Юсуфа.

— Можете говорить, от этого товарища у меня нет секретов, — догадался Гордеев.

— Ты помнишь Кули-заде, который помогал тебе покупать бензин для Астрахани?

— Как же, как же, — оживился Гордеев и хотел было приподняться, но боль в плече свалила его обратно на подушку.

Гость полез за пазуху, вытащил пакет и протянул его Гордееву.

— Кули-заде прислал тебе письмо. Если захочешь написать ответ, пошли со мной. Я живу на Балаханской улице, около Сабунчинского вокзала, в доме Гамбарова. Мое имя Ибрагим-ага, в доме все знают меня.

— Хорошо, Ибрагим-ага, спасибо за письмо. Сейчас выпьем чаю, садитесь.

— Нет, нет, начальник. Я пойду, а ты спокойно письмо почитай.

Юсуф проводил в переднюю Ибрагим-ага, подробно расспросив, где он живет.

Когда Юсуф вернулся, Николай Семенович читал письмо.

— Вот никогда бы не подумал, что в вербовке Расулова Мурсал-Киши использовал того самого Кули-заде, который так помог мне в двадцатом году при мусаватистах с отправкой бензина в Астрахань. Это был купец, который рассуждал очень здраво, я бы сказал, даже с прогрессивных позиций. Мне иногда казалось, что он помогает нам не только потому, что хорошо зарабатывает на поставке нефти. А вот письмо еще больше убеждает меня в этом.

— Что он пишет, Николай Семенович?

— Подробно описывает работу Коллинза по той линии, по которой тот использует Мурсал-Киши, пишет, что он и Мурсал-Киши поняли: деятельность Коллинза может нанести вред Ирану, испортить его отношения с северным соседом, и поэтому решили написать мне. В их письме много интересных подробностей. Наджафов шел на связь к какому-то английскому агенту, давно находящемуся в Баку. Этот агент после исчезновения Наджафова должен связаться с Расуловым, а через него с Гейдар-агой.

— Как же нам установить этого английского агента?

— Подожди, сейчас прочту. Они пишут, что, как про-

говорился им Наджафов, английский агент в Баку имеет телефон 45—44. Наджафов должен был позвонить по этому телефону и, услышав мужской голос, назвать себя Гюрзой-заде. После чего ему назначат встречу. Да-а... Интересно.

— Николай Семенович, я побегу и выясню, чей это телефон.

— Иди, только осторожно выясняй.

Когда Юсуф вернулся, Гордеев уже был на ногах и, прохаживаясь по комнате, морщился и поглаживал рукой плечо.

— Николай Семенович, зачем вы встали?

— Не время сейчас болеть, Юсуф. Выяснил? — потребовал Гордеев.

— Да, это телефон конторы, в которой работают Юдин и Гусейнов. Они единственные мужчины в комнате с телефоном 45—44, остальные сотрудники, сидящие там, — женщины. Аппарат висит на стене у стола Юдина.

— Хорошо. Сейчас придет машина, я вызвал, поедем в управление, надо быстро кое-что предпринять и составить ответное письмо Кули-заде. Ты запомнил адрес Ибрагим-ага?

— Да, Николай Семенович, но стоит ли вам ехать. Все это можно сделать не выходя из дома.

— Нет, нет. Поедем.

XI

Затяжной осенний дождь мелкой водяной пылью ложился на тугой зеленый шатер Закатальского леса. Отроги хребта, скрытые тесно сомкнувшимися кронами, чередовались с глубокими ущельями, где деревья росли не так густо. И от этого казалось, что на краю Алазанской долины растянулся, отдыхая, гигантский многолапый мохнатый зверь.

Впрочем, увидеть все это мог лишь тот, кто поднялся бы наверх, к субальпийским лугам, сейчас выжженным солнцем и утратившим яркость. А в самом лесу...

Кряжисто, подобно ржавым утесам, стояли грубоко-рые карагачи, у их подножий застывшими волнами расплескалось море орешника, дикой яблони, алычи. Даже зоркий глаз не смог бы ничего рассмотреть и на расстоянии ста метров — настолько плотен был «ворс»

этой растительной шубы, настолько густ ее «подшерсток».

Лесной кордон — просторное приземистое здание, сложенное из неотесанного камня, стояло на поляне, задней своей стеной приткнувшись к отвесному утесу. Подход к нему открывался лишь с одной стороны — поляна была длинной и узкой, да и дом внешне изрядно смахивал на старинный блокгауз. Выходившие на три стороны отдушины подвала могли служить отличными бойницами. На веранде, обнесенной низенькой балюстрадой из крупного плитняка, свободно могли расположиться полтора десятка стрелков.

Сейчас на веранде было всего четверо. Гейдар-ага, привычно настороженный, даже здесь не расстегнувший ремней снаряжения, жилистый горбоносый старик в запачканной копотью белой бурке и длиннорукий Керим, палач банды, еще более оборванный и неряшливый, чем в тот день, когда он покинул родную деревню. Четвертый, хлопотавший около подносов с пловом и фруктами бритый толстяк в простой крестьянской одежде, некогда лесничий и егерь местного бека. С одинаковым лицемерным радушием раздобревшего холуя он принимал бы тут любого из тех, с кем ссориться было опасно.

Полсотни ульев, надежно спрятанных в лесной глуши, хорошая отара, не обложенная никакими налогами (ее до самых снегов выгуливал на горных пастбищах старший сын), огород и небольшой кусок пашни, на которых работали два других сына и снохи, делали его двор более чем зажиточным. Хозяин кордона числился в лесах, исправно выполнял все распоряжения сельских властей, вспоминая о нем не слишком часто. А представься случай, он сам перерезал бы горло любому из представителей этой власти.

Не с большей любовью относился он и к Гейдар-аге, которого потчевал теперь так усердно. Но поскольку ссориться с главарем банды явно не имело смысла, закатальский «барс», как сам себя называл Гейдар-ага, находил на кордоне теплый прием, сытный стол и спокойный ночлег. А с приближением осени нужда в этом ощущалась все острее.

Сегодня Гейдар-ага приехал на кордон не для отдыха. Два дня назад местный мулла передал через верного человека, что его разыскивает контрабандист Расулов, принесший из-за рубежа важные вести.

Сокрушаясь и разводя руками: почтенные гости совсем не кушали плов, толстяк убрал почти нетронутое блюдо, заискивающе предложил:

— Становится прохладно. Может быть, Гейдар-ага и его уважаемые друзья пройдут в комнаты?

— Нет, мешади,— Гейдар-ага бросил на хозяина подозрительный взгляд. — Я хочу сам увидеть, с какими глазами подойдут они к дому.

— Но твои люди охраняют дорогу, а Керим ястреба бьет на лету. В моем доме тебе нечего опасаться. — В голосе хозяина притворная обида смешалась с плохо скрытым испугом.

Гейдар-ага коротко усмехнулся, сузил глаза, погладил рукоять маузера.

— Пусть опасаются те, кто захочет меня обмануть. Я должен знать, с какими глазами подойдут они к этому дому.

— Воля гостя — закон для хозяина. Всегда все пусть будет так, как ты сказал. Кушайте виноград, пожалуйста. Сейчас принесу чай, — толстяк с неожиданной для него легкостью проскользнул в полуоткрытую дверь с подносом в руках.

— Охо-хо, — ни к кому не обращаясь, вздохнул старик, сидевший рядом с главарем. — Сейчас бы ко мне домой...

— Ты прав, Новруз-бек, — голос Гейдар-аги немного смягчился. — Твой дом был просторен, уютен. А сколько слуг... Иншалла, скоро ты опять войдешь туда как хозяин.

Новруз-бек плотнее стянул завязки наброшенной на плечи бурки, поежился. Взгляд его стал рассеянным, почти мечтательным.

— Какой дом! Его строил еще мой прадед... — заговорил он протяжно, почти нараспев, чуть покачиваясь назад и вперед. — А сколько земли — не окинешь глазом. А сад, а табуны коней... Теперь все это называется — совхоз имени Самедова. Когда я все это подарил Самедову? Я не помню, когда я это дарил! — неожиданно выкрикнул старик и замолчал, злобно оскалившись.

— Ну, ну. Успокойся, Новруз-бек. — Гейдар-ага огладил густую бороду. — Скоро, очень скоро все получишь обратно. А кто такой Самедов?

— Какой-то большевистский вожак. Я хотел бы ви-

деть его на той чинаре. — Усы и верхняя губа у Новрузбека подрагивали, как у пса, готового зарычать.

Коротко просвистав в воздухе, на вытопанную площадку перед домом шлепнулся кусочек плитняка. Через мгновение, подхватив винтовки, все трое были уже на ногах.

— Керим! — Гейдар-ага рукой ткнул в сторону поляны.

Керим выскочил из-под навеса, поднял голову, всматриваясь куда-то вверх, и успокаивающе произнес, обращаясь к Гейдар-аге:

— Зейтун их видит. Едут. Только трое.

— Мешади! — Даже в это почтительное обращение к паломнику, совершившему путешествие к гробу пророка, Гейдар-ага сумел вложить все, что должно быть в команде. — Ты встретишь гостей.

Молча поклонившись, толстяк заспешил с веранды.

— Керим! — еще жест в сторону полуоткрытой двери. — Будешь держать их под прицелом. — И Гейдар-ага вновь опустил на место, спокойный, невозмутимый, каким и должен быть почтенный хозяин в ожидании гостей.

В дальнем конце поляны показался пузатый, откормленный осел. На нем восседал тщедушный человек в большой, потемневшей от дождя чалме, казавшейся особенно нелепой над его хилым, обернутым накидкой телом. Немного позади легкой поступью вышагивал Расулов, еще на шаг-другой от него отстал Юсуф Мехтиев, в русских сапогах, брезентовом плаще и папахе.

Хозяин, подхватив осла под уздцы, подвел гостей к веранде и помог мулле слезть со своего «скакуна». Вблизи слугитель аллаха оказался еще невзрачнее. Изможденный, морщинистый, со слезящимися глазами, тощей бородашкой и жалкой шеей. Вместе с Расуловым они поднялись под навес. Старый Гасан остановился у края ковра. Мехтиев, как и полагалось младшему, молча поклонился и отошел в дальний угол веранды.

Главарь окинул незнакомцев быстрым внимательным взглядом. «Да, — мысленно оценил он гостя. — Этот станет ходить через границу. Похож на Новрузбека, только покрепче. Такой на любое дело пойдет... И в гепеу тоже. Второй еще щенок! Я переломлю его одной рукой. А вот стал неудобно. Кериму не виден». Он указал Юсуфу место поближе, на краю ковра. Еще раз поклонившись,

тот подошел и стал, ожидая, пока сядут старшие. «Обычай знает,— подумал Гейдар-ага,— почтителен, скромнен, не поднимает глаз...»

— Да пошлет тебе аллах благополучия и успеха во всех твоих делах,— нараспев произнес мулла, здороваясь с главарем. Гейдар-ага склонил голову, приложив руку к сердцу, потом с приветственным жестом повернулся к Расулову.

— Тебя я тоже рад видеть, старший брат.

Мулла, подобрав полы накидки, опустился на ковер, оперся на подушку, подложенную хозяином.

— Плохие новости, совсем плохие, Гейдар-ага,— дребезжащим речитативом затянул он.— Разгневался на нас всевышний, смуту поселил в умах мусульман. Крестьяне забывают дорогу в мечеть, молодежь не слушает старших, женщины потеряли стыд. Не только в Закаталах— в селах снимают чадру, ходят в больницу, спорят с мужьями. Закон шариата уже не закон,— вещал мулла, ерзая на ковре, как курица, устраивающаяся на насесте.

Гейдар-ага с трудом сдерживал раздражение. Каноны восточной учтивости не позволяли, встретившись, сразу переходить к цели свидания, но болтовня старого пустомели злила его.

Подчеркнуто неторопливым жестом атаман расстегнул пояс с кинжалом, отложил в сторону. Испытующе глядя на Расулова, скинул с плеча перевязь маузера. Старый Гасан, приняв позу человека, собравшегося совершить омовение, раскрыл перед собой пустые ладони и медленно опустился на корточки рядом с муллой. «Умен»,— подумал Гейдар-ага и неприметно покосился в сторону младшего гостя. Тот, помедлив, тоже присел, сложив на коленях скрещенные руки.

Хозяин поставил перед гостями стаканчики с чаем. Мулла торопливо схватил свой, стал греть о него озябшие руки, потом начал пить мелкими глоточками, причмокивая и отдуваясь. Воспользовавшись паузой, Гейдар-ага кивнул Расулову.

— Войдем в дом, там поговорим.

Поднявшись, оба вошли в комнату, расположенную рядом с той, откуда за встречей наблюдал Керим. В нее вела дверь, проем был прикрыт ситцевой занавеской.

— Я здесь в гостях, но ты будь как дома, пожалуйста,— доброжелательно произнес Гейдар-ага, усаживаясь на разбросанные по ковру подушки и, не меняя

тона, будто вскользь, спросил: — Где ты живешь?
— Я из Пойлы, что вблизи границы,— ответил старый Гасан.— Ты должен знать Расуловых.

— Ты брат Наджаф-кули?

— Он умер пять лет тому назад. Надеюсь, аллах нашел ему место в раю.

— Ты занимаешься его ремеслом?

— Так принято у нас в семье, Гейдар-ага.

— Наджаф-кули был другом моего двоюродного брата Мусы. Ты знал его?

— Гейдар-ага, я старый человек, зачем со мной играть,— нахмуясь, произнес Расулов.— Ты сам прислал ко мне Мусу Джебраилова. Я помог ему перейти границу. Хочешь узнать, с чем я пришел,— слушай. Не хочешь — разреши, мы уйдем.

Широкоскулая рябая маска ухмыльнулась, в черной бороде ослепительно блеснули зубы. Гейдар-ага умиротворяюще поднял открытую ладонь.

— Прости, старший брат. У меня нет гешеу, я сам должен вести эти разговоры. Ты сделал, как я просил, привел с собой сына, я верю тебе. Но ты слышал, как было под Шушей? Не сердись, скажи; кто тебя послал?

— Я говорил с Мурсал-Киши, он дружит с англичанами. Они хотят тебе помочь.

— А что ждет Мурсал-Киши? Зачем я ему?

— Он много знает о тебе. Знает, что ты хочешь собрать все лесные отряды, поднять знамя газавата. Мурсал-Киши сказал так: если Гейдар-ага сможет договориться с Саттар-ханом, с Али Ниязом, мы дадим ему много оружия. Скажешь «да» — я тебе укажу, где находится оружейный склад.

— О каком складе говорит старший брат? — Гейдар-ага поднял клочковатые, цвета полыни брови.

— Носить оружие через границу тяжело и опасно. Когда англичане были здесь, они оставили склад на десять таких отрядов, как твой. Мне точно объяснили, где он, я проверил, все на месте. У железной дороги, где станция Ганджа. Они думают так: будет у тебя оружие — сможешь собрать другие отряды, начнешь большую войну.

— Что в этом складе? — Гейдар-ага подался вперед. Новость ошеломила его, и сохранять равнодушный вид не хватало сил.

— Пулеметы, винтовки, маузеры, гранаты. Патроны

гоже, конечно. Мне называли чего сколько, прости, не запомнил, только много.

«Не запомнил?» — Гейдар-ага снова насторожился.

— А как с Мусой? Он перешел границу? И где сейчас? — Вопрос был задан неожиданно.

Но за годы занятий контрабандой старому Гасану не раз приходилось оказываться перед всякими неожиданностями, и он привык не теряться.

— Я думаю, где-нибудь в Ленкорани, — насмешливо улыбаясь, отвечал он. — Мурсал-Киши хотел к тебе Мусу прислать. Тот деньги взял, границу перешел, но исчез куда-то.

Гейдар-ага ухмыльнулся.

— Муса неглупый человек, зачем ему в Закаталы идти? Здесь каждый милиционер его знает. Наверно, сирятался... — успокаиваясь, произнес атаман. — Хорошо, скажи теперь, ты склад покажешь, что потом?

— Потом к себе в Пойлу поеду, а оттуда за границу — Мурсал-Киши рассказать о том, что ты решил.

— Да благословит тебя аллах за эту новость! — торжественно произнес Гейдар-ага, поднимаясь. — А сейчас... Ты можешь ехать сразу?

— Для этого я шел сюда, Гейдар-ага. — Расулов тоже встал, лихорадочно соображая, можно ли задать вопрос, почему Гейдар-ага согласился встретиться с ним лишь в том случае, если Гасан придет на свидание вместе с сыном, или лучше от этого воздержаться. Но Гейдар-ага сам развеял эти сомнения.

— Оставишь сына здесь. Поедешь с Новруз-беком. Покажешь место, склад.

— Сына? — Расулов оскорбленно вскинул голову. — Ты мне не доверяешь? Не будет склада, ничего не покажу!

— Слушай, я говорю, почтенный Гасан, — Гейдар-ага подался вперед, свел глаза в узкие щелки. — Пусть моя осторожность не обидит тебя. Но два раза не надо, чтоб я говорил. Или будет как я хочу, или будет нехорошо. Керим! — Длиннорукий, откинув стволом винтовки занавеску, двинулся в комнату. — Позови Новруз-бека!

— Да, Гейдар-ага.

Новруз-бек вошел, поддерживая рукой спадавшую бурку.

— Поедешь с нашим братом, куда он покажет, — обратился к нему главарь, не отрывая прищуренных глаз

от Гасана.— Хорошо запомнишь место. Привезешь мне со склада гранаты и маузер. Скажешь нашему брату спасибо. Где меня потом найти, сам знаешь. Поедешь сейчас.

— Наконец-то аллах вспомнил о нас! — Глаза Новруз-бека радостно заблестели.— Будь покоен, Гейдар-ага, все сделаю как надо.— И повернувшись к Расулову: — Пойдем. Коня хозяин даст.

— Но потом ты отпустишь сына? — В голосе старого Гасана звучало неподдельное волнение.

— Потом... Потом, конечно, отпущу. Разве мусульманин платит злом за добро? — свистящим шепотом произнес Гейдар-ага.

ХИ

Вечером того самого дня, когда Гейдар-ага встретился со старым Гасаном, в кабинете Николая Семеновича резко, требовательно затрещал телефон. Гордеев, уже третьи сутки не выходящий из управления, схватил трубку.

— Докладывает Киреев. Гусейнов только что пришел на квартиру к Юдину. Продолжаю работу.

Прижав кнопку звонка, Николай Семенович не отпускал ее до тех пор, пока в комнату не влетел секретарь.

— Хентова ко мне!

Через несколько минут появился Хентов, носатый, похожий на грача брүнет в мятой гимнастерке. Плохо затянутый командирский ремень скособочился под тяжестью крупнокалиберного кольта, голенища были слишком просторны для его тонких ног. Но Хентов никогда не был в управлении мишенью для насмешек, так как специалистом он был великолепным. «Такой выйдет в эфир на спичечном коробке да на паре женских шпилек»,— говорили о нем радисты. За виртуозное мастерство Хентову прощалась и внешняя расхлябанность, и полное отсутствие чувства юмора.

— Как у тебя? — Гордеев не скрывал своего беспокойства.

Хентов пожал плечами.

— Люди дежурят в должном диапазоне,— негромко, чуть картавя, отвечал он,— заработает рация, сразу засе-
сечем.

— Ты адрес-то, часом, не перепутал?

— Зачем? — Хентов опять пожал плечами. — И сейчас хорошо помню. Третий Нижнеприютский, четырнадцать. Разрешите идти?

— Да, да, пожалуйста. И скажите там, чтобы Волкова ко мне прислали.

Хентов вышел, Анатолий Максимович появился почти тотчас же, видимо, ждал вызова. Сегодня он был в штатском.

— Ты готов?

— Так точно, — Волков привычно вытянулся. — Киреев, Бероев, Онищенко, Горчакова.

— Не прости тебе Юсуф, что девушку на такую операцию берешь, — скупно улыбнулся Гордеев. — Да ты садись. Все равно мне первому сообщат.

— Что вы, Николай Семенович, — опускаясь в кресло, ответил Волков. — Юсуф гордиться будет. Горчакова в адресном неплохо себя показала, здесь посерьезнее дело будет. Хотя для нее опасности нет, дальше хозяйки ходить ей незачем.

— Слушай, — несколько смущенно начал Гордеев, — а как вообще у них. Ну... с Горчаковой? Ты не думай, Максимыч, я не потому спрашиваю, Юсуфу, как сыну, верю, просто хочется, чтоб у ребят было по-настоящему хорошо, а поговорить — спугнешь еще, обидишь...

— Смешные они, — Волков улыбнулся. — Друг от друга прячутся, таятся, а со стороны — оба как на ладони. Смотреть на них завидно.

Большие кабинетные часы — гордость начальника хозяйственной части, недавно появившиеся в комнатах второго этажа, пощелкивали словно все реже и реже. Казалось, что маятник сдает темп.

— Тошно до чего так сидеть, — не выдержал Анатолий Максимович.

— Куда уж, — начальник кивнул. — Только ему сейчас того тошнее. Как думаешь, возьмем без стрельбы?!

— Кто-о их знает, — уклончиво протянул Волков. — Мужики вроде тертые. Постараемся.

Вдруг распахнулась дверь, и Хентов, еще более растрепанный, чем полчаса назад, появился на пороге.

— Работает рация, товарищ... Николай Семенович. Она самая, ошибки нет. В Нижнеприютском.

— Ну, хоп, — по вынесенной еще из Средней Азии привычке сказал Волков и, встав, одернул топорщив-

шуюся над левым бедром полу пиджака.—Я спускаюсь, Николай Семенович?

— Да, выходите. Сейчас доложу, и поедем,— кивнул Гордеев, поднимая трубку.

...Потные, тяжело дышавшие Юдин и Гусейнов возились у печки, старательно заделывая опустошенный тайник. Рация, упакованная в вещевой мешок, стояла у двери, агент номер 015 заметал следы.

Каменщики, прямо сказать, были никудышные. Когда работа наконец была завершена, весь пол был заляпан раствором, у самой печи образовалась настоящая лужа, вещи покрылись налетом кирпичной пыли. Перед уборкой присели отдохнуть, закурили.

— Аркадий Иванович, Гусейнов с отвращением оглядел разоренную комнату,— и не зря мы все это затеяли?

— Нельзя долго работать на рации из одного места,— Юдин взъерошил свои редкие волосы, потянулся, отхлебнул из стоявшей на столе початой бутылки. Почему-то неотвязно лезли в голову стереотипные слова в шифровках: «Да хранит вас бог, Уильям».

Гусейнов потянул к себе лежавшие на столе нарды и открыл их.

— А я думал, что мы успеем сыграть сегодня партию,— сказал он и, вынув из ящика обломанную половинку нардовской шашки, спросил: — Что ты не заметишь целой? Сколько времени она валяется здесь.

— Оставь, пожалуйста,— сердито буркнул Юдин и, выхватив из рук Гусейнова обломок, сунул его в карман.

Послышался робкий, хорошо знакомый обоим стук тети Даши. Юдин быстро встал, надел пиджак, сунул правую руку в карман и шагнул к двери. Старушка поманила его в коридор.

Беспокойство хозяина начало, видно, передаваться и гостю. Поднявшись, Эюб подошел к окну, попробовал, крепко ли сидят в гнездах шпингалеты, выдернул их и вернулся на свое место. Через минуту вошел Юдин.

— Что там? — спросил его Эюб.

— Чертовщина какая-то. Нашу старуху срочно вызывают к племяннице. Есть у нее такая. Подружка пришла, говорит — та внезапно заболела. Не нравится это мне.

— Разве племянница не может болеть? Аркадий

Иванович, клянусь своей головой, ты стал похож на человека, который боится своей тени. Нельзя так, слушай...

Юдин тяжелой походкой подошел к столу, взялся было за бутылку, потом отставил.

— Чувствую я, что наша проверка в адресном плохо обернется. Оттого и тороплюсь с переносом рации.

— Оставь, Аркадий Иванович. Ты же не тетя Даша, чтобы верить в черных кошек, тринадцатое число и прочую чепуху... Хотя я понимаю, что лучше быть пять минут трусом, чем всю жизнь покойником, но сейчас, думаю, зря расстраиваешься. Скажи лучше, что дальше делать?

— Там, под шторой, провод натянут. Сними-ка его, брат.

Гусейнов пересек комнату и оказался у окна в тот самый момент, когда с треском распахнулась дверь и в комнату шагнули двое с оружием.

— Стоять! Не дви...

Выключатель был у окна, и реакция Гусейнова оказалась мгновенной. Ударив рукой по кнопке, он выключил свет, стремительно распахнул окно и выпрыгнул наружу. Волков стелющимся вратарским прыжком метнулся к дивану. Глухо, словно за стеной, стукнул выстрел. Под окном послышался сдавленный вскрик, и все стихло.

Через секунду вспыхнул свет. Гордеев стоял у окна, наган вплотную прижат к бедру, средний палец на собачке, указательный вытянут вдоль ствола, левая рука на выключателе. Но только что прозвучавший единственный выстрел был направлен не в Волкова. Анатолий Максимович стоял у дивана, поддерживая обвисшее тело Юдина. Волков, нахмурясь, опустил Аркадия Ивановича. Нагнулся, взялся за пульс.

— Вызвать «скорую»? — спросил кто-то из сотрудников.

— Не надо, — покачал головой Анатолий Максимович. — Не захотел платить. Стрелял прямо в сердце.

— Все равно врач нужен. Акт составит. Вызывайте, — распорядился Гордеев. И, сдвинув штору, спросил у подошедшего к окну сотрудника: — Что там у вас?

— Похоже, ушел, — оба, и Киреев и Онищенко, старались не глядеть на начальника.

— С чем вас и поздравляю. Идите помогите при обыске, — распорядился Гордеев.

Волков, сняв с кровати покрывало, прикрыл им труп и вышел вслед за Гордеевым.

— Унес с собой всю агентуру. Теперь придется позвониться... — ни к кому не обращаясь, проговорил он.

— Слушай, Максимыч,— быстро, будто диктуя стенографистке, заговорил Гордеев.— Бери Киреева. В машину — и к Гусейнову домой. Не медли. Ему из Баку выбраться надо, а одет неудачно. Рубашка яркая, не дурак, обязательно сменит. Да и денег с собой может не быть. Я сейчас в управление, порт перекроем, на шоссе посты выставим, организуем в городе розыски. А ты, если дома не застанешь, давай по линии железной дороги. У него сейчас два пути. Хорошо, если к границе. А вдруг к Гейдар-аге? Перехватить его надо, во что бы то ни стало. Иначе... — Он не договорил.

...Громоздкий «бенц», рывком взяв с места, понесся в сторону Тазапирской улицы, на которой жил Гусейнов.

— Как же у тебя получилось, Павлуша? Ты ж под окном стоял,— отрывисто проговорил Волков.

— Дьявол его знает... — Киреев закурил, стараясь быть спокойным. — Он выскочил прямо на Онищенко. Тот упал, я думал — убит и к нему... Ну, и промедлил. Всего-то доля секунды, а Гусейнов уже в кусты и к пролому. Бероев у другого окна стоял, с него не спрос.

— Ловок, бестия. Меж пальцев ускользнул. Если мы с тобой его не найдем, будет плохо. — Волков замолчал и, взявшись рукой за спинку сиденья, всем корпусом подался вперед, словно пытаясь ускорить бег машины.

Масьма Гусейнова была искренне удивлена, что Эюба в такую позднюю пору разыскивают друзья. Киреев, отлично говоривший по-азербайджански, минут десять беседовал с заспанной бабкой, убедился, что спрятаться в квартире невозможно, и быстро спустился к машине.

— Прежде чем на вокзал, давай еще один адрес проверим,— предложил он Волкову. — Старуха говорит, что Эюб дядю часто навещает. Мовсумов Дадаш, в торговле работает. Если действительно из дому без денег вышел...

— Давай на Завокзальную, Сережа,— Волков за эти дни успел запомнить адреса всех родственников и знакомых Гусейнова.

Дадаш Мовсумов был заметно смущен визитом, но

утверждал, что не видел Эюба уже больше месяца. Однако в доме, несмотря на поздний час, никто не спал, похоже было, что хозяева чем-то напуганы. В углу комнаты стоял чемодан.

— Ну вот что,— Анатолий Максимович решил не терять времени.— Ближе к делу. Я знаю: Гусейнов только что был здесь. Говорите: куда поехал?

В этот момент Киреев на всякий случай запустил руку за диван, пошарил там и извлек знакомую обоим яркую рубашку Эюба. Это выдало Мовсумова с головой. Разом ослабев, он опустился на стул.

— Воды хлебните,— поторопил Анатолий Максимович.— И рассказывайте.

Уходя от преследования, Эюб Гусейнов успел сочинить историю, которая была встречена с сочувствием в доме Мовсумова. Бухгалтер рассказал, что на днях был арестован за растрату его коллега Юдин, до этого поссорившийся с Эюбом, и теперь Гусейнов опасается оговора. Дядя поверил и дал Эюбу пятьсот рублей, другую рубашку, пиджак, кепку и подсказал довольно безопасный маршрут.

— Здесь рядом узкоколейка. Я сказал: езжай в Бинагады, а там, в поселке, на ученический поезд пересажись, до Баладжар доберешься. Оттуда хочешь на пассажирском, хочешь на товарном уехать можно.

— А он не в Зкатылы собрался? — равнодушным голосом спросил Волков.

— Он сказал, что в сторону Тифлиса поедет. Правда или нет, не знаю,— развел руками Мовсумов.

Когда Волков и Киреев приехали на станцию узкоколейки, выяснилось, что поезд уже давно ушел. Гусейнова на станции не было.

— Куда теперь? В Бинагады? — Сергей, шофер оперативной машины, уже сориентировался в коротких репликах, которыми перебрасывались его пассажиры.

— Не стоит. Гони прямо в Баладжары. К ученическому тоже опоздать можем, а так время выиграем,— решительно сказал Волков.

— Анатолий Максимович, может, он тоже на ученический не успеет?

— Ну на следующем выедет. Если решил уходить по железной дороге, Баладжар ему не миновать. Давай, Сережа, давай, дорогой...

Шофер нажал на акселератор.

Вспарывая темноту узкими лучами фар, скрипя по крышками на поворотах, «бенц» рвался вперед, словно гонная, взявшая свежий след. Но Волкову казалось, что тянутся они чуть быстрее крестьянской арбы.

...Мотор отказал, когда до станции оставалось около двух километров. Водитель кинулся открывать капот. Волков, не говоря ни слова, отбросил дверцу и выпрыгнул на шоссе.

— За мной, Павлуша, бегом! — хрипло бросил он в темноту и замолк, сберегая дыхание.

Сухопарый, легкий на ногу Киреев на первых ста метрах обошел было Волкова, давно уже не бегавшего кроссы, но вскоре начал сдавать. Мерным размашистым шагом Анатолий Максимович уходил вперед, словно не ощущая тяжести своего огромного тела.

— Максимыч... Убавь, дорогой... Не могу... — задохнувшись и перейдя на шаг, с трудом выкрикнул в темноту Киреев. Темнота отозвалась одним лишь словом: «Юсуф!» И Павел вновь побежал, шатаясь от изнеможения, жадно хватая воздух, чувствуя, что сердце колотится где-то в ушах и вот-вот выпрыгнет.

Наконец Баладжары. На многочисленных путях длинные цепочки вагонов. Как разобраться, где нужный состав. Волков и Киреев бросились к перрону. Вдруг товарный поезд, мимо которого они бежали, загремел и медленно потянулся вперед. Они увидели, как откуда-то из темноты к головному вагону метнулся человек и вскочил на площадку.

— Это Гусейнов, — крикнул Волков, и они пустились так, чтобы их не заметил беглец, нагонять первый вагон.

Еще усилие, и Волков с Киреевым были у площадки, на которую вскочил Гусейнов. Тот сразу понял — погоня, в руках у него блеснула финка, но Волков, первым поднявшийся на площадку, схватил Гусейнова за руку, и нож, звеня о буфера, полетел вниз. Поезд стал набирать скорость, и надо было выбираться из него. Сначала спрыгнул Киреев, за ним нехотя почти свалился, как куль с отрубями, Гусейнов, а за ним прыгнул Волков. Они взяли задержанного под руки и повели на станцию. Гусейнов обмяк, ноги почти не держали его, и, если бы не Волков и Киреев, он рухнул бы на землю.

Юсуф лежал на свеженарезанных ветках орешника, застеленных толстой, остро воняющей лошадиным потом попоной, с головой завернувшись в брезентовый плащ. Он пытался заснуть. Пытался и не мог. Мешал Керим, лежавший рядом, неслышный, как зверь, и такой же опасный.

С позапрошлого вечера, когда старый Гасан и Новруз-бек отправились к Гандже для проверки склада, Керим был приставлен к Юсуфу в качестве караульного, хотя старательно пытался представить себя телохранителем, вел себя вполне доброжелательно, старался, чтобы «гость» ни в чем не знал нужды. Но это радушие не могло бы обмануть и младенца. Слишком неотступно следовал Керим за каждым шагом, слишком зорко следил за ним, когда Гейдар-ага, неожиданно для всех, велел Расулову-младшему вычистить свой маузер.

Внешне это выглядело как знак большого доверия. К оружию атамана могли прикасаться только абсолютно надежные руки. Но Юсуф вовремя и верно понял, что его проверяют, и начал разбирать пистолет с видом восхищенно-завистливым, он столь неумело, что Керим вынужден был вмешаться.

Час спустя хозяин отыскал юношу и заявил, что захромала одна из его лошадей. «Не может ли уважаемый Касум, он, кажется, занимается коновальством, посмотреть, что случилось с Серой?»

На этот раз Юсуф испугался по-настоящему. Ухаживать за лошадьми, он разумеется, умел. Но лечить? Однако отступать было некуда.

Мехтиев согласился.

— Я помогу. Если захочет аллах. Вели сыну провести лошадь перед верандой, — уверенно распорядился он, словно не допускал мысли, что его могут не послушаться.

Юсуф подошел, ласково погладил лошадь, прощупал переднюю лопатку.

— Покажи копыто! — неожиданно резко бросил он угрюмо молчавшему сыну хозяина. Тот повиновался.

Среди стертых почти до блеска шляпок давно вбитых гвоздей одна отчетливо выделялась. Явно свежая, немного скособоченная.

Презрительно хмыкнув, Юсуф ткнул в нее пальцем.

— Если в Закаталах все так куют лошадей, пусть лучше ездят на ишаках,— бросил Юсуф хозяину и с равнодушным лицом отошел в сторону, показывая, что здесь разговаривать больше не о чем.

Потом наступила передышка. То ли Гейдар-ага исчерпал на время свою изобретательность, то ли решил, что стоит дать гостю успокоиться, расслабиться, забыть о том, что ему не доверяют, но, во всяком случае, весь остаток дня на Юсуфа вроде даже не обращали внимания.

Мехтиев поспал, потом помог одному из сыновей хозяина привести в порядок осыпавшийся тандыр — яму, заменявшую в деревнях печь для выпечки хлеба; довольно долго с удовольствием рубил привезенный из лесу хворост. Жизнь на лесном кордоне шла своим чередом, а для Юсуфа важным было ничем не выдать своей настороженности.

Закончив работу, он предложил Кериму сыграть партию в нарды. Тот согласился с большой охотой. У хозяина нашлась старинная доска с выжженным по крышке персидским орнаментом. Керим первый бросил кости.

— Шешу-беш! (Шесть и пять!) — лишь успел воскликнуть он, как из-за угла дома показался Гейдар-ага.

— Седлать коней! Мы уезжаем,— хрипло выдохнул он. И, поправляя перекутившийся ружейный погон, добавил, обращаясь к Юсуфу:— Ты поедешь с нами.

— Хорошо, Гейдар-ага,— ответил Юсуф.— Далеко ехать будем?

— Там увидишь,— и, круто повернувшись, Гейдар-ага направился к веранде, куда уже подводили его жеребца.

Мехтиев спокойно пошел за ним.

Ехали часа три-четыре. Несколько раз меняли направление. Гейдар-ага с племянником агрийского кулака Сеид-Аббаса двигались во главе, один из сыновей хозяина кордона замыкал маленькую колонну. Мехтиев оказался между Керимом и еще одним бандитом из свиты Гейдар-аги.

Отличный карабах, на котором ехал Керим, никак не мог примириться с тем, что хозяин заставляет его держаться позади колченогого мерина Юсуфа, зло

всхрапывал и норовил вырваться вперед. В эти моменты расстегнутая кобура керимовского нагана оказывалась почти рядом с рукой Мехтиева.

И наверное, с самого начала службы Юсуфа в органах еще ни одно задание не требовало от него большей выдержки, чем это.

От ненависти мутилось в глазах. Левая рука, касавшаяся чужого оружия, каменела от напряжения. Но Юсуф погонял своего заморенного коня, не забывая поглядывать по сторонам.

На привал остановились в лощинке у разбитого молнией старого широколистного граба. Сын лесника с Гейдар-агой отъехали в сторону, но вскоре вернулись. Через седло у парня был перекинут тугой, испачканный свежей землей мешок. Он попрощался, гикнул и, нахлестывая лошадь, исчез, растворился в сумерках. «Расплачивается за постой,— подумал Юсуф.— Ну погоди! Мы тебе за все заплатим. Другой монетой». Мехтиев спрыгнул на землю, ослабил подпругу, нарвал пук пахучего папоротника и начал старательно протирать взмокшую спину коня.

Отдыхали долго, хотя огня не разводили. Всухомятку подкрепились сами, накормили коней. Юсуф полагал, что они сейчас же двинутся дальше, но Гейдар-ага не торопился.

Скрестив ноги, он сидел под деревом на толстой кошме, положив на колени винтовку, и время от времени поглядывал на свои старинные, с толстой серебряной крышкой часы. Когда совсем стемнело, атаман подозвал Юсуфа и завел с ним разговор о разных способах ловли диких уток.

В этой области Мехтиев чувствовал себя достаточно уверенно — вместе с Касумом они ходили на озеро, где местные охотники вручную, даже без силков, ловили жирных глупых птиц на местах их жировки.

Там, куда утки слетались подкормиться перед осенним перелетом, жители Пойлы постоянно выбрасывали в воду высушенные тыквы. А потом, по плечи войдя в воду и накрыв голову выдолбленным тыквенным «шлемом», подбирались к стае вплотную и, поймав птицу за лапы, просто-напросто утаскивали ее под воду, топили.

Бывали ловкачи, которые успевали привязать к поясу трех-четырех откормленных крякух, прежде чем стая

снималась с места. Когда Юсуфу рассказали об этом, он не поверил. Но во второй его приезд младший Расулов постарался выкроить время для такой охоты, за что теперь Мехтиев был ему очень благодарен — ведь этот разговор тоже был испытанием.

Гейдар-ага слушал юношу внимательно, даже с интересом, и разговор, наверно, мог бы затянуться, если бы где-то совсем рядом не раздался осторожный, негромкий свист.

Не меняя позы, Гейдар-ага вложил в рот согнутый углом палец, подал ответный сигнал. Минуту спустя на темном фоне деревьев обозначился силуэт лошади и четкий светлый прямоугольник уже знакомой Юсуфу белой бурки Новруз-бека.

— Салам алейкум, Гейдар-ага. Мир и вам, люди, — чуть надтреснутый тенорок старого бандита звучал устало. — Какая была дорога? Все ли здоровы?

— Алейкум салам. Ты привез? — Гейдар-ага сразу приступил к делу.

«А-а, нервничаешь, бандюга», — подумал Мехтиев и, поднявшись, отошел в сторону. Содержание беседы было ему известно заранее, а лишний раз проявить воспитанность не мешало.

— Подожди здесь! — окликнул его главарь. Юсуф послушно остановился.

— Обратно ехал спокойно? — спросил Гейдар-ага, обращаясь к Новруз-беку.

— Как на своих выпасах.

— Будем ночевать здесь?

— Зейтун может съездить за людьми. Ты хочешь забрать сразу все?

— А мы увезем?

Новруз-бек с нескрываемым удовольствием описывал атаману все, что видел на складе, перечислял ящики с винтовками, патронами, маузерами, пулеметами, гранатами.

— А если это не английский склад? — неожиданно перебил его Гейдар-ага.

— Посмотри. Я оторвал от ящика, — спокойно ответил Новруз-бек.

Вспыхнувшая спичка осветила небольшую, покрытую пятнами смазки деревянную пластинку. На ней было что-то написано. Что — Юсуф не видел.

— Буквы нерусские. Такие, как на маузере, — про-

бормотал Гейдар-ага и, бросив догоревшую спичку, распрямился, будто поднятый пружиной.— Зейтун!

— Я здесь, Гейдар-ага.

— Поедешь в лагерь. Возьмешь Махмуда и десять человек,— Гейдар-ага бросал короткие, точные фразы.

«А он прирожденный вожак,— подумал Мехтиев.— Решает на ходу. И умно решает. Тем важнее...» — Он оборвал себя, чтобы чего-нибудь не упустить. Но можно было не прислушиваться.

— В Калакенде возьмите две арбы. Махмуд знает у кого. Будете ждать нас на рассвете на опушке у моста через Гянджинку. Знаешь?

— Ты сказал, я слышал, Гейдар-ага.

— Пусть аллах даст силы твоему коню,— произнес Гейдар-ага. Он опустил на кошму и хлопком в ладоши подозвал Керима.

— Скажи людям, пусть разводят огонь. Ночевать будем здесь. Выедем до рассвета.

Теперь Юсуф понял, что задумал Гейдар-ага. Закальский «барс» решил еще раз подстраховаться, сохранить заложника до того момента, когда почувствует себя в полной безопасности. Что делать? И прежде всего, как реагировать на это ему, Касуму? Притворяться, что ничего не понял? Но ведь Расулов в присутствии Гейдар-аги велел сыну лишь дожидаться возвращения Новрузбека, не больше. Значит, уходить? Или хоть бы попытаться сделать это?

Почему главарь опасается подвоха, не желает показывать постороннему свою основную стоянку? Ведь безоружный юноша полностью в его руках. Вывод мог быть только один. Гейдар-ага провоцирует, толкает его на опрометчивый шаг. Как поступить?

Посланные Керимом люди рубили кинжалами сушняк для костра. Выждав немного, Юсуф встал и, кашлянув, чтобы обратить на себя внимание, приблизился к дереву, под которым расположились вожаки.

— Мне уходить, Гейдар-ага, или я еще должен остаться?

— Побудешь с нами,— коротко бросил главарь.

И вот теперь Юсуф лежал, завернувшись в свой плащ, всем телом, словно болванку раскаленного металла, обжигающую на расстоянии, ощущая присутствие настороженного, притихшего Керима, и безуспешно пытался отыскать спасительную лазейку.

Было страшно. Он вспомнил, как после ликвидации кулацкой шайки под Шушей вместе с другими чекистами хоронил останки двух работников районного отделения АзГПУ, незадолго до этого попавших в руки бандитов и зверски замученных.

Поднялись часа за два до рассвета, когда небо смутно засерело. В закопченном котелке, стоявшем на потухающих углях, бурлил кипяток. Самед — племянник Сеид-Аббаса — подогнал коней.

Начало светать. Обрели объемность литые колонны стволов, окаймленные понизу кудрявой листвой подлеска. Заколебавшись, стали расплываться, таять легкие клочья запутавшегося между деревьями тумана. Наконец и птицы щебечущим, чирикающим хором возвестили о наступлении дня.

Они ехали легкой рысцой, временами переходя на шаг. Юсуф был очарован сумрачной прелестью не знающего топора леса. Он вбирал в себя звуки, запахи, краски этого, быть может, последнего в его жизни утра.

Все реже становились деревья, все просторней поляны. Впереди поднялась гряда невысоких, щетинящихся кустами утесов. Теперь Юсуф узнал эти места. До железной дороги отсюда было километров пятнадцать. Видимо, Гейдар-ага не рассчитал время — к мосту через Гянджинку им не добраться и через три часа.

Выветренные, тесно сомкнутые скалы перегородили долину. Постепенно снижаясь, они тянулись далеко на юго-запад, а на севере вплотную подступали к отрогам хребта. Чтобы обогнуть этот естественный барьер, уже давно надо бы сворачивать, но, к удивлению Юсуфа, группа продолжала двигаться прямо к утесам. Гейдар-ага, очевидно, знал какой-то тайный проход.

И проход действительно открылся. Узкий, плотно занавешенный спутанными ветвями орешника, карабкающегося по скалам барбариса, дикой ежевики, проход был так скрыт, что даже заподозрить о его существовании было невозможно.

Юсуф решил, что сейчас они спешатся. Но Гейдар-ага, стиснув коленями бока своего жеребца, заставил его броситься грудью на колышущийся зеленый занавес и исчез. За ним последовали остальные кони, видимо, привыкшие к этой дороге.

Лишь пегий мерин Юсуфа оказался непригодным для

подобных аттракционов, и Керим, схватив его за повод, буквально протащил седока с конем через проход.

Мехтиев огляделся. Сразу же за кустами расщелина раздвинулась, по ее ровному, проточенному водой дну до самого поворота спокойно могла пройти даже арба.

Юсуф и Керим ехали по-прежнему рядом. Перед Юсуфом двигался обросший, небритый парень на молодой, пугливой лошадке с простреленным ухом. Остальные скрылись уже за поворотом, когда сверху послышался треск. Оба вскинули головы. Старая сосна с раздвоенной вершиной падала прямо на них.

Юсуф видел, как выворачиваются из мелкого земляного кармана трухлявые обрывки корней, слышал резкий свист воздуха, рассекаемого упругими ветвями. И своим телом он ощутил тяжесть Керима, когда, оглушенный ударом, тот опрокинулся на шею юсуфова пегаша.

За доли секунды до этого кобыла небритого бандита, прыгнув с места, вынесла хозяина из-под удара и шарахнулась за угол. Оттуда доносились гневные крики, суматошный топот копыт, тревожное ржание. Рухнувшая вершина, чудом не задев Юсуфа, надежно перекрыла проход. «Вот удобный случай покончить с Гейдар-агой», — мелькнуло в голове Юсуфа. Потерявший сознание Керим медленно сползал с коня. Завалившись на сторону, бессильно уронил вперед руки, будто ныряя, наконец, он свалился на каменистое ложе ручья. И одновременно со звуком падения его тела в сознании Юсуфа зазвучал четкий голос Гордеева: «Физическая ликвидация Гейдар-аги — не выход. Он связан со всеми бандами, он слишком много знает. Во что бы то ни стало его надо взять живым».

И, понимая, что больше такого шанса не представится, готовый закричать от бессильной ярости и жалости к самому себе, Юсуф прыгнул с коня и, подхватив словно бескостное тело бандита, стал оттащить его в сторону.

Это и увидели Зейтун и Новруз-бек, а потом и Гейдар-ага, когда, справившись с лошадьми, осторожно, с оружием наготове, вышли из-за каменного откоса.

— Молодец, Касум. Настоящий джигит. Товарища не бросил. — Хмурое лицо главаря расплылось в белозубой ухмылке.

...На опушке леса к груде старинного, ручной выделки кирпича, валяющегося здесь с незапамятных времен,

подъехали четверо. Чуть поодаль остановились две крестьянские арбы, окруженные десятком вооруженных всадников. Откуда-то издалека донесся мирный шум проходящего поезда.

— Похоже на могилу святого человека,— задумчиво произнес вожак, внимательно рассматривая развалины старинной постройки.

— Нет, Гейдар-ага,— возразил Новруз-бек.— Тут когда-то была водокачка, а потом железную дорогу перенесли в сторону.

— Аллах знает, что делает,— негромко пробормотал Гейдар-ага и махнул плетью, подзывая к себе бандита в кожаной куртке.— Давай фонари.

У правого края груды кирпичей валялась ржавая консервная банка от любимых Волковым бычков в томате. Это был заранее обусловленный сигнал: «Приближение бандитов видели, готовы к встрече».

Гейдар-ага, Новруз-бек и Юсуф спешили.

Втроем отвалили покрытую толстым слоем земли крышку люка. Из открывшегося провала пахло сыростью, прелью и чуть-чуть ружейным маслом.

— Идем со мной. Я подарю тебе настоящий маузер.— Похлопав по плечу Юсуфа, Гейдар-ага первым ступил на застланные уже сгнившими досками земляные ступени.

Спускаясь за ним, Мехтиев обернулся. Местность была по-прежнему пустынна.

XIV

В складе было темно. Новруз-бек зажег «летучую мышь». Тусклый свет запрыгал по подвалу, смутно обрисовывая штабеля ящиков. Новруз-бек поставил фонарь повыше.

— Откроем ящики?— спросил Новруз-бек Гейдар-агу.

— Давай вот этот,— и Гейдар-ага провел рукой по самому большому ящику, словно гладил любимого коня.— Оружия хватит на отряд в несколько сот человек. Не оставил нас аллах!

В это время крышка люка с грохотом упала. С молниеносной быстротой Гейдар-ага и Новруз-бек выхватили маузеры и юркнули за ящики, увлекая с собой и Мехтиева.

Сверху донеслись выстрелы. Около склада завязалась перестрелка. С минуты в складе стояла тишина. Успокоившись, Новруз-бек снял фонарь и потушил его. Подвал погрузился в темноту.

— Твоя работа, собачий сын? — злобно прохрипел Гейдар-ага, сжимая руку Юсуфа.

Тот молчал.

Гейдар-ага сорвал с себя кушак и крепко связал им Мехтиева.

Откуда-то из-за ящиков раздался густой бас Волкова, словно он говорил в рупор:

— Гейдар-ага, сдавайся, сопротивление бесполезно. Нас больше.

И тут же вспыхнуло около десятка электрических фонарей. Их лучи выхватывали из темноты то Гейдар-агу, то Новруз-бека. Бандиты корчились, прятались за ящики, словно лучи обжигали их.

Только Мехтиев стоял во весь рост. Его побледневшее лицо, казалось, застыло, зубы стиснуты до боли. Он понимал, что каждую минуту может получить пулю от Гейдар-аги.

— Гейдар-ага, последний раз говорю, сдавайся! — снова раздался голос Волкова.

Гейдар-ага прислушался, что делается наверху. Там по-прежнему шла перестрелка. Тогда он выпрямился и крикнул в темноту.

— Я и мои люди живыми не сдадимся. Сейчас подниму склад на воздух!

— Все, что могло взорваться, давно убрано, — крикнул Волков.

— Тогда убью вашего шпиона! Если хотите сохранить ему жизнь, отпустите меня на свободу. Я дам приказ прекратить сопротивление. А людей моих можете забрать...

— Нет! — крикнул Мехтиев и рванулся к соседнему штабелю.

Гейдар-ага выстрелил в его сторону. Почти одновременно откуда-то с ящиков на Гейдар-агу прыгнули агрийский комсомолец Фархад и Волков.

Рухнув на колени под тяжестью Фархада, Гейдар-ага в упор выстрелил в Волкова. Тот словно в нерешительности остановился и медленно стал оседать на землю. «Они, кажется, убили Юсуфа», — промелькнуло в его угасавшем сознании. Луч фонаря, который он держал в руке,

скользнул по потолку подвала и медленно опустился по стене в темный угол.

Юсуф бросился к полоске света на земле. На полу распласталось могучее тело Волкова. Юсуф опустился на колени, но ничего не мог поделать со связанными руками. Он прислонил ухо к груди Волкова. Сердце не билось. Фархад и подоспевшие ему на помощь чекисты обезоружили Гейдар-агу и Новруз-бека. Стихла перестрелка и наверху около склада.

— Ну, теперь расплатишься за все... старый шакал... И за Агри тоже... — тяжело дыша, говорил Фархад, связывая главаря банды.

А. Лукин,
Т. Гладков

ПРЕРВАНЫЙ ПРЫЖОК

1 .

Третий месяц сильно потрепанный батальон майора Лемке сидел в этих проклятых окопах и не продвинулся вперед ни на метр. Тому, конечно, были тысячи оправдательных причин — и непроходимая топь, и нарушенное снабжение, и болезнь, какая-то болотная лихорадка, косившая солдат. Только вчера Лемке был вынужден отправить в тыл еще семерых, двоих — в безнадежном состоянии. Их, собственно, не стоило и вывозить, но он это сделал нарочно, чтобы начальство убедилось в том, как трудно ему приходится в Косой пади. Лемке прекрасно сознавал, что истинная причина трехмесячного топтания — упорное сопротивление русских. Иначе чем объяснить, что его соседи справа и слева, где нет никаких болот, тоже не смогли пробить оборону противника?

Но вечно так продолжаться не может. В период весенней распутицы командование еще мирилось с задержкой перед Косой падью, но теперь, он предчувствовал, приказ вышибить русских из болота и захватить их опорный пункт должен последовать с часу на час. Он был предусмотрителен: два года войны в этой стране не прошли даром. Уже третьи сутки разведчики шарили ночами по русскому переднему краю, пытались взять пленного. Лемке потерял двух солдат и унтер-офицера Бреннера, своего лучшего специалиста по «языкам», вместе с которым он воевал еще во Франции.

Майор поморщился — придется теперь писать его

вдове. Сколько таких писем он уже написал! Можно сказать, что из его старой команды остались в живых только фельдфебель Хильбиг и повар Клаус. Кто мог знать, что поход на Восток так обернется?

Но сегодня все-таки его день! Награды, конечно, не дадут (хотя себя в реляции там, в штабе полка, и не забудут помянуть), но по крайней мере этот надутый индюк полковник Эйзенхорн отвяжется от него хоть на несколько дней. Как-никак взяли «языка» — и какого! — старшего лейтенанта из штаба русского полка, расположенного прямо против него. Правда, фельдфебель Хильбиг, когда докладывал о результатах ночного поиска, утверждал, что русский офицер, проверявший дозорную службу своего переднего края, чуть ли не сам сдался в плен. Что-то он, Лемке, не припоминает случая, чтобы русские офицеры вот так, добровольно, сдавались. Все же он дурак, этот Хильбиг, хотя и храбрый солдат.

Следовало, конечно, сразу отправить этого старшего лейтенанта в полк, но майор Лемке не мог отказать себе в удовольствии первым допросить русского. Он подошел к столу и в который раз перебрал вещи, отобранные у пленного. Пистолет ТТ. Автомат. Нож. Электрический фонарик со шторкой. Две гранаты. Запасные обоймы. Часы. Коробка странных русских сигарет с длинными бумажными мундштуками. Спички. Планшет с картой. Никаких писем или семейных фотографий.

Лемке развернул карту и досадливо поморщился: на ней довольно точно был нанесен передний край его собственного батальона, но не было никаких данных об оборонительном рубеже русских. Потом раскрыл командирское удостоверение: с первой страницы ему весело улыбался красивый молодой человек лет двадцати пяти. В петлицах гимнастерки — по три кубика. «Красавчик, — с неожиданной обидой за собственные сорок пять лет подумал майор. — Посмотрим, как ты выглядишь сейчас».

— Гейнц!

В дверной проем блиндажа неуклюже втиснулся вестовой.

— Обер-лейтенанта Ротта и старшего писаря! И пусть фельдфебель Хильбиг приведет русского.

Через несколько минут почти одновременно в блиндаж вошли переводчик обер-лейтенант Ротт и писарь. Затем за дверью послышался топот нескольких пар ног,

и сияющий фельдфебель Хильбиг ввел пленного. Остальные конвоиры остались за порогом.

Лемке внимательно оглядел пленного. М-да... Этот босой, всклокоченный парень с синяком под правым глазом, в разорванной до пояса гимнастерке уже почти ничем не напоминал красавчика на фотографии. Видимо, Хильбиг успел-таки приложить к нему свою лапу. Что ж, это его право — расплата за ночной страх. Русский стоял посредине блиндажа, угрюмо опустив голову на грудь, переступая босыми ногами по земляному полу (сапоги успели снять, ловкачи).

Майор сел за стол и спросил:

— Имя? Звание? Должность?

Ротт перевел вопросы.

Еле шевеля разбитыми губами, каким-то сдавленным голосом русский ответил:

— Юрий Иванович Диков. Старший лейтенант. Офицер штаба шестьдесят четвертого полка сто восемнадцатой стрелковой дивизии.

Ротт перевел. Все это Лемке уже знал из документов, но порядок есть порядок. Он собрался было задать следующий вопрос, но русский опередил его:

— Я — офицер, господин майор, и не хотел бы давать сведения в присутствии нижних чинов.

Лемке оторопел. Похоже, что этот старший лейтенант действительно перебежчик и знает себе цену. Ротт действительно наклонился к Лемке:

— Господин майор, может быть, нам действительно лучше допросить его вдвоем?

Это было разумно. И Лемке приказал фельдфебелю и писарю выйти из блиндажа. А дальше произошло нечто совершенно неожиданное. Русский офицер резко вскинул голову, подошел к столу и без тени смущения опустил на раскладной стул. Лемке побагровел от злости.

— Успокойтесь, майор, и уберите кулак из-под моего носа. С меня вполне хватит и знакомства с вашим фельдфебелем.

От изумления у майора отвисла челюсть. Пленный русский, с которым он только что объяснялся через переводчика, теперь говорил на чистейшем немецком языке.

И не только говорил. Он вообще уже ничем не напоминал хмурого подавленного пленного, знающего, что ничего хорошего его не ждет. Теперь перед Лемке, заки-

нув босую ногу на ногу, сидел уверенный в себе сильный и властный человек. И держался так, словно не Лемке, а он был хозяином в этом блиндаже.

Лемке почувствовал, как по всему его телу проползла волна какого-то смутного, липкого страха.

— Вы говорите по-немецки? — все еще не веря своим ушам, почему-то шепотом задал он глупый вопрос.

— Не хуже вас, майор, — зло откликнулся русский и язвительно добавил: — В моем положении смешно обижаться, но пленного офицера вы могли бы вызвать к себе и пораньше.

Это была уже неслыханная дерзость! Лемке растерялся... Позорно, жалко растерялся. С какой-то неясной надеждой он повернулся к Ротту, но обер-лейтенант ничем не мог ему помочь. Он только суетливо вытирал пот с взмокшего лба.

Русский нагло ухмыльнулся, потом все так же без разрешения взял со стола свои папиросы и жадно закурил. Он с наслаждением затянулся, выпустил плотную струю синего дыма и, видимо, смягчившись, сказал:

— Ладно, не сердитесь за резкость, господин майор... У меня ведь тоже есть нервы. Я не русский военнопленный и не перебежчик... Я офицер абвера.

У Лемке голова совсем пошла кругом.

— Офицер абвера? Но в таком случае вы должны знать пароль для перехода линии фронта. Чем вы можете доказать...

— Я ничего не собираюсь вам доказывать, майор, — снова разозлившись, прервал его старший лейтенант. — Я не знаю пароля, потому что мой переход никак не планировался. Я успел лишь передать сообщение через своего связника, но получить пароль уже не успел. Но меня ждут. Поэтому от вас требуется только одно: немедленно связаться с представителем абвера и сообщить ему, что Веро перешел линию фронта и находится у вас...

Майор послушно встал и направился к двери.

— Одну секунду! — поспешил остановить его старший лейтенант. — Для ваших солдат я по-прежнему русский пленный. Попрошу вас лично связаться с представителем.

И вот Лемке докладывает обо всем представителю абвера. В глубине души у него еще шевелилась мысль, что вся эта нелепая, невероятная история не больше, чем мистификация, но стоило ему только закончить первую

фразу, как представитель прервал его и приказал передать трубку странному гостю.

Разговор был коротким. Старший лейтенант лишь повторил свое имя, выслушал что-то, сказал «хорошо» и нажал на рычаг. Все.

Он взял из коробки вторую папиросу и уже совсем по-дружески обратился к обоим офицерам.

— Через час за мной придет машина. А пока попрошу вас вернуть мои вещи. И,—он посмотрел на свои грязные босые ноги,—разумеется, сапоги.

Ротт, не дожидаясь приказа майора, пулей вылетел за дверь.

— Быть может, позвать врача? — Лемке деликатно покосился на заплывший глаз старшего лейтенанта.

Веро весело рассмеялся.

— Не стоит беспокоиться из-за пустяков, господин майор. Ваш врач слишком,—он сделал ударение на этом слове,—удивится, если ему прикажут оказать помощь русскому пленному.

Вернулся запыхавшийся Ротт. Веро ловко обернул ноги портянками и с явным удовольствием натянул ладные кожаные сапоги.

Лемке окончательно пришел в себя. История казалась ему малопривлекательной. Черт его знает, чем все может кончиться, если этот Веро наговорит своему начальству о том приеме, который оказал ему армейский майор. Нужно было исправлять ошибку. Он вытащил из-под койки пухлый чемодан и стал выгружать на стол свои припасы: бутылку настоящего рому, коробку страсбургского паштета, банку с тяжелым душистым медом, сало, еще какие-то консервы.

Через полчаса за дверью послышались голоса, и в блиндаж спустился незнакомый Лемке гауптман. Козырнул:

— Господин майор, машина,—он обвел всех взглядом и задержал его на Веро,—по-видимому за вами, прибыла.

Веро встал, поблагодарил за гостеприимство, пожал им руки и обернулся к приехавшему.

— Что ж, гауптман, ведите.

И второй раз за это утро на глазах Лемке и Ротта произошла удивительная метаморфоза. Веро весь сник, голова его вяло опустилась на грудь, взор потух. Перед ними опять был хмурый и подавленный пленный русский,

равнодушный даже к собственной участи... Медленно встала нога, заложив руки за спину, он направился к двери. За ним, сложив все вещи в большой портфель и закинув за плечо советский автомат, следовал гауптман.

Лемке обвел глазами блиндаж. А может быть, ему все это лишь почудилось? Его глаза остановились на столе. Рядом с пустым стаканом лежала оставленная гостем коробка странных русских папирос: на фоне синего неба и белых гор скакал всадник...

Откуда-то, словно издалека, донесся голос Ротта:

— Господин майор, вы не будете возражать, если я возьму эту коробку на память?

Лемке устало пожевал губами, криво улыбнулся:

— Не советую... Лучше держаться подальше от подобных сувениров. Они наталкивают на рассказы. А это в данном случае лишнее.

2

...Между тем штабной вездеход, медленно переваливаясь с боку на бок, осторожно полз по раскисшему проселку. Выбравшись на большак, гауптман, сидевший за рулем, прибавил газу, и через час вездеход подкатил к тщательно замаскированному полевому аэродрому. Двухместный «мессершмитт» уже гудел на летном поле.

— Счастливого полета,— сказал гауптман.— В Кракове вас встретят.

Веро кивнул головой и направился к самолету. Высокий худой летчик с удивлением посмотрел на необычного пассажира в изорванной форме русского офицера, но ничего не сказал: задавать лишние вопросы ему не полагалось. Помог подняться в кабину, сам аккуратно застегнул привязные ремни. Самолет взмыл в небо, описал круг над аэродромом и взял курс на юго-запад.

На краковском аэродроме Веро уже поджидала длинная черная машина с плотными шторками на окнах. Лимузин рванул с места, за десять минут проглотил пятнадцать километров и растворился в лабиринте узких краковских улиц. Водитель долго петлял по старой части города, пока не въехал, наконец, в предупредительно раскрывшиеся ворота.

Веро вышел из машины и огляделся. Он стоял перед красивым одноэтажным особняком, окруженным старым парком. Со всех сторон здание надежно ограждала глу-

хая кирпичная стена. Наметанный глаз Веро сразу определил, что с внутренней стороны стена обтянута тонкой, почти невидимой проволочной сеткой, должно быть, под током.

Из подъезда особняка навстречу ему уже спешил молодой человек в штатском, но с явной военной выправкой.

— Поздравляю с приездом, господин Веро. Меня зовут Курт.

— Благодарю вас, Курт. Господин полковник меня ждет?

— Он просил передать, что прибудет через час. Позвольте проводить вас в вашу комнату.

Комната понравилась Веро — большая, светлая, обставленная старинной мебелью красного дерева с затейливыми бронзовыми украшениями.

На стуле возле кровати висел отлично сшитый серый костюм, возле двери комнатные туфли и отлично начищенные ботинки. На покрывале кровати чья-то заботливая рука разложила белоснежную, тонкого голландского полотна рубашку, галстук, нижнее белье.

Даже не примеряя, Веро отметил, что вся одежда подобрана точно по его размерам.

В шкафу еще один костюм — темно-коричневый, плащ-дождевик, комплект незнакомой военной формы — черной, только с одним серебряным погоном.

Он прошел в блестящую никелем и кафелем ванную — сейчас это было, пожалуй, самое главное. Отличная золлингеновская бритва, лежавшая на стеклянной полочке перед зеркалом, привела его в превосходное настроение.

Гладко выбритый, освеженный, словно вновь родившийся, Веро повязывал галстук, когда дверь распахнулась и в комнату вкатился, стремительно перебирая коротенькими ножками, уже далеко не молодой, но необычно подвижный, толстый человек с большой лысиной. Одет он был в кремовый костюм из тонкой фланели.

— Здравствуйте, дорогой Георг! Наконец-то!

— Господин полковник!

Они поздоровались. Толстяк вытащил из бокового кармашка пиджака клетчатый носовой платок и долго утирал им прослезившиеся глаза. Потом он снова забежал вокруг стола, упругий, как мячик, восторженно восклицая:

— Это великолепно! Это великолепно! Какой сюр-

приз! Какой сюрприз! Когда мы виделись в последний раз?

Веро добродушно улыбнулся:

— В сороковом, мой полковник. Я уже был в училище. После того, как вы помешали мне кончить университет.

Толстяк схватил со стола тяжелый бронзовый колокольчик и отчаянно зазвонил. В дверях комнаты бесшумно вырос Курт.

— Обед!

— Слушаюсь!

За едой полковник по-прежнему болтал без умолку. Потом стал задавать вопросы.

— Как вам удалось перебраться в Ташкент?

— Это было полтора года тому назад. Собственно говоря, даже не знаю, кому обязан. Но это оказалось весьма кстати. Моя фиктивная невеста — вы ее знаете как «Риту» — стала работать в квартирном бюро, это было очень удобно. За день ей удавалось собрать прорву информации, там можно было спокойно встречаться со своими людьми, не вызывая подозрений.

— Да, мы вами довольны. Вы хорошо поработали в Средней Азии. Адмирал был удовлетворен.

Георг улыбнулся.

— Ладно уж, выдам секрет, вы награждены Железным крестом. Получите в Берлине. Поздравляю, поздравляю.

Полковник распахнул объятия и крепко облобызал Георга, толкнув его при этом тугим, круглым животиком.

— Но, Георг,— тут же вскричал он.— Я, конечно, очень рад, что вы, наконец, среди своих. Но скажите, ради бога, почему вы так неожиданно покинули Ташкент?

— По чистому недоразумению,— пожал плечами Георг.— Вы, полковник, должны себе представить обстановку советской военной школы. Все рвутся на фронт, даже те, кого прислали в школу после ранений. Каждый из моих коллег за год подавал по несколько рапортов с просьбой откомандировать в действующую армию.

— Странно,— хмыкнул полковник.

— Если бы вы родились в России и прожили столько, сколько я, вы бы нашли это совершенно обычным. Чтобы не выделяться среди сослуживцев, я тоже регулярно по-

давал рапорты в полной уверенности, что начальник школы полковник Галактионов меня никогда не отпустит. А тут, как нарочно, школу приехал инспектировать какой-то генерал из Ставки. Ему попался на глаза мой последний рапорт, и он... удовлетворил его. Через три недели я уже был на фронте. Хорошо, что хоть успел дать знать о себе.

— Как удалось перейти?

— Довольно легко. На этом участке фронта затишье. Пошел ночью осматривать передний край, переполз на ничью землю, вернее ничье болото, и попал прямо в руки наших разведчиков. Вот память от первого знакомства...— И Георг тронул уже успевший стать лиловым кровоподтек под глазом.

Он появился в нерешительности несколько секунд, потом все же спросил:

— Вы случайно не знаете, что с моими берлинскими родственниками?

Полковник встрепенулся.

— Извини, Георг, надо было раньше тебе о них рассказать. Конечно, все знаю, специально наводил справки. Старый Альберт умер еще в сороковом, я тебе писал (Георг утвердительно кивнул). Твой братец Курт на фронте, командует под Ленинградом танковой ротой, был ранен и награжден. Клара во Францию, служит переводчицей в оккупационных войсках. Так что в Берлине сейчас только тетка Катарина, она, конечно, постарела, но держится молодцом... Правда, у нее теперь другой адрес, старый дом в прошлом году разбомбили англичане.

— Я смогу с ней увидеться?

Полковник фон Заурих отрицательно покачал головой.

— К сожалению, пока это невозможно. Моя старая приятельница Катарина милейшая женщина, но болтлива... А твой приезд пока — государственная тайна...

— Понимаю вас, господин полковник.

Они помолчали. Потом фон Заурих спросил:

— Ты не забыл Берлин?

Георг оживился:

— Что вы! Как можно! Более красочного зрелища я не видел в жизни! Ведь это было в тридцать шестом!

Георг действительно до мельчайших подробностей помнил то жаркое берлинское лето — олимпийское лето. Непрерывные фейерверки, факельные шествия, гремя-

щая с утра до вечера бравурная музыка. По личному приказу Гитлера специально для олимпиады был построен громадный стадион. Весь город разукрасили тогда словно рождественскую елку. По вылизанным — без единой пылинки — берлинским улицам под звон фанфар и барабанный грохот маршировали штурмовики в новеньких коричневых рубашках и скрипящих ремнях, иступленная толпа восторженно приветствовала каждый успех немецких спортсменов, для них был даже придуман специальный орден. Витрины магазинов ломились от давно не виданных берлинцами товаров и продуктов. Населению рекомендовалось выходить на улицу только в праздничной одежде. Такой запомнилась Георгу столица третьего рейха в его первый и пока единственный приезд.

— Теперь город, конечно, не тот, — со вздохом сказал фон Заурих. — Светомаскировка, карточки, есть разрушения. Но дух берлинцев неколебим, как воля нашего фюрера.

За окном сгустились сумерки. Георг было потянулся включить торшер, но полковник остановил его:

— Не нужно.

Он налил себе еще рюмку коньяку. И странное дело: Георг вдруг почувствовал, что перед ним сидит вовсе не добродушный, жизнерадостный толстяк, а совсем другой человек. Этот другой спокойно, неторопливо допил свой коньяк, аккуратно вытер губы салфеткой и неожиданно сдержанным голосом сказал:

— Ну, а теперь, мой дорогой Георг, поговорим о делах.

— Я весь внимание.

И полковник Франц фон Заурих, заместитель начальника одного из трех главных отделов абвера, обрисовал своему протеже обер-лейтенанту Георгу фон Дихгоффу всю сложность и двусмысленность его положения.

3

...Отец Георга, или, если угодно, Юрия, — Иван Иванович Диков — происходил из давным-давно обрусевших немцев, еще его дед носил фамилию Дихгофф. Но хотя его предки уже несколько поколений жили в России, Иван Иванович считал себя все-таки немцем и русское свое имя-отчество рассматривал лишь как уступку окру-

жающим. Россию, однако, он все же по-своему любил и жизни своей вне ее не мыслил, хотя сам этой истины до конца не осознавал.

В 1910 году он уехал в фатерланд — российское высшее образование, по его убеждению, ровно ничего не стоило по сравнению с дипломом самого захудалого из германских университетов. Так полагать у него были некоторые основания, поскольку три последних поколения Диковых принадлежали к чиновному люду (правда, никто из них выше надворного советника так и не поднялся), а в этой своеобразной среде немецкий диплом почитался много выше российского, хотя, говоря откровенно, для того, чтобы занимать пост столоначальника в каком-либо департаменте или ведомстве, никакого высшего образования вовсе не требовалось.

В Иене Иван Иванович, как человек от природы необщительный и застенчивый, близко сошелся только с двумя студентами, ибо буйные манеры многих буршей, для которых лекции были лишь перерывами между попойками и дуэлями, его всерьез отпугивали. Один из двух его университетских товарищей был Альберт Дихгофф, не то двоюродный, не то троюродный брат Ивана Ивановича, второй — изящный и симпатичный молодой человек Франц фон Заурих, однокашник Альберга еще по гимназии.

Все трое очень дружили, казались неразлучными и в университете, и в свободное время. Но это только казалось, потому что у Франца фон Зауриха в отличие от братьев были и некоторые собственные интересы, а именно: он имел определенное отношение к ведомству знаменитого полковника Николаи — руководителя кайзеровской военной разведки.

Первая мировая война застала Ивана Ивановича уже в России. В армию его не призвали по врожденной болезни сердца, чем он остался очень доволен, поскольку смысла никакого в этой войне не видел и целей ее не понимал. Вплоть до ноября 1917 года он служил в одном из частных петроградских банков на довольно незначительной должности, поскольку из-за войны с Германией его немецкий диплом потерял всякую ценность. Никаких связей ни с Альбертом, ни тем более с Францем фон Заурихом он в те годы, естественно, не поддерживал.

В 1918 году судьба занесла его в Баку, где он женился. Через год у Диковых родился мальчик, которого для

всех Иван Иванович назвал Юрием, но для себя Георгом. Юрий оказался очень способным к языкам, чему, впрочем, немало способствовала и сама жизнь в многоязычном городе. В результате к десяти годам он даже не знал толком, какой из языков его родной: русский, немецкий, азербайджанский, турецкий или персидский.

В 1930 году неожиданно умерла жена Ивана Ивановича, он затосковал и решил сменить место жительства, для чего и переехал в Москву, где довольно легко нашел себе должность заведующего сберкассой.

Трудно сказать, как сложилась бы жизнь Георга дальше, если бы отец его в один прекрасный день на Большой Дмитровке не столкнулся бы нос к носу с... Францем фон Заурихом, потерявшим, правда, свою юношескую стройность и изящество, но все таким же веселым и жизнерадостным. Фон Заурих, как оказалось, находился в Москве в командировке в качестве представителя крупной немецкой электротехнической фирмы.

Франц фон Заурих побывал в гостях у Диковых, где и рассказал, что он по-прежнему дружит с Альбертом Дихгоффом, который живет нынче в Берлине с детьми Куртом и Кларой, почти того же возраста, что и Юрий. Переписка между Иваном Ивановичем и его немецкими родственниками таким образом возобновилась.

Фон Заурих приезжал в Москву еще раз три-четыре и жил в ней подолгу. И непременно привозил Диковым посылки от родственников, подарки и, конечно, всякие теплые слова. Заурих очень привязался к Юрию, часто беседовал с ним на разные темы во время долгих прогулок по городу, рассказывал о Германии, всячески подчеркивал, что хотя Юрий и русский, но немецкого происхождения и должен знать историю своей прародины и понимать ее историческую миссию.

А потом случилось так, что в очередном письме Дихгоффы пригласили Ивана Ивановича и Юрия навестить их, то есть приехать в Берлин на несколько недель. Сам Иван Иванович принять приглашение постеснялся, но против поездки в Германию Юрия, как раз окончившего среднюю школу, возражать не стал.

Так Юрий Диков оказался в Берлине в том самом году, когда столица третьего рейха была хозяйкой очередных Олимпийских игр.

И сами игры, и празднично украшенный город произвели на юношу огромное впечатление, остался он дово-

лем и теплым приемом со стороны родственников, особенно брата Курта, красивого, спортивного вида юноши, не снимавшего коричневой формы штурмовика. Франц фон Заурих тоже не оставлял Юрия без внимания, они виделись почти каждый день.

А дальше... Дальше произошло то, что и должно было произойти. Старый, опытный разведчик майор абвера Франц фон Заурих целиком овладел душой неопытного молодого человека. Поездка в Берлин была последним звеном в той долгой подготовительной работе, которую он провел еще в Москве.

Заурих не зря день за днем внушал Георгу, что он настоящий немец и его долг перед подлинным его отечеством — в служении высоким идеалам национал-социализма.

Так Юрий Иванович Диков, или иначе Георг Дихгофф, оказался в списках фашистской разведки. Вскоре у него появилось и другое имя, секретное, — даже не имя, а кличка — «Веро», которая означала по месту согласных в латинском алфавите порядковый номер нового агента в картотеке Франца фон Зауриха.

Через несколько месяцев после возвращения в Москву, когда Юрий уже был студентом филологического факультета, к нему в университетском скверике подошел незнакомый человек и передал привет от шефа... Последующие несколько недель этот человек (они встречались по вечерам в маленьком деревянном домике за Преображенской заставой) обучал Юрия работе на передатчике, шифровальному делу и прочим шпионским наукам. А потом дал первое задание...

В 1939 году опять же по распоряжению Зауриха Юрий бросил университет и поступил в военное училище, где его и застала война.

Волею судьбы и воинского начальства лейтенант Юрий Диков получил, как один из лучших в выпуске, назначение не в часть, а на преподавательскую работу в школу младших лейтенантов, переведенную в 1942 году в Ташкент. Ну, а дальше его судьба развивалась именно так, как он рассказал. И вот теперь Георг Дихгофф ожидал от полковника нового назначения.

Георг не знал, что его неожиданное прибытие задало Францу фон Зауриху нелегкую задачу. С одной стороны, Георг был одним из лучших германских агентов в СССР и, во всяком случае, лучшим специалистом по той стране,

в которой родился, вырос и получил военное образование. С другой стороны, он не был заброшенным агентом, более того — всего лишь один-единственный раз был в Германии! Поэтому, хотя ему и присваивали аккуратно очерченное звание, точно соответствующее званию, которое он носил в Красной Армии, а затем наградили и Железным крестом, но все же и в СД и в абвере к нему относились с некоторой подозрительностью. Но тут в дело вмешались высшие силы в лице начальника VI отдела Главного управления имперской безопасности бригаденфюрера Вальтера Шелленберга.

Дело в том, что Франц фон Заурих был не только полковником абвера, но и занимал крупный пост в СД — службе безопасности, подчиненной непосредственно рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. О деятельности оберфюрера СС фон Зауриха в этом учреждении не знал даже его официальный начальник глава абвера адмирал Вильгельм Канарис. В системе СД толстяк был птицей высокого полета, одним из личных консультантов по русским делам начальника иностранного отдела Вальтера Шелленберга.

Узнав о прибытии Веро, Шелленберг вызвал к себе фон Зауриха и объявил ему, что не считает возможным отказаться от такого ценного и перспективного специалиста, каким является его протеже. О достоинствах Георга он знал не понаслышке: все донесения Дихгоффа и его фиктивной невесты фон Заурих вручал не только Канарису, но и Шелленбергу, о чем адмирал, конечно, не знал.

— Учитывая все соображения, — сказал Шелленберг, — Георг должен перейти из абвера в СД, где будет работать под неусыпным контролем.

Шелленберг говорил с Францем фон Заурихом по своему обыкновению мягко и приветливо, но полковник прекрасно понял, что от поведения Дихгоффа зависит и его собственная карьера.

Вот почему остаток этого первого вечера и последующие два дня полковник абвера Франц фон Заурих, не упуская ни одной детали, посвящал Георга во все тонкости жизни и быта третьего рейха, описывал нравы и обычаи эсэсовской среды, рассказывал, как следует себя вести с будущими сослуживцами. И только когда счел, что тот все хорошо усвоил, торжественно объявил:

— Приказом рейхсфюрера СС Гиммлера вам при-

своею звание оберштурмфюрера СС. Приказом бригаденфюрера СС Шелленберга вы откомандированы в распоряжение начальника школы разведчиков оберштурмбаннфюрера СС Дитла в Копенгаген.

Так объяснилось наличие в платяном шкафу черной формы с погоном на одном плече вместо армейского мундира, который, как полагал Георг, ему придется носить на службе в абвере.

...Фон Заурих не объяснил Дихгоффу все тайные пружины этого назначения, а Георг его ни о чем больше не спрашивал. Он только поинтересовался, чем будет заниматься в Копенгагене.

— Во-первых, пополните ваши чисто профессиональные знания, узнаете вещи, которым в стрелковом училище не учат. А потом сами будете готовить людей для засылки в Россию и граничащие с ней страны.

— Когда являться?

— Через две недели. Уладьте сначала в Берлине свои дела. Там же получите жалованье за три года. Это кругленькая сумма, нужно подумать, куда ее лучше пристроить. Если не возражаете, мы проведем эти две недели в Берлине вместе.

Георг не возражал.

Вальтер Шелленберг был, наверное, единственным значительным лицом в Главном управлении имперской безопасности, который предпочитал штатский костюм черной эсэсовской форме. В этом отношении он был похож на адмирала Вильгельма Канариса, начальника абвера. Но дальше пристрастия к элегантным пиджакам их сходство, казалось, не шло. Канарис был низкоросл и ищупл. Шелленберг достигал почти двух метров. Длинноносый, лысоватый Канарис мог сойти за учителя провинциальной гимназии. Круглолицый, с пробором по ниточке в сверкающих темных волосах, с белозубой ослепительной улыбкой, Шелленберг скорее походил на преуспевающего коммивояжера или популярного киноактера. Наконец, Канарис уже приближался к шестидесяти, тогда как Шелленбергу только перевалило за тридцать.

И тем не менее у этих столь разных внешне людей было много общего. Оба были много умнее и хитрее тех, кому подчинялись по службе. Оба старались держаться в тени, хотя и обладали гипертрофированным честолюбием.

Не было, пожалуй, человека в Германии, у которого бы не холодело сердце при одном упоминании рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, начальника службы безопасности Рейнгарда Гейдриха, его преемника Эрнста Кальтенбруннера или начальника гестапо группенфюрера СС Генриха Мюллера. Имени Шелленберга за пределами службы безопасности не знал почти никто. Но, однако, многоопытнейший лис Вильгельм Канарис считал своего молодого коллегу самым опасным человеком в эсэсовской верхушке. Это и в самом деле было так, хотя бы потому, что имя Шелленберга никто не связывал со страшной репутацией службы безопасности. Аресты врагов империи, пытки, казни — все это формально входило в сферу деятельности IV отдела, иначе именуемого государственной тайной полицией, или, короче, гестапо. Начальник же VI отдела занимался всего лишь иностранной разведкой и контрразведкой. Но сведущие люди понимали, что к чему...

Канарис, как непосредственный конкурент и соперник Шелленберга, не случайно опасался его больше, чем, скажем, Гейдриха, в свое время достигшего почти такого же могущества, как сам Гиммлер. Как раз нескрываемое честолюбие и погубило Гейдриха. Он мечтал сам о мундире рейхсфюрера СС и стремился стать единоличным главой всей тайной службы страны, для чего ему нужно было подчинить себе абвер.

Чего же достиг Гейдрих? Почетных национальных похорон. Гиммлер, конечно, жестоко наказал чехов за убийство своего ближайшего помощника, но ведь он мог... перехватить отважных парашютистов еще до того, как они вышли на улицы Праги, чтобы совершить свой отчаянный подвиг. И Вильгельм Канарис, осведомленный о предстоящем покушении, старший сослуживец Гейдриха по флоту и его сосед по виллам в Плахтензее, не посоветовал своему постоянному партнеру по теннису сменить в тот роковой день обычный маршрут...

Шелленберг не рвался к посту рейхсфюрера СС. Юрист по образованию и достаточно прозорливый человек, он вовсе не собирался брать на себя всю ответственность за ту мрачную славу, которой пользовалась во всем мире служба безопасности гитлеровской Германии. Его честолюбие и интересы вполне удовлетворяло то обстоятельство, что именно он, а не, скажем, группенфюрер Мюллер, обладал реальным и, в сущности, неограничен-

ным влиянием на Гиммлера, который называл его даже своим младшим братом. Это влияние означало настоящую власть, но невидимую для окружения.

По целому ряду соображений Шелленберг не собирался до поры подчинять себе абвер. Канарис отвечал за всю военную разведку и контрразведку в армии — брать такую обузу в пору неудач на всех фронтах Шелленбергу было просто нецелесообразно, хотя именно этого страстно хотели и его непосредственный начальник Кальтенбруннер и Гиммлер. Совсем другое дело — прибрать Канариса к рукам. Для этого был только один путь — осуществить силами своего управления операцию, способную оказать решающее влияние на ход военных действий, и уже потом, при более благоприятной обстановке включить абвер в свою систему.

При этой мысли бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг любовно погладил ладонью только что извлеченную из сейфа коричневую кожаную папку с хитроумным замочком.

В папке лежало всего несколько бумаг — донесений от агентов из разных уголков земного шара. Кроме того, там находился еще один документ, составленный уже самим Шелленбергом: докладная записка, отпечатанная им собственноручно всего в двух экземплярах. Докладная была составлена так обтекаемо, без обращения, что ее можно было вручить и Гиммлеру, и Гитлеру. Она не содержала каких-либо определенных предложений, но неизбежно приводила к принятию вполне определенного решения.

Шелленберг убивал сразу двух зайцев: предоставлял тщеславному фюреру возможность проявить лишний раз свою «гениальность» и снимал с себя на всякий случай ответственность за тот приказ, который, он не сомневался, отдаст Гитлер.

Вчера эта докладная стоила ему немало нервов. «Черный Генрих» был известен во всем мире своей жестокостью и властолюбием. Но только он, Шелленберг, знал, каким безвольным, слабохарактерным трусом был Гиммлер на самом деле. В присутствии Гитлера рейхсфюрер СС, наводивший трепет на пол-Европы, буквально цепенел от страха. Он был не способен сделать даже мало-мальски продолжительный доклад фюреру — у него сводило рот.

Гиммлер мгновенно понял, что может означать док-

ладная записка Шелленберга, но он был патологически не способен вот так, сразу, идти с ней к фюреру. Ему нужно было хотя бы несколько дней, чтобы привыкнуть к мысли о предстоящем разговоре с Гитлером. Он хитрил, петлял, изворачивался, ссылаясь на плохое здоровье фюрера. Шелленбергу потребовались весь его ум и настойчивость, чтобы убедить рейхсфюрера не откладывать дела в долгий ящик. Начальник VI отдела прекрасно знал, что вялым и нерешительным Гиммлер будет только до тех пор, пока Гитлер не отдаст приказ, а тогда уже рейхсфюрер не простит ему, Шелленбергу, и дня задержки, хотя она и произошла по его собственной вине.

А между тем в распоряжении Шелленберга и так уже оставалось не слишком много времени для проведения операции. Правда, он позаботился кое о чем заранее, и уже с неделю назад приказал своему адъютанту оберштурмфюреру СС барону Фелькерзаму подготовить проекты приказов, которые он подпишет сразу после возвращения от Гитлера, к себе на Беркаерштрассе.

Наконец, спешить следовало уже и потому, что Канарис мог его опередить. Положение адмирала в последние недели было незавидным. Попросту говоря, он висел на волоске, и Шелленберг понимал, что старый интриган для восстановления своего пошатнувшегося авторитета не преминет выложить на стол козырного туза, как только вытянет его из колоды...

Размышления Шелленберга прервало кваканье «лягушки» — специального зеленого телефона, установленного только у высших должностных лиц Третьей империи.

В трубке послышался глуховатый голос Гиммлера:

— Фюрер примет нас в одиннадцать часов. Будьте в приемной рейхсканцелярии без пяти минут с документами.

— Слушаюсь, господин рейхсфюрер.

Шелленберг взглянул на часы: еще только десять. Времени вполне достаточно, чтобы заехать домой переодеться, к Гитлеру нужно являться в форме.

...Тяжелый черный «хорх» бригаденфюрера остановился за несколько метров до ворот рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе — дальше следовало идти пешком. Прсходя сквозь величественную ограду, Шелленберг саркастически усмехнулся. Когда было завершено строительство нового здания имперской канцелярии, перед ним установили великолепную решетку и тяжелые ворота из кова-

ной меди. В первый же день войны с Россией власти призвали население сдать для нужд военной промышленности все имеющиеся изделия из цветных металлов. Гитлер, чтобы подать пример, сделал широкий жест: пожертвовал новую медную решетку, о чем, разумеется, с восторгом раструбили газеты. Вместо медной была установлена точно такая же решетка из дерева. «Жертва» фюрера была чисто символической: предполагалось, что Россия через шесть недель рухнет, после чего «случайно» не переплавленные ворота будут торжественно водворены на место. Вместо шести недель прошло уже два года, и никто не знает, сколько еще времени злополучное пожертвование будет пылиться на складе.

Гиммлер был уже в приемной. Тщедушный, удивительно похожий на крысу, он мелкими шажками ходил от кресла к креслу, нервно потирая всегда потные руки. Невнятно, словно в горле у него застрял непрожеванный кусок, поздоровался с Шелленбергом и протянул руку за документами.

Откуда-то сбоку неслышно появился личный адъютант Гитлера:

— Фюрер ждет вас, господа.

Гиммлер поправил на носу узкие стекла пенсне и первым шагнул в распахнувшуюся дверь.

Фюрер, нахохлившись, стоял над развернутой крупномасштабной картой, упершись руками в края огромного полированного стола. Неопрятная серая прядь волос спадала на узкий пергаментный лоб. Углы судорожно сжатого рта мелко подрагивали. Над его головой надменно взирал в пространство Фридрих II...

Гитлер не обратил на вошедших никакого внимания. Гиммлер и Шелленберг почтительно замерли в двух шагах от стола, не решаясь первыми нарушить молчание.

Фюрер медленно выпрямился. Тусклые глаза его с расширенными зрачками были обращены вверх. Потом в них словно включилось что-то, и он вышел из оцепенения. Подобие улыбки пробежало по его землистому лицу.

— Мой фюрер,— утробным голосом начал Гиммлер,— сегодня я пришел к вам с известием чрезвычайной важности.

— Иных у вас никогда не бывает, Генрих,— с плохо скрытой иронией отметил Гитлер,— как, впрочем, и у вашего друга Канариса.

На лбу Гиммлера выступили капли пота, он не лю-

бил, когда Гитлер так с ним разговаривал. Сделав вид, что не заметил насмешки, он повторил торжественно:

— Чрезвычайной важности! Последствия могут быть исключительными.

Гиммлер был лаконичен... Он раскрыл папку и положил перед Гитлером несколько листов с текстом, отпечатанным необычайно крупным шрифтом. Гитлер был близорук, но из соображений престижа не желал пользоваться очками. Поэтому все документы, предназначенные для него, печатали на особых машинках.

Гитлер схватил первый лист, мгновенно пробежал его глазами... Потом второй, третий, четвертый. Снова первый.

Наконец, он оторвался от бумаг и поднял голову. Шелленберг невольно содрогнулся — так страшен был фюрер в этот миг. Жестокая судорога исказила его желтое лицо, превратив его в маску, только блестели остекленевшие глаза.

— Когда? — хрипло выдавил он единственное слово.

— Точно еще неизвестно, мой фюрер, — поспешно ответил Шелленберг, — но скорее всего в ноябре.

— Известно ли об этом Канарису?

— Я был бы крайне удивлен, если бы адмирал, располагая подобной информацией, не доложил бы о ней немедленно своему фюреру, — двусмысленно сказал Гиммлер. Это был удар, точно направленный в спину начальника абвера.

Гитлер выпрямился. Теперь его лицо раздирал нервный тик. Он заложил правую руку за борт френча и каким-то свистящим шепотом произнес:

— Да, вы правы, Генрих. Высшим силам угодно покарать врагов Германии, и они вложили мне в руки меч. И я не дрогну. Это будет великий день в истории. День, когда одним ударом я решу судьбу войны.

Гитлер вышел из-за стола, встал перед замершим Гиммлером и положил ему руку на плечо:

— Я беру на себя миссию выполнить волю высших сил! Идите, Генрих, и да свершится то, что предначертано!

— Хайль!

Гиммлер и Шелленберг одновременно выбросили руки в партийном приветствии. Аудиенция была закончена.

Николай Кузнецов вышел из офицерского казино часов в десять вечера. Его удерживали, уговаривали остаться еще на час-другой, но он все-таки ушел, сославшись на усталость и головную боль. На самом деле причина была другая: просто хотелось побыть одному, собраться с мыслями, проанализировать наблюдения последних дней.

Было уже темно. Редкие фонари едва пробивали шуршащую пелену не по-осеннему теплого дождя. Кузнецов шел мерным, четким шагом, ставшим привычным за год жизни в чужой шкуре. Низко надвинув на брови козырек высокой фуражки, подняв воротник светло-серого форменного плаща, он шагал, не сворачивая даже перед лужами.

Каждые пять-десять минут навстречу попадались парные патрули: нахохленные солдаты в стальных шлемах, с автоматами наготове. «Боятся», — с удовольствием подумал Николай Иванович.

Действительно, после событий минувшего лета, особенно после того, как в разгар сражения на Курской дуге был взорван Прозоровский мост, через который шла значительная доля снабжения Восточного фронта, оккупанты резко усилили охрану всех военных объектов в Ровно, удвоили численность патрулей в городе, ввели новые строгости.

Впрочем, Кузнецова это не слишком беспокоило. Документы на имя обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта были в полном порядке.

Так шагай же смело, обер-лейтенант Зиберт, по притихшим улицам зеленого городка Ровно. Но держись подальше от окраинных улочек и глухих переулков, здесь высокая офицерская фуражка, Железный крест на груди могут обернуться мишенью для меткой партизанской пули.

Николая Ивановича даже передернуло от этой мысли. Он не боялся смерти ни в бою, ни в застенках гестапо. Но погибнуть от руки своего... Почему-то он раньше никогда не задумывался над тем, что может случиться и такое.

Потом представил, как приедет в этот город после войны, пройдет по знакомым улицам с Лидией Лисовской, ее двоюродной сестрой Майей Микота, с Валея

Довгер и другими товарищами. Да первый же мальчишка потащит их в милицию! Он представил, как Майя яростно доказывает какому-нибудь усатому старшине, что они не гады, известные всему городу, а советские разведчики особого чекистского отряда Медведева, и невольно расхохотался.

И снова Кузнецов вернулся к предмету своих постоянных размышлений в последнее время. Фон Ортель... Что делает в Ровно этот внешне невозмутимый, явно незаурядный эсэсовский офицер? В том, что он был разведчиком, Кузнецов не сомневался. И опирался не только на интуицию, но и на вполне реальные факты. Прежде всего фон Ортель в двадцать восемь лет был явно молод для звания штурмбаннфюрера СС. Он мог его получить только за какие-то особые заслуги. Ортель, чувствовалось, обладал и немалым опытом. Это подтвердили и рассказы Майи, которую Ортель, с ведома, разумеется, и Кузнецова и командования отряда, завербовал в свои секретные сотрудницы.

Никто не знал, где служит Ортель и вообще связан ли хоть с каким-нибудь учреждением в городе. Держался он абсолютно независимо. Несколько раз Кузнецов имел повод убедиться, что Ортель, не занимая вроде бы никакого официального поста, пользуется в гестапо и СД огромным вниманием. В деньгах, в отличие от других приятелей Зиберта, он не нуждался.

За бесконечно долгие месяцы работы во вражеском тылу Николай Иванович научился довольно легко и быстро разбираться в характерах своих многочисленных «друзей» и нащупывать слабые стороны каждого. С фон Ортелем держаться нужно было предельно осторожно. Кузнецов понимал, что ничего пока не подозревавший штурмбаннфюрер не оставит без внимания ни одного неверного слова или жеста. Поэтому в отряде решили, что он не будет даже пытаться заводить игру с фон-Ортелем, предоставив событиям развиваться своим чередом.

В первые недели работы в Ровно все немецкие офицеры казались Николаю Ивановичу на одно лицо — просто гитлеровцами, оккупантами, которых надо уничтожать, но с которыми он, Кузнецов, вынужден ходить по одним улицам, веселиться в одних ресторанах, говорить на одном языке, здороваться за руку. Ненависть к врагам Родины со временем не уменьшилась, но возросли

выдержка и хладнокровие разведчика, его опыт. Какими бы похожими не были его новые «друзья», все же они были разными, с разными судьбами, характерами и вкусами. От его способности разобраться в них зависел успех дела.

Фон Ортель был, безусловно, самым любопытным из всех, с кем встречался обер-лейтенант в Ровно. Он выгодно отличался от узколобых офицеров вермахта своим кругозором, независимостью, эрудицией, остроумием. Прекрасно знал литературу и разбирался в музыке.

Однажды в присутствии Кузнецова фон Ортель подождал в ресторане какого-то человека, судя по одежде и внешности — местного, и заговорил с ним на чистейшем русском языке. Разговор, довольно пустяковый, длился минут десять. Ничем не выдав, что он понимает каждое слово, Кузнецов внимательно слушал. Николай Иванович вынужден был признаться, что заговори с ним фон Ортель, скажем, где-нибудь на улице Мамина-Сибиряка в Свердловске, он бы никогда не подумал, что это иностранец. Штурмбаннфюрер владел русским языком не хуже, чем Кузнецов немецким.

— Откуда вы так хорошо знаете русский? — задавая этот вопрос, Кузнецов ничем не рисковал.

— Давно им занимаюсь, дорогой Зиберт. А вы что-нибудь поняли?

— Два-три слова. Я знаю лишь несколько десятков самых нужных готовых фраз. Заучил по военному разговорнику.

Фон Ортель понимающе кивнул.

— Могу похвастаться — говорю по-русски совершенно свободно. Имел случай не раз убедиться, что ни один Иван не отличит меня от своего. Разумеется, если на мне будет не эта форма...

Фон Ортель весело захохотал, а Кузнецов с ненавистью покосился на серебряные петлицы эсэсовского мундира.

Посерьезнев, фон Ортель продолжал:

— Вы производите впечатление человека, который умеет хранить секреты. Так уж и быть, признаюсь вам, что я имел возможность перед войной два года прожить в Москве.

— Чем же вы там занимались?

— О! Отнюдь не помогал большевикам строить социализм,

— Понимаю...— протянул Кузнецов.— Значит, вы разведчик?

— Не старайтесь выглядеть вежливым, мой друг. Ведь про себя вы употребили другое слово: шпион. Не так ли?

Кузнецов в знак капитуляции шутливо поднял руки:

— От вас ничего невозможно скрыть. Действительно, я именно так и подумал. Простите, но у нас, армейцев, эта профессия не в почете.

— И зря,— ничуть не обидевшись, сказал эсэсовец.— При всем уважении к вашим крестам могу держать пари, что я причинил большевикам больший урон, чем ваша рота.

О содержании этого разговора командование отряда сообщило в Москву.

Видимо, эсэсовец по-своему привязался к несколько наивному и простоватому фронтовику, проникся к нему доверием, а потому и перестал стесняться. Постепенно Кузнецов убедился, что фон Ортель, несмотря на свою кажущуюся привлекательность, человек страшный. Враг хитрый, коварный, беспощадный.

При этом Кузнецова изумляло, с какой резкостью, убийственным сарказмом отзывался фон Ортель о руководителях германского фашизма. Геббельса и Розенберга он без всякого почтения называл пустозвонами. Коха — трусом и вором. Геринга — зарвавшимся лавочником. Подслушай кто-нибудь их разговор — обоих ждала петля. Фон Ортель только хохотал:

— Что вы примолкли, мой друг? Думаете, провоцирую? Бойтесь? Меня можете не бояться. Бойтесь энтузиастов без мундиров, я их сам боюсь...

Фон Ортель был циником: он не верил ни в библейские догмы, ни в нацистскую идеологию.

— Это все для стада,— сказал он как-то, бросив небрежно на стол очередной номер «Фелькишер Беобахтер».— Для толпы, способной на действия только тогда, когда ее толкает к этим действиям какой-нибудь доктор Геббельс.

— Но почему вы так же добросовестно служите фюреру и Германии, как и я, хотя и на другом поприще? — спросил Кузнецов.

— А вот это уже деловой вопрос,— серьезно сказал фон Ортель.— Потому, что только с фюрером я могу добиться того, чего хочу. Потому, что меня удовлетворяют

и его идеология, хотя я в нее не верю, и его методы, в которые я верю. Потому что мне это выгодно!

Подобная откровенность указывала на то, что фон Ортель был действительно заинтересован в привлечении боевого офицера к каким-то своим делам. И следовало ожидать, что он проявит свое расположение в чем-либо серьезном.

И штурмбанифюрер сделал это.

5

...Никто из сотрудников рейхскомиссариата Украины не знал с достаточной достоверностью, что входит в круг служебных обязанностей майора Мартина Геттеля. Никто не мог похвастаться, что был у него не то что дома, но и в служебном кабинете. Геттель не впускал туда даже уборщицу и самолично возился с веником и совком.

Большую часть рабочего дня кабинет долгового «рыжего майора» (так его называли за глаза) был закрыт на ключ, а его хозяин бродил вроде бы бесцельно по служебным помещениям, болтая с коллегами. Но и офицеры в более высоких чинах избегали, кроме как в случаях совсем уже крайней необходимости, обсуждать что-либо с Геттелем.

Несколько раз майор напрашивался проводить до дому Валью Довгер, мнимую невесту Зиберта. Общество Геттеля было мало приятно девушке, но она резонно рассудила, что не стоит высказывать свою неприязнь почти незнакомому офицеру, который, как нетрудно было догадаться, мог причинить серьезные неприятности и более крупным фигурам, чем скромная делопроизводительница рейхскомиссариата из фольксдойче.

Поначалу Геттель был достаточно тривиален. Преподнес несколько дежурных армейских комплиментов, потом с грустью в голосе признался в одиночестве. Валя знала, что после подобных вступлений, как правило, следует предложение провести вечер в ресторане, и приготовилась уже было ответить, что ходит куда-либо очень редко и только в сопровождении жениха, но поняла, что ее спутника интересует вовсе не она, а ее жених.

— Все-таки многое несправедливо в нашем мире,— жаловался Геттель.— Стоило только обер-лейтенанту Зиберту приехать в Ровно, как он сразу встретил такую прелестную девушку. А я сижу здесь уже бог знает

сколько и не завел ни одного интересного знакомства...

Майор печально вздохнул и спросил:

— Ну, скажите, пожалуйста: как это ему удалось?

Внутренне насторожившись, Валя защебетала. С самым беспечным видом она пересказала давно и основательно разработанную историю своего знакомства с женой.

Эти расспросы вполне могли бы сойти за чрезмерное любопытство — и только, не будь у Геттеля молчаливо признанной всеми репутации соглядатая. Но что скрывается за его вопросами? Обычная профессиональная подозрительность или обоснованное серьезное недоверие? Немаловажное значение имело и то, кому докладывается Геттель. Одно дело, если он просто осведомляет кого-либо из высших чиновников рейхскомиссариата Украины, другое дело — абвер, и уж совсем другое — если гестапо или СД. В любом случае Валя понимала: нужно немедленно предупредить Кузнецова.

Между тем они подошли к дому Вали. Прощаясь, майор выразил надежду, что фрейлен Валентина устроит ему при случае встречу с обер-лейтенантом.

Валя обещала...

В тот же вечер девушка подробно, не пропуская ни малейшей детали, передала Николаю Ивановичу содержание разговора.

Командованию отряда было над чем задуматься. С одной стороны, кроме расспросов Геттеля ничто не давало оснований полагать, что Зиберт выслежен и разоблачен. Иначе не гулять бы ему уже по улицам Ровно, а сидеть на Почтовой, 26 — в гестапо...

С другой стороны, могло быть, что гитлеровцы «зацепили» его, но не имеют пока серьезных доказательств, что перед ними советский разведчик, и выжидают.

Наконец, имела право на существование и третья, самая правдоподобная версия: Мартин Геттель вел непонятную пока игру самостоятельно, до поры до времени никого в нее не посвящая. Тщательно взвесив все «за» и «против», командование склонилось в пользу третьей версии и рекомендовало Кузнецову пойти на встречу с Геттелем.

И вот тут-то фон Ортель сделал шаг, который в условиях фашистской Германии должен был быть расценен как высшее проявление дружбы и доверия.

— Я хочу дать вам добрый совет, Пауль,— сказал

штурмбаннфюрер Зиберту наедине,— вернее, не вам, а вашей невесте. Последнее время ей оказывает внимание майор Геттель...

Зиберт оскорбленно выпрямился.

— Ревновать фрейлен Валентину, мою невесту, к майору...

— Успокойтесь, Пауль. При чем здесь ревность? Речь идет совсем о другом. Я вам друг и именно поэтому желаю фрейлен Валентине держаться подальше от Геттеля. Я встречал этого парня в «Доме Гиммлера» на Принц-Альбрехтштрассе.

Разъяснений не требовалось. В Германии содрогались при простом упоминании этого адреса. На Принц Альбрехтштрассе, 8 в Берлине размещалось Главное управление имперской безопасности. Значит, Геттель действительно гестаповец.

Николай Иванович теперь не сомневался, что раз Геттель завел разговор о нем с Вале́й Довгер, он непременно попытается прощупать и других его знакомых. Этот прогноз подтвердился уже на следующий день: майор вызвал к себе Лидию Лисовскую, у которой Зиберт снимал комнату.

— Должен вас предупредить,— начал он,— что содержание нашего разговора строго конфиденциально. Вы поняли меня?

Лидия поняла.

Удовлетворенно кивнув, Геттель продолжал:

— Что известно вам или вашей сестре об обер-лейтенанте Зиберте?

Пожав плечами, Лидия рассказала все, что считала нужным. Следующий вопрос Геттеля был довольно неожиданным:

— Не говорил ли Зиберт вам что-либо об Англии?

Лидия недвуменно переспросила:

— Об Англии? Почему он должен говорить со мной об Англии? У нас достаточно других интересных тем для бесед.

Геттель был упрям.

— В таком случае, может быть, он употреблял иногда в разговоре английские слова?

Лидия рассмеялась.

— Но я не знаю английского языка... Насколько мне известно, Пауль говорит только по-немецки... Правда, он знает несколько десятков польских и украинских слов,

во их знают все немецкие офицеры, которые здесь служат...

Геттель задумался. Наконец он пришел к какому-то решению.

— Я попрошу вас сделать следующее, фрейлен. Попробуйте как-нибудь в разговоре с Зибертом, вроде бы случайно, употребить словечко «сэр». Приглядитесь, как обер-лейтенант прореагирует на такое обращение, и доложите мне.

Сам того не ведая, майор Мартин Геттель раскрыл свои карты. По-видимому, Геттель заподозрил, что обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт является... агентом Интеллидженс сервис.

Теперь стало понятно, почему Геттель, подозревая Зиберта в шпионаже, не пытался его задержать, а стремился к личному знакомству. По-видимому, майор, будучи по роду службы человеком, достаточно хорошо информированным о положении на фронтах, понимал, что гитлеровская Германия войну проиграла, что близкий крах неизбежен, и поэтому решил заранее войти в контакт с английской разведкой, чтобы, переметнувшись вовремя на ее сторону, уйти от возмездия.

Он рассчитывал, что «английский агент» Зиберт оценит его молчание по достоинству и замолвит за него несколько добрых словечек перед своим начальством в Лондоне. А там не все ли равно, кому служить: Германии или Англии, лишь бы спасти свою шкуру. Не он, Геттель, первый, не он последний... Именно поэтому Геттель ни с кем из своего начальства не поделился подозрением о личности обер-лейтенанта Зиберта.

Было решено: Николай Иванович Кузнецов пойдет на встречу с майором Геттелем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию в интересах советской разведки. Встреча, к которой так стремился гестаповец, состоялась на квартире Лидии Лисовской. Геттель держался чрезвычайно дружелюбно, всячески старался показать свое расположение к новому знакомому, расточал комплименты в адрес невесты обер-лейтенанта:

— Фрейлен Валентина всеобщая любимица в рейхс-комиссариате,— с умилением говорил он.— Предлагаю тост за ваше счастье, Зиберт!

Когда выпили еще по несколько рюмок, Кузнецов встал и, словно эта мысль только что пришла ему в голову, предложил:

— А не встряхнуться ли нам сегодня как следует по поводу знакомства, господин майор? — И смеясь, добавил: — Если вы гарантируете, что моя невеста ничего не узнает, то мы можем превосходно провести время в обществе двух очаровательных дам...

Геттель все понял сразу. Зиберт, конечно, не станет приглашать случайного знакомого на холостяцкий кутеж с дамами, видимо, разговор пойдет на интересующую обоих тему. Он, разумеется, согласился...

Офицеры распрощались с Лисовской и вышли из дому. При виде хозяина невысокий, коренастый шофер-солдат услужливо распахнул дверцу автомобиля.

— Николаус! — Зиберт неопределенно помахал ладонью. — Едем, маршрут обычный.

Николай Струтинский нажал на стартер, и машина мягко тронулась с места.

Кузнецов вез Геттеля на квартиру надежного человека — подпольщика Леонида Стукало. Но от этого варианта пришлось отказаться: поблизости от дома Стукало что-то случилось, на улице собралась толпа, прибыла уголовная полиция.

«Этого не хватало! — с досадой подумал Кузнецов. — Придется перестраиваться». И Николай Иванович приказал Струтинскому ехать по другому адресу.

— Мы возвращаемся? — с удивлением спросил Геттель.

— Нет, просто я хотел заехать за одной дамой, она здесь живет, но в последний момент вспомнил, что она уже должна быть у подруги, — сказал Кузнецов первое, что пришло в голову.

Роберт Глаас был ничем не примечательным сотрудником «Пакетаукциона» — весьма характерного оккупационного учреждения, специально занимающегося отправкой в Германию посылок с продовольствием и вещами, награбленными гитлеровцами у населения. Глаас считался ревностным служакой, исполнительным, услужливым, хотя и не хватающим звезд с неба. У начальства был на хорошем счету.

Начальника «Пакетаукциона» генерала Кнута, должно быть, хватил бы апоплексический удар, если бы он узнал, что этот скромнейший из его подчиненных на самом деле старый антифашист-подпольщик.

На его-то квартиру и решил ехать Кузнецов.

Глаас встретил неожиданных гостей приветливо. Бы-

стро накрыл на стол. Кузнецов снял портупею с кобурой, велел Струтинскому повесить ее на гвоздь за шкафом, предложил раздеться и Геттелю. Нехотя майор тоже освободился от оружия.

— Мои приятельницы, видимо, немного задерживаются, — улыбаясь, сказал Зиберт, — давайте выпьем пока, господин майор, чтобы не терять времени зря.

Геттель не возражал, и Николай Иванович налил в рюмки яичный ликер. Постепенно завязался многозначительный разговор с взаимными намеками, тонкими инсказаньями. Неизвестно, чем бы закончилась эта дипломатическая игра Кузнецова с Мартином Геттелем, если бы Николай Струтинский не совершил ошибки. Совсем небольшой. Пустячной. Но в разведке крупные и не нужны. Обычно вполне достаточно бывает и пустячных. Николай Струтинский без разрешения подсел к общему столу...

Майор Геттель осекся на полуслове. Немецкий солдат, к тому же поляк по национальности, никак не мог бы позволить себе сесть за офицерский стол, даже если бы его позвали. Но подобной фамильярности не потерпит и кадровый английский офицер! А только им в представлении майора Геттеля и был обер-лейтенант Пауль Зиберт!

Значит... Значит, Зиберт не агент Интеллидженс-сервис! Но в таком случае кто же он? Неужели советский разведчик?! В глазах Геттеля мелькнул ужас. Он рванулся к своей портупее...

Через полминуты Геттель был скручен и крепко привязан к стулу. Побелевшего от страха майора била нервная дрожь. На лбу выступили крупные капли холодного пота.

По воле случая задуманная игра отменялась. Теперь Николаю Ивановичу не оставалось ничего другого, как, отбросив маскировку, просто допросить гитлеровского контрразведчика. Вымаливая жизнь, Геттель рассказал все, что знал.

— Кто такой штурмбаннфюрер Ортель? — спросил Кузнецов.

— Этого я сказать не могу.

— Повторяю вопрос: кто такой Ортель? — Кузнецов повысил голос.

— Но я этого действительно не знаю! — истерически вскрикнул Геттель. — Это не известно никому!

— Даже доктору Йоргенсу, начальнику СД? — с иронией спросил Кузнецов.

— Даже ему! Я знаю только одно, что у штурмбаннфюрера Ортеля огромные полномочия от Главного управления имперской безопасности.

Кузнецов чуть было не присвистнул: «Ого! Значит, фон Ортель действительно птица крупного полета!»

— Каково же его официальное положение в Ровно?

— Не знаю. С нами он почти не имеет никаких дел. У него есть нечто вроде конторы на Дойчештрассе, 272. Под видом частной зубоврачебной лечебницы. Два или три раза к нему приезжали из Германии какие-то люди. Иногда он увозил к себе по собственному выбору арестованных из гестапо. Никто из них обратно не вернулся. Для чего они были нужны фон Ортелю и что он с ними сделал, мне неизвестно.

Кузнецов видел, что Геттель не врет. Он понимал, что местные гестаповцы ничего не знали о секретной деятельности Ортеля в Ровно. Ничего интересного майор больше рассказать не мог. В заключение Николай Иванович задал ему еще один вопрос:

— Почему вы решили, что я англичанин?

— Я не мог предполагать, что у русских есть такие разведчики, — мрачно буркнул Геттель.

На следующий день майор Мартин Геттель не явился в рейхскомиссариат. Не вышел он на работу и послезавтра. Курьер, посланный к нему на дом, нашел пустую квартиру, в которой, судя по слою пыли на мебели, несколько дней уже никто не жил.

6

Помимо квартиры Лидии Лисовской, Зиберт и фон Ортель часто встречались в одном из самых популярных среди оккупантов значных мест города — офицерском казино на главной улице. Фон Ортель был равнодушен к азартным играм. Зиберт же посещал это заведение, потому что здесь всегда толпились офицеры всех родов войск, от которых он получал немало сведений.

— Знаете, Зиберт, — задумчиво сказал как-то при очередной встрече фон Ортель, — вы мне чем-то глубоко симпатичны. О, не пытайтесь отшучиваться. Уверяю вас, что в этом мире отыщется не больше десятка людей, которым я симпатизирую.

Голос эсэсовца звучал проникновенно и искренне.

— Почему? — осведомился Кузнецов.

— А вы можете назвать мне хоть пяток наших общих знакомых, которых вы бы хотели считать своими друзьями?

Кузнецов совершенно искренне ответил «нет».

Фон Ортель удовлетворенно рассмеялся.

— Вот видите! Но бог с ними. Поговорим о вас. Скажите откровенно, неужели вы еще рветесь на фронт?

Зиберт резко откинулся в кресле. Голос его стал сухим и строгим.

— Я солдат, господин штурмбаннфюрер, и мой долг — сражаться без раздумий за фюрера, немецкий народ и великую Германию!

Ортель укоризненно развел руками.

— Великолепно! Но, Пауль, зачем же так официально? Я ведь не ваш командир полка. И потом — почему вы думаете, что борьба с нашими врагами ведется только на фронте?

Зиберт скривил губы в презрительной гримасе.

— Ну, конечно, здесь, в Ровно, полно борцов с инвазидами и девчонками-комсомолками, за которыми мерещатся большевистские диверсанты.

Теперь нахмурился фон Ортель.

— Не говорите так легкомысленно, Пауль. Партизаны — это очень серьезно, к нашему величайшему сожалению. И я не завидую тем, кому приходится ими заниматься. Но речь не о том. Я не считал бы себя вашим другом, если бы вдруг предложил вам заняться подобным делом...

Ортель умолк, задумавшись. Казалось, он что-то мысленно взвешивал, и Кузнецов догадывался что. Николай Иванович не прерывал молчания собеседника, понимая, что сейчас-то разговор и подойдет к самому главному.

Вдруг фон Ортель словно очнулся, вынул из кармана черного кителя плоский серебряный портсигар с впаянными в верхнюю крышку двумя золотыми молниями — эмблемой СС. Кузнецов осторожно взял предложенную сигарету.

Прикуривая, он все время чувствовал внимательный, оценивающий взгляд фашистского разведчика. Закурили...

— Пауль, — размеренно, очень буднично начал фон

Ортель, — что вы скажете, если я предложу вам сменить амплуа? К примеру, стать разведчиком?

Николай Иванович чуть не поперхнулся голубым дымом дорогой египетской сигареты.

— Я?! Вы смеетесь, Ортель. Ну какой из меня разведчик? Я просто пехотный офицер, который может командовать ротой, и, пожалуй, все. Вот уж о чем никогда не думал, да и, признаться, профессия эта, при всем уважении к вам, мне никогда особенно не нравилась.

Ортель дружески хлопнул Зиберга по колену, сказал с оттенком правоучительности:

— Мой дорогой, пиво также с первого раза никому не нравится. Как говорят французы, всем без исключения нравятся одни только луидоры. Ну, а что касается того, годитесь вы или нет для работы в разведке, позвольте уж судить мне. Верьте моему слову — годитесь.

Если бы самоуверенный штурмбаннфюрер знал, какую святую истину изрекал он в эту минуту!

Ортель умел обрабатывать собеседников. Он понимал, что сказал для одного раза слишком много скромному фронтовику, который еще должен переварить столь неожиданное и чреватое многими последствиями, хотя и лестное предложение, и перевел беседу на другую тему.

О состоявшемся разговоре Кузнецов немедленно доложил командованию. Судя по всему, Ортель клюнул на Зиберта. Видимо, вражеский разведчик умел разбираться в людях, если остановил свой выбор на обер-лейтенанте, предпочтя его множеству офицеров, околачивающихся в Ровно.

Командование предложило Кузнецову продолжать игру, не связывая себя, однако, какими-либо определенными обязательствами.

— Постарайтесь выяснить, — напутствовали в отряде Николая Ивановича, — в какое конкретное дело хочет втянуть вас этот благодетель. Учтите, однако, что не исключена возможность провокации, будьте предельно осторожны, не перестарайтесь.

Кузнецов вернулся в Ровно.

Первой, к кому он направился, была Майя Микота. И не случайно. Ортель явно выделял веселую, обаятельную девушку из всех, кто бывал на вечеринках в доме Лидии Лисовской. Он немного ухаживал за ней, но не слишком серьезно, с оттенком какой-то снисходительности, постоянно, но не зло поддразнивал ее. Одним словом,

вел себя так, как иногда взрослые мужчины ведут с очень молоденькими девушками. Майя действительно была молода — в ту пору ей исполнилось всего семнадцать. Тем не менее девушка очень умело пользовалась этой слабостью штурмбаннфюрера и, невинно флиртуя, вытягивала из него немало ценной информации. Как агент гестапо Майя находилась в непосредственном подчинении фон Ортеля, и матерый разведчик всерьез обучал ее приемам шпионского мастерства.

Николай Иванович встретился с Майей днем. Во время продолжительной прогулки девушка успела рассказать ему обо всех ровенских новостях и в заключение сказала:

— Кстати, мой шеф собирается куда-то уехать.

— Фон Ортель?

— Да. Он был очень доволен, говорил, что ему оказана большая честь, что дело очень крупное.

— Куда?

Майя только пожала плечами.

— Не сказал.

— Майя, постарайтесь восстановить в памяти все подробности разговора, все детали, намеки. Это очень важно!

Девушка и сама понимала, что это важно, но только покачала головой.

— Я спрашивала, не говорит. Вот разве что... Нет, вряд ли это имеет значение. Обещал мне привезти, когда вернется, персидские ковры.

Кузнецов был взволнован. Интуицией разведчика он чувствовал, что между приглашением работать в разведке и предполагаемым отъездом фон Ортеля есть какая-то связь. Персидские ковры... Вряд ли это случайно. Они тоже имеют какое-то отношение к операции, в которой Ортель, судя по всему, должен сыграть не последнюю роль.

Прощаясь, Кузнецов дал девушке наставление:

— Постарайтесь вытянуть из него все возможное. Прикиньтесь расстроенной его отъездом. И запомните каждое его слово, каким бы пустяком оно не казалось на первый взгляд.

Очередная встреча Кузнецова с фон Ортелем произошла вечером следующего дня в ресторане при офицерском казино. Фон Ортель успел до прихода Зиберта выиграть двести марок у какого-то подполковника-лет-

чика, был по этому поводу в хорошем настроении и слегка пьян. Он ничем не напомнил о прошлом разговоре, но неожиданно сказал:

— Такому человеку, как вы, Зиберт, нужны друзья, способные оценить ваши достоинства и найти им должное применение.

Только далеко за полночь эсэсовец напомнил Зиберту о своем предложении. Он был уже очень пьян. Может быть, из-за возбуждения, связанного с предстоящим отъездом, но Ортель впервые за время знакомства с Зибертом потерял над собой контроль. Глаза его лихорадочно блестели, всегда аккуратно причесанные волосы растрепались, речь стала сбивчивой и невнятной. Когда он наливал Зиберту очередную — бог весть какую по счету — рюмку коньяку, его всегда твердая рука непривычно подрагивала. Несколько капель жидкости расплозились на крахмальной скатерти.

— Ну, Пауль, так что вы надумали?

Кузнецов рассмеялся.

— Вы мне не сказали главного, штурмбаннфюрер, что я должен буду делать?

— То же самое, что вы уже делали много раз, — рисковать жизнью. Правда, не в этом мундире, а в штатском. И еще разница: в случае успеха кроме новой ленточки вы получите деньги, настоящие деньги, а не эти паршивые марки, которые вы так щедро швыряете в жалких кабаках.

Фон Ортель схватил Кузнецова за плечо, чуть не силой пригнул к столу и жарко задышал в самое ухо:

— Это будут настоящие деньги, мой друг, с которыми не пропадешь нигде, даже если наш любимый великий рейх лопнет как мыльный пузырь! Золото, доллары, фунты! А такие люди, как мы, Зиберт, всегда пригодятся. Конечно, с русскими не столкнешься. Меня они попросту повесят. Вы, может быть, отделаетесь десятью годами где-нибудь в Сибири. Тоже перспектива не из лучших. Но, слава богу, на земле еще есть неплохие места — Аргентина, например. А с американцами, я уверен, мы рано или поздно поладим. Нужно только время...

Кузнецов был ошеломлен этим невероятным цинизмом. Или, быть может, провокация? Вряд ли... Такие опасные речи в гитлеровской Германии никто не рискнул бы произносить, даже провоцируя. Нерешительно, словно раздумывая, Кузнецов сказал:

— Так вы думаете, Ортель, что наше дело плохо?

— Швах,— и фон Ортель грубо выругался.— После Сталинграда и Курска нас может спасти только чудо. А роль чудотворцев поручена мне и Скорцени... Ну, и еще кое-кому. Вы тоже можете стать одним из святых, если только захотите. Выпьем за чудеса!

Выпили. Фон Ортель продолжал:

— Я отправляюсь в Иран, мой друг.

Зиберт очень естественно удивился:

— В Иран? Я думал, ваша специальность Россия.

Ортель мотнул головой.

— На сей раз Иран. В конце ноября там соберется Большая Тройка: Рузвельт, Черчилль, Сталин. В Тегеране. Мы их ликвидируем.

Николай Иванович почувствовал, как внутри у него словно что-то оборвалось. Он с трудом удержался, чтобы тут же под грохот оркестра, звон рюмок, пьяные возгласы гитлеровцев не выстрелить в самодовольное, красное от выпитого коньяку лицо эсэсовца. Сдержался, только изо всех сил сжал на несколько секунд кулаки.

Фон Ортель между тем увлеченно продолжал:

— Вылетаем несколькими группами. Людей готовим в специальной школе в Копенгагене. Вам, возможно, тоже придется туда отправиться, чтобы подучиться кое-чему.

— Что ж,— твердо сказал Кузнецов.— Я согласен. Если вы во мне уверены, можете считать, что с сегодняшнего дня я нахожусь в вашем распоряжении.

Фон Ортель с силой ударил кулаком по столу:

— Вот это мужской разговор, Пауль! Разумеется, я в вас уверен!

Как ни заманчиво по первому побуждению было сразу уничтожить фашистского убийцу, командование не позволило Кузнецову и пальцем тронуть фон Ортеля. Более того, Николаю Ивановичу было приказано проследить, чтобы с ним ничего не случилось.

— Вы можете достать фотографию фон Ортеля?— спросил Медведев.

Кузнецов задумался и с сожалением покачал головой.

— Боюсь, что сфотографировать его незаметно, так, чтобы получился отчетливый снимок, невозможно. Он очень осторожен. На улице всегда натягивает козырек на самые глаза, в помещении садится в тень, подпирает левой рукой щеку. Да и времени уйдет много на

отправку снимка в Москву, а остались считанные дни.

В отряде знали, что времени мало. Оставался один выход. Николаю Ивановичу дали лист бумаги и предложили составить то, что в криминалистике называется «словесным портретом», а в переводе на обычный язык — исключительно точное и подробное описание внешности человека, сделанное по определенной научной системе.

Многие криминалисты при розыске преступников предпочитают пользоваться словесным портретом, нежели фотографией, потому что фотография часто схватывает случайное, нехарактерное для данного человека выражение лица, к тому же лишь в одном ракурсе. Словесный же портрет фиксирует характерные и неизменные приметы.

Составление правильного словесного портрета — дело сложное, требующее очень острой наблюдательности. Даже такому внимательному человеку, как Николай Кузнецов, для этого потребовалось полтора часа напряженного труда.

Тут же радиограмма о готовящемся покушении на Большую Тройку со словесным портретом фон Ортеля была отправлена в Москву.

* * *

Обер-лейтенант Пауль Зиберт не смог больше встретиться со своим другом и возможным начальником. Как только он вернулся в Ровно на свою основную квартиру в доме № 15 по улице Легионов, взволнованная Майя Микота сообщила ему удивительнейшую весть: штурмбаннфюрер СС фон Ортель застрелился в своей кабине в помещении «зубоврачебной лечебницы». Так сказали Майе в гестапо. Труп своего поклонника она не видела.

Кузнецов не сомневался, что трупа самоубийцы вообще не существовало. Его волновало одно: почему фон Ортель так стремительно и неожиданно покинул Ровно, симулировав самоубийство? Причин могло быть только две: приказ немедленно вернуться в Берлин или раскаяние в излишней откровенности с ним. Во втором случае Кузнецову грозила немалая опасность. Фон Ортель мог позаботиться об устранении свидетеля, которому он, как никак, разгласил государственную тайну.

Командование отряда приняло все необходимые меры для обеспечения безопасности Николая Ивановича.

Но о причине внезапного исчезновения фон Ортеля из Ровно можно было лишь догадываться.

7

1943 год начался полной ликвидацией группировки немецких войск под Сталинградом, отметил свою середину сокрушительным разгромом гитлеровцев в битве на Курской дуге, повернул на зиму форсированием Днепра и освобождением Киева.

И не приходится сомневаться, что, высадишь союзники во Франции пусть того же 6 июня, но сорок третьего, а не будущего года, День Победы пришел бы много раньше.

Весной 1943 года в Москве уже понимали, что открытие второго фронта снова откладывается. И никакие последующие успехи союзников в Северной Африке и Италии не в состоянии были заменить вторжение в Европу со стороны несуществующего Атлантического вала. И нет ничего удивительного, что глава Советского правительства И. В. Сталин отклонил предложение президента США Франклина Делано Рузвельта, переданное через специального представителя Джозефа Э. Дэвиса, встретиться в районе Берингова пролива для переговоров. Советский Верховный Главнокомандующий не мог в разгар подготовки наступления Красной Армии покинуть свой штаб, чтобы получить очередное заверение о непременном открытии второго фронта в будущем году.

Но в принципе советские руководители не возражали против встречи Большой Тройки для координации военных действий и решения важных политических вопросов о послевоенном устройстве мира.

И. В. Сталин предложил поэтому все же встречу провести, но в Архангельске или Астрахани. Он справедливо полагал, что эти пункты во всех отношениях более удобны для высокой конференции, чем чукотская тундра.

Послания передавались либо специальным представителем, либо путем обмена шифрованными телеграммами через посольства, и их содержание стало известно широкой общественности лишь много лет спустя после окончания войны. Но некоторые моменты из переписки между руководителями трех великих держав сохранить тогда в тайне не удалось.

Через некоторое время советский премьер получил от Черчилля и Рузвельта два предложения места встречи: порт Скапа-Флоу на севере Шотландии и Фербенкс на Аляске.

Сталин отклонил оба этих места, объясняя отказ тем, что Гитлер не только не снял с Восточного фронта ни одной дивизии, а, наоборот, продолжает переброску новых и что в этой ситуации не представляется возможным уехать от фронта в столь отдаленные пункты.

Переписка продолжалась. Сталин предложил встретиться в Иране, где встречу организовать легче всего, потому что в этой стране есть представители всех трех договаривающихся держав.

Рузвельт был против Тегерана. Президент считал более удобными пунктами Каир, Багдад, Асмару или какой-нибудь порт в восточной части Средиземного моря. Президент назвал дату — конец ноября.

Советское правительство не возражало против назначенной даты, но оно решительно выступило против какого-либо другого места, кроме Тегерана. Оно выдвинуло доводы в пользу своего предложения, и президент, а вслед за ним и британский премьер согласились.

Вопрос в принципе был решен. Последующая переписка касалась уже чисто технических сторон будущей встречи.

По предложению Черчилля в целях соблюдения секретности Тегеран фигурировал во всех документах как «Каир-три».

Но тайна осталась тайной лишь для широкой публики. Абверу стало известно о встрече Большой Тройки в самом скором времени.

Упомянутые слова «Каир-три» ввели поначалу адмирала в заблуждение. Он решил, что они означают какое-то место близ египетской столицы. Но через некоторое время Канарису доставили еще несколько депеш.

* * *

...В каирском кабаре «Ориенталь» никто не интересовался фамилиями девушек-танцовщиц. Их двойная (а у некоторых и тройная) профессия вполне позволяла им обходиться лишь именами. Вернее, одним именем, потому что английские офицеры, заполняющие кабаре, всех называли Фатимами. Одну из самых хорошеньких «Фатим» звали Дианой.

Перед другими девушками у Дианы было серьезное преимущество — постоянный поклонник, влюбленный в нее по уши. Ему было лет двадцать пять, он был красив, не заносчив и очень гордился своими сержантскими нашивками.

В то утро Дик Барлоу забежал на минутку в «Ориенталь» и предупредил, что вечером придет попрощаться. Часов в восемь, когда в «Ориентале» негде было яблоку упасть, Дик действительно пришел, и не один, а с товарищем, тоже сержантом. Диана сбегала за подружкой.

Ни Дик, ни его приятель Эллиот не знали, разумеется, ни слова по-арабски, но девушки свободно щебетали на том своеобразном английском языке, с помощью которого можно объясниться в любом порту мира.

— И куда же вы едете, ребята? — спросила Диана.

— Не очень далеко, — охотно отозвался Дик. — Всего-навсего на Кипр, но зато оттуда вместе с сэром Уинни махнем в Персию. Вот держи, чтобы крепче ждала... — И он протянул Диане крохотные серебряные часики на золоченой цепочке. От восторга девушка захлопала в ладоши.

На следующий день подруга рассказывала всем девушкам в «Ориентале», какой у Дианы хороший поклонник, какой щедрый, как он обещал взять ее с собой в Англию после окончания войны. Жаль только, что сейчас он уезжает в Персию... И все девушки радовались за Диану, завидовали ей и обсуждали новость с утра до вечера.

И никто из них, конечно, не подозревал, что, как только Дик и Эллиот ушли из «Ориенталья», Диана выскользнула в вестибюль и позвонила куда-то по телефону. Это был довольно странный звонок: девушка ничего сама не говорила, а почти сразу же после того, как услышала глухое «алло!», повесила трубку. Еще через пятнадцать минут она вышла на улицу, чтобы, как сказала подруге, подышать свежим воздухом.

Диана пробежала два квартала вниз, к набережной Нила, и оглянулась. Убедившись, что никто не идет за ней следом, она торопливо завернула за угол. Здесь, в маленьком, пустом в этот поздний час скверике ее ждал человек в европейском платье. Их разговор длился всего несколько минут, после чего девушка вернулась в кабаре.

Утром Канарис получил донесение из Каира о том,

что на Кипре формируется воинское подразделение, предназначенное для сопровождения британского премьер-министра в Иран.

Правда, Канарис не мог знать, что это подразделение никуда дальше Кипра не отправится, потому что Сталин отклонил идею Черчилля направить в Тегеран две бригады — английскую и советскую — для охраны конференции. По мнению Сталина, это лишь привлекло бы к иранской столице излишнее внимание. Верховный Главнокомандующий Красной Армией полагал, что для обеспечения безопасности хватит обычных сил контрразведок.

Но хотя английская бригада так никогда и не попала в Персию, абвер теперь точно знал о месте и дате предстоящей встречи Большой Тройки. И если у Канариса в этом отношении еще сохранялись какие-либо сомнения, то в ближайшие дни они были развеяны полностью. В частности, помогло этому и письмо от старой приятельницы — мадам Чан Кай-ши, выудившей у офицеров, близких к Рузвельту, довольно интересные сведения, относившиеся к конференции. Мадам не могла простить Большой Тройке, что ее мужа — генералиссимуса Чан Кай-ши не пригласили в Тегеран. Легли в дело и витиеватые, многословные сообщения придворных из свиты марокканского султана. Многие из них были давно завербованы абвером. В отношениях с ними было лишь одно неудобство — они не признавали компактных бумажных денег и требовали в качестве платы за свои услуги только золотые монеты любой чеканки, транспортировать которые было не всегда просто.

Наконец, Канарис получил информацию из того источника, о котором стало известно лишь после войны, в дни Нюрнбергского процесса — из Швейцарии.

Единственное, чего не предполагал Канарис,— это что он не единственный владетель этой тайны. Служба безопасности уже давно подслушивала все его телефонные и радиопереговоры, перлюстрировала переписку. Всего лишь с запозданием в час-другой все разведданные, добытые людьми Канариса, получал и Вальтер Шелленберг. Он был моложе и энергичнее. И сообщил, что знал, Гиммлеру, а тот, в свою очередь, фюреру раньше, чем Канарис решил для самого себя, как лучше использовать эту сверхважную информацию.

Дом человека порой может рассказать о нем больше, нежели он сам. Эта старая истина вполне подтверждалась в доме № 74 по Тирпитцуфер в Берлине, где располагалась резиденция начальника абвера. Это был старинный особняк, который множество раз по указаниям самого адмирала перестраивался, надстраивался, переоборудовался, пока не превратился в сущий лабиринт с немыслимым переплетением коридоров, неожиданными тупиками, лестницами и переходами. Бывало, что два старых сотрудника, всегда считавших, что они работают в разных концах здания, вдруг случайно обнаруживали, что на самом деле их комнаты расположены почти рядом.

Достаточно было один раз побывать в резиденции Канариса, чтобы понять, почему за ней прочно закрепилось прозвище «лисыя нора».

В центре этого странного дома обитал его хозяин.

Кабинет Канариса отличался скромностью. Его украшали только две фотографии: предшественника Канариса на посту руководителя германской разведки в годы первой мировой войны известного полковника Николаи и любимой таксы адмирала по кличке Зеппль. Начальник абвера презирал людей и доверял до конца только собаке.

Канарис был самым осведомленным человеком в Третьей империи. Глаза и уши у него были буквально всюду.

Гиммлер и Шелленберг покинули кабинет фюрера около двенадцати часов. К вечеру того же дня Канарис точно знал как об их докладе, так и о принятом фюрером решении. И адмирал вынужден был признать, что стоит на грани поражения...

Уже несколько месяцев Канарис тщательно следил в меру тех возможностей, которыми располагал, за всем, что происходило в Белом доме и на Даунинг-стрит. Хуже обстояло дело с Москвой.

Успехи в борьбе с русской контрразведкой носили лишь локальный характер. Канарису не удалось добиться главного — посадить своего человека в советские правительственные учреждения. Проверенные десятки раз в других странах приемы и методы в России оказывались безрезультатными.

Прямых сведений о том, что происходит за стенами Кремля, Канарис так никогда и не получал. О планах и намерениях советских руководителей он мог судить только на основании отрывочной информации, которую его агенты добывали на Западе.

О том, что, по-видимому, готовится встреча руководителей великих держав, первыми узнали они. Это была и победа Канариса, и его поражение. О дате предварительной встречи Рузвельта и Черчилля в Касабланке удалось узнать. Поистине редкостная удача! И в конечном итоге пшик! Даже не провал, а просто ничего. Он обманулся, решив, что так как Касабланка по-испански означает «Белый дом», речь идет о встрече в Вашингтоне, а не в столице французского Марокко.

Самолеты Германии тогда еще относительно свободно летали над Северной Африкой, во всяком случае им не представляло особого труда нанести по Касабланке мощный бомбовый удар. Правда, наверняка англичане и американцы позаботились там о сильной противовоздушной обороне, но для достижения такой заманчивой цели Геринг не пожалел бы и целой армии бомбардировщиков.

Геринг... Канарис поехал. Он тогда подвел рейхсмаршала. Сообщил ему, что Черчилль с Иденом после встречи в Алжире 1 июня вылетит домой на обычном пассажирском самолете компании «Бритиш Оверсис эрвэйс». Даже без охраны, чтобы не привлекать внимания немецких патрульных истребителей, ранее на такие самолеты никогда не нападавших. «Мессершмитты» Геринга легко перехватили над морем одинокий «дуглас». Экипаж и тринадцать пассажиров погибли, но Черчилля среди них не было. Агенты Канариса в Африке приняли за премьер-министра Великобритании финансового эксперта Альфреда Ченфилдса, действительно обладавшего удивительным внешним сходством с сэром Уинстоном.

Канарис тогда чуть было навсегда не лишился расположения Геринга. С большим трудом удалось сослаться на редкое совпадение.

Адмиралу не было свойственно чувство благодарности, но все же он помнил, что именно Геринг ходатайствовал за него, когда решался вопрос о назначении Канариса, тогда еще капитана первого ранга, на пост начальника абвера. Как-никак толстый Герман, ненавидящий

Гиммлера, как ближайшего после себя и Геббельса кандидата в наследники фюрера, всегда поддерживал адмирала в его столкновениях со службой безопасности.

Честолюбивый, самовлюбленный и ревнивый Геринг оставался единственной надеждой Канариса после того, как рейхсфюрер СС и начальник VI отдела опередили его. Плохо одно — придется выкладывать рейхсмаршалу все источники информации.

Быть может, Канарис не так бы сожалел о вынужденной необходимости раскрыть Герингу некоторые свои связи, если бы знал, что оберфюрер СС Шелленберг почерпнул свои сведения о готовящейся конференции из тех же источников.

Вся разница между начальником VI отдела и начальником абвера заключалась лишь в том, что каждый из них намеревался использовать эти сведения по-разному. Шелленберг — сразу и прямо для резкого усиления своих позиций. Канарис, привыкший из любого дела извлекать двойную выгоду и не очень уверенный, что покушение удастся, надеялся передать кое-что (не безвозмездно, конечно) англичанам и американцам. У него не было иллюзий по поводу конца войны, и он полагал, что в случае чего союзники зачтут ему бездеятельность, вернее, недостаточно активную деятельность абвера в Иране в дни Тегеранской конференции.

Но теперь уже ни о какой двусторонней выгоде не могло быть и речи. Если Гитлер придет к выводу (а Гиммлер будет его подталкивать), что начальник абвера знал о конференции и скрыл это от фюрера, ничто не спасет Канариса от немедленной и жуткой расправы.

От этой мысли по спине адмирала пробежали мурашки, и он решительным движением поднял трубку «лягушки» и попросил Геринга его принять.

Сообщение Канариса подействовало на Геринга, как красная тряпка на быка. Он метался по огромному кабинету, изрыгал чудовищные проклятия в адрес Гиммлера и Шелленберга и в адрес самого Канариса. Его безобразное, разбухшее тело содрогалось от звериного рева.

— Почему вы молчали до сих пор? Отвечайте!

Канарис, съежившийся в просторном кожаном кресле, невнятно пробормотал:

— У меня не было уверенности в надежности полученной информации.

Геринг грубо выругался.

— Ваше счастье, если мне удастся убедить в этом фюрера.

Затем он начал размышлять вслух, в каком мундире ему следует в данной ситуации ехать к Гитлеру. Наконец решил, что лучше всего подойдет скромная партийная форма — она поможет придать неприятному разговору принципиальный характер.

Переодевшись и приказав Канарису никуда не отлучаться до его звонка, Геринг ринулся в имперскую канцелярию.

Его разговор с фюрером был взаимной истерикой. Гитлер, захлебываясь от ярости, кричал Герингу, что он вместе с начальником абвера предатели и изменники, которые пытались скрыть от своего фюрера факт огромного значения для судьбы германской империи.

Геринг визгливо возражал: они с Канарисом действительно знали о подготовке встречи и разрабатывали соответствующую операцию. Движимые лучшими побуждениями, они не сообщали пока ничего любимому фюреру, чтобы сделать ему приятный сюрприз, когда все будет готово. И вот теперь, когда они проделали огромную черновую работу, в дело вмешивается этот интриган Гиммлер. Да попомнит фюрер его слова — вмешательство авантюриста из службы безопасности лишь все испортит.

Геринг клялся, божился. После часа ожесточенных убеждений и клятв ему удалось все же смягчить Гитлера.

— Хорошо, Герман,— хрипло сказал фюрер,— даю адмиралу последний шанс доказать свою преданность мне и государству. Я разрешаю ему действовать самостоятельно. Но если Гиммлер опередит его...

Геринг ушел.

Гитлер проводил рейхсмаршала недобрым взглядом. С каким наслаждением он бы приказал покончить с «наци № 2», так и целящимся на его, Гитлера, место. Если бы... Если бы за Германом Герингом не стояли те же могущественные силы, которые привели их всех к власти десять лет назад.

Но напрасно все они — и Геринг, и Гиммлер, и Канарис думают, что так легко обвести его, фюрера. Он не позволит им до конца забрать всю инициативу в свои руки. Глупцы, они полагают, что покушение на Большую

Тройку в том виде, какой родился в их пустых головах, самый сильный ход!

Он нажал кнопку звонка.

— Да, мой фюрер!

— Немедленно соедините меня с Гиммлером.

Через десять минут на другом конце провода Гиммлер поднял трубку «лягушки».

— Кому поручено осуществление акции в Тегеране?

— Нескольким проверенным специалистами, они уже знают о задании и теперь срочно вызваны в Берлин. Прибудут, по-видимому, завтра-послезавтра.

— Это никуда не годится! Приказываю немедленно принять меры, чтобы в Тегеран было заброшено несколько групп парашютистов. Пусть следуют разными маршрутами из разных центров. Привлечь все службы, и СД, и гестапо, а не только Шелленберга. О полном размахе операции никто не должен знать, кроме вас... Акция должна остаться в секрете навечно, поэтому возвращение рядовых исполнителей нежелательно... Учтите, что в деле участвуют и люди Канариса...

— Вас понял, мой фюрер.

Гиммлер ждал этого звонка. Соответствующие приказы были им уже отданы. Он тоже хорошо знал своего фюрера.

9

Стефан Дитль в свое время считался мастером шпионажа высокого класса. Он успешно подвизался много лет в Латинской Америке и США, где венцом его деятельности было похищение с одного из авиационных заводов в Лос-Анджелесе чертежей новейшего секретного прицела для бомбометания. Но затем ему здорово не повезло: автомобиль, на котором он мчался со скоростью ста километров в час по гамбургскому шоссе, попал в катастрофу. Шофер был насквозь пробит рулевой колонкой. Дитль чудом остался жив. Ему проломило голову, сломало несколько ребер и разmozжило колено. Из госпиталя он вышел через восемь месяцев с одной ногой, подорванным здоровьем, пристрастием к алкоголю и пенсией отставного подполковника абвера.

Дитль было решил, что покончил навсегда с карьерой разведчика, но вдруг его пригласил к себе Вальтер Шелленберг, обласкал, наговорил кучу комплиментов, пред-

ложил перейти в СД и стать во главе школы. Старый диверсант умилился и незамедлительно принял лестное предложение вместе с новым званием — оберштурмбаннфюрера СС.

Дихгофф он встретил приветливо и с нескрываемым уважением. Он понимал, что успешная работа в России на протяжении нескольких лет по силам только выдающемуся разведчику.

Пребывание в школе оказалось далеко не синекурой, как это вначале показалось Георгу. У Стефана Дитля дело было поставлено серьезно. Радиотехника, фотографирование, вождение автомобиля и прыжки с парашютом не вызывали у Георга особых возражений. Но химию он терпеть не мог с детства, а тут ему приходилось по полтора часа возиться в лаборатории, превращая сахар и лекарства от почечных болезней в мощную взрывчатку (диверсантов учили ее изготавливать самим, пользуясь материалами, которые они смогут приобрести «на местах»). Мало приятных ощущений вызывало и манипулирование с мгновенно и медленно действующими ядами.

Лучшими были часы в тире и спортивном зале.

В школе был собран настоящей арсенал. Стрелять приходилось из американских кольтов и смит-вессонов, английских веблей-скоттов, итальянских беретт, австрийских манлихеров, чешских праг, немецких парабеллумов, вальтеров, маузеров, советских наганов и «ТТ», бельгийских браунингов, бесчисленного множества автоматов, карабинов и пулеметов всех систем.

Инструктор — бывший цирковой виртуоз — предлагал Дихгоффу стать на ящик, давал в руки заряженное оружие, а потом внезапно, без предупреждения, выбивал у него ящик из под ног. В момент падения нужно было поразить мишень, раскачивающуюся на качелях. Другие упражнения были в таком же роде: стрельба с завязанными глазами на звук, стрельба назад без поворота головы, стрельба через карман из револьвера с глушителем, стрельба левой рукой.

После тира Дихгофф шел в спортзал, где угрюмый обершарфюрер СС Гюнтер учил его, как за считанные доли секунды можно голыми руками искалечить или уничтожить — смотря по надобности — человека. Из железных объятий обершарфюрера Дихгофф выходил помятым и оглушенным, словно побывал в льнотеребильной машине.

После обеда Дихгофф сам превращался в преподавателя: пять часов с группой из нескольких человек. Никто из них не называл друг друга по фамилиям, только имена: Ганс, Генрих, Юлиус, Вилли... Он сам — господин оберштурмфюрер. Никто не знал национальности друг друга — все разговоры велись только на русском языке (в других группах, к которым Дихгофф касательства не имел, — на английском).

Никаких записей — каждое слово курсанты обязаны были запоминать на лету.

Предмет, который вел Георг Дихгофф, не имел определенного названия, точнее всего его, пожалуй, можно было назвать «Жизнь в Советском Союзе». Организация Красной Армии, ее уставы, знаки различия, награды, взыскания, взаимоотношения военнослужащих между собой, военные документы.

Что такое прописка. Как купить билет на железной дороге. Сколько денег можно истратить в коммерческом ресторане, чтобы не вызвать подозрений. Как реализуются продовольственные и промтоварные карточки. Как носится одежда. Что такое загс. Сколько стоит билет в кино. С какими вопросами можно обращаться к милиционеру. Названия самых популярных футбольных команд и фамилии игроков. Правила игры в домино и подкидного дурака. Сокращенные имена русских девушек: Мария — Маша — Машенька — Маруся — Маня. Людмила — Люда — Люся — Мила. Сорта водок и вин.

Командование очень спешило: с каждой группой Дихгофф занимался всего по две недели, но вколачивал за это время в головы слушателей множество информации. В конце курса он в присутствии Дитля дотошно экзаменовал каждого, задавая подряд несколько десятков вопросов в бешеном темпе. Отвечать нужно было без запинки, мгновенно и абсолютно точно.

Потом курсанты исчезали в неизвестном направлении. Куда их засылали, он не знал и мог только догадываться в общих чертах, поскольку Дитль всегда указывал, на какую тематику с данной группой ему следует делать упор: военную, производственную, колхозную и т. д.

В школе было еще около двадцати офицеров, все они, как и Дихгофф, жили тут же, в огороженной колючей проволокой вилле километрах в двух от Копенгагена. Внеслужебные отношения ограничивались ежевечерними совместными попойками и — раз в неделю — поездками в

город. В Копенгагене разрешалось появляться только в общешармейской форме, хотя все офицеры были эсэсовцами.

За несколько месяцев новой службы Дихгоффа только одно необычное событие нарушило ее однообразие. Его вызвали к начальнику школы. В кабинете оберштурмбаннфюрера кроме самого Дитля находился еще один человек с типичной восточной внешностью в гражданской одежде. Начальник представил ему Дихгоффа, но имени гостя не назвал.

После обмена несколькими ничего не значащими фразами незнакомец неожиданно перешел на персидский язык. Их беседа длилась больше часа, и Дихгофф, уже успевший сделать несколько выпусков, понял, что его самым настоящим образом экзаменуют. Но для чего?

Дитль поблагодарил Дихгоффа и отпустил без каких-либо объяснений. Но долго ждать не пришлось. Через неделю оберштурмбаннфюрер снова пригласил Дихгоффа и с явным сожалением объявил ему:

— Оберштурмфюрер, пришел приказ из Берлина. В составе группы специального назначения вы отправляетесь для выполнения особого задания в Иран. Все необходимые инструкции и документы получите на аэродроме в Софии. Сегодняшний вечер на сборы. Отправление утром. Поступаете в распоряжение штурмбаннфюрера СС Юлиуса Шульце. Вместе с вами едет оберштурмфюрер СС Вилли Мерц.

Об этом Дихгофф догадался сам. Его коллега Вилли Мерц тоже присутствовал в кабинете.

10

В большом сером здании в центре Москвы подтянутый капитан положил на стол одного из руководителей советской разведки генерала Комарова объемистую папку и несколько книг.

— Вот то, что вы просили, Иннокентий Васильевич.

— Благодарю вас, Сергей Семенович. И закажите, пожалуйста, в Ленинской библиотеке книги по этому списку. Можете не спешить. Того, что вы принесли, мне, пожалуй, хватит до завтра.

— Будет исполнено, товарищ генерал.

Четко повернувшись на каблуках, капитан вышел из кабинета.

Уже немолодой человек с очень усталым лицом вынул из кармана кителя очки, тщательно протер стекла кусочком замши...

Сегодня утром его вызывали в Кремль, в Государственный Комитет Оборона. Член ГКО официально поставил его в известность, что вопрос о месте проведения встречи глав трех союзных держав решен почти окончательно: Тегеран.

Конференция будет непродолжительной и сугубо деловой, но предполагается по крайней мере один большой прием, на котором будут присутствовать и посторонние гости — по случаю дня рождения Черчилля.

Комаров невольно вздохнул. Это не укрылось от члена ГКО.

— Вам что-то не нравится, генерал?

— Говоря откровенно, мне не нравится Тегеран. С моей точки зрения, конечно, которая не должна мешать государственным соображениям.

— Почему?

— Еще совсем недавно в Иране была многочисленная немецкая колония. За два года пребывания там союзных войск мы на севере и англичане на юге порядком очистили страну от гитлеровской агентуры, но кое-кто, без сомнения, остался. К тому же немцы, наверняка, забросят в Тегеран подкрепление.

Член ГКО насторожился.

— Вы полагаете, что они разнюхали о подготовке конференции?

— Почти уверен в этом.

Член ГКО пододвинул Комарову коробку с папиросами. Оба закурили. Неожиданная и откровенная реплика старого чекиста, видимо, озадачила его собеседника.

— Откуда может утекать информация? Из нашего аппарата?

Спрашивает спокойно, но в глазах тревога. Комаров твердо отвечает:

— Исключено... Но из некоторых перехватов известно, я об этом вам докладывал, что немцы весь сорок третий год ищут конференцию. Они не сомневаются, что она произойдет именно в нынешнем году, не знают только где и когда. Главным образом рыщут по этому поводу в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке.

— Факты! — настаивает член ГКО.

— Хотя бы покушение на Черчилля после его встречи

с Рузвельтом. Премьер мог находиться в этом самолете, во всяком случае, его двойник действительно находился на борту. Значит, кто-то ошибочно из-за большого сходства принял его за сэра Уинстона. В данном случае ошибка объяснима, но информация ведь попала в Германию своевременно.

— Еще что?

— Подполковник Вязников сообщает из Египта, что во всех офицерских барах от Касабланки до Каира можно получить сведения о планах союзников, что он в подтверждение своих подозрений и делал неоднократно, всегда, к сожалению, с успехом. О встрече Большой Тройки в Каире болтают даже танцовщицы кабаре. А Каир, в сущности, очень близко к истине...

— Продолжайте, генерал.

— И последнее. Самое неприятное. Это Бюро Службы стратегических услуг США в Берне. Из Швейцарии сообщают, что и сам Аллен Даллес и его сотрудники поддерживают постоянные контакты с фашистской разведкой. Вице-консул генерального консульства Германии в Цюрихе Ганс Гизевиус несколько раз за последнее время встречался секретно с фон Гевернитцем, правой рукой Даллеса, его главным консультантом по германским вопросам. А Гизевиус доверенное лицо Канариса. Кальтенбруннер не так давно в Австрии говорил с графом Потоцким. О чем они беседовали, мы можем судить по тому, что вскоре после этого Потоцкий свел гестаповца Хеттеля с американскими разведчиками в той же Швейцарии.

— Ваше мнение об этих встречах?

— В основе — мышиная возня за нашей спиной, разговоры о возможности сепаратного мира, об этом мы ставили в известность руководство. Но наверняка имеет место и взаимный обмен информацией.

Член ГКО пометил что-то в своем блокноте.

— М-да... Странная дружба.

— Более, чем странная, — откликнулся генерал. — И может сослужить плохую службу президенту США. Ведь для Даллеса и его людей в Белом доме секретов не существует.

Два немолодых человека замолчали, окутавшись клубами табачного дыма. За долгие годы жизни оба успели познать в полной мере высокую ответственность за судьбы своей страны. Оба прекрасно понимали, что от реше-

ний, которые им предстоит сейчас принять, зависит многое.

— Какие меры вы уже наметили? — прервал молчание член ГКО.

— Завтра же отправлю в Тегеран группу наших специалистов для разработки соответствующих мероприятий на месте. О действиях гитлеровцев в Иране и прилегающих странах приказано сообщать срочно. Немцы, конечно, будут страховаться — несколькими агентами, пускай даже высококвалифицированными, не ограничатся. Тактика их нам известна. Террористических групп следует ждать несколько, причем не связанных между собой. Нашим людям, работающим среди гитлеровцев, дано указание обратить особое внимание на отправку в эти дни фашистских групп за пределы Германии.

— Что ж, меры разумные. Одобряю.

Член ГКО поднялся из-за стола.

— И прошу держать в курсе всех дел Государственный Комитет Обороны...

Разговор был закончен.

...И вот теперь, закрывшись в своем кабинете, наказав помощнику тревожить только по абсолютно неотложным делам, генерал решил еще раз освежить в памяти все, связанное с Ираном.

Он раскрыл пухлое досье, не спеша, сосредоточенно вглядываясь в строчки дальнотзорными глазами, перелистывал страницы служебных записок, протоколов, сообщений разведчиков.

Сухие колонки цифр, дат, имен. Но они говорят о многом.

...1938 год. Реза-шах отказывается подписать новый торговый договор с СССР. Германия выходит на первое место во внешней торговле Ирана. Еще через год — секретный протокол о торговле. Иран поставляет Германии важное стратегическое сырье. Германия монополизирует поставки в Иран железнодорожного и промышленного оборудования. Немцы строят в Иране аэродромы, промышленные предприятия и сооружения, самое главное — Трансиранскую железную дорогу. Все военные предприятия Ирана под контролем немецких специалистов. Немецкая разведка перебрасывает в Персию свою агентуру из Сирии и Ирака. В пограничных с СССР районах резиденты Берлина сколачивают банды из бывших белогвардейцев, дашнаков и мусаватистов. Замысел ясен — они

предназначены для действий в важных нефтяных районах Баку, Грозного, а также в Советском Туркменистане. В Миане, Иранской Джульфе и других местах Северного Ирана создаются секретные склады оружия и боеприпасов. Гитлеровские агенты беспрепятственно фотографируют советские пограничные районы.

В Тебризе, Реште, Казвине организованы вооруженные фашистские группы. Они ждут своего часа. Повсюду секретные фашистские радиопередатчики.

А вот и образцы открытой прогитлеровской пропаганды: бесплатный бюллетень, издававшийся в Тегеране на персидском языке, подшивки газет «Эттелаат», «Журналь де Техран».

Немецкие шпионы занимают ответственные посты более чем в пятидесяти иранских учреждениях. Они маскируются представительством немецких фирм: АЕГ, Феррошталль, Гарбер, Лен, Шихау.

Длинные списки агентов: фон Раданович, Гамотто, его заместитель Майер, Вильгельм Сапов, Густав Бор, Генрих Келингер, Траппе...

Отчет советских разведчиков о визите в Тегеран летом 1941 года руководителя абвера адмирала Вильгельма Канариса. Цель визита — подготовка фашистского военного переворота с целью превращения Ирана в анти-советский плацдарм.

25 августа 1941 года — опередив на три дня гитлеровских заговорщиков — в соответствии с договором 1921 года Советское правительство вводит на территорию Ирана свои войска для пресечения подрывной шпионско-диверсионной деятельности германской агентуры. Одновременно с юга в страну вступают английские батальоны.

...Генерал перелистал еще несколько страниц.

Реза-шах отрекается от престола в пользу своего сына Мохаммеда Реза. Представителей фашистской Германии высылают из страны. Гитлеровская агентура уходит в подполье, но не успокаивается: сколачивает свою организацию «Миллионе Иран». Главарь знакомая фигура — Майер. Что и говорить, организация влиятельная, в ее составе генералы и офицеры иранской армии, некоторые депутаты меджлиса, шейхи племен.

...А вот и самые последние донесения: по гитлеровской агентуре нанесен сокрушительный удар. Арестованы десятки шпионов. В районе Кумского озера схвачена группа немецких парашютистов.

Наконец, списки фашистских шпионов, оставленных пока на свободе. Они полагают, что им удалось замести следы. Что ж, пускай пока так и думают.

Генерал откидывается. Закрывает папку. Он удовлетворен прочитанным. До сих пор все делалось правильно. Немцам не удалось провести ни одной значительной операции. Остатки гитлеровской агентуры находятся под надежным контролем. Теперь самое главное — не переоценить свои силы. Генерал понимает, что схваченный за горло враг пойдет на все. На календаре не сороковой и не сорок первый год. Чаша весов после Сталинграда и Курска склонилась в пользу Советского Союза. И Гитлер не упустит возможности нанести удар в спину... Покушение на лидеров союзнической коалиции может выглядеть в глазах Гитлера действительно последним шансом.

Значит... Значит, нужно работать. Еще тоньше, еще умнее, еще предусмотрительнее.

Генерал встает из-за стола, делает несколько шагов по кабинету. Потом возвращается к столу и записывает что-то на календаре. Это заметки некоторых распоряжений, которые он отдаст завтра. Потом включает приемник: сейчас будет передача «В последний час». Правда, ему уже известна сегодняшняя сводка, но одно дело прочитать ее, а другое — услышать голос Левитана.

...В дверь еле слышно стучит капитан Ряшенцев.

— Товарищ генерал, только что получены шифровки: из отряда Медведева, из Берлина, из Софии, из Швейцарии. По-моему, чрезвычайно важные. Иначе бы не побеспокоил.

— Давайте сюда.

Капитан кладет перед ним несколько листков бумаги и выходит.

Генерал склоняется над бумагами и, еще не прочитав весь текст, сразу выхватывает из него самое важное слово: «Тегеран».

Он поднимает трубку аппарата.

— Товарищ член Государственного Комитета Обороны!

— Слушаю вас.

Свежие сообщения. Одни подтверждают другие, хотя все из разных мест. Немцы начали...

Причина, по которой фон Ортель спешно выехал в Берлин, не имела никакого отношения к опасениям Пауля Зиберта.

Все было проще — Вальтер Шелленберг вызвал одного из своих лучших агентов, чтобы отдать ему наконец приказ, которого тот ожидал со дня на день. Неожиданными для Ортеля были лишь некоторые детали.

Будущий «убийца века» не должен был иметь ничего общего с германской секретной службой, поэтому Шелленберг по телефону приказал штурмбаннфюреру расстаться навсегда с тем именем, которое могло быть взято на заметку советскими разведчиками в Ровно. По той же причине Шелленберг запретил Ортелю брать с собой кого-либо из «воспитанников» Ровенской школы террористов, замаскированной под частную зуболечебницу. Естественно, после такого приказа эсэсовец и не заикнулся о своем желании привлечь к операции некоего Зиберта.

Фон Ортель успел уже сменить в своей недолгой, но бурной жизни больше фамилий, чем фрейлен Марлен — певица из ресторана «Дойчегофф» — любовников. Очередной фарс он разыграл точно и быстро.

Прямо с военного аэродрома эсэсовец направился на Беркаерштрассе. Вальтер Шелленберг, не передоверяя столь важного дела никому из помощников, лично давал ему необходимые инструкции.

— Ваше новое имя Вернер Коппель. Вы инженер-путеец, австриец, бежали из Вены после аншлюсса, как противник нацизма, хотя и не принадлежали ни к какой политической партии. Работали в Турции, теперь решили перебраться в Иран. Кстати, туда вы действительно попадете из Анкары. Там работает один из наших лучших резидентов Макс фон Оппенгейм, о котором вы, должно быть, слышали.

Фон Ортель, конечно, слышал эту фамилию: доктор Оппенгейм был видным немецким археологом и еще более видным шпионом. За заслуги на этом поприще служба безопасности даже простила ему еврейское происхождение, что было уже само по себе событием чрезвычайным. В свое время Шелленберг имел из-за Оппенгейма крупный разговор с начальником гестапо группенфюрером Мюллером. Шелленберг выиграл спор, потому что

сумел убедить начальство в исключительной ценности археолога.

Начальник VI отдела продолжал инструктаж:

— В Тегеране остановитесь в отеле «Фирдоуси», где разыщите Анри Фрошона, представителя посреднической фирмы «Конье и сыновья». Он постоянно живет в «Фирдоуси». Обратитесь к нему по-французски: «Мы случайно не соотечественники?» Отзыв: «Нет, вы, судя по выговору, австриец, а я из Швейцарии». Запомните его лицо.

Шелленберг выдвинул ящик письменного стола, вынул оттуда увеличенную фотографию и протянул Коппелю. Тот внимательно изучил снимок, вернул его начальнику и спросил:

— Рост?

— Сто восемьдесят. Шатен. Глаза серые.

— Благодарю вас, господин бригаденфюрер. Я сумею опознать Фрошона.

Шелленберг удовлетворенно кивнул.

— У Фрошона есть отличная группа. Она поступает в ваше распоряжение. Он давно в Тегеране, знает город, у него должны быть соображения по поводу проведения акции. Но его людей не хватит. Для основной работы в Иран будет заброшена специальная группа. В ее составе штурмбаннфюрер Шульце, оберштурмфюрер Мерц и оберштурмфюрер Дихгофф. Кроме них еще шесть человек из наших школ в Копенгагене и Фалькенбурге. У Шульце и Мерца большой опыт таких акций. Как вам может быть известно, штурмбаннфюрер Шульце имеет личные заслуги перед фюрером, он участвовал в ликвидации его врагов еще в «Ночь длинных ножей». Дихгофф не знаком с акциями, но он был старшим лейтенантом в Красной Армии и может действовать в русской военной форме. Кроме того, он владеет персидским языком.

После акции вы возвращаетесь в Турцию любым способом, какой сочтете нужным. Что же касается остальных, то... можете считать их лицами, чья излишняя осведомленность представляет опасность для государства. Вы меня поняли, Коппель?

Коппель понял.

Путешествие австрийского беженца в Тегеран заняло около трех суток. Самолет «люфтганзы» доставил его из

Берлина в Анкару, но дальнейший путь был сложным и опасным. Вальтер Шелленберг не зря в свое время вступился за Макса фон Оппенгейма. Только благодаря его необъятным связям среди контрабандистов и торговцев опиумом на всем Ближнем и Среднем Востоке Вернер Коппель утром двадцатого ноября стоял на площади Туп-Хане в центре Тегерана.

Коппель знал, что Анри Фрошон ждет его в ресторане отеля «Фирдоуси» с трех до пяти уже несколько дней. Значит, у него есть еще часа четыре, чтобы оглядеться в незнакомом городе.

Был отличный солнечный день. Вдали за северной границей города отчетливо белели в безоблачной синеве заснеженные пики хребта Эльбурс. Судовольствием вдыхая прохладный, свежий воздух, Коппель шагал по широким прямым улицам, обсаженным деревьями. Он миновал хиабан Насерие и вышел на Лалезар. Главная улица столицы приятно поразила его богатыми особняками, сверканием зеркальных витрин европейских магазинов, шикарными автомобилями.

Радужное настроение Коппеля нарушила только одна неприятная встреча: уже где-то возле городских ворот Дерваза Доулет он нос к носу столкнулся с молоденьким лейтенантом Красной Армии. Коппель, конечно, знал, что в Тегеране находятся советские войска, но все же при виде русского офицера по его спине пробежали мурашки.

За парком Сепехсалар Коппель попал в другой Тегеран: город узких кривых улочек, застроенных низкими глинобитными домиками, арыков, заполненных мутной вонючей жидкостью, крохотных лавчонок, торгующих всякой мелочью, мастерских портных, башмачников, седельщиков, медников, жестянщиков, лудильщиков. В невыразимом шуме сливались воедино крики зазывал в лавках, разносчиков угля, водоносов, протяжные завывания бродячих торговцев, оглушительный перезвон чеканщиков, пронзительные вопли ослов, яростно понукаемых погонщиками.

Кто-то осторожно тронул Коппеля за полу пальто. Он нагнулся. Крохотная черноглазая девочка протягивала ему грязную ручонку с какими-то странными белыми узелками между пальцев. «Прокаженная!» — с ужасом догадался Коппель, не глядя швырнул нищенке какую-то мелочь и бросился за угол. Изумленная девочка долго

вертела в руках серебряную монету: странный человек в европейской одежде бросил ей целый кран!

Грохоча железными ободьями, по улице медленно катилась коляска. Обрадованный Коппель замахал рукой. Еще больше обрадовался сурчи — извозчик: найти пассажира-европейца в этом квартале нищеты было действительно неслыханной удачей.

Обратный путь на разбитой старой кляче занял у Коппеля не меньше времени, чем если бы он шел пешком. Но все же, когда часы на башне Шемс-эль-Эмаре пробили четыре, он входил в стеклянные двери отеля «Фирдоуси».

В почти пустом зале ресторана наметанный глаз разведчика сразу выхватил худощавого, сильно загорелого шатена с лицом, знакомым по фотографии. Коппель присел неподалеку, пообедал, запил жирную пряную пищу ароматным холодным щербетом и вышел в холл. Фрошон уже сидел здесь за низеньким столиком и лениво покуривал трубку с длинным, замысловатым изогнутым чубуком, листая какой-то иллюстрированный журнал.

Коппель незаметно огляделся: кроме них двоих в холле никого не было. Он опустился в кресло рядом. Спросил по-французски:

— Я вам не помешаю?

— О, нет! Пожалуйста!

— Я первый день в Тегеране,— дружелюбно улыбаясь, начал Коппель,— а в этой Азии как-то невольно тянет к своему брату европейцу. Конечно, со временем я надеюсь привыкнуть, но пока... Кстати, мы случайно не соотечественники?

Собеседник покачал головой.

— Нет... Вы, судя по выговору, австриец, а я из Швейцарии. Но тем не менее рад вас приветствовать в Тегеране. Мое имя Анри Фрошон. Коммерсант.

— Вернер Коппель, инженер.

Они обменялись несколькими банальными фразами. Потом Фрошон тем же любезным голосом, но тоном ниже быстро сказал:

— Портье Орудж наш человек. Я предупредил его, и он держит для вас седьмой номер в бельэтаже, я живу в четырнадцатом, это напротив. Опросный лист без меня не заполняйте. Через час я приду к вам в номер, и мы это сделаем вместе.

— Благодарю вас.

— Какие будут указания?

— Пока никаких.

— Тогда я пойду. Встретимся через час.

Слово Фрошона в отеле «Фирдоуси» было вроде волшебного «Сезам, отворись!». Важный рыжебородый портье Орудж в мгновение ока занес имя Вернера Коппеля в книгу приезжих, вручил ему опросный листок и тяжелый медный ключ. То и дело кланяясь, забегая вперед, проводил до самой двери номера.

К приходу Фрошона Коппель успел принять душ и привести себя в порядок. Настроение у него было отличное, пока все шло как нельзя лучше.

— У вас есть план города? — спросил он сразу.

— План?! — устраиваясь поудобнее в кресле, ухмыльнулся Фрошон. — В Тегеране нет ни настоящего водопровода, ни правильной нумерации домов, ни общественного транспорта, ни, тем более, плана города.

— Но как мы будем работать?

— Не беспокойтесь, шеф. Я здесь не зря живу четвертый год. Хотя и приблизительный, но для наших целей достаточный план у меня есть, сам составлял. Извольте взглянуть...

Фрошон вынул из кармана пиджака лист кальки и разложил на столе. Объяснял коротко и толково.

— Город расположен в котловине, у южных предгорий Эльбурса. Сейчас население Тегерана уже перевалило за полмиллиона, но планировка города осталась такой же, что и при основании столицы. Город окружен стеной, имеющей двенадцать ворот. От них к центру тянутся улицы и сходятся на площади перед старым шахским дворцом. Водопровода фактически нет, питьевая вода течет с гор по открытым каналам... Благоустроена лишь северная, аристократическая часть города. Здесь все важнейшие учреждения, лучшие постройки, электростанция. Южная часть — первозданный хаос, не изменившийся с древних времен. Вот в этом квартале — район посольств. Советское и английское расположены друг против друга, их разделяет только улица... Вокруг английского сплошной забор, охрана — индийские стрелки. Советское — в большом парке, окруженном решеткой. Охрана пока малочисленна.

— А где американцы?

— Их миссия далеко и на отшибе. Это очень удобно. Волей-неволей Рузвельту придется ежедневно разъез-

жать по всему городу. Возможно, он устроит прием с участием Черчилля и Сталина.

Коппель слушал внимательно. Похоже, что этот Фрошон толковый парень, зря времени не терял. Да, у Шелленберга можно учиться, как подбирать людей.

— Какими силами вы располагаете?

Лицо резидента омрачилось.

— С людьми плохо. После арестов у меня осталось всего несколько человек, на которых можно положиться серьезно.

— Что у абвера?

— Их осталось около десятка. Никаких контактов с ними я не поддерживаю, с большим трудом избежал провала сам, а они, по-моему, все находятся под наблюдением контрразведки русских. Их руководитель Грэвс выдает себя за англичанина.

— Конкуренция возможна?

— Сомневаюсь. Правда, в последнее время Грэвс развил бурную деятельность. Сколачивает боевую группу из мальчишек, сыновей бывших русских белоэмигрантов и дашнаков. В Шах-Абдуль-Азиме, это местечко в десяти километрах к югу от Тегерана, у них нечто вроде базы.

— Что еще у вас?

— В разных местах города, на перекрестках всех ключевых артерий: Лалезаре, Абасси, Насерие, Саади, на площади Туп-Хане я снял и оборудовал ряд конспиративных квартир с удобным обзором и несколькими выходами. Некоторые мои люди — это Орудж, с которым вы уже знакомы, Рашид, Хатиб, Джавад, впрочем, вам эти имена ничего не говорят — отличные снайперы. Во всех квартирах имеются винтовки с оптическими прицелами. Это не считая легких пулеметов, автоматов и гранат. На Лалезаре нам принадлежит кавехане, или попросту чайная. Там склад.

Коппель ткнул пальцем на один из крестиков.

— Меня интересует этот дом. Судя по масштабу, он метрах в двухстах от английского посольства. Там найдется небольшая открытая площадка, на которой можно было бы расположить несколько минометов?

— У вас есть минометы? — изумленно воскликнул Фрошон.

Коппель кивнул.

— Будут. Их доставят мои люди. Строго говоря, это

не настоящие минометы, а мощные реактивные патроны для одноразового использования.

— Превосходно! Этот дом подойдет как нельзя лучше!

— Ну, а теперь, дорогой Фрошон, у меня уже изрядно пересохло в горле. Предлагаю спуститься вниз и выпить за начало нашего великого дела.

Они направились в ресторан. В дверях Фрошон почтительно уступил дорогу невысокому седому господину с восточным лицом, одетому в отлично сшитый европейский костюм.

— Кто это? — без особого интереса спросил Коппель.

— О! Один из самых богатых людей Тегерана. Джафар Муслимов. Поставляет сухофрукты чуть не во все европейские страны, где нет своих, разумеется.

13

Прихрамывая, опираясь на тяжелую суковатую палку, Джафар Муслимов вышел из подъезда и с трудом втиснулся в миниатюрную французскую «симку». Через пятнадцать минут он подъехал к небольшому, хорошей архитектуры особняку в фешенебельном квартале на улице Абасси. Кряжистый привратник торопливо распахнул ворота. «Симка» вкатилась в уютный двор, обсаженный молодыми эвкалиптами.

— Гости приехали, Хосейн?

— Да, агаи Джафар, ждут вас.

Навстречу Муслимову, накинув на плечи канадскую кожаную куртку, спешил мужчина лет сорока с непокрытой русской головой.

— Здравствуйте, Джафар Муслимович! — приветствовал он хозяина на русском языке.

— Рад вас видеть, полковник, — отозвался Муслимов.

И Фрошон, и Коппель немало изумились бы при виде рукопожатия торговца сухофруктами и полковника Давыдова из контрразведки группы советских войск в Иране.

В доме их ждали еще трое. Давыдов познакомил собравшихся.

— Джафар Муслимович Муслимов, владелец этого дома и наш самый большой знаток Ирана. Наши гости из Москвы. Полковник Радченко, майоры Смирнов и Евстигнеев.

Муслимов обрадовался:

— Вот хорошо! Вернетесь в Москву, передайте Иннокентию Васильевичу большой привет! Мы с ним не виделись лет пять... Прошу вас, товарищи, присаживайтесь. У меня для вас кое-что есть.

Он вынул из кармана бобину с пленкой и передал Давыдову.

— Держите, Игорь Борисович. Полная запись беседы нашего старого знакомого Фрошона с этим приезжим, которого мы ждали. Я специально ездил в отель и дождался случайной встречи с ним.

— И что? — не выдержал Давыдов.

— Убедился, что Коппель именно тот человек, которого мы ждем по описанию из Центра. И Орудж молодец! Разговор записал полностью.

— Этот ваш портрет сущий клад, мне уже о нем Игорь Борисович рассказывал, — позавидовал Радченко.

— А как же! — в голосе Муслимова звучала нескрываемая гордость. — Мы с ним вместе служили комендорами еще в гражданскую в Волжско-Каспийской флотилии, участвовали в знаменитом персидском походе. Так сложилась жизнь: Орудж навсегда застрял в Иране, и мы снова встретились лишь через пятнадцать лет. С тех пор он мой самый лучший помощник. Представляете, как я смеялся, когда Фрошон с величайшими предосторожностями вербовал его!

Рассказав эту историю, немало всех развеселившую, Муслимов вышел в соседнюю комнату и вернулся с магнитофоном.

— Что ж, а теперь предлагаю послушать пленку.

На прослушивание и обсуждение разговора ушло почти полтора часа. За окном уже висела густая южная ночь, когда по сигналу Муслимова Хосейн вкатил передвижной столик с ужином. Дальнейший обстоятельный разговор проходил за едой, что, впрочем, никого не отвлекло от дела.

— Утром мы возвращаемся в Москву, — сказал Радченко. — Рекогносцировку на местах мы уже провели, давайте подведем итог тем предложениям, с которыми я явлюсь к генералу. С местными эсэсовцами все как будто ясно. Нам известны все их боевые посты. За всеми участниками заговора, видимо, необходимо усилить наблюдение. Обезвредим их по особому сигналу.

— Коппеля и Фрошона прошу поручить мне, — вста-

вил Муслимов.— Орудж с Хосейном справятся с этим делом без малейшего шума.

— Согласен... Хуже с той девяткой, которая должна прибыть в распоряжение Коппеля. Ее перехватить будет трудно. Посты воздушного наблюдения предупреждены, подвижные группы наготове, но не исключено, что они все-таки благополучно высадятся и дойдут до Тегерана. Зверье отчаянное... Как вы полагаете, Джафар Муслимович, сумеют они проникнуть в город?

— Могут,— вздохнув, подтвердил Муслимов.— Все зависит от того, кто их будет встречать. У здешних контрабандистов и торговцев опиумом многовековой опыт и необъятные связи с полицией и местными властями. Если им хорошо заплатят, то доставят, как пить дать... Но в любом случае эту группу должен обязательно встречать кто-нибудь из доверенных людей Фрошона. Кроме немцев у него есть и персы, хорошо знающие местные условия. Значит, нужно обратить внимание на тех, кто в ближайшие дни покинет Тегеран... Если не упустим того, кто выйдет на встречу, накроем всю девятку.

— Правильно,— одобрил Радченко.— Видимо, специально для этой цели нужно круглосуточно держать группу наших товарищей. Не исключено, однако, что мы сумеем узнать о месте выброса десанта и из других источников. Теперь об этом Грэвсе...

— Разрешите мне? — поднялся Давыдов.

— Пожалуйста, Игорь Борисович.

И полковник Давыдов рассказал довольно необычную историю. Несколько дней тому назад к нему, в отдел контрразведки, пришел очень возбужденный молодой человек. Он отрекомендовался Александром Марецким, монтером городской электростанции. Отец Марецкого, штабс-капитан колчаковской армии, после разгрома белых бежал с женой и маленьким сыном за границу. Долго бродил по свету, пока наконец не осел в Тегеране. В начале тридцатых годов он умер, мальчика воспитала мать, набожная несчастная женщина, совершенно подавленная эмигрантской судьбой, непрерывными лишениями и смертью мужа. Тем не менее, она сумела добиться того, что сын окончил техническую школу и получил очень выгодную в условиях Тегерана профессию.

В 1939 году Александр Марецкий вступил в организацию молодых эмигрантов из России, а точнее, детей эмигрантов. Организация преследовала чисто культур-

ные цели, но потом, постепенно, юношам все более и более усиленно стали прививать мысль, что светлое будущее их родины — России неразрывно связано с освободительной миссией Германии. Так организация, в которой Александр уже был командиром десятки, превратилась незаметно для ее участников в настоящее воинское подразделение, предназначенное для вооруженной борьбы с Советской властью в Закавказье.

А буквально на днях их руководитель и наставник Грэвс, много лет работавший в Англо-Персидской нефтяной компании, вызвал к себе на загородную базу десятку Марецкого и произнес перед ними целую речь. Суть ее сводилась к тому, что на долю молодых русских патриотов выпала высокая честь совершить акт великого исторического значения, который принесет долгожданную свободу их родине и счастье всему человечеству. Что это за акт, Грэвс не сказал, но с тех пор десятка Марецкого ежедневно собирается на тщательно замаскированном стрельбище, где проводит настоящие учения со стрельбой из оружия с глушителями. Кроме десятки, там бывают еще какие-то люди, как понял по отрывочным репликам Марецкий, — немцы. Грэвс имел с Александром еще одну беседу, секретную, в которой намекнул, что молодому монтеру предстоит в указанный им, Грэвсом, день отключить от электростанции некоторые кварталы города.

Обо всем этом и рассказал юноша советскому контрразведчику.

— Но что его побудило прийти к вам? — спросил майор Смирнов.

— Совесть русского патриота, — убежденно ответил Давыдов. — Видите ли, этот молодой человек, как он ни заблуждался, руководствовался в своих поступках самыми лучшими побуждениями. Он искренне верил, что этот матерый гитлеровец Грэвс печется об интересах России. Но за последний год в сознании Марецкого, как и многих других молодых эмигрантов, произошли серьезные сдвиги. Впервые за всю свою жизнь он получил возможность свободно читать наши газеты и книги, смотреть кинофильмы, узнавать правду о советской жизни. У него раскрылись глаза, и он понял, что Грэвс — фашистский шпион и убийца и что их готовят не для патриотической деятельности, а натаскивают на преступление.

— Как вы с ним договорились? — спросил Радченко.

— Вчера он у меня был с еще тремя своими товарищами, которые, по его словам, думают так же, как и он. Мы беседовали часа два. По-моему, это честные ребята, хотя в головах у них много чуши. Но доверять им можно, они мечтают вернуться в Россию и хотят заслужить это право. Я велел им не предпринимать никаких самостоятельных действий, по-прежнему ходить на все собрания, стараться не возбуждать подозрений и ждать наших указаний.

— Прекрасно! — Радченко был вполне удовлетворен сообщением коллеги. Теперь его интересовало другое: непосредственная безопасность самих посольств, которым предстояло служить и резиденциями делегаций.

Охрана советского посольства не представляла особой сложности, безопасность английского обеспечат подразделения английских войск.

Но серьезную тревогу у приезжих из Москвы вызвало местонахождение американской миссии. Она была доступна для прямого нападения террористов, тем более что не исключалось наличие в Тегеране и других фашистских групп, не раскрытых контрразведкой. Опасность представляли и переезды Рузвельта — узкие кривые улицы старой части города были очень удобны для покушения.

— Что ж, — подвел итог Радченко, обращаясь к Давыдову и Муслимову, — благодарю вас за исчерпывающую информацию и за то, что вы уже сделали. Завтра я обо всем доложу руководству. Имейте в виду, вы сделали многое, но считать опасность предотвращенной полностью еще преждевременно. Нам известно, что немцы подготовили параллельно несколько групп террористов, поэтому мы тоже предприняли дополнительные меры безопасности. Соответствующие точные указания по всем вопросам вы получите своевременно.

...Окончился еще один день. Теперь до встречи Большой Тройки их осталось только семь.

Генерал Комаров вышел из-за стола во временно занятом им тегеранском кабинете полковника Давыдова и, набрав шифр замка, отворил тяжелую дверь большого сейфа в стене. Порывшись в его стальном чреве, он разыскал тонкую папку и аккуратно вложил в нее только

что полученную шифровку. За скупыми строками донесения перед его глазами встала картина события, только что происшедшего.

...Глухая осенняя ночь в столице одного из фактически оккупированных гитлеровцами балканских государств. Шурша шинами, мягко покачиваясь по бетону, прямо на летное поле аэродрома к огромному бомбардировщику без опознавательных знаков подкатывает длинный черный «хорх». Из него выходит, зябко поеживаясь под ноябрьским ветром, очень высокого роста молодой мужчина с заурядной внешностью преуспевающего коммивояжера. Но это не преуспевающий коммивояжер. Это начальник VI отдела Главного управления имперской безопасности бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг.

Ему навстречу трое. Докладывают. Их имена известны лишь в узких кругах.

Под черным крылом самолета застыли еще шестеро с горбами парашютов за спиной. У них нет имен. Имена остались в Копенгагене. Да они им и не нужны. Как бы ни кончилась операция — успехом или провалом, — эти шестеро не вернутся. Но они об этом не знают...

Шелленберг пожимает руки двоим офицерам, а третьего — штурмбаннфюрера СС Юлиуса Бертольда Шульце — отводит в сторону. Что-то шепчет ему на ухо, потом из рук в руки вручает плотный листок бумаги. Шульце понимающе кивает головой.

Короткая команда — и поле пустеет. Отъезжает в сторону черный «хорх». Взревев моторами, бомбардировщик срывается с места. Замер в своей кабине штурман. На столике перед ним — подсвеченная слабой лампочкой карта. Кружком помечен конечный пункт маршрута — Тебриз.

Черный «хорх» неслышно мчит к городу. Откинувшись на мягком кожаном сиденье, бригаденфюрер торопливо набрасывает радиограмму: «Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе, 8. Секретно. Имперского значения. Рейхсфюреру СС Гиммлеру. Операция «Дальний прыжок» началась».

Странные события разыгрались в последние дни ноября 1943 года в Тегеране. Началось все, пожалуй, с того, что из отеля «Фирдоуси» бесследно исчезли два посто-

яльца. Слуга одного из них, некоего Анри Фрошона, представителя посреднической фирмы «Конье и сыновья», вошел утром, как обычно, с пачкой свежих газет в спальню своего хозяина, но нашел в ней лишь смятую постель и оторванную пуговицу от пижамы. Инженера же Вернера Коппеля в Тегеране никто, кроме его соседа Фрошона (жившего в номере напротив), не знал. Поэтому его исчезновение обнаружили лишь дня через два. Поскольку он уплатил за неделю вперед, никто о нем особенно не горевал.

Что же касается Фрошона, то дежуривший в ту ночь портье Орудж клялся и божился, что коммерсант в вестибюль не спускался и к нему в номер никто не приходил. Впрочем, через несколько дней сам Орудж взял расчет и уехал неизвестно куда вместе с семьей.

По ночам в разных уголках города вдруг вспыхивали короткие перестрелки. Иногда же тишину просто разрывал одинокий пистолетный выстрел. Такое слышали и близ площади Туп-Хане, и на хиабан Насерие, и Саади. Настоящее сражение разразилось в ложбине под Шах-Абдуль-Азим... Но — странное дело — утром любопытные мальчишки не нашли здесь ничего, кроме стреляных автоматных гильз.

16

Самолет С-54, неофициально, но прочно прозванный «священной короной»¹, с президентом Соединенных Штатов Америки Франклином Делано Рузвельтом на борту пролетел над Суэцким каналом, Иерусалимом, Багдадом, реками Евфрат и Тигр и, наконец, приземлился на тегеранском аэродроме. Уставшего после долгого пути уже тогда смертельно больного президента отвезли в посольство США в двух километрах от города.

На следующее утро — в воскресенье 28 ноября — к Рузвельту вошли взволнованные Гарриман, его личный советник, и начальник секретной охраны президента Майкл Рейли.

Гарриман рассказал Рузвельту, что русские только что поставили его в известность о том, что город навод-

¹ Это выражение употребляется в английском языке для иронического обозначения неприкосновенного лица или предмета (от пространного на Востоке культа священной коровы).

нен вражескими агентами и возможны неприятные инциденты. В устах Гарримана это вежливое выражение означало «покушения».

— Русские предлагают вам переехать в один из особняков на территории их посольства, где они гарантируют полную безопасность,— так закончил Гарриман свое сообщение.

— Ну, а вы что скажете, Майкл? — обратился Рузвельт к начальнику своей охраны.

Мрачный Рейли лишь пробурчал что-то отдаленно похожее на совет принять предложение.

В три часа дня президент и его ближайшие помощники уже переселились на территорию советского посольства в центре Тегерана. Группа лиц, прибывших с президентом, остановилась в Кемп-Парке, где помещался штаб американских войск.

Английское посольство было соединено с советским своеобразным коридором и взято под усиленную охрану.

17

Самолет «кондор» летел над облаками уже несколько часов. В фюзеляже было душно и жарко, от неумолчного гула моторов клонило ко сну. Несколько террористов уснули, неудобно скорчившись на жестких алюминиевых скамейках.

Штурмбаннфюрер Шульце почти неотрывно глядел в темный круг иллюминатора. Вилли Мерц, борясь с дремотой, нудно насвистывал «Лили Марлен». Только Курт и Гейнц нашли себе хоть какое-то занятие: усевшись по обе стороны узкого прохода, с увлечением резались в очко на пальцах.

Через полтора часа под ними будет Тебриз — там прыгать.

Первым по инструкции прыгает Дихгофф, поэтому его место в середине салона (если этим громким словом можно назвать гофрированную банку, скорее похожую на увеличенную в размерах противогазную коробку) возле самой двери.

Впрочем, прежде чем прыгать, он с Куртом должен вытолкнуть за борт длинный ящик, прикрепленный к грузовому парашюту. В нем — заключенные в тонкостенные пусковые трубы шесть реактивных снарядов. От головки каждого наружу тянутся металлические усики.

Они сбегаются к общему детонатору, закрепленному в верхней крышке ящика. Мера предосторожности отнюдь не случайная. Ракетные снаряды индивидуального пользования — опытное секретное оружие. В случае провала оно ни в коем случае не должно попасть ни в руки англичан, ни тем более русских. Если таковое все же произойдет, Курт обязан разбить детонатор. Ему сказали, что тот сработает через десять секунд — время, вполне достаточное, чтобы отбежать и укрыться в стороне. Но офицеры знают, что на самом деле взрыватель почти мгновенного действия...

— Дихгофф! — это Шульце.

— Да, командир?

— Сверим часы.

— У меня два ноль три, через сорок две минуты должны прибыть.

Шульце ничего не ответил. Он молча поднялся со своего места и прошел в кабину пилотов. Вскоре он вернулся обратно, и вдруг Дихгофф почувствовал, как его мягко, но неудержимо прижимает к стенке.

— В чем дело? — встревоженно спросил он.

— Меняем курс, — лаконично ответил Шульце.

— Но почему?

— Приказ бригаденфюрера... Всего лишь мера предосторожности... За сорок минут я должен задать пилоту новый конечный пункт маршрута. Нас будут встречать не в Тебризе, а в Ширазе. Кто знает, вдруг русские пронохали о нашем визите.

Курт и Гейнц продолжали игру как ни в чем не бывало. Им было все равно, где прыгать, Шираз так Шираз. Но Мерц и Дихгофф не могли скрыть изумления.

— Что ж, бригаденфюреру виднее, — в конце концов философски заметил Мерц, — лишь бы нас благополучно встретили и доставили на место.

— Ну, уж это не твоя забота, — оборвал его Шульце.

— Забота не моя, да шкура моя, причем одна-единственная на весь срок службы, — резонно парировал Мерц. — А ты как думаешь, Дихгофф? — И тут же его спокойный, ленивый тон сменился воплем ужаса: — Что ты делаешь?! Ты сошел с ума!!

Это было последнее, что видел в своей жизни Вилли Мерц. Оберштурмфюрер Георг Дихгофф сорвал предохранительный колпак и резким ударом каблука разбил детонатор на ящике со снарядами...

Вечером в канун нового, 1944 года генерал Комаров в своем кабинете на площади Дзержинского заполнял наградные листы на сотрудников управления, отличившихся в операции, которую в столице одного воюющего государства называли «Эврика», а другого — «Дальний прыжок». Страницы подробных изложений подвигов разведчиков должны были через несколько недель отчехнуться в скупые строки Указа, который, в отличие от других, никогда не будет ни напечатан в газетах, ни передан по радио. Что бы не совершил человек, в Указе будет только сказано: «За храбрость и мужество при выполнении особого задания командования».

Фамилии на «А», «Б», «В», «Г»... На «Д» только один лист.

«Капитан Диков, Юрий Иванович, член ВЛКСМ, уроженец города Баку. Образование — незаконченное высшее и военное среднее».

Генерал вздохнул и отодвинул лист, качнул зачем-то тяжелое пресс-папье. Еще раз вздохнул и склонился над столом.

«...В начале тридцатых годов познакомился в Москве с университетским товарищем своего отца — И. И. Дикова — Францем фон Заурихом, майором германской военной разведки, приезжавшим в Москву якобы по коммерческим делам. Через фон Зауриха И. И. Диков восстановил родственную переписку со своим троюродным братом Альбертом Дихгоффом, проживавшим в Берлине, о котором он ничего не знал почти двадцать лет.

Когда фон Заурих стал своим человеком в семье Диковых, он начал исподволь прививать Юрию фашистскую идеологию, имея конечной целью сделать его одним из своих шпионов в нашей стране. Поняв это, юноша явился в советские органы государственной безопасности и поделился своими подозрениями о подлинном лице коммерсанта. Все его дальнейшие отношения с фон Заурихом проходили по нашим указаниям. В 1936 году Ю. И. Диков после окончания средней школы по приглашению семьи Дихгофф ездил в Берлин, где в соответствии с полученными от нас инструкциями дал согласие сотрудничать с германской разведкой. В том же году он поступил на филологический факультет университета и одновременно был зачислен в штаты органов государст-

венной безопасности. Позднее закончил наше специальное училище.

Благодаря точной и умной работе Ю. И. Дикова как до, так и во время войны в абвер было передано большое количество дезинформирующих данных, а также обезврежен ряд вражеских шпионов.

В мае 1943 года ст. лейтенант Ю. И. Диков был переброшен через линию фронта и по рекомендации фон Зауриха определен на должность инструктора разведывательной школы в Копенгагене с присвоением ему звания оберштурмфюрера СС.

В ноябре с. г. Георг Дихгофф был неожиданно, видимо, из-за знания персидского языка, включен в состав группы отборных гитлеровских террористов, направляемой в Тегеран для совершения покушения на руководителей антигитлеровской коалиции.

В исключительно тяжелых условиях непрерывного надзора он сумел передать в Центр состав группы и маршрут следования: Копенгаген — София — Тебриз. Уже в пути, за сорок минут до Тебриза, где специальный отряд Красной Армии готовился встретить десантников, Ю. И. Дикову стало известно, что по секретному приказу бригаденфюрера СС Шелленберга, террористы будут сброшены не над Тебризом, а над Ширазом. Не имея возможности с борта самолета информировать об этом изменении Центр, Ю. И. Диков совершил героический подвиг: взорвал ящик с ракетными снарядами, предназначенными для покушения...

При взрыве уничтожены эсэсовские террористы, в том числе два специальных уполномоченных фашистской службы безопасности. Единственный оставшийся в живых рядовой террорист сообщил при допросе в госпитале об обстоятельствах уничтожения самолета.

Генерал снова задумался, потом протер кусочком замши очки и дописал внизу: «К награде представляется посмертно».

В. Листов

ВЕНСКИЙ КРОССВОРД

...Высокий мужчина деловито мерил шагами просторный кабинет. Пройдя вдоль расположенных в ряд окон, он резко, словно солдат на учении, повертывался и шел назад. И так же неожиданно начинал говорить. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву возвышающихся за окном платанов, отбрасывали блики на его лицо и освещали сухие тонкие губы и глубокие морщины. Говорил он неторопливо, зная, что каждое слово ловят на лету:

— Идет война. В прессе ее называют холодной... Пропаганда — средство политиков. Для нас с вами в разгаре война горячая. Каждому свое... Вы это понимаете, Роклэнд?

— Так точно, шеф!..

Полный, широкоплечий Роклэнд сидел в кожаном кресле и почтительно слушал.

— На войне все средства хороши! Не мы их, так они нас... Вы отправитесь в Западную Германию...— По-видимому, последние слова для Роклэнда были неожиданными, и он спросил, воспользовавшись паузой:

— А как же Япония, шеф?

— Там обойдутся без вас... Самолет приземлится во Франкфурте-на-Майне. Оттуда проедете в Бонн.

— Слушаюсь!

— Встретитесь с генералом Геленом. Хотя он и немец,— пожилой мужчина слегка поморщился,— но с на-

ми пока работает честно. Он большой специалист в этом деле и подберет вам нужных людей. Ваша резиденция будет в Зальцбурге...— Высокий прошел в другой конец кабинета и, повернувшись, остановился, видимо, что-то обдумывая. Потом продолжал:

— Имейте в виду, что сейчас все в наших руках, Аденауэр наш большой друг. Нам гарантирована любая поддержка со стороны правительства США. Если мы упустим такую возможность, история нам не простит. На первом плане должна быть операция «Мэтр»... Подробности прочтете в этой папке... Это должен быть действительно крупный человек, такой, чтобы мог делать политику. Вы обязаны найти такого в Вене. Второй операции придадите местное название... Разведка призвана вершить государственные дела! Вам ясно?— Мужчина задержался возле кресла, в котором сидел Роклэнд.

— Да, сэр!

— Действуйте смело, решительно и... нахально! Я не оговорился, именно нахально! Нужно пользоваться моментом!

Старик слегка похлопал Роклэнда по плечу. Роклэнд почтительно встал.

— Только не попадайтесь в руки русским!

— Все будет о'кэй, шеф!

— Желаю удачи!

...Август позолотил верхушки кленов, когда полковник Забродин возвратился в Москву из командировки. Настроение было отличное: «Все прошло удачно. Теперь можно и в отпуск!»

Русская пословица гласит: «Загад не бывает богат!» В справедливости ее Забродин убедился на следующий день.

Едва он уселся писать отчет, как раздался телефонный звонок.

— Прошу зайти ко мне!— голос начальника контрразведки прозвучал озабоченно.

По широким деревянным ступеням, потрескавшимся от времени и скрипевшим под ногами, Забродин торопливо поднялся двумя этажами выше.

— Здравствуйте, Георгий Константинович!

— Здравствуйте. Садитесь, Владимир Дмитриевич.

Одну минутку, — генерал Шестов продолжал говорить по телефону.

Забродин опустился на стул. В просторном кабинете, окна которого выходили на северную сторону, было не жарко.

Генерал положил трубку, закрыл и отодвинул в сторону лежавшую перед ним папку и спросил:

— Как дела с Пронским?

Вопрос был неожиданным: всего неделю назад состоялся подробный разговор о Пронском. За такой короткий срок ничто не могло измениться. Генерал это понимал.

— Нормально... — ответил Забродин и подумал: «Почему он спрашивает о Пронском, хорошо зная, что все докладывается своевременно?»

— Как Пронский себя чувствует? — генерал как бы не замечал недоумевающего взгляда Забродина.

— Писал, что здоров...

Генерал спрашивал и в то же время, казалось, думал о чем-то своем. Наконец он решительно сказал:

— Не считаете ли вы, что ему пора активно включаться в работу?

— Сейчас, как вы знаете, Георгий Константинович, это невозможно. Все бывшие сотрудники американской разведывательной школы, после судебного процесса над заброшенными к нам парашютистами, находятся под подозрением. Американцы закрыли школу, и с тех пор Пронский ни в одно интересное для нас место устроиться не может.

— Тогда, вероятно, ему лучше всего возвращаться домой?

— Об этом я тоже думал. Меня удерживает доверие Смирницкого, которым пользуется Пронский. Американцы верят Смирницкому, и нужно думать, что Пронский с его помощью сумеет снова наладить контакты с американской разведкой... Во всяком случае, в своих последних письмах Пронский высказывает уверенность, что будет еще полезен Родине.

— Ваши доводы не лишены логики... Я хотел посоветоваться вот по какому вопросу. Назревают серьезные события в Австрии. Вы, очевидно, в курсе этих дел?

— Не совсем...

— По дипломатическим каналам начались перегово-

ры о заключении австрийского мирного договора. Для разведок это означает...

— Буря перед штилем!

— Вот именно. Хотя в природе бывает обычно наоборот. Нам нужно готовиться, Владимир Дмитриевич. Вот я и вспомнил о Пронском.

— Понятно.

— Что, если перебросить его в Австрию?

— В Австрию?..

Забродин задумался.

Все понимали: и генерал, и Забродин, и вообще все, кто хоть немного знал о Пронском, что ему пора возвращаться домой. Но не бросишь дело, особенно, если оно идет, если имеются какие-то возможности проникнуть в тайны противника.

— Я запрошу его мнение, если вы разрешите?

— Сколько времени это займет?

— Месяца полтора-два.

— Действуйте. Время пока есть...

В конце сентября от Пронского получили ответ. Он писал:

...С большим трудом уговорил Смирницкого отпустить меня в Вену. Дал рекомендации К эмигрантам и американцам. Надеюсь выехать в начале октября. Буду ждать вашего представителя у входа в кинотеатр «Темпо». Пароль тот же.

Сердечный привет!

Генерал Шестов прочитал письмо, которое принес Забродин.

— Ну, что же, Владимир Дмитриевич, все складывается неплохо. Теперь, очевидно, вам нужно ехать в Вену. Я думаю, ненадолго... Дня три-четыре вам хватит, чтобы познакомить Пронского с другим работником.

— Я не возражал бы побыть там и подольше, — Забродин широко улыбнулся. — Мне нужно изучить район встречи... — За многие годы работы с генералом Шестовым он мог позволить себе небольшое отступление от строго служебных отношений. И был уверен, что генерал его поймет...

— Хорошо. Готовьтесь к поездке на неделю! — с улыбкой ответил генерал.

На аэродроме в Швехате Забродина встретил капитан Лунцов.

Бывшая гостиница «Гранд-отель», куда Лунцов привез Забродина, находилась в центре города, на Ринге. Она служила общежитием для советских граждан, командированных в Вену. Вход в «Гранд-отель» охраняли солдаты советских оккупационных войск.

Большая, почти квадратная комната, уткнувшаяся окнами в стену соседнего дома, отчего в ней было темно даже днем, несколько омрачила первые впечатления. И Забродин воскликнул:

— Вот так Вена! На одну неделю сойдет. А более продолжительный срок жить в этом номере я бы не согласился. — Он положил на стул портфель с дорожными вещами.

— Другие номера сейчас заняты, — как бы оправдываясь, пояснил Лунцов. — В них поселяются работники, приехавшие в Австрию надолго...

— Ну, ну... Я пошутил. Заняты так заняты... Мне ведь только для ночлега... Что будем делать сейчас?

— Вас ждет товарищ Богданов. Он, вероятно, представит вас Верховному комиссару.

— Прекрасно.

Аппарат Верховного комиссара находился в бывшей гостинице с пышным названием — «Империял», расположенной почти напротив «Гранд-отеля».

Когда Забродин вошел в кабинет, навстречу ему из-за стола поднялся Илья Васильевич Богданов.

Пожимая руку Забродина, он забросал его вопросами:

— Как долетели? Как Москва?

— Москва?! Стоит Москва!.. Идет большое строительство на Ленинских горах. Проложена линия метро до Филей... Открыт свободный проход в Кремль! — Забродину было трудно передать даже то главное, что произошло за последние несколько месяцев в столице.

Постоянно находясь в Москве, он как-то не обращал внимания на перемены в облике города.

— Ладно. Обо всем успеем еще поговорить, — не дав ему закончить, заторопился Богданов. — Сейчас я представлю вас Иртеневу, нашему Верховному, так как потом уйду надолго в город. Здесь я как белка в колесе: каждую минуту новые события.

Высокий, моложавый генерал-лейтенант усадил Забродин в кресло, угостил папирсой и по-дружески спросил:

— Вы бывали в Австрии?

— Нет. Впервые.

— Обстановка здесь весьма сложная. Правительство ни за что не отвечает,— Иртенев усмехнулся.— Нет, не подумайте ничего плохого об австрийском канцлере и его помощниках. Они порядочные и приятные люди. У нас с ними установились добрые отношения. Но у них очень мало прав. Все диктуют оккупационные власти... Несколько раз пропадали солдаты из наших воинских частей, и австрийское правительство ничего не могло ответить на наши запросы... И, вы знаете, я им верю. Они могли не знать. Американцы действуют нагло и бесконтрольно...

— Даже в нашем секторе?

— Ну, в нашей зоне мы не даем им бесчинствовать. Да они и боятся в открытую к нам заходить. Но в Вене нет границ между секторами, и если вы не знаете город, то можете совершенно случайно оказаться в западном районе. Там мы уже бессильны, и с вами может произойти все что угодно...

— Если я и буду совершать прогулки, то не один.

— Это разумно. Желаю вам успеха! — Генерал встал. Забродин тоже. — Если вам потребуется какая-либо помощь, заходите в любое время.

— Спасибо.

Забродин вышел в приемную. Ожидавший его там Лунцов спросил:

— Куда теперь?

Забродин вдруг почувствовал, что он голоден:

— Я не возражал бы поесть.

— Идемте в кафе, где я иногда обедаю...

В небольшом чистеньком кафе было довольнолюдно. Официанты в черных фраках ловко сновали между столиками. Лунцов заметил свободный столик возле большого окна и повел туда Забродина. Едва они успели сесть, как к ним подошел молодой официант и заговорил по-русски с небольшим немецким акцентом:

— Пожалуйста, что вы желаете пить?

— Один момент. Мы сейчас выберем, — ответил

Лунцов и взял в руки меню. Официант отошел немного в сторону и застыл в ожидании.

— Он вас знает? — удивился Забродин.

— Не больше, чем других. Я здесь бываю редко. Это кафе посещают многие русские, и официант вряд ли мог выделить меня из общей массы.

— Так почему же он сразу заговорил с вами по-русски?

— А-а! — Лунцов улыбнулся. — Виноваты в этом ваши брюки...

— Гм... — Забродин внезапно почувствовал себя странно. Ему вдруг показалось, что все смотрят только на него.

— Да вы не смущайтесь, — успокоил его Лунцов, — вначале все так...

— Завтра же мне нужно сменить костюм!

...Забродин волновался. «Узнаю ли я Пронского? Прошло больше пятнадцати лет! Время и обстановка меняют не только характеры, но и манеру держаться, выражение лица!»

На ветровое стекло машины набегали яркие световые рекламы: «Покупайте обувь Гуманика!», «Лучшие в мире часы — Шафхаузен!», «Самые надежные автомашины — Форд!»

За Гюртелем машина окунулась в черноту ночи. Затем внезапно выскочила на освещенную площадку, заполненную двумя потоками оживленно разговаривающих людей.

«Как неудачно! — подумал Забродин. — Только что окончился сеанс в кинотеатре «Темпо». Как в такой толпе отыскать Пронского? — Забродин тревожно посмотрел на часы: — Ровно восемь. Он должен быть где-то здесь!»

Выйдя из машины, полковник стал пробираться сквозь толпу. Неожиданно взгляд его остановился на высоком мужчине, который стоял немного поодаль и толпа обтекала его с двух сторон, как обтекает вода большой камень. В чертах его лица промелькнуло что-то знакомое. «Кажется, он? Нет, Пронский был выше ростом...» Забродин продвигался вперед, обходя мужчину стороной. «Этот шире в плечах... Но почему он смотрит на меня так пристально?» Забродин перевел глаза на

костюм незнакомца. Из правого бокового кармана торчит край газеты. «Он! Конечно, он!»

Пронский тоже узнал Забродина. Какое-то мгновение смотрел в упор, чуть-чуть улыбнулся. Забродин уверенно двинулся ему навстречу.

— Николай Александрович, как я рад!

— Я тоже. Не ожидал здесь увидеть вас!

Они отошли за угол дома и сразу скрылись в темноте.

— Николай Александрович, я хотел бы встретиться завтра с вами на квартире и там обо всем поговорить.

Забродин передал Пронскому адрес, и они расстались.

Двухэтажный особняк на Кюлерштрассе, где Забродин и Лунцов на следующий день ожидали Пронского, находился в глубине сада. Ровно в девять часов раздался звонок, и хозяйка впустила гостя.

Теперь, при ярком свете, Забродин мог как следует рассмотреть Пронского. Моложавое лицо и простая, естественная манера держаться. Только под глазами — тонкие морщинки, а в волосах — седина.

— Вы почти не изменились, — сказал Забродин, крепко пожимая его руку.

— Ну, что вы! Я стал совсем старый. Посмотрите, сколько седых волос, — Пронский с улыбкой разглядывал Забродина. — А вот вы мало переменялись! Немного пополнили... И у вас серебро!..

— Да, ведь, пожалуй, пора! — Забродин рукой пригладил волосы. — Время не щадит никого... Проходите, пожалуйста, — пригласил он.

Хозяйка подала черный кофе в маленьких чашечках. Размешивая ложечкой сахар, Забродин спросил:

— Как вы жили эти годы, Николай Александрович?

— По-разному... Часто приходилось туго... И, знаете, не столько от работы, сколько от обстановки. Вы, очевидно, многое знаете?

— Да. Я в курсе ваших дел. Как сейчас в Западной Германии?

— Снова орут свои песни фашисты. В правительстве пробралось много бывших нацистов: Шпейдель, Глобке... Один Штраус чего стоит! Вы слышали, как он кричит: «Сотру Советский Союз с карты мира!» Коммунистическая партия в загоне. Активистов преследуют. Фашистские молодчики рисуют свастики на синагогах.

Власти для отвода глаз схватят одного-другого, по-журят и тут же отпустят... А реваншистские слеты? С пеной у рта, с горящими факелами! В этих сборищах принимают участие государственные деятели, вплоть до Аденауэра. Вот вам обстановка...

— А как же терпят американцы?

— Что американцы?! Им нужен надежный союзник. Самый сильный союзник их в Европе — это западные немцы. Англичане и французы не идут ни в какое сравнение с немецким солдатом. Вот они и смотрят сквозь пальцы. Возрождается могучая и вероломная машина...

Пронский отпил кофе и, немного подумав, продолжал:

— Я обрисовал вам самые мрачные стороны. Родина должна это знать и быть наготове. Но есть в Западной Германии и порядочные люди. Вот, например, — он улыбнулся, — вы знаете, недавно проходили выборы в бундестаг. Во многих городах были расклеены портреты Аденауэра. Во Франкфурте-на-Майне я видел, как кто-то подрисовал на плакате челку и усики и Аденауэр удивительно стал походить на Гитлера... Или вот мне рассказывали: во время предвыборного выступления Штрауса в Мюнхене ему прислали в конверте резинку с запиской: «Можете стереть Советский Союз с карты мира!»

Посмеялись.

— Николай Александрович, какие у вас перспективы в Австрии?

— Пока плохие. По рекомендации Смирницкого я повидал двух эмигрантов, давно живущих в Вене, и американца, мистера Грегга, официально занимающегося коммерческими делами... Грегг обещал подыскать мне работу.

— Мы хотели бы, чтобы вы поработали здесь до выхода наших оккупационных войск и отъезда советских граждан на Родину. С одним из последних эшелонов уедете и вы.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Забродин, Лунцов и Пронский всю ночь обсуждали варианты работы в Вене. И только когда начало светать, они распрощались. Пронский вышел на улицу и сразу потерялся в предутренней мгле.

Через сутки, завершив все дела в Вене, Забродин возвратился в Москву.

Забродин никак не предполагал, что спустя несколько месяцев ему снова придется лететь в Вену. Был ли он доволен новым назначением? Он и сам не мог бы ответить на этот вопрос. Он знал, что будет трудно.

В столицу Австрии полковник прилетел в начале апреля. И сразу ощутил прелесть южной весны: кругом все цвело и своей свежестью, пестрыми красками радовало глаз.

А люди! Они ликовали. На улицах царило оживление. Еще бы: оккупирующие державы договорились о заключении мирного договора с их родиной.

— Что сейчас делается в кафе, ресторанах! — рассказывал Лунцов, встретивший Забродина на аэродроме. — Даже на трамвайных остановках, в клубах, на теннисных кортах — всюду только и разговоров, что о предстоящем подписании мирного договора. Газеты заполнены статьями с политическими прогнозами, различными обзорами с предположениями о сроках вывода оккупационных войск, сообщениями о членах делегаций на мирную конференцию. Все кипит и бурлит!

Полковник поселился в «Гранд-отеле». Но теперь его комната выходила окнами на Ринг.

Забродина сразу захватили события. Прошло три недели с тех пор, как в американский сектор Вены сбежал инженер Рыжов, работавший в Управлении советским имуществом в Австрии. По свежим следам Забродин пытался разобраться в причинах, побудивших его к этому.

Рыжов растратил большую сумму государственных денег на свою любовницу-австрийку и бежал от наказания. Но почему американцы отказались возратить уголовного преступника? Несомненно, здесь замешана разведка. Ей необходим политический выигрыш. Бедно же она живет, если уцепилась за уголовного! А может быть, это первая ласточка? Шантаж и подкуп сделают свое дело? Как оградить советских людей от провокаций?

Это стало основной заботой полковника, и он подолгу задерживался на службе, изучая поступающую информацию. Замелькали часы, дни... Но Забродин не упускал свободной минуты, чтобы познакомиться с Веной. И не только ради удовольствия, он считал, что чем лучше познаешь страну, население, быт, нравы и привычки народа, тем успешнее можно работать.

Однажды вечером Забродин и Лунцов отправились гулять по Вене. Они решили осмотреть Грабен — небольшую площадь в центре города с великолепными магазинами и памятником жителям Вены, погибшим во время эпидемии чумы. Там же, поблизости — величественный собор — Стефанскирхе, под которым раскинулись многокилометровые катакомбы. Лунцов взял на себя роль гида.

Они шли полутемным переулком в сторону Кертнерштрассе. Возле входа в «Мулен руж» Лунцов подошел к автомату, чтобы купить сигарет. Забродин продолжал идти один, медленно, не глядя по сторонам. Неожиданно его толкнула женщина.

— Извините! — смущенно проговорил Забродин. Женщина хотела что-то сказать, но подошел Лунцов.

— Пойдемте, Владимир Дмитриевич, — он взял Забродина под локоть и повел в сторону, не обращая внимания на женщину. — Вы, по-видимому, еще не узнали тонкостей здешней жизни. Эти женщины бывают подчас очень нахальными. У каждой свой район, и они даже платят налог с дохода...

— Не может быть!

— Замужняя женщина в эту пору одна по улице не ходит... Чего только здесь не встретите. Поговаривают, что воруют людей и отправляют в рабство, куда-то на Восток. А вот сегодня Величко рассказал мне забавную историю. На Ландштрассе объявился чужак-хозяин. Продает шерстяные кофты не хуже чем в других магазинах, но гораздо дешевле... Вообще, здесь много странностей и особенностей...

— Весьма вероятно, что этот разговор не задержался бы в памяти Забродина, потонул бы в хаосе впечатлений, если бы на следующий день другое сообщение не заставило подковника встревожиться. Ему доложили, что новость о продаже дешевых кофточек в магазине на Ландштрассе быстро распространилась и в этот магазин стали заходить многие.

— Что нам известно о владельце магазина? — спросил он у Лунцова.

— У нас нет о нем никаких сведений, Владимир Дмитриевич. Специально мы его не проверяли, так как никаких сигналов не поступало.

— Странно... Почему этот коммерсант оказался добреньким? Как вы думаете? Ведь на Западе каждый

стремится нажить капитал, к этому толкает людей **весь** уклад жизни, а иным путем не разбогатеешь! По-видимому, это неспроста...

— Нужно разобраться... Побеседовать с теми, кто был в магазине.

— Хорошо. Но этого мало. Кто в Вене может дать справки о владельце магазина? Полиция? Власти? — Забродин даже улыбнулся. — Пронский! Вот кто может нам помочь! Когда у вас назначена с ним встреча?

Спустя два дня Забродин отправился вместе с Лунцовым на встречу с Пронским. Был теплый вечер. Из ресторанов и кафе, с открытых террас разносились звуки веселой музыки. Венцы отдыхали после трудового дня.

— Обратите внимание на жилые дома, — сказал Лунцов, показывая вокруг. Забродин посмотрел по сторонам, но кроме зарослей кустарника и ветвей деревьев, громоздившихся в наступившей темноте, ничего не видел.

— Ну, конечно. Вы их не видите, потому что в окнах нет света. А ведь они тут, кругом, за деревьями.

Присмотревшись, Забродин различил вдали силуэт здания. Только в одном окне светился огонек.

— Может быть, это служебные помещения? — удивился он.

— Нет. Но венцы по вечерам редко находятся дома. Сидеть дома дорого: электричество, отопление. Гораздо дешевле провести вечер в кафе.

Лунцов отворил дверь особняка на Кюлерштрассе. Он настолько привык к этой квартире, что чувствовал себя как дома. В прихожей было темно. Он подошел к окну и задернул штору.

— Приходится приспосабливаться к австрийскому быту, — сказал он, включая свет.

— Фрау Берта, принимайте гостей! — позвал он.

Вышла хозяйка.

— Вы не беспокойтесь, — сказал Лунцов по-немецки. — Ничего нам не готовьте... Если можно, по чашечке кофе. Сейчас подойдет еще один человек.

Вскоре раздался звонок, и хозяйка впустила нового гостя.

— Ба-а! Владимир Дмитриевич! — воскликнул Пронский. — Надолго к нам? — его глаза выражали неподдельную радость.

— Думаю, что уеду домой вместе с вами или немного позже. А как вы? Привыкли к Вене? — спросил Забродин.

— Да как вам сказать... — по лицу Пронского пробежала тень. — Откровенно говоря, надоела мне вся эта эмигрантская возня.

— Осталось недолго. Потерпите.

— Мистер Грегг взял меня к себе. Дает различные поручения...

— Вам так и не удалось выяснить, где он официально числится?

— Нет. В американском посольстве он официально не служит, хотя часто там бывает и пользуется особым доверием. Выступает как владелец частной фирмы.

— Американский Остап Бендер? А фирма по продаже рогов и копыт?

— Что-то в этом роде, — Пронский рассмеялся, — но поопасней. Это прикрытия дает ему возможность свободно распоряжаться деньгами и устанавливать обширные контакты в самых различных кругах.

— Что же поручил вам Грегг сейчас?

— Ни много, ни мало, как искать среди советских граждан людей, которых американская разведка могла бы завербовать, — усмехнулся Пронский.

— Ого! Каким же образом?

— На этот счет у них много рецептов: подмечать малейшие подробности жизни, желания, стремления. И в первую очередь, не хотят ли разбогатеть...

— Так и говорит — разбогатеть?

— Да. Он считает это главным в жизни. Грегг сам придерживается таких же принципов. Прежде всего деньги. Доллары, фунты... За деньги он продаст кого хочешь... Затем его интересуют семейные отношения: нельзя ли подсунуть девочку...

— Он действует довольно стандартно.

— Это его не волнует. Он считает, что средство испытанное и надежное.

— А где знакомится?

— В самых различных местах: в кино, в кафе, в ресторанах, магазинах — везде, где бывают русские. Мы совсем недавно совещались с товарищем Лунцовым, как быть. Ведь я должен выполнять задание, иначе Грегг меня выгонит.

— Конечно.

— Юрий Борисович рекомендовал назвать Греггу Викентьева Игоря Витальевича, с которым я якобы познакомился в парке Терезианум... Остальное он предоставил моей фантазии: описать процедуру знакомства и личные качества Викентьева.

— И как же Грегг реагировал на вашу информацию?

— Уж я постарался! — Пронский рассмеялся. — Грегг остался доволен. Выдал дополнительно пятьдесят долларов на угощение Викентьева...

Выяснив все, что касалось Грегга и его «фирмы», Забродин спросил:

— Николай Александрович, вам не приходилось слышать о владельце магазина шерстяных изделий на улице Ландштрассе?

Пронский попытался что-то вспомнить.

— Нет, не слышал. А что? Он вас интересует?

— Да. Не могли бы вы узнать, что это за человек?

Пронский молчал. Долго крутил в пальцах сигарету. Затем в его глазах появился веселый огонек, и он сказал:

— Пожалуй, я смогу навести справки у самого мистера Грегга...

— Каким образом?

— Это секрет фирмы! Не беспокойтесь, я ему не скажу, что это нужно советской разведке!

...Завхоз советского посольства в Вене Коротов, загорелый крепыш, одетый в темно-коричневые брюки и серый пиджак, шел по Рингу. Дойдя до Венской оперы, которая стояла еще в лесах, так как во время войны была сильно повреждена, Коротов свернул на Кертнерштрассе и стал рассматривать большие, красиво оформленные витрины.

Завхоз был в хорошем настроении: ремонт посольства подходил к концу. Все было сделано добротно и послу понравилось.

«Закончу ремонт и в отпуск! — мечтал Коротов. — К своим, в Кострому. И покупаться, и порыбачить на Волге! Вздохну спокойно. Не то что здесь: туда не сунься, туда не ступи!»

Хотя Коротов жил в Вене второй год и знал, где и что можно купить, сейчас он терялся в догадках: «Обставить кабинет новой красивой мебелью — так сказал посол. А черт ее знает, какая красивая. Вся красивая. А вдруг

послу не понравится? Вот магазин Ривенса. Зайду-ка я сюда».

Коротов широко распахнул стеклянную дверь.

— Господин Коротов! Добрый день, милости просим! — услышал он приветливый голос хозяина, едва переступил порог.

Коротов уже неплохо понимал по-немецки и мог самостоятельно объясняться, вставляя в немецкую речь русские слова. Ривенс точно так же говорил по-русски, и они хорошо друг друга понимали.

— Как удачно, господин Ривенс, что я застал вас. Здравствуйте!

— Рад вам служить, господин Коротов. Присаживайтесь.

Ривенс сиял. Казалось, для него нет ничего приятнее в эту минуту, как лицезреть господина Коротова.

— Ви совсем нас забывает, господин Коротов.

— Дела, господин Ривенс, дела. Знаете, приезд делегации, ремонт посольства...

— О! Я понимаю! Ви очень занятый, или как это по-русский — деловитый... Я так говорю?

— Правильно, господин Ривенс.

— Вот видите, я тоже немного говорю по-русский. Чем могу служить, господин Коротов?

— Господин Ривенс, дайте мне совет.

— Совет? Для вас что хотите!

— Послу нужно обставить кабинет красивой мебелью. Посоветуйте мне.

— Нет ничего проще, господин Коротов. Я вам показываю филе красивый гарнитур. Какой ви желает?

— Что-нибудь в новом стиле.

— Модерн! Вундершон!.. Пройдите со мной...

Ривенс повел Коротова узкими проходами, где громоздились всевозможные столы, стулья, шкафы. Почти два часа рассматривал Коротов кабинетные гарнитуры, один лучше другого, пока наконец не остановился на одном.

— Вот этот, кажется, подходит.

— Это прекрасный гарнитур, господин Коротов! Аусгецайхнет! Ваш посол будет очень, очень доволен!

— Благодарю вас, господин Ривенс!

— О, нет. Это я вас благодарю! Такой большой заказ! Вот, господин Коротов, это вам от меня на память.

ять. Айн гешенк. Или как по-русский; подарок, — Ривенс взял со стола наручные часы в золотом корпусе и протянул Коротову.

— Я не могу это принять, господин Ривенс.

— Какой пустяк, господин Коротов. Ви есть мой постоянный клиент. Я получаю доходы...

— Нет, нет, господин Ривенс.

— Напрасно, господин Коротов. Ви меня обижает... Ви мой лучший друг... Когда вам прислать вещи?

— Если можно, сегодня.

Направившись уже было к выходу, Коротов вернулся.

— Господин Ривенс, я хотел бы еще два ковра и люстру...

— Все что угодно, господин Коротов! Вот выбирайте!

Ривенс снова повел Коротова мимо свисающих с потолка больших и маленьких, сверкающих и матовых, ярких, пестрых и скромных люстр. Когда люстра была выбрана, Ривенс сказал:

— Ви не будет возражать, если люстру доставим завтра? Ее нужно — как это говорить по-русский — у-па-ковать! Так, да? Упакуйте, чтобы не побился хрусталь...

— Правильно, господин Ривенс, я не возражаю! — Коротов улыбнулся. — И счета пришлите в посольство. Ривенс проводил Коротова до двери и долго тряс его руку.

...Помещение для конторы мистер Грегг снимал в пятиэтажном жилом доме. Дом находился в тихом переулке американского сектора Вены. Казалось бы, для представителя торговой фирмы нужен был шумный центр и близость других коммерсантов. Но фирма мистера Грегга в этом не нуждалась. Вывеска была только ширмой. Внизу, у входа в парадное, висела табличка: «М-р Грегг. Экспорт — импорт. 3-й этаж». На третьем этаже, в светлой двухкомнатной квартире с небольшой прихожей размещались «деловые апартаменты» мистера Грегга: в одной комнате сидела за пишущей машинкой секретарша. Другая — служила мистеру Греггу кабинетом.

Мистеру Греггу было около сорока лет, но он еще не нашел своего места в жизни. Он перебрал много

профессий: работал помощником продавца в фирме по продаже пылесосов, агентом по страхованию. Во время войны был в Италии, но не столько воевал, сколько спекулировал сигаретами. В разведке работал всего несколько лет. Вена потянула его, как в свое время Клондайк тянул золотоискателей. Ему установили твердый оклад. Кроме того, за каждого завербованного советского агента или за важную информацию была обещана дополнительно крупная сумма.

Высокий, худощавый, с лицом аскета мистер Грегг скорее походил на пастора, чем на коммерсанта. Он был человеком аккуратным: служба есть служба. И в этот день, как всегда, вошел в свой кабинет ровно в девять часов. Вид у мистера Грегга был помятый, несмотря на безукоризненный темно-серый костюм и сверкающую белизной рубашку. То ли плохо проведенная ночь, то ли другие заботы наложили отпечаток на его лицо.

Мистер Грегг прошелся по кабинету. На улице шел дождь, крупный весенний дождь. Грегг распахнул окно. В кабинет вместе со свежим воздухом ворвался шум большого города.

— Мистер Грегг, вас спрашивает господин Пронский, — доложила секретарша.

— А-а. Впустите.

Пока Пронский стягивал в прихожей мокрый плащ, мистер Грегг закурил сигарету и сел в кресло.

— Как поживаете, господин Пронский? — Мистер Грегг был учтив. Ему это не стоило денег.

— Спасибо, хорошо.

— У вас сегодня есть что-нибудь интересное для меня?

— Надеюсь, кое-чем порадуя вас, шеф.

— Очень хорошо. Присаживайтесь.

— Я думаю, что у нас скоро будет больше возможностей для установления контактов с русскими. От одного человека я узнал, что русские женщины часто посещают магазин шерстяных изделий на Ландштрассе. И мы могли бы...

— Вы были в этом магазине? — остановил его Грегг.

— Нет, шеф.

— Почему?

— Я решил посоветоваться с вами...

— Нужно не советоваться, а действовать. Больше решительности!

— Если вы немного поможете, то мои усилия могут быть более успешными.

— Каким образом?

— Оказать давление на хозяина, чтобы он ставил меня в известность, когда в магазин заходят русские. Я буду приходить и знакомиться с ними. Ведь это недалеко от нашего сектора.

— Неплохая идея... Я узнаю и вам скажу. А как ваши дела с Викентьевым?

— Нормально. С ним я вижусь теперь почти каждую неделю. Господин Викентьев начинает питать ко мне расположение...

— Нужно встречаться чаще. Вы должны чем-то заинтересовать его...

— Я пробую, мистер Грегг. Но еще не нащупал, что его может увлечь. Отношения в семье у него нормальные... Пока все не выходит за рамки приятельских разговоров о спорте. Но я надеюсь.

— Проявите инициативу! Больше выдумки. Я плачу за это деньги.

— Постараюсь, шеф!

— А ваше предложение с магазином нужно использовать. Я наведу справки. Зайдите ко мне через два дня.

...Забродин зашел к профоргу советской колонии. Добродушный и жизнерадостный Опанас Никифорович Гриценко уже узнал о приезде Забродина в Вену, и, когда он назвал свою фамилию, Гриценко сказал:

— Очень рад познакомиться. Присаживайтесь.

— Может быть, я зайду попозже? — Забродин нерешительно остановился, увидев, что Гриценко разговаривает с посетителем.

— Мы заканчиваем. Вы не знакомы? Это наш консул, Нечаев. Послушайте, что он рассказывает.

Черноволосый, спортивного вида мужчина протянул Забродину руку.

— Ну, что же Дилл? — продолжал Гриценко прерванный разговор.

— Он сказал, что русские «ди-пи», содержащиеся в лагере перемещенных лиц, не хотят встречаться с советским консулом.

— Нужно же так врать!

— Что такое «ди-пи»? — спросил Забродин.

— Так окрестили немцы и американцы бывших военнопленных и угнанных фашистами лиц. Сейчас эти люди не имеют гражданства, и им выданы временные удостоверения — «ди-пи». Эти несчастные лишены всяческих человеческих прав. Живут в бараках, едят что придется. Им предоставляют только черную работу, которая плохо оплачивается: убирать мусор, подметать улицы... Все эти тонкости западной «цивилизации» вы скоро узнаете.

— О вашем разговоре с Диллом Верховный знает? — снова спросил Гриценко.

— Да.

— И что же он?

— Сказал, чтобы я объездил все лагеря и поговорил лично с бывшими советскими гражданами. Вот как раз сейчас я должен ехать туда. Дилл ждет меня в лагере. — Нечаев собрался было уходить, но потом повернулся к Забродину и сказал: — Хорошо, что с вами встретился. Я собирался как раз зайти к вам.

— Что-нибудь случилось?

— Несколько раз мы с женой замечали, что кто-то роется в наших вещах. Хотя ничего секретного дома я не держу, но это начинает нас беспокоить. Одно письмо в Москву к родственникам, которое я забыл отправить в тот же день, пропало.

— В нем было что-нибудь особенное?

— Да нет. Просто я описывал Вену, Бельведер, магазины... Больше ничего. Все это неприятно. Как нам быть?

— Гм!.. — Забродин нахмурился. — Вы знаете, сразу мне трудно дать совет. Было бы хорошо найти этого человека... Если бы вы смогли заглянуть ко мне, тогда бы мы вместе что-нибудь придумали...

— Хорошо. Я забегу.

Когда Нечаев ушел, Гриценко сказал:

— Не позавидуешь нашему консулу. Американцы угрозами заставляют военнопленных отказываться от репатриации на Родину, чинят консулу всяческие препятствия, и надо иметь крепкие нервы, чтобы при этом сохранять спокойствие. Но здесь томится еще много невинных людей, которых нужно выручать. И он разъезжает... Ну, а как ваши дела?

— Вот, как видите, прибыл. Все нормально.

— Как устроились в Вене?

— Хорошо. Опанас Никифорович, я хочу посоветоваться с вами.

Забродин рассказал о магазине на Ландштрассе.

— Это может быть ловушкой для неопытных. Надо бы провести беседы с работниками советских учреждений и рассказать им, что кроется за этой щедрой ширмой.

— Что вы знаете о владельце магазина?

— Пока очень мало.

— Нет, проводить беседы рано. Нас могут не понять. Почему мы рекомендуем не посещать этот магазин? Только потому, что там продают вещи дешевле? Не убедительно!..

Разговором с Гриценко Забродин остался доволен. Он ушел от него с уверенностью, что в случае необходимости на помощь придет не только сам Гриценко, но и весь коллектив советской колонии.

...Выйдя из «Империаля», Нечаев забежал домой и предупредил жену, чтобы не волновалась, если он не вернется в тот же день. Ехать далеко и, может быть, придется заночевать в гостинице,

Машина проехала по Рингу, свернула в американский сектор и оттуда выехала за город. Дорога узкой змейкой вилась среди полей, пробивалась сквозь тенистые рощи. Вдали зеленели альпийские луга.

«Согласился бы я всю жизнь прожить в этом райском уголке, отрехшись от всего: от родных полей, от густых лесных зарослей, от полноводных рек — от всего, чем богата земля русская? — думал Нечаев. — Сменил бы родную речь на язык другого народа, чтобы говорить на нем везде и всюду, постепенно забывая родной? — Эта мысль показалась Нечаеву нелепой. — Обсыпь меня золотом и алмазами, я ни на что не променяю Родину! Так почему же эти люди не хотят возвращаться домой? Ведь здесь никто им даже сносной жизни не даст. Чего они боятся? Тюрем? Ссылки? Способен ли этот страх, основанный на обмане, довести человека до такого состояния? Как убедить их в том, что амнистия — не обман, что Родина простила всех, кто совершил ошибки?..»

К лагерю подъехали, когда солнце клонилось к западу. У массивных железных ворот стояла группа американцев, одетых в военную форму. Все та же колючая проволока, те же бетонные казематы. Мало что изменилось здесь со времен фашистской оккупации. Только немецких автоматчиков сменили американские солдаты!..

Среди военных выделялся один в гражданской одежде. Нечаев узнал третьего секретаря американского посольства в Вене Дилла. Нечаев вышел из машины, Дилл радушно приветствовал его:

— Как доехали, мистер Нечаев?

— Благодарю вас, мистер Дилл. Хорошо.

— Может быть, с дороги хотите принять душ?

— Нет, спасибо.

— Господин Нечаев хочет куша-ать, — мило улыбнувшись, сказала на ломаном русском языке переводчица, которая в этот момент вышла из помещения лагерной комендатуры. — А у на-ас как ра-аз все готово. — Розовое шелковое платье в широкую белую полоску с большим белым воротником, светлые туфли на высоком тонком каблуке подчеркивали стройность фигуры. Необычное сочетание светлых волос и темных глаз делали ее лицо очень привлекательным.

Дилл не говорил ни по-русски, ни по-немецки. Он не пытался утруждать себя изучением немецкого, а русский язык оказался для него слишком трудным. «Да и к чему? — рассуждал Дилл. — Пусть те, кому нужно, понимают и так!» И хотя Дилл знал, что Нечаев говорит по-английски, все же взял с собой переводчицу.

— Пожалуйста сюда, мистер Нечаев, — указывая путь, Дилл пошел вперед.

В служебном помещении все было подготовлено для небольшого приема. На низком столике, сверкающем полировкой, стояли тарелки с маленькими бутербродами и бутылки с различными напитками. Переводчица куда-то ушла.

По предложению Дилла выпили виски. Потом Дилл сказал:

— Жаль, что вы не американец.

— Почему, мистер Дилл?

— Я вижу, вам нравится наш комфорт.

— А-а... Умеете вы устраиваться!

— Вам, господин Нечаев, с вашими способностями в Америке была бы обеспечена блестящая карьера.

— Что бы я у вас делал?

— Имели бы капитал.

— Не шутите, мистер Дилл, какой из меня капиталист? Гнул бы спину на конвейере или, в лучшем случае, был бы учителем и еле сводил концы с концами.

Нечаев выпил чашку крепкого кофе и предложил:

— Может быть, пройдем в лагерь?

Они вышли из служебного помещения и по нагретой за день бетонной дорожке прошли в барак. Там их уже ждали.

— Здравствуй! — поздоровался Нечаев.

— Добрый день, господин консул, — ответил нестройный хор голосов.

«По крайней мере не грубят, это уже хорошо», — подумал Нечаев и громко сказал:

— Для вас я не господин, а гражданин. У нас одно Отечество... Как вы здесь живете?

— Не жалуюсь...

— У вас есть какие-нибудь просьбы, претензии?

Ответы толпившихся в бараке людей были односложными и очень сдержанными, и Нечаев быстро понял, что и здесь американцам удалось создать соответствующую атмосферу. Как говорится, контакта с аудиторией не получалось. И он решил перейти к делу.

— Кто хочет выехать на Родину?

Молчание. Нечаев переводит взгляд с одного лица на другое. Все стоят насупившись, опустив глаза к полу. «О чем они думают?»

Нечаев выждал и повторил вопрос. Так и не дождавшись ответа, он спросил:

— Значит, не хотите? Насильно никто заставлять не собирается...

— А зачем нам ехать? Чтобы сидеть в тюрьме? — вперед выступил молодой, интеллигентного вида человек.

— Кто это вам сказал?

— Сами знаем...

— Лично вам тюрьма и не могла бы грозить, ведь вам немного лет. По-видимому, угнали вас ребенком... Других же Родина простила...

Молодого поддержали стоявшие за его спиной постарше:

— Нас не проведешь!..

Неожиданно со двора раздался крик:

— Пустите! А-аа! Отпустите меня! Господин консул, помогите! Господин консул, они не хотят к вам пускать!

Нечаев подошел к двери. К бараку рвалась женщина. Она держала за руку мальчика лет пяти, бледного и худенького.

— Помогите! — женщина, воспользовавшись тем, что

солдат отступил в сторону, подбежала к двери и, споткнувшись, упала на колени.— Я хочу домой!— ее крик был полон отчаяния.

— Кто вас не пускает?— Нечаев помог ей подняться.

— Нет, нет. Сейчас же, с вами!— не отвечая на вопрос, причитала женщина.

— Кто вы? Что случилось?

— Они хотят отобрать у меня сына! Я — русская... Говорят, что могу ехать домой только одна! Они не пускали меня к вам!

— Кто не пускал?

— Эти, ами! Американская администрация. Вон они стоят,— женщина указала рукой на двух американских солдат.— Начальник лагеря сказал, что если я и поеду домой, то одна. Они хотят отнять у меня сына!— Женщина снова залилась слезами. Нечаев повернулся к американскому дипломату:

— Господин Дилл, прошу объяснить, что происходит?

— Это какое-то недоразумение, мистер Нечаев... Эта женщина, вероятно, не в своем уме! Если хочет ехать, пусть едет!..

— Как ваша фамилия?

Женщина склонилась над мальчиком. Потом, вытирая слезы, повернулась к Нечаеву:

— Синельникова. Ольга Синельникова.

— Ребенок ваш?

— Мой. Это мой сын, но родился он здесь... Вот они и говорят, что мальчик является австрийским гражданином и должен здесь остаться. Это чудовищно!

— Успокойтесь. Через три дня вы вместе с вашим сыном поедете домой. Я за вами приеду. Так, господин Дилл?

— Да. Это какое-то недоразумение...

— А вы, граждане? Может быть, с кем-нибудь тоже произошло недоразумение?.. А теперь кто-нибудь надумал?— Нечаев окинул взглядом собравшихся в бараке.

— Мы еще подумаем,— сказал один. Как видно, эта сцена произвела на них впечатление. На лицах собравшихся была написана явная растерянность.

Когда совсем стемнело, Нечаев приехал в гостиницу. Он уже готовился лечь спать, как неожиданно раздался телефонный звонок. «Вероятно, ошибка»,— подумал Нечаев, но все же поднял телефонную трубку.

- Господин Неча-аев? — услышал он женский голос.
- Да.
- Извините. Я ва-ас потревожила?
- Пожалуйста...
- Это говорит Элизе, переводчица господина Дилла.
- Слушаю вас.
- Вы еще не спите?
- Да как вам сказать...
- Я думала, что еще не так поздно... Я тоже оставилась в этой гостинице...
- Очень приятно.

Наступила пауза. Элизе молчала. Нечаев считал невежливым первым повесить телефонную трубку.

— Господин Неча-аев, вы забыли свои перчатки. Я позвонила, чтобы вы не беспокоились... Если хотите, я занесу вам...

Нечаев вспомнил, что перед уходом из лагеря никак не мог найти перчатки. Подумал, что сунул их в саквояж.

- Спасибо. Не беспокойтесь. Я найду завтра.
- Вы, наверно, очень устали?
- Да. Сегодня был трудный день...
- Тогда извините. Спокойной ночи.
- До свиданья.

...В конце рабочего дня, когда десятки телефонных звонков то и дело отвлекали внимание и не давали сосредоточиться, Забродин решил, наконец, отключить телефонный аппарат: «Если возникнет что-нибудь неотложное, разыщут через секретаря. Нужно обдумать, что же все-таки происходит». Пока в руках у полковника были только разрозненные эпизоды.

«Союзнички» явно готовят сюрприз. Где он? В каком облике предстанет?» Мелочей множество: то тут, то там словно какой-то таинственный кукольник дернет за ниточку. Многие стали замечать за собой слежку. Да и с магазином на Ландштрассе...

Забродин думал, сопоставлял, сравнивал.... За окном сгущались теплые венские сумерки, на улицах вспыхивали световые рекламы. А он все сидел, не зажигая света. И чем темнее становилось в кабинете, тем меньше у полковника оставалось надежды придумать что-нибудь путное...

Забродин вышел на улицу. Возле памятника Советскому воину-освободителю бил фонтан. Падающие капли воды, подсвеченные разноцветными электрическими лампочками, переливались, словно фейерверк. У подножия памятника лежали свежие цветы: благодарные австрийцы каждый день их меняли.

Постояв у памятника, полковник направился к «Штадтгартену». Днем в этом сквере было много любопытных. Они собирались возле прудов, смотрели на плавающих лебедей и уток. Взрослые и малыши бросали им хлебные крошки, доверчивые птицы хватали пищу прямо из рук. Сейчас здесь было пусто.

Выйдя из сквера, Забродин пошел по тихим улицам. Гулял долго и порядком устал. Возвратившись в гостиницу, он зашел за ключами к портье. Дежурила фрау Кюглер, полная круглолицая австрийка. Она всегда была приветлива и доброжелательна, и, когда у него выдавалась свободная минута, он с удовольствием с ней беседовал.

Так и сейчас. Фрау Кюглер спросила:

— Были в кино, господин Забродин?

— Нет, фрау Кюглер, гулял.

Хотя Забродин уже довольно прилично понимал по-немецки, но сам говорил односложными фразами.

— Когда же приедет ваша семья? Вам одному здесь надоело?

— Скоро, фрау Кюглер. Дети еще учатся. А у вас есть дети?

— О, господин Забродин, не спрашивайте!.. Сначала была война. Потом не было средств, чтобы содержать детей. Ведь дети требуют больших расходов! Ах, извините, я вас задерживаю пустыми разговорами. Спокойной ночи.

Она передала ему ключ от номера.

— Я привык ложиться поздно, фрау Кюглер. Только вот устал сегодня, долго гулял. Правильно я говорю по-немецки?

— Аусгецайхнет! — фрау Кюглер улыбнулась и, подвинув стул, сказала: — Может быть, присядете? Как вам нравится Вена?

— Красивый город. Хороший народ австрийцы. Приветливый...

— Это очень приятно, господин Забродин, и Вена действительно хороша. А вот люди есть разные...

— Везде есть разные люди, фрау Кюглер.
— Есть плохие в «Гранд-отеле».
— Русские?
— Нет. Русских я не знаю. Русские ко мне хорошо относятся. А вот фрау Диблер... Мне кажется, что она плохой человек.

— Почему вы так думаете?

— Я хочу рассказать русскому коменданту, но у меня нет доказательств... Она роется в чемоданах.

— Но я не слышал, чтобы у кого-нибудь пропадали вещи.

— Я тоже не понимаю, зачем ей нужно рыться в чужих чемоданах. Я сама видела в номере господина Нечаева... Но не это главное. Я хочу рассказать вам более загадочную историю. Хотя вы, быть может, посчитаете меня слишком мнительной. Я уже столько вам наговорила! — Она нерешительно посмотрела на Забродин.

— Что вы, фрау Кюглер! Я внимательно вас слушаю...

— Я отношусь к вам с большим доверием, господин Забродин.

— Спасибо, фрау Кюглер, — Забродин улыбнулся.

— Знаете, я живу в доме недалеко от вашего посольства. Утром просыпаюсь очень рано. Привыкла с детства. Иногда подхожу к окну и смотрю на улицу. Тишина. Потом появляются дворники. Потом идут хозяйки на рынок, в магазины.

Уже несколько дней, как на рассвете стал приезжать в наш дом какой-то господин. Зайдет в дом на несколько минут и уходит. Высокий, с вытянутым худым лицом. Вроде бы и на австрийца не похож. Мне это показалось странным, господин Забродин. Оставит машину за углом, а сам идет в наш дом... Почему он не подъезжает к дому?

— К кому же он ходит, фрау Кюглер?

— Вчера, как только он появился, я приоткрыла дверь. Он зашел в квартиру номер девять. Я живу на третьем этаже и эта квартира рядом с моей. У нас общий балкон.

Кто же там живет?

— В том-то и дело, что фрау Кокрофт и ее муж две недели тому назад куда-то выехали. И квартира пуста...

— Действительно странно, фрау Кюглер. Спасибо

вам. Мы попробуем разобраться. Могу я надеяться, что если понадобится ваша помощь, вы не откажете?

— Конечно, господин Забродин.

...Через два дня Пронский был у Грегга.

— Лопнуло ваше дело с магазином на Ландштрассе,— голос у Грегга был раздраженный.— Когда, господин Пронский, наконец, вы будете давать мне настоящие дела, а не мыльные пузыри?

— Я делаю все, что могу, господин Грегг. Почему лопнуло?

— Потому, что вы опоздали! Там уже работают англичане. Мы не можем мешать друг другу.

— Но ведь я не знал!

— Мистер Грегг, вас просят к телефону,— вмешалась в разговор секретарша.

— Извините. Курите.— Грегг протянул Пронскому пачку сигарет.— Алло... Да... Я... Все нормально. «Операция освещение»? Да... Все в порядке, мистер Роклэнд. В магазине... Ковры... Да, да... Занят... Пожалуйста...— Грегг повесил трубку и, обращаясь к Пронскому, сказал:— Нужно работать оперативней, господин Пронский. Я хочу платить за ценную информацию, а не за пустые разговоры.

— Вы видите, я стараюсь.

— Плохо стараетесь! Вот недавно один мой агент дал информацию! Учитесь! Этой информацией заинтересовались в Вашингтоне! Вот как нужно зарабатывать деньги, господин Пронский! Скоро мы будем знать все, что делается у русского посла...

Пронскому надоели брюзжания Грегга, и он только делал вид, что слушает. Но последняя фраза его настрожила. «Что затевает Грегг? — Пронский лихорадочно думал, каким путем это выяснить: — Спрашивать нельзя. Но того, что сказал Грегг, слишком мало! Не за что уцепиться. А они готовят что-то серьезное!»

Пронский ушел от Грегга, так ничего и не узнав.

Отдушиной для Пронского были встречи с Забродиным. Дом на Кюлерштрассе стал для него родным домом. Отношения с Забродиним установились товарищеские, непринужденные. К сожалению, посещать этот дом он мог только изредка.

Через несколько дней, войдя в комнату и усаживаясь за стол, Пронский сказал:

— Я для вас кое-что узнал! Владелец магазина на Ландштрассе, о котором вы меня спрашивали, связан с английской разведкой,— и Пронский передал содержание разговора с Греггом.

— Теперь ясно. Будем принимать меры,— сказал Забродин.— Вы это прекрасно придумали! А что это за «Операция освещение»? Ничего больше узнать не удалось?

— «Операция освещение». В чем она заключается — ума не приложу! Задавать Греггу вопросы я не рискнул.

— Может быть, Грегг еще вернется к этому разговору?

— Мало вероятно...

— Не проверяет ли он вас?

— Не думаю...

Расставшись с Пронским, Забродин ломал себе голову: «С магазином все ясно. Можно объяснить, и наши люди все поймут. Перестанут туда ходить. Но какие сведения мог получить Грегг? От кого? Что делают американцы?»

«Как в китайской сказке о непобедимом тесте: чем сильнее месить тесто, тем оно становится пышнее... Вместо одной проблемы выросло несколько более сложных и опасных».

От обилия разрозненных фактов у Забродина раскалывалась голова. К имеющимся сведениям о том, что в магазине на Ландштрассе работают англичане, что в вещах консула Нечаева роется фрау Диблер, что какой-то загадочный человек по утрам посещает дом, расположенный по соседству с посольством, прибавилась еще информация о том, что американцы готовят какую-то «Операцию освещение», что Грегг получил от кого-то из русских важные сведения...

Забродина мучила бессонница, он даже осунулся.

— Что с вами? — спросил его Гриценко, когда Забродин зашел к нему через несколько дней.

Забродин рассказал о сообщении Пронского.

— Из кожи вон лезут, гады! Давайте проводить совещания.

Гриценко и Лунцов в течение трех дней рассказывали в разных коллективах, как иногда неопытные люди попадали впросак, как американские, английские и французские агенты под разными предлогами пытаются

знакомиться, а затем втягивать в какие-нибудь авантюры наивного человека.

Особенно оживленно прошло собрание в Управлении советским имуществом в Австрии. К Лунцову потянулись люди. Величко, муж и жена, наперебой рассказывали, как заметили, что за ними следят.

— Что мы им сделали? Что им нужно? — с возмущением говорили они.

Вслед за Величко о слежке сообщил Лопухов из нефтяного управления. Просил подсказать, что он должен делать.

Как должен поступить человек, когда заметит за собой слежку в чужой стране? Жаловаться властям? Протестовать? Но австрийские власти ни за что не отвечают. Какой смысл жаловаться?

Забродин, Гриценко и Лунцов все же решили рекомендовать в таких случаях обращаться к полицейским. Просить задержать подозрительных лиц. Если полицейские не будут принимать мер, тогда можно говорить с властями.

Гриценко и Забродин рассказали о слежке Верховному комиссару и просили его совета и помощи.

— Что вам известно о лицах, которые ведут наблюдение? — спросил Иртенев.

— Ничего.

— Жаль. Я бы мог сделать представление властям, но сейчас я не могу сказать ничего конкретного. Кто они? Как их фамилии? Гражданами каких государств являются? Не говоря уже о том, по чьему заданию действуют. Австрийский канцлер скажет: «Помилуйте, почему вы считаете, что это австрийцы?» Американский, английский и французский Верховные комиссары поднимут меня на смех. Они заявят, что знать ничего не знают...

...Американское посольство давало прием, на который были приглашены члены советской правительственной делегации, торгпред, консул и некоторые сотрудники посольства. Такие приемы устраивали все бывшие союзники, это являлось частью дипломатического ритуала. На приемах завязывались знакомства, велись осторожные разговоры, вокруг да около... Прощупывались позиции по различным политическим вопросам.

Просторный трехэтажный дом стоял в центре парка. К подъезду одна за другой подкатывали автомашины.

Когда Нечаевы вошли в вестибюль, большинство дипломатов уже съехалось и из банкетного зала на втором этаже доносился разноголосый гомон. Американский посол и его супруга встречали гостей у входа в зал.

Нечаеву по делам службы приходилось часто встречаться с работниками союзнических посольств, и он сейчас то и дело раскланивался. Возле длинных столов, на которых были расставлены вина и закуски, толпились гости.

— Господин Нечаев, как я рад! — навстречу торопился Дилл. Он держал под руку миловидную женщину и, подойдя к Нечаевым, представил:

— Познакомьтесь, моя жена.

Затем, повернувшись к столу, сказал:

— Разрешите мне, на правах хозяина, предложить по бокалу вина? — Дилл подвел всех к столу. — Что будут пить дамы? — Он посмотрел на жену советского консула, но, не будучи уверен, что она понимает по-английски, бросил взгляд на Нечаева, как бы прося о помощи.

— Что-нибудь из сухих вин, — ответила жена Нечаева.

— О! Мадам знает английский язык! — от его тона Нечаева смутилась и покраснела.

Когда рюмки были налиты, Дилл сказал:

— За наш совместный успех, господин Нечаев! — и поднял рюмку.

— Поддерживаю ваш тост, мистер Дилл. За то, чтобы наши отношения остались такими же хорошими, как были во время войны!

Они выпили. Жены повели свой разговор. Дипломаты заговорили о политике.

— Переговоры проходят успешно. Как это приятно, господин Нечаев...

— Да. Мы все этому рады. И другие вопросы следует решать так же. От этого все люди только выиграют.

— О! Вы не знаете американцев, господин Нечаев! Мы всегда готовы идти навстречу, если встречаем понимание с другой стороны.

— Я читал много книг об Америке, и мне нравится ваш народ. Я восторгался героями Джека Лондона, Марка Твена, с удовольствием читал Теодора Драйзе-

ра... К сожалению, я имел возможность убедиться и в других качествах некоторых ваших служащих... Нельзя делать людей предметом торга...

Последние слова, по-видимому, задела Дилла, и он слегка покраснел. Но тут же нашелся:

— Случай с госпожой Синельниковой — недоразумение. Давайте об этом забудем... Вы не были в Штатах?

— К сожалению, не приходилось.

— Приезжайте. Только тогда вы убедитесь в нашей искренности, по-настоящему поймете наш образ жизни. Вам нравятся наши фильмы?

— То, что мне удалось посмотреть, сделано оригинально. Я от души смеялся, когда смотрел «Тетушку Чарлей»... А что вам понравилось из наших картин?

— ...Как это?.. «Сорок первый»... Я правильно запомнил? Это интересно. Такая борьба, трагедия... Но, вы знаете, как бы вам сказать, лучше объяснить... Вы на меня не обижайтесь... В ваших фильмах мало экспрессии.

— За что я люблю американцев, так это за прямоту суждений, — рассмеялся Нечаев. — Зато в ваших постановках слишком много экспрессии. У нас другой стиль. Мы полагаем, что события должны развиваться последовательно, глубоко и без спешки.

— Вы — настоящий дипломат, господин Нечаев, — в свою очередь рассмеялся Дилл.

— Извините, господин Дилл, — Нечаев отвернулся и подошел к столу, чтобы поставить пустую рюмку. В этот момент он увидел, что на него кто-то пристально смотрит. Может быть, он и повернулся оттого, что почувствовал на себе этот тяжелый взгляд. Но неизвестный тут же скрылся в толпе.

...Забродин решил осмотреть дом, который посещает человек, вызвавший подозрения у фрау Кюглер.

Четырехэтажное здание из красного кирпича с балкончиками выходило фасадом в переулок. Напротив, через дорогу, тянулся металлический забор советского посольства. За забором плотной стеной стояли деревья, которые загораживали окна от любопытных глаз. Проходя мимо забора, Забродин прикидывал: «Если человек за кем-то наблюдает, то из кирпичного дома ничего не видно... Да и за те несколько минут, что неизвестный

находится в квартире, ничего не увидишь... Что же он может там делать? И все же ходит он туда неспроста!»

Возвратившись в «Империял», Забродин пригласил к себе Лунцова и рассказал ему о сообщении фрау Кюглер.

— Может быть, я подежурю несколько дней в квартире фрау Кюглер? — предложил Лунцов.

— Хорошая идея. Только дежурить давайте вдвоем!

Забродин попросил фрау Кюглер на несколько дней уступить им свою квартиру, а самой пожить в «Гранд-отеле».

— Пожалуйста, господин Забродин, — любезно согласилась она. — Вот мои ключи. А если будут спрашивать соседи, скажите, что я пустила вас временно пожить, так как свободных номеров в «Гранд-отеле» сейчас нет.

Поздно вечером Забродин и Лунцов отправились в квартиру фрау Кюглер. В комнатах было темно, но на улице еще можно было различить силуэты прохожих. Забродин смотрел на ночное небо. То тут, то там вспыхивали разноцветные рекламы. Сквозь рассеянный свет проступали силуэты высоких шпилей. Где-то вдали светились башни удивительно красивой Карлс Кирхе...

— Красиво. А? — тихо произнес он, когда рядом с ним у открытой двери сел Лунцов. — Десятки раз проходил мимо, а такого не видел! Много красивых вещей на свете мы просто не замечаем! Все дела, дела... Только время от времени бросим беглый взгляд вокруг и... помчались дальше. — Забродин рассмеялся. — И вот что главное: мы об этом не жалеем! Не успеваем...

— Все верно, Владимир Дмитриевич. Но я подумал о другом: сидят в чужой квартире два советских офицера. Караулят!.. Кого? Ведь в этом заключается какая-то большая неустроенность нашего мира...

— Но из-за этой, как вы назвали, неустроенности я оставил Московский университет, учиться в котором страстно мечтал, и вот уже многие годы ношу военную форму... А сколько таких в армии...

Забродин проснулся в четыре часа утра и разбудил Лунцова. Было уже светло, но пасмурно. Где-то вдали послышалось урчание мотора. Затем они увидели, как из боковой улицы вышел мужчина. Высокий, худощавый, одетый в модный костюм темного цвета. Он подошел к дому и скрылся в подъезде. Забродин и Лунцов переглянулись.

— Может быть, задержать? — предложил Лунцов, доставая из кармана пистолет. — Ходит всякая сволочь в нашу зону!

— Чего мы этим достигнем? Он ничего не скажет, и завтра же выпустим!

— Да-а...

— Вы не находите, что по приметам, которые сообщил нам Пронский, он похож на мистера Грегга, — в раздумье сказал Забродин.

— Пожалуй... Но что Греггу здесь делать?

— Это и надо нам узнать...

Вскоре мужчина вышел, держа в руках небольшой сверток. Хлопнула дверца автомашины, заработал мотор, и опять все стихло. Забродин больше не спал, хотя часы показывали около пяти утра. Лунцов прилег, долго ворочался, потом поднялся и сказал:

— Я думаю, что уже можно пойти позавтракать...

— Да. Идемте... Нужно узнать, что происходит в этой квартире.

— Хорошо бы, но как?

— Я попрошу фрау Кюглер. Она порядочная женщина.

Через несколько дней фрау Кюглер рассказала:

— Я воспользовалась запасным ключом фрау Кокрофт, который она мне оставила перед отъездом. Ничего примечательного в ее квартире нет. Все стоит на своих местах. Все прибрано. На стенах портреты слегка запылились... Мое внимание привлек магнитофон. Он стоит в углу комнаты, и почему-то горит зеленая лампочка, хотя катушки не вращаются... Может быть, хозяйка забыла его выключить? Я боюсь, как бы не случился пожар, но выключить не решилась.

— Правильно сделали.

— Но почему же тогда не выключил его этот тип, который ходит к ней на квартиру?!

— Вы меня спрашиваете, фрау Кюглер, как будто я и есть тот тип, — Забродин улыбнулся.

Женщина рассмеялась.

— С вами легко, господин Забродин... Вы умеете пошутить... И еще. Рядом с магнитофоном какой-то ящик с проводами. Вот, пожалуй, и все... По-видимому, от меня мало вам пользы, господин Забродин.

— Спасибо, фрау Кюглер... Время покажет...

...В середине дня Забродин зашел в посольство. Пахло краской. Кое-где на полу виднелись белые пятна от мела, еще не смытые после ремонта.

В вестибюле он встретил Коротова.

— Добрый день, товарищ Коротов. Как дела?

— Здравствуйте, товарищ Забродин. Дела в ажуре.

— Рад за вас... Что это вы такой взмыленный?

— Вот закончу завтра уборку — и в отпуск. Смотрите, завидуйте... Натрем полы, расставим мебель и туту.— Коротков открыл обе половинки входной двери и скомандовал стоящим у входа грузчикам: — Осторожнее, господа! Форзихт!

— Что это?

— Кабинетный гарнитур для посла. И посмотрели бы вы какой! Господин Ривенс помог выбрать. А ковры и люстра — мечта! — и опять скомандовал: — Будьте осторожны! Это люстра...

Забродин прошелся по зданию посольства, посмотрел из всех окон на загадочный дом. «Нет, из того дома ничего не увидишь».

А в голове почему-то назойливо стало вертеться слово: «Ривенс. Ривенс». Что-то о нем слышал.

И только под вечер, когда он отправился в парк Терезианум, полковник на некоторое время позабыл о Ривенсе.

Солнце уже клонилось к западу, и одна половина небольшого парка, зажатого со всех сторон старинными зданиями, была в тени: за столиками в летнем кафе уже можно было сидеть, не опасаясь ярких лучей. Только на волейбольной площадке было жарко.

Команда аппарата Верховного комиссара, за которую играл Лунцов, терпела поражение от УСИА. Лунцов весь взмок, белая майка прилипла к телу, лицо было красное.

Забродин поддался общему настроению: поражение команды аппарата Верховного комиссара его огорчало, и он при удачном ударе Лунцова по мячу даже захлопал в ладоши. И все же победа досталась УСИА.

Лунцов отправился в душ, а Забродин пошел вдоль небольшой тенистой аллеи.

Полковник издали увидел Викентьева. Он стоял возле нестрого газона и любовался цветами. Невысокого роста, полнеющий мужчина, одетый в темный вечерний костюм, держался спокойно и с чувством собственного

достоинства. Викентьев не был знаком с Забродиним и поэтому не обращал на него внимания.

Около семи вечера к Викентьеву подошел Лунцов, поздоровался и, кивнув Забродину, вместе с Викентьевым пошел в сторону кафе.

Когда Забродин подошел к ним, они пили пиво.

— Познакомьтесь. Мой начальник, — представил Лунцов.

— Очень приятно, — Викентьев привстал и пожал протянутую руку. — Вот я рассказываю Юрию Борисовичу, что сегодня заметил за собой слежку, — возбужденно сказал Викентьев.

— Вам-то бояться нечего, — пошутил Забродин, — у вас такой мощный покровитель!

— Я господину Пронскому еще ничего не говорил. И не знаю, следует ли говорить?

— А почему же нет? Скажите непременно. Ваши разговоры с ним скорее всего подслушиваются, и это пойдет вам на пользу...

Викентьев не знал, что Пронский является нашим разведчиком, и принимал его за американского агента. Забродин считал, что так лучше для дела.

Хотя Викентьев и старался держаться спокойно, но от Забродина не ускользнула его настороженность. Полковник понимал, что и любой другой на месте Викентьева испытывал бы то же чувство беспокойства: «А вдруг случится неприятность? Могут схватить! Что тогда?»

Чтобы его успокоить, Забродин сказал:

— Вы не волнуйтесь, с вами ничего не случится. Вы нужны американской разведке здесь как работник советского учреждения... Передайте Пронскому информацию, которую вам вручил Юрий Борисович. А когда возвратитесь, зайдите ко мне в гостиницу. Ведь вы часто там бываете у своих друзей?

— Хорошо.

...— Нужно подвести итоги! — сказал Роклэнд, поворачивая в руках вверх и вниз авторучку, отчего нарисованная на ней обнаженная женщина сбрасывала и надевала платье. — Затем мы должны принять решение. В каком состоянии «Операция освещение», майор Грегг?

— Все на мази. Должна вступить в действие сегодня-завтра.

— Прекрасно! Время взломов сейфов, убийств и краж шифров прошло. Наши инженеры дали нам тонкую технику. Поздравляю, Грегг!

— С Викентьевым тоже все в порядке. Вчера он передал нам первую информацию...

— А как дела с «Мэтром»?

— Немного посложнее. Элизе никак не может зацепиться за него. Но я не теряю надежды...

— Нужно быть энергичнее, Грегг!

— Это не от меня зависит, шеф...

— Мы не можем надолго затягивать.

— Элизе старается, я это знаю. Я наобещал ей целые горы... Но Нечаев к ней совершенно равнодушен.

— У вас есть другая?

— Есть несколько, но никто не знает русского языка или хотя бы английского...

— А что у вас нового, капитан Дилл?

— Я встречался с ним на приеме, шеф. Вы это видели. Вы бы знали, как он мечтает поехать в США!

— Ну, ну, Дилл, не завирайтесь!

— Об инциденте в лагере с Синельниковой и ее сыном он не сообщил своему Верховному. Иначе последовал бы протест.

— Это уже кое-что!

— И еще, шеф. Фрау Диблер взяла письмо.

— Вы мне уже показывали. Там ничего особенного нет.

— Новое, шеф. Это документ! Я еще не успел доложить, только вчера получил. Взяла из саквояжа.

— Письмо с вами?

— Вот оно,— Дилл достал из кармана конверт и передал Роклэнду. Американец надел очки, вынул из конверта исписанный лист бумаги и повертел его в руках.

— О чем здесь, Дилл?

— Нечаев пишет другу в Россию. Восторгается Веней, хорошо отзывается о приеме в американском посольстве...

— Пожалуй, это подойдет,— Роклэнд искоса посмотрел на Дилла.— Мы можем туда кое-что добавить тем же почерком.

...Началась подготовка к свертыванию работы оккупационных учреждений, к массовому отъезду советских граждан на Родину. Обычно оживленный Терезианум стал пустеть.

У многих австрийцев появилось двойственное чувство: они радовались окончанию оккупации, предстоящему выводу иностранных войск с их территории. Но рабочие многочисленных заводов, железных дорог, трамвайщики, привыкшие жить под охраной советских законов, боялись перемены обстановки. Советское командование не позволяло спекулянтам взвинчивать цены. В русских магазинах продукты и товары были дешевле, чем у частных. И в большинстве своем в советской зоне австрийцы жили вполне прилично. Перемена режима могла привести к росту цен, и признаки этого были уже налицо: на рынке, в мелких магазинчиках продукты стали дорожать. И все же впереди были независимость и нейтралитет!

В теплое майское воскресенье, когда молодые и старые венцы на автомашинах, мотороллерах, велосипедах и просто пешком, кто как мог, потянулись за город, Забродин работал в своем кабинете. Неожиданно к нему зашел Лунцов.

— Супруги Величко снова заметили за собой слежку, — сказал он торопливо. — Мне сейчас позвонил Федор Величко.

— Где они?

— На Ринге. Недалеко от кинотеатра «Гартенбаум».

— Все идет по плану?

— Да...

С Ринга супруги Величко повернули, как с ними было обусловлено, на радиальную улицу, где обычно бывает мало пешеходов. И сразу увидели, как по другой стороне, немного поотстав, шли двое: один в зеленой шляпе-тирольке, по-видимому, австриец, другой — в берете. Сомнений быть не могло!

Пройдя несколько кварталов и останавливаясь у витрин, Величко свернули в парк Терезианум. Сопровождавшие их люди не решились заходить туда, где много русских, прошли по улице дальше. Остановились на перекрестке в нерешительности, очевидно, обсуждая, как поступить. Затем вошли в расположенное до соседству с Терезианумом небольшое кафе.

— Владимир Дмитриевич, они вошли в кафе,— услышал Забродин голос Лунцова в телефонной трубке.

Он тут же позвонил в военную комендатуру, попросил срочно вызвать австрийских полицейских. На этот раз австрийские власти сработали четко, и машина с четырьмя полицейскими в тот же миг была у входа в Терезианум.

— Вон в том кафе,— показывал Лунцов,— находятся два уголовных типа, которые следили за советскими гражданами. Помогите их задержать.

Вместе с полицейскими Лунцов вошел в кафе. Незвестные не сопротивлялись, и их доставили в советскую комендатуру. Австрийцем занялся Лунцов. Вторым оказался русским эмигрантом. Допрашивать его приехал Забродин.

— Я обещаю не делать вам плохого, если сейчас расскажете правду. Составим протокол и вас отпустим,— настаивал Забродин.

Вначале эмигрант держался вызывающе.

— А если не скажу?— Он уселся на стул, демонстративно закинув ногу на ногу.

— Арестуем и будем судить...— Забродин говорил спокойно и твердо. Почувствовав, что это не просто угроза, эмигрант согласился:

— Хорошо. Пишите. Агафонов Серафим Сергеевич, без гражданства. Приехал из Западной Германии...— заметив, что разговор записывается на магнитофонную пленку, задержанный запнулся.

— Продолжайте, продолжайте,— потребовал Забродин.— Зачем приехали в Австрию?

— На работу.

— На какую работу?

— У коммерсанта, мистера Грегга.— Агафонов тяжело вздохнул.— Ну, вот, я и сказал все...

— Нет, не все. На работу в американской разведке? Говорите более точно.

— Да.

— Вот так и нужно говорить. Теперь все. Какие выполняли задания?

— Следил за лицами, которых указывал Грегг...

Аналогичные показания дал австриец. Когда все было закончено, сфотографировали их документы, а задержанных отпустили. На следующий день Иртенев посетил американского Верховного комиссара.

— Посмотрели бы вы на его лицо, когда я положил перед ним доказательства,— смеясь, рассказывал Иртенев Богданову и Забродину вечером, когда все они собрались в кабинете у Верховного.— Вначале американец принял меня холодно-вежливо. Я рассказал ему, что советские граждане, работающие в Вене, недовольны тем, что американская разведка нарушает их нормальную жизнь. Просил принять меры к прекращению слежки. Он улыбнулся. В его глазах промелькнула насмешка — он был уверен в себе... Все так же невозможно американский генерал ответил, что я ошибаюсь... Он готов выяснить и принять меры, но... не привык иметь дело с призраками.

— Ваши люди, по-видимому, мнительны,— сказал он с сарказмом.— Им что-нибудь показалось! Во всяком случае, американская администрация никакого отношения к этому не имеет,— и дал понять, что разговор окончен.

Вот тут-то я и выложил перед ним на стол магнитофонную ленту и конверт с фотографиями.

— Прикажете немедленно прослушать! — потребовал я.— В противном случае другие экземпляры будут переданы прессе.

Все так же величественно генерал передал документы своему адъютанту. Немедленно явился переводчик с магнитофоном. И видели бы вы!..— Иртенев не мог сдержать улыбки.— Это было забавно. Лицо генерала приняло багровый оттенок. Затем пропал налет учтивости, забыв все формальности, он ответил, что примет меры.— Смех Иртенева долго перекатывался по просторному кабинету.— Ну, и отделали же вы его! Задаст он кое-кому жару!

Закурив, Иртенев сказал:

— Все это — цветочки, товарищи чекисты! Самые ответственные дела только начинаются. Завтра в Вену придет советская правительственная делегация. Вы об этом, вероятно, знаете. Вам работы прибавится. Ну, не мне вас этому учить, вы сами знаете. Я хотел бы только напомнить... Кстати, вы видели мой новый кабинет в посольстве?

— Красиво отделан и хорошо обставлен! Ничего не скажешь! — ответил Богданов.

— Молодец Коротов. Потруился. Я разрешил ему сегодня уехать в отпуск.

...Наступил теплый весенний вечер. Городской шум утих, и сквозь открытое окно откуда-то издалека доносились звуки духового оркестра.

Богданов включил настольную лампу и углубился в чтение служебных бумаг. Теперь, когда деловая жизнь в городе замёрла, можно было спокойно обдумать все, что произошло за сутки, увязать друг с другом хаотичные на первый взгляд события.

Неожиданно дверь кабинета отворилась, и Забродин прямо с порога произнес:

— Нужно спешить! Совещание у посла началось?

— Что случилось?

— Люстра, Илья Васильевич, понимаете, люстра! По дороге все объясню. Нужно немедленно ехать туда.

— Но у посла идет совещание. Объясните толком...

— Некогда. У вас машина здесь? Расскажу по дороге... Случилась неприятность!

Богданов собрал в охапку бумаги, разложенные на столе, сунул их в сейф и тогда только спросил:

— Вам нужна моя помощь?

— Да. Только вы можете вызвать посла с совещания...

Они бегом спустились по лестнице и вскочили в машину, стоявшую у подъезда.

— В посольство. Быстро! — приказал Богданов шоферу и повернулся к Забродину. Тот вытер вспотевшее лицо, откинулся на спинку сиденья и сказал:

— В люстре, по-видимому, вмонтированы микрофоны.

— В какой люстре?

— В кабинете посла.

— Откуда вы взяли?

Ответить Забродин не успел, машина остановилась у посольских ворот.

Советские дипломаты сидели за длинным столом, ожидая начала совещания. Сегодня должны были обсуждаться уступки, на которые может пойти Советское правительство.

Переговоры об условиях австрийского мирного договора развивались успешно. Уже была назначена дата подписания договора — 15 мая. И чем больше приближалась эта дата, тем сильнее возрастало напряжение в работе. Советские дипломаты, добиваясь постоянного нейтралитета Австрии, разгадывали и отклоняли много-

численные попытки «союзников» протащить в текст договора такие формулировки, которые давали бы им возможность втянуть эту страну в политические и экономические блоки. Шла борьба за будущее Австрии.

В дипломатических и торгово-экономических переговорах, если они равноправные и развиваются нормально, обязательно имеют место уступки с той и с другой стороны. Если одна делегация не захочет идти на уступки, то переговоры зайдут в тупик.

Со вчерашнего вечера советские дипломаты перешли к обсуждению уступок, на которые они могут пойти в ответ на встречные шаги других делегаций. Намечались главные задачи для переговоров следующего дня, наша тактическая линия.

Еще сегодня днем они заседали в «Имперiale». Там было тесно и неудобно. Теперь же кабинет посла был готов. И вот первое заседание.

Богданов открыл дверь в кабинет, когда Иртнев уже начал совещание.

— Извините, Александр Андреевич,— громко сказал Богданов входя. Иртнев обернулся к нему.— Можно вас на минутку?

— Вы же видите, что я занят! — голос посла прозвучал резко.

— Прощу прощения, у меня срочное дело.

— Что такое?

— Я хотел бы вам кое-что сказать,— Богданов стоял в дверях, давая тем самым понять, что разговор должен носить конфиденциальный характер.

— Извините! — Иртнев закрыл папку и вышел из кабинета. В коридоре явно недовольным тоном спросил: — Что у вас произошло?

— Понимаете, Александр Андреевич,— вступил в разговор Забродин,— все разговоры в вашем кабинете слушают американцы!

— Откуда вам это известно?

— В люстру вмонтированы микрофоны. Если вы позволите, я расскажу вам подробности завтра. А сейчас было бы лучше провести совещание в другом кабинете.

— Так давайте выключим люстру?

— С двумя плафонами вам будет темно. Да и не хотелось бы, чтобы американцы знали, что их секрет раскрыт...

— Ну, хорошо...

Иртенев возвратился в кабинет. Возникший было шум постепенно стих. Забродин и Богданов услышали, как Иртенев сказал:

— К сожалению, я не захватил кое-какие документы. Начинать без них совещание не имеет смысла. Я просил бы всех перейти в кабинет советника Парвина, чтобы все документы были под руками. Нет возражений, товарищи?

Вслед за этим задвигались стулья и кабинет быстро опустел.

В девять часов утра в кабинет к Забродину вошел военный.

— Инженер-майор Торгуев,— представился он.

— Очень рад с вами познакомиться,— ответил Забродин и сразу же перешел к делу: — Мы подозреваем, что американской разведке удалось вмонтировать в люстру, которая висит в кабинете посла, микрофоны. Вам понятно, что это значит?

— Да, конечно. Но как они смогли это сделать? Ведь посторонних в посольство не пускают?

— Я вам потом расскажу. Сначала давайте проверим, так ли это.

— Задача ясна! Я готов...

— Сейчас мы проедем в посольство. В кабинете посла — ни одного слова!

— Это само собой...

— Люстру, пожалуйста, не включайте.

— Все понятно. Я сделаю как надо...

Торгуев быстро стал проверять проводку с помощью каких-то приборов. Чувствовалось, что он мастер своего дела.

Забродин с нетерпением ждал результата.

Отсоединив проводку, Торгуев осторожно снял люстру и вынес ее в коридор. Перочинным ножом соскоблил краску на толстом ободе.

— Вот смотрите,— проговорил он тихо,— отверстие. Такое маленькое, что в него не пролезет иголка. А рядом пайка, это не фабричная. Тонкая работа! Здесь может быть то, что вы ищете!

Нагретым паяльником Торгуев снял олово, разогнул шов и что-то осторожно вытянул пинцетом.

— Вот микрофон! — Торгуев показал Забродину висящий на проводах маленький черный прямоугольник,

напоминающий фишку от домино, с отверстием посредине. — Отсоединить?

— Нет. Оставьте пока на месте.

Заперев кабинет, Забродин и Торгуев возвратились в «Империял». Забродин, не задерживаясь, прошел к Верховному.

Иртенев пригласил к себе Богданова и Гриценко. Теперь Забродин чувствовал себя куда более уверенно.

— Как вы узнали? — спросил Иртенев Забродина, когда все собрались.

— Секрет фирмы! — улыбнулся Забродин. — Я, конечно, шучу. Вы помните, я говорил вам, что американцы узнали что-то важное?

— Да.

— В доме напротив посольства мы обнаружили магнитофон. Коротов назвал мне в числе вещей, купленных для кабинета посла, люстру и сказал, что покупал ее у Ривенса. Какая взаимосвязь между этими разрозненными событиями? На первый взгляд — ничего общего... Но, если вдуматься и сопоставить с некоторыми другими фактами, то получится уже кое-что. Вот проследите за ходом моих рассуждений.

Я вспомнил, что на Ривенса у нас были некоторые данные. Проверив, мы убедились, что он связан с американцами, с неким мистером Греггом. Теперь уже «люстра», «магазин», «тайна», Грегг, Ривенс не давали мне покоя, все время вертелись в голове. Еще раньше от Пронского мы узнали, что американцы готовят какую-то «Операцию освещение»...

Никакой операции, по крайней мере сейчас, по отношению к своим западным союзникам американцы проводить не станут. Значит, готовится что-то против нас.

Я старался представить, к чему может относиться слово «освещение». Мне подумалось, что в нем таится ключ к разгадке. Продумал десятки вариантов. Иногда казалось, что мои усилия напрасны и ничего за этим не кроется... И все же я перебирал слово за словом. И неожиданно выплыло: «Операция освещение — люстра!» Все сразу стало на свои места...

— А магнитофон? Зачем магнитофон?

— Магнитофон все записывает. Теперь уже все просто: микрофоны маломощные, передатчик действует

на короткое расстояние, поэтому и потребовалась квартира вблизи посольства. В этой квартире был установлен магнитофон, на который записывалось все, что говорилось в кабинете посла.

Некоторое время все сидели молча. Затем Иртнев сказал:

— Насколько я помню, новую люстру включили в моем кабинете два дня тому назад... Нужно разобраться, о чем я говорил вчера, до совещания, и принять меры. Ну, этим я займусь сам. Что вы намерены делать дальше?

— Попытаемся извлечь кое-какую пользу. Прошу вас оставить все как есть! — попросил Богданов.

— Делайте как знаете. Вы разбираетесь в этих вопросах лучше, чем я.

...В старинном дворце Бельведер состоялось торжественное подписание Австрийского мирного договора. Отныне народ Австрии освободился от бремени оккупации. СССР, США, Англия и Франция обязались охранять нейтралитет этой страны от всевозможных посягательств. Через несколько лет западные государства начнут снова плести нити, с помощью которых они хотели бы втянуть Австрию в свои союзы, начиная от торговых объединений, кончая военными блоками. Но сейчас все были довольны достигнутым.

Наступило время пышных приемов и парадных церемоний. Не было мира только между разведками. До окончательного вывода войск продолжали существовать зоны...

Однажды дверь кабинета Лунцова резким движением открыл директор металлургического завода Петр Федорович Радов и, подойдя к столу, положил перед Лунцовым конверт.

— Вот, полюбуйте! Сегодня получил по почте!

Лунцов вынул из конверта свернутый пополам лист бумаги, развернул и прочитал текст, напечатанный на машинке по-русски. Крупным шрифтом сверху стояло: «Пропуск». Затем указывалось, что это письмо является пропуском в американскую зону. Американская администрация хорошо знает директора завода Петра Федоровича Радова, ценит его способности и предлагает перейти на службу к американцам. Внизу указывался

маршрут, по которому Радов может пройти беспрепятственно в западный район.

— Вот до чего дошли! Ведь это же хамство! Я старый член партии. Почему так бесцеремонно позорят мое имя? Меня выучила Родина и сделала человеком.

— Вам незачем волноваться,— успокоил его Лунцов.— Мало ли что придумает американская разведка! Это совершенно не затрагивает вашу репутацию...

Вскоре с такими же пропусками пришли к Гриценко три инженера. Гриценко пригласил к себе Забродина.

— Посмотрите,— сказал он, передавая Забродину несколько конвертов.— Оскорбления человеческого достоинства стали приобретать массовый характер.

— Я уже информировал Иртенева. Он хотел поговорить с американским послом, но прямо сказал, что никаких надежд на этот разговор не возлагает. Опять нужны доказательства... А эти письма — неофициальные документы и с юридической точки зрения ничего не стоят.

— Как будем поступать?

— Предупредим наших инженеров, чтобы относились к этому спокойно. Запретить американцам писать, а почте — доставлять эту «писанину» мы не можем...

В тот же день Забродин увиделся с Богдановым.

— Вы знаете, до какой наглости дошла американская разведка? — спросил он Забродина.

— Знаю. Сегодня говорил об этом с Гриценко.

— Это еще не все.

— А что такое?

— Они прислали письмо консулу Нечаеву. Назначают ему встречу в кафе с американским представителем. Так сказать, неофициальную...

...В девять часов вечера Нечаев вышел из дому.

Кафе «Зеленый грот», куда он должен был прийти в половине десятого, размещалось в американской зоне. В назначенное время Нечаев вошел в кафе. Пологая лестница, покрытая мягким ковром, вела куда-то вниз, в загадочный полумрак, откуда доносилась негромкая музыка. Перед ним был большой зал, напоминающий трюм корабля. Матовый свет проникал через иллюминаторы, вделанные в стены. Вместо столов стояли боль-

шие отполированные бочки, а стульями служили пни от деревьев. Кое-где возле бочек светились торшеры с яркими цветными колпачками. Воздух был чист и ароматен.

— Господин Нечаев, мы очень рады,— навстречу торпливо шел Дилл.

— О! Господин Дилл? Никак не ожидал вас здесь встретить! Я очень рад! Но почему вы назначили мне встречу в кафе?

— Видите ли, господин Нечаев, я — человек официальный. Меня попросили вас встретить и познакомиться с одним господином. Но не я организатор. С вами хочет поговорить высокопоставленный чиновник. Если вы не возражаете, я вас провожу.

Нечаев ощутил на себе тяжелый взгляд и повернулся в ту сторону, куда направился Дилл. Он сразу вспомнил взгляд, который перехватил во время приема в американском посольстве... Да, это были те же глаза. И к этому человеку вел Нечаева Дилл. Что ему нужно?

Это был пожилой солидный американец. Он пытался курить сигаретой.

— Очень рад познакомиться лично. Много о вас слышал и видел вас на дипломатических приемах, но не имел пока возможности разговаривать,— произнес незнакомец по-английски и встал из-за стола.

— С кем имею честь?— Нечаев был насторожен. Это было неожиданно.

— Роклэнд. Работаю в американском посольстве,— он сел и жестом пригласил Нечаева последовать его примеру.

Дилл, видимо, закончив свою миссию, ушел.

— Что вы будете пить?— спросил Роклэнд, когда Нечаев сел.

— Сухое вино. Если есть, рейнское.

Где-то в стороне играла скрипка: печальные венгерские напевы.

— Господин Нечаев, мы знаем, что вы любите Запад,— сказал Роклэнд, наливая вино, и замолчал, по-видимому, ожидая подтверждения своим словам.

Нечаев поднял рюмку и долго рассматривал вино на свет. Наконец он произнес:

— Ну и что?

— Мы хотим сделать вам деловое предложение. Давайте сначала выпьем.

— За что?

— За дружбу.

— Всегда рад выпить за дружбу.— Нечаев поставил рюмку на стол и с любопытством стал рассматривать публику.

— Господин Нечаев, насколько мне известно, вы любите хорошо одеваться.

— Вы не ошиблись, господин Роклэнд...

— Скоро вы поедете домой. Что вы там будете иметь?— теперь вопрос был поставлен в лоб.

Роклэнд снова закурил. Предложил сигарету Нечаеву. Над столом потянулся сизый дымок.

— Оставайтесь у нас. Поедете в Америку. Мы обеспечим вам хорошую жизнь!

Нечаев молча курил.

Роклэнд его не торопил. Пусть подумает. «Хорошо, что Нечаев не поднялся и не ушел сразу,— подумал он.— Значит, зацепило».

— Зачем я вам нужен?

Деловая постановка вопроса понравилась Роклэнду.

— Это мы обсудим потом. Если вы согласитесь, то мы сумеем договориться.

— Ваше предложение для меня неожиданно. Я должен подумать...

Он снова выпили. Старый венгр-скрипач подошел к Нечаеву и заиграл чардаш. Музыка металась, билась о стены, звала куда-то вдаль. Венгр был на чужбине, хотя родина была рядом. И он тосковал.

— Какие вы можете дать гарантии, что не выбросите меня на улицу?— спросил Нечаев, когда скрипка умолкла.

— Какие вы хотите?

— Официальное письмо.

— От Государственного департамента?

— Да.

— Хорошо.

...С мокрых листьев платанов скатывались дождевые капли. Они падали на подоконник, растекались по полу. Образовалась целая лужа. Генерал позвал секретаршу и сказал:

— Прикажите, пожалуйста, вытереть!

Генерал поморщился. Вероятно, от плохой погоды состояние у него было кислое.

— Есть, сэр! — но вместо того, чтобы выйти, женщина подошла к столу и положила тонкую папку. — Мне только что передали для вас шифровку, сэр.

— Спасибо.

— Уборщицу я сейчас пришлю.

Генерал пробежал глазами телеграмму. Вялость исчезла. Он поднял трубку телефонного аппарата:

— Это я, сэр. Телеграмма от Рокленда. Просит гарантий. От вашего ведомства. Да, Госдепартамента. Сенсація! Консул выступает в печати против своего правительства! Ха, ха, ха... На весь мир... Благодарю, сэр!

«Парашютные стропы» на шее генерала то ли от напряжения, то ли от испытываемого им удовольствия слегка покраснели. Когда в кабинет вошла уборщица, генерал бодро расхаживал и напевал веселую мелодию.

...Несколько дней спустя Забродин встретился с Богдановым у входа в «Империял».

— Так, решено окончательно — в кафе на Ринге. Рядом с кинотеатром «Гартенбаум», — сказал Богданов и заторопился к себе.

В половине одиннадцатого Забродин пришел в кафе. В венских кафе почти нет часа «пик». Вечером — немного больше, днем — немного меньше, но посетители заходят все время. Пьют кофе, читают газеты, журналы, проводят деловые встречи.

На этот раз в кафе «Гартенбаум» было болеелюдно, чем обычно в это время.

Забродин увидел двух советских дипломатов. Они пили фруктовую воду и о чем-то беседовали. Забродин сел за свободный столик, взял утренние газеты и, просматривая их, наблюдал за входом в кафе.

Вот вошел Нечаев. Прошелся взглядом по столикам. Вероятно, того, кто ему был нужен, еще не было. Не замечая своих, Нечаев прошел к окошку и сел за пустой столик. Взял иллюстрированный журнал и начал листать. Подошел официант. Нечаев сделал заказ.

Не успел официант отойти, как в кафе вошел плот-

ный мужчина, окинул взглядом зал и направился к Нечаеву.

Мистер Роклэнд нервничал. Он редко бывал в этих местах. Хотя и «нейтральная зона», но здесь рядом — советский сектор. Да и игра крупная. Или грудь в крестах, или голова в кустах, — как говорят русские.

Поздоровавшись с Нечаевым, Роклэнд сел на стул и подозвал официанта:

— Бутылку мозельского! Живо!

— Есть!..

— Ну, как, мистер Нечаев? — американец придвинулся к столу.

— Все зависит от вас, мистер Роклэнд, — Нечаеву было не по себе. Но он не спешил.

— Я принес то, что вы хотели.

— Гарантии?

— Да.

— Кто подписал?

— Как вы просили — Госдепартамент!

— Я могу посмотреть?

— Ну, разумеется...

Роклэнд достал из внутреннего кармана конверт и через стол передал Нечаеву. Нечаев раскрыл конверт, достал лист бумаги.

Роклэнд вытер платком вспотевший лоб и, не отрывая глаз, смотрел на Нечаева.

Дочитав до конца, Нечаев сказал:

— Хорошо, мистер Роклэнд, хорошо. Это как раз то, что мне нужно... — Он сложил бумагу пополам, вложил ее в конверт и стал укладывать конверт во внутренний карман своего пиджака.

— Это вы верните, пожалуйста, мне.

— Хорошо, мистер Роклэнд, хорошо! — Нечаев словно бы не расслышал Роклэнда, который с растущим беспокойством наблюдал за его действиями.

Затем не спеша поднялся со стула и вдруг, размахнувшись, наотмашь ударил американца по лицу.

— Вот это мой ответ!

Это было невероятно! Звук пощечины и слова Нечаева, сказанные так громко, что их могли слышать все, кто был в кафе, ошеломили посетителей, словно удар бича. Все повернулись в их сторону.

Роклэнд вскочил. Он был разъярен. Лицо покраснело, глаза налились кровью. Он был готов убить Не-

чаева и, вероятно, сделал бы это... Но его схватили за руки... В ту же секунду в зал вошел союзнический патруль и несколько австрийских журналистов. Это был день, когда во главе четырехстороннего патруля стоял советский офицер...

...Вечерние венские газеты кричали:

«Советский консул Нечаев дает пощечину американцу Роклэнду!», «Крупнейший провал американской разведки!» «Письмо Государственного департамента в руках у Советов!»

Более мелким шрифтом стояло:

«Американская разведка пыталась склонить к измене Родине консула Нечаева. Нечаев потребовал гарантий. Роклэнд обещал их доставить. В кафе «Гартенбаум» Роклэнд передал Нечаеву «гарантии» — письмо из Государственного департамента США. Это прямое доказательство политического разбоя и шантажа! В письме гарантируется советскому консулу политическое убежище в США, если он согласится стать предателем!»

Спустя несколько дней, когда газетная шумиха несколько поутихла, Роклэнда вызвал к себе американский посол.

— Господин генерал,— сказал он сухо,— вас вызывает Вашингтон. Когда вы намерены выехать?

— Завтра...

...Военная власть четырех держав закончилась красивым парадом на площади дворца Хофбург. Представители воинских соединений под звуки своих национальных гимнов проходили круг почета и отдавали воинскую честь друг другу. Каждая рота шла своим церемониальным маршем: четко отбивали шаг советские солдаты, чуть пританцовывали французы, прямо вперед выбрасывали ногу англичане и американцы.

А через несколько дней усилилось движение поездов на восток и на запад. Они увозили служащих многочисленных учреждений и предприятий, выросших за годы оккупации. Покидали Австрию и воинские части.

В конце июля Забродин встретился с Пронским.

— Собирайтесь домой, Николай Александрович!

— Когда?

— Посидите через две недели.

— Я готов. Мне собирать нечего.

— На следующей неделе вы организуете встречу Викентьева с Греггом и можете ехать.

— Прекрасно. Куда я должен явиться?

— Вы придете сюда, на эту квартиру, и мы отправим вас на Родину.

— Спасибо.

За много лет работы в разведке Пронский привык не задавать лишних вопросов. Он спрашивал только в тех случаях, когда ему было неясно, как он должен выполнить задание, или когда хотел что-то уточнить. Так и сейчас, он не спросил: что будет с Викентьевым, к чему приведет его встреча с опытным американским разведчиком? Пронский только уточнил, где и когда он должен их познакомить.

Через две недели Забродин усадил Пронского на самолет и вручил ему необходимые документы. Прощаясь с ним на аэродроме, Забродин обнял его и проговорил:

— До встречи в Москве!

— Нет, в Новочеркасске! — Пронский радостно улыбался.

— И в Москве, и в Новочеркасске!

Забродин долго махал вслед взлетевшему самолету.

...В один из знойных летних дней Богданов в сопровождении переводчика вошел в кафе. Викентьев сидел спиной к двери. Напротив его — Грегг. Греггу хорошо было видно, кто входит в кафе, но он, по-видимому, так увлекся разговором, что не заметил новых посетителей. А может быть, он их не знал.

— Разрешите присесть? — обратился Богданов к Греггу по-русски, а переводчик тут же перевел.

Грегг встал из-за стола. Он был удивлен такой бесцеремонностью и хотел было решительно отказать, но поднялся Викентьев и представил:

— Мой шеф. Прошу познакомиться.

...К началу сентября почти вся советская колония выехала из Австрии. Остались только постоянные ра-

ботники посольства и торгпредства, да несколько человек, не успевших еще передать дела. Забродину уже нечего было делать в Вене, и генерал Шестов разрешил ему возвратиться в Москву. На вокзале Забродина провожал Богданов, который должен был завершить дела.

Прогуливаясь по платформе в ожидании отправления поезда, Богданов сообщил Забродину, что от Грегга получены интересные сведения.

Поезд тронулся. Забродин и Богданов крепко пожали друг другу руки. Забродин вскочил на подножку.

— Желаю удачи! — крикнул он. — До свидания!

Ф. Шамагонов,
Е. Зотов

ИНДЕКС БЕЗ ИНДЕКСА

1

Мы заканчивали большое дело, над которым группа следователей работала почти полгода. Сложное, тяжелое дело группы валютчиков. Валютчики — это особая порода преступников. Даже под тяжестью неопровержимых улик они до последней минуты пытаются скрывать свои доходы, торгуются за каждый рубль, чтобы уменьшить суммы незаконных сделок. Мы сидели с моим помощником Снетковым над обвинительным заключением. Раздался телефонный звонок. Меня пригласил к себе начальник управления.

Вызов ничего необычного не предвещал, и я не торопился, несколько раз останавливался перемолвиться с сотрудниками. А в приемной тревога. Меня уже хотели разыскивать. Что за нетерпение?

Я вошел в кабинет. На длинном столе для совещаний разложена карта Энской области. Начальник управления Юрий Александрович стоял, склонившись над картой, и следил за красной чертой, которую прочерчивал, сверяясь по кальке, один из сотрудников.

Прямая линия просекала зеленоватые разводы, обозначающие леса, перечеркивала линию реки и, обходя населенные пункты, нацеливалась на областной город.

Юрий Александрович оторвался от карты, мы поздоровались. Он торопился. Указывая на красную черту, пояснил, что это линия нефтепровода к нефтеперегонному заводу.

На красную линию лег красный кружок.

Юрий Александрович остро отточенным карандашом еще раз обвел его.

— Здесь! — воскликнул он. — Здесь полыхает пожар... Горит лес, горит деревня...

Он посмотрел на меня.

— Никита Алексеевич, надо ехать. И ехать немедленно. Вы должны будете возглавить оперативно-следственную группу. К вам подключатся работники областного управления.

Я сказал, что к отъезду готов, но выразил удивление столь пристальному вниманию к пожару с нашей стороны.

Юрий Александрович протянул мне папку.

— Читайте, а я сделаю кое-какие распоряжения к отъезду. Надо лететь самолетом. Время не терпит...

На первый взгляд картина пожара представлялась очень простой. В нефтепроводе произошел прорыв, нефть выбилась из-под земли, натекала в деревню, вспыхнул пожар. Он бушевал с ночи и, как свидетельствовали оперативные сводки, еще не утих. В папке — всего лишь несколько страниц. Кроме сводки, сообщения от наших коллег из Германской Демократической Республики. В нем говорилось, что несколько месяцев назад был задержан на территории ГДР некто Эрвин Эккель, в прошлом гестаповец, а ныне агент одной из разведывательных служб ФРГ. На допросе он показал, что два года назад им был завербован советский инженер Чарустин Василий Михайлович, приезжавший в ФРГ в составе группы инженеров-нефтяников принимать трубы для строящегося в СССР нефтепровода. Чарустин приезжал несколько раз, за ним было установлено наблюдение. Сообщались некоторые подробности вербовки. В частности, говорилось, что вербовка Чарустина осуществлена с помощью переводчицы Гертруды Ламердинг.

Кто же такой Чарустин? Опытный нефтяник, организатор производства, ныне директор нефтеперегонного завода. Он же и прокладывал этот нефтепровод.

Я спросил у Юрия Александровича, знают ли в областном управлении КГБ об этих показаниях.

— Безусловно! Техническая комиссия из министерства уже на месте. Областная прокуратура возбудила уголовное дело по взрыву. Пожар гасят несколько по-

жарных команд особого назначения. В борьбу с огнем введены формирования Гражданской обороны...

— Чарустин взят под стражу?— спросил я.

— Для этого пока нет оснований.

Я указал на сообщение из ГДР.

— Одно показание! К тому же оно не перепроверено. Чарустина может взять под стражу областная прокуратура, если вскроется его причастность к случившемуся. Наш материал при этом не должен фигурировать. Группа, которую вы возглавите, должна будет заняться тщательной перепроверкой показаний Эккеля. Но это позже, а сейчас собирайтесь. Через несколько часов вы должны быть на месте пожара.

Вызов к начальнику управления состоялся в четвертом часу дня. Август. Давно нет дождей. В городе душно и жарко. Там, где вспыхнул пожар, это я знал из газет, шла полным ходом уборка урожая и тоже стояла сушь. Можно представить, как разгулялся огонь.

...Уже в темноте самолет приближался к месту катастрофы. Вот он качнул крылом, сделал разворот, и я наконец увидел отблеск далекого пламени.

В небо рвался огненный протуберанец. Летчик сделал несколько кругов вблизи пожара. Люди на земле казались игрушечными.

Несколько роторных экскаваторов двигались по кругу, окапывая место пожара глубоким рвом.

В проходы между рвами вступали одна за другой пожарные машины. С одного края наступление велось более успешно, здесь пытались прорваться к центру огня.

На полевом аэродроме нас встретили товарищи из областного управления. Километра за два до линии огня машина остановилась. Пахло гарью и нефтью. Удушающий дым оседал на землю. С каждым шагом ко рву жар нарастал. Мы остановились возле рва, огонь уже обжигал лицо.

Подошел начальник областного управления КГБ полковник Марченко. Мне доводилось с ним встречаться, когда он работал в центре. Веселый, добродушный южанин, подвижный и энергичный. Он любил работать с шуткой, не теряя присутствия духа даже в труднейших положениях. Когда ему предложили выехать в область, он был очень расстроен. Что могло потрясти спокойствие этого края, какие могли возникнуть там труд-

ные задачи у контрразведчика? Но солдат — всегда солдат. Надо было ехать: поехал.

Я напомнил ему слова о излишнем спокойствии на областной работе. Он махнул рукой.

— Беда страшная... Причины? Их может обнаружиться немало: халатность, недосмотр... Просто бесхозяйственность или преднамеренность? В свете показаний Эккеля у нас есть основания и для такого предположения. Я вас представляю председателю технической комиссии. Это ответственный работник министерства, крупный инженер. Он только что приступил к работе. С документацией он уже ознакомился. Высказывает кое-какие соображения...

— Не рановато ли? — спросил я.

— Все торопятся узнать, в чем причина бедствия...

Пожар вспыхнул сутки назад. Огонь охватил сразу огромную площадь и пополз по стерне в разные стороны. Перекинулся к небольшому перелеску, слизнул его и остановился у реки. В эпицентре пожара оказалась деревенька Сосновка. Туда до сих пор не пробилась. Загорелось ночью. Из огненного кольца вырвались лишь несколько человек. Они рассказали, что несколько дней по земле сочилась темная и густая жидкость. Высказывалось предположение, что в ложину стекает нефть из нефтепровода. Никто по этому поводу особой тревоги не проявил. Во всяком случае, спасшиеся не знали, было ли сообщено об этом в город, на завод или в милицию.

Перед самым пожаром из земли проступили уже черные лужицы. Накануне пожара у ларька собрались любители выпить. Шутили, что деревня скоро станет знаменитой — нефть найдут... Пошутили и разошлись.

Огонь возник взрывом и сразу во многих местах. Он несясь от лужицы к лужице, перекидываясь с земли на крыши. Много было в деревне соломенных крыш. Пылала деревня, горела дорога, огонь катился с возвышения, где пролегал нефтепровод.

Из этих рассказов пожарники сделали свой вывод, конечно, предварительный и предположительный.

Под землей прорвало нефтепровод. Почва в этих местах песчаная. Нефть незаметно сочилась, скапливаясь в песке. Под землей она нашла протоки и спустилась вниз, в ложину — здесь выбилась из земли, пропитав почву. На жаре начались испарения, в ложине

произошло скопление газов. Сначала вспыхнул газ. Отсюда и взрыв. Затем загорелась нефть, просочившаяся в верхние слои почвы.

Предполагалось, что прорыв в нефтепроводе был незначительным, ибо ни нефтеперегонная станция, ни завод не сигнализировали об утечке нефти.

Меня познакомили с председателем технической комиссии Николаем Николаевичем Баландиным. Высокий человек лет сорока семи — пятидесяти. Тонкие черты волевого лица. Кудряв, черноволос. Крайне возбужден, курит короткими затяжками. Словно оправдываясь, пояснил, что не курил два года, а на пожаре не удержался, вновь закурил...

Всех волновало: что с деревней, что с людьми в огненном кольце? Из-за опасений причинить еще большие беды им не применяли направленный взрыв, который сбил бы огонь. За рвом, у леса сосредоточился батальон войск Гражданской обороны. Вслед за взрывами готовы были устремиться танки, были бы пущены в ход химические средства борьбы с огнем. Несколько пожарных рукавов тянулось от реки. До нее было не менее полутора километров, на перекачке стояли мощные компрессоры. Вплотную за водяной стеной шли солдаты и пожарники.

Что делается в деревне? Никто не решался произнести роковое слово, признать, что в деревне уже некогда спасать. Осталась надежда то ли на чудо, то ли на смелость людскую...

А до деревни было еще с полкилометра огня...

Надо было принимать решение. Специалисты высказались за применение взрывных средств. Начальник штаба Гражданской обороны области и начальник управления пожарной команды согласились с ними. Последнее слово оставалось за Проскуровым, первым секретарем обкома партии. Все напряженно ждали, что он скажет. Гудел огонь, перекрывая работу моторов. Проскуров смотрел, как замороженный, на огонь, на людей, прорывавшихся в эпицентр пожара.

— Какое страшное преступление! — процедил сквозь зубы Баландин. — За это надо расстреливать!

Проскуров оглянулся, что-то хотел сказать, но, так ничего не сказав, медленно пошел к машине с полевой рацией, остановился на полпути, негромко, но внятно произнес, как бы отвечая Баландину:

— Преступление... Сейчас эти слова не имеют никакого смысла. Остались или нет в этом огне живые люди? Вот в чем вопрос!

В поле мерно покачивались огни фар. Это вереницей подходили пожарные машины, включались в битву с огнем новые силы.

Клин в огне медленно расширялся. По широким основаниям его двинулись два роторных экскаватора, проделывая глубокие канавы, чтобы закрепить отвоеванное у огня. По экскаваторам хлестали струи воды, охлаждая металл.

Наступил мутный и темный рассвет. Смешались пар и дым, залегли черным туманом в низинах, покрыли слизью деревья, пожухлую от жары траву.

Люди раздвинули пламя, открылись обожженные пустоты. Солдаты вошли в прорыв и достигли обгоревшего фундамента крайнего дома в деревне. Кирпич потрескался, труба завалилась. Дерево выгорело дотла, но земля здесь не горела: она была утоптана ногами и скотиной. Над пепелищем висели чад и мрак.

Солнце красным шаром выкатилось из-за леса.

Проскуров, бледный, позеленевший от бессонной ночи, от духоты и волнения, мерил широкими шагами обочину рва. Поглядывал на часы. Он оказался прав: не надо было спешить со взрывом. В глубоких подвалах спаслись те, кто не успел вырваться из огненного кольца. Пострадавших вывозили в полуобморочном состоянии... Но они были живы... Живы!

2

Технические эксперты приступили к работе.

Много высказывалось версий и предположений. Тем временем экскаваторы начали вскрышные работы над нефтепроводом.

Мы уехали в город, в управление.

Я попросил Марченко как можно скорее раздобыть списки рабочих, служащих и инженерно-технических работников, участвовавших в прокладке нефтепровода в районе Сосновки.

Список начинался с Василия Михайловича Чарустина, он был тогда начальником строительства. Вторым значился главный инженер по прокладке нефтепровода

Против его фамилии пометка: находится в длительной заграничной командировке.

Затем начальник геологической группы Георгий Осипович Осипов. Он был на изыскательских работах в Архангельской области.

С электросварщиком Александром Даниловичем Куражихиным меня познакомили накануне.

Некоторые члены технической комиссии высказывали предположение, что несчастье могло произойти из-за плохого качества сварочных работ. На сварочном шве, видимо, образовался разрыв, в который потекла из нефтепровода нефть.

Александр Данилович Куражихин человек молодой, ему нет и тридцати. Жена его чуть моложе. Я их видел на пожаре. Она плакала, он стоял молча, спрятав руки в карманы.

Сварочный шов наиболее уязвимое место в трубопроводе, поэтому Куражихин возможный виновник бедствия. Мне хотелось узнать, что он за человек. Биографическая справка, переданная работниками областного управления, мало что могла сказать.

Родился он в марте 1942 года. Отца не знал, он не вернулся с фронта. Растила его мать, и по всему было видно, не легко ей давалось это. Колхозница, доярка. Кроме него, у нее еще было трое. Те постарше... Он последний. Деревенская школа, ФЗО, комсомол, путевка в школу сварщиков высшего разряда и работа... Паспорт сварщика давал ему право на рабочее клеймо. Производственные характеристики различные. О Саше говорили тепло пожилые, умудренные опытом рабочие-коммунисты, товарищи по его профессии. Верхолаз. Доводилось ему сваривать и очень ответственные узлы в условиях нелегких: на ветру, на морозе, на высоте.

Молодой квалифицированный рабочий, представитель нового поколения рабочего класса. Собирается в институт, но ждет, пока жена кончит пединститут.

Жил он на окраине города в новом жилом квартале, который вырос после пуска нефтеперегонного завода.

Кольцевая дорога вела к хилой рощице, остаткам недавних лесов, по взгорью разбежались домики с садовыми участками, а вот и новый квартал нефтяников. Пятиэтажные панельные дома. Обычная планиров-

жа, детские площадки, газоны, здание школы, детские ясли.

Однокомнатная квартира на первом этаже.

Вся семья в сборе. Настроение траурное. В такой обстановке появление нового человека вызывает тревогу.

Наталья Ивановна Куражихина открыла дверь и вопросительно заглянула в лицо. Я представился. Хозяйка отступила в комнату, приглашая пройти. Куражихин встал из-за стола мне навстречу и стоял, опустив глаза. Наталья Ивановна притянула к себе девочку лет четырех.

— Александр Данилович! — сказал я Куражихину. — Страшная беда случилась... Мы все вместе должны разобраться...

— Я готов!

Живые карие глаза, без какого-либо следа настороженности или опаски.

— Сушу сухарики! — добавил он. — Работа такая — на краю пропасти. Металл сшивать надо, а рвется он на швах. Кто виноват? Сварщик...

Самая пора задать вопрос.

— Может быть, металл на трубах некачественный? Трубы из ФРГ?

Куражихин покачал головой.

— Да. Из ФРГ. Отличный металл. К тому же каждый сантиметр мы проверяли... Я грешу на сварные швы, хотя варил на совесть. А вот почему они распустились, что там могло получиться под землей? Не знаю. Бродячие токи, может быть? Ума не приложу!

Ответ Куражихина мне понравился.

— Вы хотите меня допрашивать? — спросил он коротко.

— Нет! Я хочу услышать рассказ о том, как работа шла.

— Работа шла неторопливо и ритмично. Пожаловаться не на что...

— Кто сварку проверял?

— У меня паспорт... Мую сварку не проверяют. Я отвечаю целиком!

Вопросы мои, собственно говоря, иссякли.

Присмотрелся я к обстановке в комнате. О заработке его я имел справку. Хороший был у него заработок. Не ленился...

Обставлена квартира удобно и разумно, ничего лишнего. Самодельные книжные стеллажи, много книг. И не было заметно на вещах той зализанной, залакированной показухи, которая обличала, выдавала и выдает с первого взгляда запрятавшегося за вещь мещанина.

Уже уходя, я спросил его:

— Чарустин интересовался, как ведутся сварочные работы?

— Без него ни одна труба не уложена... Василий Михайлович человек аккуратный, вникал во все мелочи. А что, директора завода тоже потянут к ответу?

— А почему же директор должен быть избавлен от ответственности?

Куражихин вздохнул.

— Он каждый метр трассы проверил, на все составлена полная документация. Хороший и деловой он человек.

— В каждом расследовании есть две стороны. Одна сторона — это найти виновного, а другая — установить, что виновного нет!

«Если Чарустин действительно вникал в каждую мелочь, если сварщик работал добросовестно, если все было на должном техническом уровне, то в чем же причина случившегося?» — думал я по дороге в гостиницу.

Три дня работала техническая комиссия. Затем в прокуратуру было представлено заключение, подписанное Баландиным и членами комиссии.

Мы получили копию.

Мне первому предстояло прочитать этот документ. Не без волнения вскрыл я пакет. Куражихин получил полную реабилитацию. Разрыв трубы произошел не на сварочном шве. Баландин, специалист по нефтепроводам, утверждал, что металл на трубах был недоброкачественным и это привело к катастрофе.

К заключению были приложены документы проектного характера, документы геологических изысканий по трассе.

Показание Эккеля и разрыв трубы... Совместилось!

Марченко вопросительно взглянул на меня. Я понял его вопрос. Это был скорее не вопрос, а предложение действовать. Мы могли забрать дело в прокуратуре и начать следствие по своей линии.

Могли и имели на это право...

Настал ли час воспользоваться этим правом? Очень

уж все легко и просто совмещалось, очень легко и просто напрашивалось решение. Что-то меня беспокоило в этой простоте. К заключению приложены фотографии разрыва трубы. Это неопровержимый документ. Однако химический анализ металла не дал никаких заметных отклонений от нормы. Откуда же вывод, что разрыв трубы произошел из-за недоброкачества металла? Из факта, из непреложного факта. Труба разорвана. Но разорвана на странно образовавшемся изгибе. Откуда изгиб в трубе?

На этот вопрос ответа не было. Пришлось нам с Марченко еще раз выехать на место происшествия.

3

На пожарище смотреть было страшно. Вот гребень, оставшийся после прокладки нефтепровода, вот и «место происшествия», то есть вскрытый ров с нефтепроводом, в том месте, где произошел прорыв.

Глубокий зияющий провал. В стороне техника, подтянутая для ремонтных работ. Мы остановились на краю провала. Черная обгоревшая земля, оплавленная труба.

От бульдозера двинулся к нам человек.

— Еще одна комиссия?— спросил он не без иронии.

— Комиссия...— ответил Марченко.

— Осокин!— представился бульдозерист.— В дырку лазили?

— В какую дырку?— удивился Марченко.

— Под трубами— пропасть... Пещера выгорела. Вот страсть-то. Мой бульдозер чуть не провалился туда... Нефть размыла песок и горела. Подземное озеро или пропасть... Туда на веревках только спускаться.

Мы присмотрелись к зияющему провалу. Черная пасть не очень широкой воронки, в глубине ничего не видно.

— С шахтеркой надо спускаться...— пояснял Осокин.— Загадка природы.

Загадок в расследовании не должно оставаться. Нужно исследовать подземный провал. Но спуститься без приспособлений туда действительно было невозможно. Марченко связался по радиотелефону со штабом Гражданской обороны и вызвал взвод солдат.

От города путь немалый, надо было ждать часа два. Решили проехать к берегу речки. День стоял жаркий, можно было искупаться, обговорить все в тишине.

Тальница — неширокая быстрая речушка со светлой ключевой водой бежит по отмытому добела мелкому, рассыпчатому, как сахар, песку. Возьмешь в руки, течет между пальцами.

В светлой воде с берега можно было подсмотреть, как гуляют, распластав плавники, крупные стайки плотвы и голавлей.

Шофер достал из багажника термос с крепким и горячим чаем. Мимо шли по берегу два рыбака. У молодого на плече мокрый бредень, у старика — мешок с рыбой.

Остановились... У них рыба, у нас городская закуска. Шофер достал ведро, запыхал костер, и потянуло из ведерка запахом ущицы.

Разговор, конечно, зашел сразу же о пожаре.

Старик оказался местным жителем из села, соседствовавшего с Сосновкой. Работает конюхом в колхозе. В час, когда начался пожар, стерег лошадей в ночном, в лесу за Талицей.

— Рвануло, как бомбой, — рассказывал он. — Думал, бомбежка началась. Лошади захрапели, разбежались, коли не были бы стреножены. А потом зарево.казалось, солнце взошло. В лесу я стоял. Выбежал на берег — оготрю, Сосновка горит, и огонь дальше мчится, прямо к речке. Вода остановила. Страсть, какой никогда не видывал.

— А в дырку-то ты заглядывал? — спросил его вдруг шофер.

— В дырку-то... — ответил старик. — Нас туда не подпускают. Воинская охрана стоит... А чего в нее заглядывать? Она сквозь до самой Талицы пробита.

— Как это до Талицы? — удивился Марченко.

— Ты не гляди, что речушка воробью по колено, а галке по скакалку. Она хитрая...

— В чем же ее хитрость?

— Что ни год, то норовит русло поменять. Ишь, как равнину изгрызла. А все от подземных ключей... Они под землей бегут и всю воду в Талицу сливают. Тут песочек одно заглядение, а наступишь, совсем можно сгнуть. Зыбун-песок...

— Это как же сгнуть-то?

— Скотины страсть погибло. На мокреть ступишь, сразу под землю утянет, хуже чем в трясине. Его весь снизу размыло. Песок плавает...

— Как же это дырка на Талицу вышла? Что за дырка? А?

— Под трубой — труба... Сколько рыбы пропало... Вода текла черная перед самым пожаром...

Я поднял глаза на Марченко. Он смотрел на старика.

— О подземных речках не слыхивали? — спросил старик. — В стародавние времена здесь, неподалеку монастырь стоял. От монастыря нынче ничего не осталось. Фундамент песком затянуло... Богатый фундамент. Мы иной раз оттуда кирпич ковыриваем. Ковырять трудно. На известке клали с яичным белком. Глубоко в землю уходит тот фундамент. Там говорят, имели монахи подземные ходы, от татар спасались, к родникам за водой под землей ходили...

Я поднялся на пригорок.

Как это раньше я не пригляделся к местности? С дороги, да на первый взгляд, словно бы обычная долина, обычной среднерусской речушки. Перелески, кустарники. В приспущенном словно бы геологическим сбросом распадке бежит речка. Каменистые прожилки на откосах оврагов. Листва на деревьях густо-зеленая, гораздо темнее, чем за распадком. Обильный подземными водами край...

Прибыл взвод солдат. Мы пригласили с собой старика.

В комбинезоне и в кислородной маске спустился в провал боец. За ним потянулись телефонный провод и трос. Трос пустили по лебедке. Сначала солдат спускался по склону шагом, затем трос натянулся. По телефону поступило сообщение, что в глубину уходит отвесный провал. Начали спускать солдата на тросе. Медленно крутилось колесико лебедки. Метра на четыре распустился трос. Остановка. Солдат докладывает по телефону: «Грунт под ногами влажный. Песок с черной глиной. Беру на пробу».

Трос начал опять раскручиваться. Поступило сообщение: «Наткнулся на крупные камни. Сочится вода».

— Вам не по возрасту, Никита Алексеевич, — сказал Марченко, — но я спущусь.

Он исчез в зияющем провале. За ним спустился

офицер с кинокамерой и оборудованием для освещения.

Снизу последовало еще одно сообщение: «Ведем киносъемку подземной ниши».

Старик сидел на корточках над рвом и курил самокрутку. Он с торжеством поглядывал на меня, подмигивал.

— Тут поискать,— говорил он,— еще и не то найдешь! Тут ить и золотишко могло остаться от монахов...

— Поискать придется,— обнадежил я старика.— Глядишь и клад найдем!

— Здесь,— подхватил старик,— как мне дед говорил, а деду его дед, а тому деду еще дед, самый ход татарский пролегал... Они лесов опасались, шли по рекам. Как пошли трактора распахивать землю, то по первости всякие железяки находили в земле. Серпик, ржой изведенный, саблю татарскую. Наконечник от стрелы или же от копья...

Знал бы старик, какой клад мы здесь ищем!

Вечером в управлении смотрели фильм. Объектив киноаппарата выхватил очертания большого подземного обвала и нишу, выложенную из крупных камней. Что же это такое?

Рассказ о подземных ходах из монастыря очень походил на легенды, которые всегда бродят возле старинных строений. Историей монастыря я поручил поинтересоваться. В этих делах незаменим был Снетков. Я позвонил ему в Москву и попросил навеститься в Ленинскую библиотеку и найти все, что написано о монастыре Сосновская Пустынь...

А к нам между тем явился по собственной инициативе товарищ Баландин. Мне об этом позвонил утром Марченко.

— Просится на прием председатель технической комиссии. Я заказал пропуск... Вы будете присутствовать при нашем разговоре?

Уклоняться от встречи с председателем технической комиссии я не видел оснований. К тому же меня заинтересовало, что побудило Баландина прийти. О специфике нашего интереса к этому делу он ничего не знал.

Там, на пожаре, его горячее возбуждение я приписал и огню, и виду бедствия, и общему волнению. Но и здесь, в кабинете, он словно был в горячке. Его худое

лицо потемнело. Он мял в руках сигарету и курил короткими затяжками.

Мы с Марченко молчали. Он ожидал, видимо, вопросов, но, не дождавшись, торопливо начал:

— Я узнал, что ваше ведомство тоже проявило интерес к пожару... Я не ошибся?

— Все мы вместе должны разобраться в случившемся. Нас это не могло не взволновать...— ответил Марченко.

— А не диверсия ли это?— спросил он вдруг.

— В своем заключении вы такого вывода не сделали...— остановил его Марченко.

— Мы сделали один и самый важный вывод. Металл на трубах был некондиционным. Нам подсунули в ФРГ некачественный металл...

— Все зависит оттого, в каком месте трубы был изгиб,— сказал Марченко.

Баландин поднял протестующе руку.

— Это не предмет спора! Я знакомился с документацией на поставки труб. Вы с ней знакомы?

— Нет!— ответил Марченко.

— А вы, Никита Алексеевич? Я сам перед отъездом из Москвы отправлял копию документации в Комитет государственной безопасности и писал по этому поводу справку.

— За вашей подписью справки я не читал,— ответил я.

— Справка шла не за моей подписью. О приобретении этих труб в ФРГ шли переговоры. В нашу делегацию на переговорах входил Чарустин. Он вел переговоры о приобретении этих труб, был техническим экспертом при их отгрузке, он их укладывал в землю... Совпадение несколько необычное для нашей практики...

— Что означает это совпадение?— спросил я Баландина.

— Я просто обращаю ваше внимание на него.

— В справке, которую вы составляли, но подписывал ее за вас другой, на это совпадение указывалось. Но для каких-либо выводов такое совпадение еще не дает оснований.

— Зато, насколько я понимаю, это дает основание для вашего активного вмешательства. Вы, наверное, знаете, что у нас в министерстве после этой поездки Чарустина сложилось мнение, что его нельзя направлять в заграничные командировки.

— Интересно. А почему у вас сложилось такое мнение?

— А вам ничего об этом не известно?

— Об этом мнении нам ничего не известно. Чарустин, по-моему, больше не выезжал...

— Не выезжал... Вопрос о его новой командировке рассматривался в министерстве, и его кандидатура была отклонена.

— Почему же?

— Его поведение в ФРГ показалось нашим товарищам.. — Баландин замолк, подыскивая подходящее слово, — поведение его в ФРГ мы считали недостойным!

Я пристально смотрел на Баландина. Все, что он говорил, конечно, заслуживало внимания, но что-то мешало мне с сочувствием принимать его слова. Мешала его целеустремленность, заданность, что ли.

— Товарищи докладывали в парткоме, что Чарустин вел себя недисциплинированно, часто отрывался от делегации, что-то там у него было с переводчицей. Или роман, или что-то на это похожее...

— Эти рассказы ваших товарищей как-то зафиксированы?..— спросил я.

— Нет! Нужды не было. Можно попросить их изложить письменно... Потребовать, наконец...

— Зачем же требовать? В таких вещах насилие излишне...

— Не излишне! Вы были на пожаре? Вы понимаете, что произошло?

— Несчастье произошло...

— И произошло по вине одного человека! Бог спас хорошего парня, сварщика. Обломись труба на сварном шве — засудили бы невиновного.

— Чарустина вы уже считаете виновным?

— Безусловно!

— В чем, на ваш взгляд, он виноват?

— Прежде всего в халатности, в недосмотре, в катастрофе! А жизни людские, кто за это ответит!

— Все это так. В прокуратуре возбуждено уголовное дело.

— На мой взгляд, вы можете глубже заглянуть, чем прокуратура, — продолжал Баландин. — Я знаю Чарустина не первый год. Он никогда не вызывал у меня ни доверия, ни симпатии! Это нечестный и жестокий человек.

Я остановил Баландина жестом руки.

— Николай Николаевич! Вы лицо в данном случае официальное. Каждая ваша оценка должна опираться на факты. Вы сказали, что Чарустин нечестен, далее вы называли его жестоким. Какими фактами вы могли бы подтвердить свои выводы?

— Мы задали ему вопрос на комиссии, считает ли он себя виновным в случившемся. Он ответил, что не может никак усмотреть своей вины. Это же жестоко! Сколько жизней по его недосмотру... Хотя бы и недосмотру!

— Почему хотя бы?

— Редко, но случается. Вам, наверное, лучше нас известны некоторые эпизоды... Случалось, что нашим инженерам и закупщикам подкидывали негодное оборудование. Недосмотр? Иногда бывал недосмотр, а иногда прямой сговор с фирмой.

— Какое это имеет отношение к Чарустину?

— Почему он принял некондиционные трубы? Я хотел бы получить от вас ответ на этот вопрос.

— Вы нам подсказываете направление для расследования? Так вас нужно понимать?

— Так и понимать!

— Вы сказали, что давно знаете Чарустина. Скажите, почему у вас сложилось о нем неблагоприятное мнение, почему он у вас не вызывает доверия?

— Это тонкие, почти неуловимые вещи. Вам, конечно, нужны факты...

— Нам приходится иметь дело и с неуловимыми вещами...

Баландин пожал плечами, как бы показывая, что вынужден говорить, что сам он, по своей инициативе, не упомянул бы о таких мелочах.

— Мы учились с ним вместе в аспирантуре. Он сделал кандидатскую диссертацию... Руководитель, уважаемый и любимый нами профессор, крупный ученый сделал ему по диссертации значительные замечания. Нужна была большая доработка. Вы знаете, что он сделал? Обиделся. Снял вопрос о защите диссертации в институте и выехал из Москвы в другой город. Поработал там на одном из заводов и в этом городе защитил без доработки. Сами понимаете, что требования не московские и обстановка облегченная. Пришлось нашему профессору повоевать в Высшей аттестационной комиссии. Но вмешался директор завода, где работал Чарустин, звонил министру, и

диссертацию протащили. Где, какой великий выбирал путь протоптанней и легче? Использовал связи, кадровый голод на далекой периферии.

— Далекая периферия?

— Сахалин! За одно согласие туда поехать могут кандидатскую степень присвоить...

— Но ведь надо поехать... И не на один год!

— Не на один год. Это верно. Но не один год пришлось бы ему и дорабатывать диссертацию. Вы склонны считать этот поступок красивым?

— Все дело, конечно, в содержании диссертации...

— Вы можете обратиться к фактам. Поднимите диссертацию, отзывы. Все станет на место...

— Посмотрим, Николай Николаевич! Для этого нужна консультация у специалистов.

Баландин продолжал.

— Я знал его семью. У него было двое детей... Он бросил семью. Бывает... Но и в этом поступке он оказался не на высоте! Со стороны в семейные дела, конечно, трудно вникнуть... Но честные, порядочные люди в таких случаях поступают прямо и решительно. Он придумал себе предлог. Работал в то время он в одной из лабораторий в Москве. Интересная работа, значительный институт. Вдруг собрался опять в глубинку... Объявил, что жена отказывается с ним ехать, и подал на развод... Она не отказывалась! Сделал подлость и еще прикинулся благородным! Ну, а этот роман с переводчицей в ФРГ? Как вам это нравится? Проверьте по вашим каналам, что у него там было. Шутка ли, в капиталистической стране и роман с иностранкой. Вот его моральный облик. Роман на Западе требует денег, и не в нашей валюте! Все это очень подозрительно.

4

Следователь прокуратуры вызвал на допрос Василия Михайловича Чарустина. Допрос велся под стенограмму.

Теперь, когда дело закончено, когда я пишу эти строчки, легко обозримы все детали, все трудности, все повороты. Тогда же перед каждым из нас лежало по чистому листу бумаги и предстояло вычертить ту единственную линию, которая привела бы к истине.

Вот стенограмма допроса:

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Каким образом вы, инженер Чарустин, будучи уполномоченным по приему заказа в ФРГ, проверяли доброкачественность заказа?

ЧАРУСТИН. Завод чужой... Страна чужая... В той обстановке я не имел возможности прибегнуть к техническим средствам. Я следил за выполнением заказа. Бывал на заводе. Знакомился с технологическим процессом. Я не мог проследить за изготовлением всей партии. Партия была большая, да никто мне и не давал такой возможности. Я лично проверил все заводские клейма. Здесь, у нас, каждая труба прошла экспертизу. Экспертиза производилась техническими средствами. На это есть соответствующая документация.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, документация в порядке... Объясните, пожалуйста, мне такое несколько странное совпадение. Вы принимали трубы на заводе в ФРГ, и вы же руководили укладкой этих труб.

ЧАРУСТИН. Это был не первый нефтепровод, который я строил. Именно как специалист по прокладке нефтепроводов я и выезжал в командировку за границу для закупки труб. Прокладка нефтепроводов — это моя работа, моя специальность...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Однако теперь вы работаете директором завода.

ЧАРУСТИН. И опять же у этих труб, хотите высказать!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы жестокий человек. В вашем положении шутки неуместны. Вы же знаете, к каким трагическим последствиям привела катастрофа?

ЧАРУСТИН. На завод я был направлен решением обкома партии. Редкий завод нашелся бы, чтобы я не был причастен к укладке его нефтепровода.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вам известны политические убеждения владельца завода?

ЧАРУСТИН. Его политические убеждения меня не интересовали. Он капиталист. Хозяин предприятия. Какие у него могут быть при его положении политические убеждения?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Скорее всего враждебные нам...

ЧАРУСТИН. Видимо... Это, однако, не мешает нам торговать с капиталистами...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И можем при этом наткнуться на неприятности.

ЧАРУСТИН. Наверное... Но вам, как и мне, известно

и другое. Крупные промышленные фирмы обычно дорожат маркой своих изделий. Не будешь дорожить — пролетишь в трубу!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, но у промышленников есть и другой принцип: не обманешь — не продашь!

ЧАРУСТИН. Это, скорее, было присуще русскому купцу, чем нынешнему западному промышленнику. И потом надо очень точно рассчитать, чтобы определить, какая партия труб пойдет к нам, а какая в другие страны, допустим, капиталистические. Я не верю в умышленную продажу нам заведомо бракованных труб. Я много думал над этим.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И вы ручаетесь? Ручаетесь за качество труб?

ЧАРУСТИН. Ручаюсь ли? В этом случае следует опираться на факты, а не на ручательства.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я такого же мнения, а поэтому предлагаю вам ознакомиться с заключением технической комиссии.

ЧАРУСТИН. Я не согласен с заключением технической комиссии о причине разрыва трубы. Это сложный вопрос. Я считаю, что на него сейчас ответить невозможно. Труба оплавлена высокой температурой в эпицентре пожара. Был взрыв. Мы лишены возможности установить первоначальное состояние металла. Перед укладкой я лично проверял, и не один раз, каждую трубу с помощью приборов, и каждая труба соответствовала техническим требованиям. Все это зафиксировано в документах, из этого надо и исходить.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Из ваших слов следует, что вы снимаете с себя всякую ответственность за случившееся?

ЧАРУСТИН. Всякую? Нет! Но заключение комиссии о том, что причиной катастрофы был некачественный металл на трубах, я отвергаю категорически. Оно неосновательно и, я бы даже сказал, технически неграмотно!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что же вы считаете причиной катастрофы?

ЧАРУСТИН. По настоянию председателя технической комиссии Баландина я был отстранен от участия в ней. Я не получил возможности осмотреть место возникновения прорыва нефтепровода и не имею возможности сейчас дать ответ на этот вопрос.

На этом допрос Чарустина закончился.

Меня в протоколе допроса Чарустина заинтересовала одна фраза следователя: «Вы жестокий человек!» Фраза, которую я услышал от Баландина. Она указывала на то, что у следователя успел побывать Баландин и произвести на него впечатление.

Прокуратура вызвала на допрос свидетеля Осипова. Нужно было время, чтобы он прибыл в Энск.

Я получил ответ от Снеткова на мой запрос: ни в одном из описаний монастырей и церквей, хранящихся в Ленинской библиотеке, он не встретил упоминания монастыря Сосновская Пустынь. Он рекомендовал обратиться в краеведческий музей. Монастырь мог значиться под другим названием.

В музеях всегда можно найти любителя и знатока родного края, увлеченного повествователем о местных событиях. Был такой и в этом музее. Сергей Аполлинарьевич Кокошников, старейший сотрудник музея, экскурсовод, бессменный руководитель всех экспедиций по родному краю. Именно к нему нас сразу направила дирекция музея. Сергей Аполлинарьевич обрадовался нам. Он вел нас по залам и без умолку говорил. Чувствовалось, что он часами может рассказывать о каждом экспонате. Мы спросили о монастыре в Сосновской Пустыне. Тут все и разъяснилось. Сосновская Пустынь впервые упоминается в документах в начале XIX века. Там поселился монашек, старец. Место это и нарекли Сосновская Пустынь. А до этого село называлось Поречьем... Построен монастырь был в XII веке, а в XIII веке Батыевыми полчищами разрушен, сожжен и в землю втоптан. Возродился как монастырь Иоанна Предтечи. На старом фундаменте поставили деревянные стены. Опасность набегов кое-чему научила. В старинных рукописных книгах встречались указания, что монастырь был превращен в степную крепость. Крепость выдерживала осады и не раз горела. В старинных рукописях Кокошников нашел сведения о том, что монахи рыли подземные проходы из монастыря в лесные урочища и к берегу реки. Через эти проходы во время осады монахи и воины покидали монастырь, когда загорались деревянные стены.

Я полистал рукописную книгу XVII века, что-то сред-

нее между историей и инвентарной описью церковного землевладения. В этой книге говорится, что монастырь последний раз был, как сказал мне Кокошников, разрушен татарским набегом уже после Куликовской битвы, когда хан Едигей двигался в поход на Москву.

Итак, легенда о подземных переходах подтвердилась.

Проливали ли она свет на наше дело? Пожалуй, да.

На этот раз мы с Марченко сами решили пригласить Баландина. О подземных ходах техническая комиссия, видимо, ничего не знала. Могли ли они повлиять на провисание нефтепровода? Почему геологическая разведка не предупредила о возможности подземного обвала? Что могло явиться причиной обвала? Течь в нефтепроводе, пожар и взрыв, или могли быть какие-либо другие причины, предшествующие разрыву трубы.

К этому моменту Марченко и его сотрудники беседовали с руководством колхоза, с трактористами, которые пахали землю возле нефтепровода. И выяснилось, что над нефтепроводом лежала земляная гряда. Она заросла бурьяном. При вспашке гряды не трогали, но через нее неоднократно переезжали трактора. Гряда была довольно высокой. Каждый раз по новому следу не с руки было перекапываться через нее. Поэтому пробили и утоптали дороги. Трактористы нанесли на карту места, где чаще всего переезжали. В весновспашку, при подъеме зяби трактора здесь проходили по несколько раз в день, да и грузовые машины возили этой же дорогой зерно, проходили по ней и комбайны.

Появилась версия: если под нефтепроводом залегала пустотная полость подземного перехода или подземной речки, то от тракторов возникали вибрация и добавочные давления, пустотная полость могла обрушиться, земля под нефтепроводом рухнула в провал. Труба зависла над пустотой... Повторяющиеся нагрузки давили на трубу, труба прогибалась. Эта версия нуждалась в технической проверке. Нужно было заключение специалистов.

Мы решили посоветоваться с Баландиным как со специалистом. Баландин вошел в кабинет оживленный, быстрый, хотя лицо было усталым и озабоченным.

Марченко раскрыл папку и, не поднимая от нее глаз, сухо спросил:

— Николай Николаевич, вы изучали документы геологической разведки?

Баландин устало откинулся на спинку кресла.

— Всю документацию просмотрел вдоль и поперек. Результаты геологической разведки везде были положительными.

— Скажите, при изучении документов геологической разведки у вас не возникло каких-либо сомнений?

— Никаких!

Марченко поднял взгляд на Баландина.

— Это положение члены технической комиссии так же, как и вы, будут отстаивать!

— Безусловно!

— Вы проводили осмотр образовавшегося провала под нефтепроводом в месте разлома трубы?

— Сам туда спускался... Взрывом вырвало землю и выкинуло на поверхность. Там же все черно. Земля горела; нефть сочилась в песок — образовалось скопление газов. Взрыв там должен был произойти огромной силы.

— Вы совершенно исключаете возможность несколько иного развития событий. А если предположить, что под нефтепроводом, под трубой, на некоторой глубине была пустота? Нечто похожее, скажем, на подземную речку... Что тогда?

Баландин перебил Марченко.

— Должен заметить, подземные родники в этой местности не исключаются. Но подземные речки в песчаном грунте сочатся, фильтруются сквозь песок, не образуя подземных коридоров и пустот. Подземные пустоты и коридоры могут встречаться в каменистых краях...

Марченко начертил на листе бумаги две линии нефтепровода, пересек эти линии двумя другими. Протянул лист бумаги Баландину.

— А если бы вот таким образом линия нефтепровода была внизу пересечена подземным ходом, подземной пустотой, подземной речкой. Могло бы это повлиять на разлом трубы?

Баландин посмотрел на чертеж и пожал плечами.

— Нет! Для этого подземный ход должен иметь не менее десяти метров в ширину.

— А если бы подземный ход шел вдоль трассы?

— Он был бы обнаружен геологической разведкой.

— Обязательно обнаружен?

— Обязательно! Подземные воды не могут в песчаном грунте образовать полости. Это исключено!

— Ну, а искусственный подземный ход?

— Кому он здесь мог бы понадобиться? Кто его мог сделать? Зачем?

— Давайте рассмотрим этот вопрос пока чисто теоретически. Предположим, что такой подземный ход под трассой нефтепровода существовал. Могло ли это стать причиной разлома трубы?

— Я не понимаю, для какой цели мы должны решать такого рода теоретическую задачу? Был подземный ход или не был?

— Мог быть...

— Мог и не быть! Любое из этих положений надо доказать!

— Да, это надо доказать,— согласился Марченко.— Предположим все же, что под трассой был подземный проход. Могло это быть причиной разлома трубы?

— При известных обстоятельствах, конечно, могло. При скоплении различных обстоятельств. При давлении на трубы, при размывке грунта подземными талыми водами...

Марченко остановил Баландина.

— Спасибо, вы ответили на наш вопрос. Мы вам ничего предлагать не имеем права. Но я вам посоветовал бы провести дополнительные технические исследования. Надо, чтобы все вопросы, возникающие при расследовании данного дела, получили исчерпывающий ответ.

Баландин встал.

— Я обещаю вам и на эти вопросы дать исчерпывающие ответы.

5

...В послевоенные годы в Германскую Демократическую Республику зачастил гость из ФРГ Эрвин Эккель. Он приезжал к своему престарелому родственнику, проживающему на скромную учительскую пенсию в тихом провинциальном городке. В документах, которые подавались для получения разрешения на въезд в ГДР, он называл себя инженером-экономистом крупной западно-германской торговой фирмы.

Границу он почти всегда пересекал налегке. Неболь-

шой баул из крокодиловой кожи с туалетными принадлежностями, сменой белья и чемодан с подарками родственнику: бутылка редкого вина, какие-нибудь консервные новинки, всякого рода сувениры.

Эрвин Эккель гостил у родственника три-четыре дня, потом уезжал. Следовала та же сдержанная церемония прощания на вокзале.

Общественное лицо Эдгара Эккеля не вызывало никаких сомнений. Он всю жизнь провел в городке. Родился в семье пастора, учился, закончил университет, преподавал древние языки и историю. В тридцать пятом году он имел крупные неприятности. В чем они заключались, никто толком не знал. Он был отстранен сначала от учительской работы, а потом подвергнут превентивному аресту без предъявления обвинений. Он исчез из городка на три года. Вернулся, но ни одной душе не поведал, где пропадал. Уже после войны он сообщил властям Германской Демократической Республики, что в тридцать пятом году без суда и следствия его заточили в концлагерь Эстервеген. Он так же показал, что на его глазах умирал от истязаний в Эстервегене писатель Карл фон Осецкий, лауреат Нобелевской премии... Так же ничего ему не объяснив, его выпустили из лагеря, взяв подписку, что он никогда и нигде не будет рассказывать об Эстервегене и обо всем, что с ним происходило. Ему тогда же разрешили вновь вернуться к учительской работе.

В разное время, в разных административных учреждениях Германской Демократической Республики были обнаружены странные документы. Это были распоряжения, полученные по почте. Распоряжения эти вызывали недоумение: одно противоречило другому, одно исключало другое. В банки приходили указания о выдаче крупных сумм различным предприятиям, без каких-либо заявок. Кое-где успели выполнить эти распоряжения, где-то подвергли их сомнениям, но и только. Предписания шли из правительственных учреждений, оформлены были правильно, стояли на них все положенные подписи.

Распоряжения и предписания приходили в почтовых конвертах, перепечатанными на пишущей машинке. Органы безопасности заинтересовались этими документами. Проверка сразу же показала, что это были весьма искусно сфабрикованные фальшивки. Цель «творчества» не

вызвала сомнений: кто-то пытался внести хаос и неразбериху в работу административных учреждений. Надо было искать машинку. И нашли...

Эдгар Эккель обратился в муниципалитет за разрешением подключить свой сад к городскому водопроводу. Заявление его было отпечатано на машинке. Кому-то шрифт машинки показался сходным со шрифтом фальшивок. Заявление было доставлено в органы безопасности. Экспертиза немедленно установила, что фальшивки напечатаны на машинке Эдгара Эккеля. Так попали в орбиту внимания органов безопасности братья Эккели. Остальное дело техники...

Прибыл в очередной вояж Эрвин Эккель. Лишь только он пересек границу, последовал сигнал в городок, где жил его родственник. К Эдгару явились сотрудники безопасности. Пока поезд с Эрвином шел от границы, удалось выяснить, как появлялись фальшивки.

Эдгара Эккеля попросили показать пишущую машинку, на которой было отпечатано его заявление. Он спокойно провел контрразведчиков в большую и светлую комнату брата. На столе стояла пишущая машинка. Сверили шрифт — совпадает.

Эдгар сказал, что Эрвин приезжает к нему в свободное время писать мемуары, делать это дома он боится. В углу комнаты стоял сейф. Хозяин объяснил, что брат хранит в нем свою рукопись. Машинкой этой он, Эдгар, никогда не пользовался. Несколько дней тому назад сломалась буква на его машинке, и он решил написать на ней заявление, не усматривая в этом ничего предосудительного.

Пришлось вскрыть сейф. Сразу же начались сюрпризы. Вскрывали сейф специалисты с большими предосторожностями. И не напрасно. Замок был заминирован. Мину обезвредили, рукописи там не обнаружили, зато нашли множество заготовок для фальшивок.

На этот раз Эрвина Эккеля на вокзале встретил не Эдгар, а сотрудники органов безопасности... Был арестован и Эдгар Эккель. Он сразу же начал давать показания.

Да, он имел основания не верить Эрвину Эккелю, но о том, что тот печатал на машинке фальшивки, не знал.

Далее Эдгар показал, что Эрвин на самом деле не состоит с ним в родстве, он присвоил имя его двоюрод-

ного брата, погибшего на Восточном фронте. Настоящее имя Эрвина — Курт Ханс Фишер. Познакомились они в концлагере Эстервеген...

В 1933 году Курту Фишеру было девятнадцать лет. Отец его содержал мясную лавчонку на одной из улочек во Франкфурте-на-Майне. Торговля шла трудно, еле-еле удавалось сводить концы с концами. Приказчика не держали. За прилавком с пятнадцати лет стоял Курт. Он же разносил товары по домам богатых заказчиков.

В те годы рынок был завален соблазнительными товарами, горели огни ресторанов и ночных заведений, на голову обывателя обрушивались невиданные дотоле зрелища с острой приправой.

Парнишка из мясной лавчонки жаждал приобщения к общему празднеству, но билет стоил слишком дорого. Для того чтобы иметь, надо было отнять у других, но на пути этой простейшей комбинации стояли законы. А Курт был трусоват для того, чтобы идти на прямой конфликт с законом. Фигура полицейского вызвала у него оторопь. И вдруг — полное освобождение от ответственности перед законом, перед совестью, перед богом, перед людьми.

На площади во Франкфурте-на-Майне перед зданием городской ратуши с трибуны, осененной невиданными дотоле знаменами с черной свастикой, человек произносил речь во всеуслышание, не таясь и не скрываясь, а даже под охраной полицейских. Он призывал уничтожать и истреблять... Кого уничтожать и истреблять, девятнадцатилетний Курт Фишер не очень точно представлял, но призыв к разбою звучал, и он принял его.

Это была знаменитая речь Геринга 3 марта 1933 года.

Именно эта речь, как указал Курт Фишер на допросе в органах безопасности ГДР, и была для него толчком к вступлению в легион коричневорубашечников.

Курт Фишер покинул полуподвальчик на тихой улочке, а вскоре дорога привела его в лагерь Эстервеген. Он стал охранником. В Эстервегене он помогал на допросах... По знаку допрашивающих набрасывался на жертву, бил, крушил, «уничтожал и истреблял».

Иногда ему предоставлялась возможность потренироваться и в одиночку. Он вызывал заключенного и добивался от него признаний в любом преступлении, которое

сам же и сочинял. Так они встретились с Эдгаром Эккелем.

До этого Эккелю никаких обвинений не предъявляли. Был арестован, доставлен в лагерь без объяснений причин. Учитель, воспитанный на немецкой классике, взирал с удивлением на своего палача.

— Учитель? — спросил Фишер. — Убийство для тебя самое подходящее дело. Рассказывай, как убивал функционера нашей партии? Отвечай: где и когда совершил преступление?

— Я... я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете! — ответил Эккель.

Тут же последовал страшный удар дубинкой по лбу, и Эккель свалился на пол...

Словом, в конце допроса он подписался подо всем, что пожелал ему вменить в преступление Фишер.

Фишер частенько стал вызывать на допрос Эккеля, каждый раз придумывая ему новое преступление, пытками добиваясь признания.

Но что-то само собой свершилось в деле Эккеля, и его выпустили.

Фишер, выпуская Эккеля, вынудил его дать обязательство помогать ему, когда бы он этого ни потребовал.

Шли годы. Фишер поднимался по палаческой лестнице, правда, высот особых не достиг и был отправлен в Россию. Опыт его службы в концлагерях приняли во внимание. На фронт он не попал, его направили на формирование карательных отрядов.

Расстрел мирного населения на юге России принес ему известность. Имя Фишера попало в списки Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств немецких оккупантов. Советским Военным трибуналом он заочно был приговорен к смертной казни. Приговор опубликовали в газетах. Окольными путями газета попала сначала в руки командования карательным легионом, а затем и в руки Фишера. Приговор этот звучал как признание его «подвигов», придавал ему вес в глазах коллег и начальства. Шло время. Под ударами Красной Армии захватчики откатывались на Запад. Тайком от своих коллег по кровавым делам Фишер чаще и чаще вспоминал о газете со смертным приговором. Война стремительно подкатывалась к границам Германии, Фишер поторопился перебраться в западные районы страны, конец войны

застал его в западной зоне оккупации. Он затаился, но ненадолго...

В 1948 году его разыскивали. Он получил письмо из конторы Рейнера Хильденбранда. Контора имела на первый взгляд безобидную вывеску, она именовалась «Службой розыска».

Но все дело в том, кого и для каких целей разыскивать. «Служба розыска» открылась якобы для того, чтобы помочь немцам найти своих родственников, близких, друзей... Но за этой гуманной целью скрывалось совсем иное. Рейнер Хильденбранд разыскивал бывших нацистов, эсэсовцев, военных преступников. За его спиной стояли офицеры американской контрразведки Си-Ай-Си.

Фишер получил от Хильденбранда заманчивое предложение работать на новых хозяев. Но для этого ему надо было переменить имя и составить более или менее приемлемую легенду для легализации. Вот тут Фишер и вспомнил об Эдгаре Эккеле. Навели справки через ту же контору по розыску и установили, что Эккель проживает на территории Германской Демократической Республики, работает учителем в школе. Не составило труда установить, что у него был двоюродный брат Эрвин Эккель, которого считали пропавшим без вести...

Эдгар Эккель получил любезное письмо из конторы Хильденбранда с просьбой дать сведения о своем брате. Он ответил на письмо в надежде, что запрос был не случаен и он получит какие-то сведения о погибшем. Он даже надеялся, что брат жив.

Вскоре Эдгара Эккеля пригласили приехать в Западный сектор Берлина. Эдгар поехал и встретился с Фишером.

Эдгару некуда было отступать. Он помнил повадки палачей. Требовалось же немногое: признать Фишера родным братом и изредка принимать у себя в доме...

Из Германской Демократической Республики нам прислали фотографию Курта Ханса Фишера.

Бесцветное, невыразительное лицо, залысина надо лбом. Темные глаза на фотографии глубоко провалились, в них что-то мрачное.

Нас интересовал психологический поединок Курта Фишера с Чарустиным. Чем он мог бы взять Чарустина? Какие доводы он нашел, чтобы склонить на свою сторону?

Запугать? Чем? Я вчитывался в показания Фишера в поисках ответа на эти и многие другие, возникавшие у меня вопросы. Вот выдержка из показаний Фишера:

ФИШЕР. Инженер Чарустин привлек наше внимание. Мне было дано поручение заняться им.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто вам дал такое поручение?

ФИШЕР. Офицер Бундеснахрихтендинст, в сокращении БНД.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Офицер какого подразделения?

ФИШЕР. Я работал в той области, которая контролировалась представительством БНД под кодовым названием «Уран».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто руководит «Ураном»?

ФИШЕР. Господин Хейнрихс. Его кличка Хафнер, номер 29—72.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Он лично вам давал это поручение?

ФИШЕР. Нет! Личных встреч с Хейнрихсом я не имел. Мне передавались поручения через связного агента Шварца. Настоящее имя его мне не известно. Встречи наши происходили обычно на конспиративной квартире.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Сообщите адрес конспиративной квартиры.

ФИШЕР. Бад-Годесберг, Пютцштрассе...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, вы утверждаете, что некий Шварц дал вам указание присмотреться к советскому инженеру Чарустину. Для какой цели?

ФИШЕР. Я немного знаю русский язык. Я работал в сфере обслуживания советских людей...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что значит сфера обслуживания?

ФИШЕР. Это наше внутреннее обозначение. Это значит, что я выполнял указания БНД в отношении советских людей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, разведка Федеративной Республики Германии ставит перед своими агентами какие-то задачи относительно советских людей, приезжающих в страну. Что это за задачи?

ФИШЕР. Это целая серия мероприятий... Она носит у нас кодовое название «Индекс». Мы изучаем работников советских представительств, подслушиваем их разговоры, ведем запись телефонных переговоров, стараемся узнать все, что возможно, об их личной жизни, наклонно-

стях, пороках, слабостях. Сюда же входит и изучение советских людей для возможной вербовки.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему ваше руководство заинтересовалось Чарустиным?

ФИШЕР. Эти подробности мне не известны. Мне было поручено установить за ним слежку, изучить его на предмет вербовки.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто должен был вербовать Чарустина?

ФИШЕР. Это было поручено мне, и я завербовал его.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Расскажите подробнее...

ФИШЕР. О, эти вещи сразу не делаются. Прежде всего я изучил наше досье на господина Чарустина. В досье указывалось, что он коммунист, инженер, ответственный работник и неженатый человек. Мы решили подыскать ему женщину. Господин Чарустин очень плохо знал немецкий и хорошо — английский. Это облегчало задачу. С русским языком у нас всегда трудности. Мы нашли Гертруду Ламердинг, девушку из благопристойной семьи...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. ...которая согласилась на столь нечистоплотную работу?

ФИШЕР. Раньше на такую работу шли из преданности фюреру и великой Германии. Теперь это стоит денег...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Из какой она семьи?

ФИШЕР. Ламердинг... Боюсь, я здесь запутаюсь... Она не может быть дочерью фон Ламердинга. Она интересная, молодая, незамужняя женщина. Чарустину представили ее как переводчицу. Она начала с ним работать...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы ожидали повторного приезда Чарустина?

ФИШЕР. Он не скрывал, что приедет... В свой первый приезд Чарустин договаривался с фирмой о распределении заказа на трубы. Во второй приезд переговоры продолжались. Начали поступать первые партии труб. Он прожил на этот раз в Западной Германии почти месяц. Гертруда оставалась его переводчицей. Она сопровождала его в поездках по музеям, по городу... В общем, женщины умеют залезать в постель к мужчине, когда это хорошо оплачивается. Инженер Чарустин съездил на родину и вскоре вернулся принимать партию труб. На этот раз мы встретили его во всеоружии. Пропагандировать мы его не собирались. Это обычно очень хлопотно и редко дает результаты. Предложить деньги — слишком рис-

кованно. Мы решили снять на кино пленку его похождения с Гертрудой. Однажды, явившись к нему в номер, я предъявил ему эту кино пленку. Инженер Чарустин стоял перед выбором: или общественный скандал с публикацией в газетах снимков, либо... Он предпочел сотрудничество с нами.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Какие вы ему поставили задачи?

ФИШЕР. Это уже не по моей части. После вербовки Чарустина я и Гертруда отошли от него.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. С кем вы его связали?

ФИШЕР. И это не по моей части. С кем он был потом связан — мне не известно.

К протоколу допроса Фишера прилагались некоторые документы на бланках со штампами.

Концентрационный лагерь.
Эстервеген, 1 марта 1942 года.

СЕКРЕТНО!

Имперское Министерство юстиции,
Лично г-ну старшему инспектору юстиции
Кину или его заместителю.

Берлин.

Вильгельмштрассе, 65

В феврале месяце 1942 года были казнены 245 человек палачом Фишером.

Оберрегиструнгсрат
Подпись

Фигура Курта Ханса Фишера дальнейших исследований не требовала.

Наши друзья прислали и фотографию Гертруды Ламердинг. Как говорится, на всякого мудреца довольно простоты. Ее портрет был выставлен в витрине фотоателье. Отличная фотография. Молодая женщина чуть склонила голову. Светлые, распущенные по плечам волосы. Влажные большие глаза чуть задумчивы.

На обратной стороне фотографии надпись: «Настоящим удостоверяю, что на этом снимке есть изображение Гертруды Ламердинг, агента группы «Нейтрон», входя-

щей в группу «Уран», возглавляемую Хейнрихсом. Курт Ханс Фишер».

Подпись руки Фишера удостоверялась следователем.

6

По закону чекистской чести и совести, я считал арест Чарустина преждевременным. Мы не утвердились во мнении, что он изменил Родине, согласился сотрудничать с врагом и катастрофа на нефтепроводе — дело его рук.

Если поверить показаниям Фишера, то западногерманская разведка завербовала советского инженера Чарустина, имеющего доступ к промышленным секретам. Вербовка такого агента — большая удача. Он может работать годы, поставляя секретную информацию, ценность которой во много раз превышает эффект от диверсии. Если рассматривать пожар на нефтепроводе как диверсию, то диверсия эта, конечно, не из значительных. Если встать на позиции БНД, то ее руководители в данном случае действовали крайне расточительно. Диверсия или несчастный случай привлекают ко всем лицам, прикасавшимся к строительству нефтепровода, повышенное внимание, что может привести к разоблачению агента.

Диверсия и вербовка. Поначалу это завязывалось в один узелок, теперь, когда мы узнали некоторые подробности о вербовке, этот узелок развязывался и одно с другим не сходилось.

— Что же делать?

Еще раз допросить Фишера? Я высказал руководству свое желание встретиться с Фишером, но особых надежд на эту встречу не возлагал. Не верить его показаниям особых оснований не было. Гертруда — вот кто еще мог бы подтвердить или опровергнуть показания Фишера. Но она живет в ФРГ и ее не допросишь.

Вечером я вышел пройтись по городу. Город незнакомый, но расположение главных улиц я уже знал. Мне было все равно куда идти, но влекло меня к Чарустину, к дому, где он жил.

Стандартный типовой дом нового жилого квартала. Внизу — гастроном. Я зашел в магазин, осмотрел при-

лавки, вышел. В сквере возле дома присел на скамейку. Посреди сквера детская площадка. Там резвились самые маленькие жители дома. Качались на качелях, возились в ящике с песком. Я смотрел на окна дома. Здесь он живет, здесь его мир, здесь он остается один на один со своей совестью.

Мои товарищи работали, собирая все, что можно было узнать в короткий срок, об этом человеке. Мы не обошли вниманием и подсказки Баландина. В институт, где Чарустин защищал диссертацию, поехал наш сотрудник выяснить все что можно об этой диссертации. Консультировались наши товарищи и со специалистами, пытаюсь выяснить, что могло быть основой конфликта между куратором и Чарустиным в московской аспирантуре. Нам надо было понять этого человека. Что могло привести его в объятия Фишера?

Я задумался и не услышал шагов. Раздался знакомый голос.

— Вы ко мне, товарищ Дубровин?

Я оглянулся. Передо мной стоял Чарустин. Высокий, седой человек с усталыми карими глазами. Он осунулся за эти дни, и даже угасла та тревога, которую я приметил у него на пожаре.

Неладно получилось, что он застал меня возле своего дома, я не собирался за ним следить.

— Да вот, выдался свободный вечер...

Чарустин сочувственно улыбнулся.

— И вечер и день, я всегда в вашем распоряжении. Я ждал.

— Вы ждали?

— Ждал! Мне известно, что Баландин настаивает на том, чтобы расследованием занялось ваше учреждение. К тому же у следователя прокуратуры я уловил некий оттенок подозрительности.

Он сам шел к нам навстречу? Это всегда интересно. Что это? Попытка разведать боем, что нам известно? Обычное в таких случаях нетерпение?

— Вы один? — спросил Чарустин.

Задавая этот вопрос, не высказал ли он опасение, что мы пришли за ним?

— Один.

— Неофициальный допрос?

— Нет, расследование ведет прокуратура. Баландин действительно сделал нам некоторые представления. Но

это же объяснимо, Василий Михайлович... Такое несчастье...

— Чем обязан я вашему визиту? — сухо и даже вызывающе сказал он.

Визита не было. Не объяснить же Чарустину, что ноги сами меня привели к его дому, а стало быть, и к этой встрече.

— Считайте нашу встречу случайной! — ответил я Чарустину.

Он грустно усмехнулся.

— Наш город невелик, вы приметны. Поверьте, я не вижу ничего необычного в том, что катастрофой заинтересовалось ваше учреждение. Я рад, что встретил вас... Случайно! Я знаю, что у вас побывал Баландин. Он об этом всех оповещал. Я ждал вызова — вызова нет. Самому идти как будто бы и незачем... А надо бы! Надо! Баландин у вас побывал, в этом есть особенный смысл!

— В чем же вы видите здесь особенный смысл?

— Мне кажется, что Баландин решил меня уничтожить... Мне надо бы с вами объясниться, поскольку вы причастны к расследованию причин катастрофы.

— Технические вопросы, товарищ Чарустин. Технические вопросы...

Чарустин искоса посмотрел на меня и предложил:

— Может быть, вы зайдете ко мне? В технических вопросах я могу быть полезен.

Пришлось принять приглашение.

Квартира на третьем этаже. Две комнаты. Мы прошли в кабинет. Вдоль стен книжные стеллажи. Письменный стол не очень просторный, да их сейчас и не делают массивными. Над книжными полками несколько эстампов. Над письменным столом фотография двух ребятшек: мальчик и девочка.

Я мгновенно все это obeжал взглядом и... Я не мог скрыть своего удивления. На столе стояла фотография. Точное повторение фотографии Гертруды, присланной нам органами безопасности ГДР.

Признаюсь, к такому варианту я был не подготовлен.

Вежливый хозяин пропустил меня вперед, поэтому он не видел моего лица в тот момент, когда я заметил на столе фотографию.

Мы сели к столу. Я попросил листок бумаги и вы-

сказал предположение о наличии подземного хода под нефтепроводом.

Чарустин внимательно слушал. Какого-либо облегчения я не заметил у него. Он не ухватился, как утопающий, за эту соломинку.

Когда я кончил, он с сомнением покачал головой.

— Легенда о подземных ходах возле монастырей — явление распространенное. Вы утверждаете, что есть документы о подземных ходах именно в этом монастыре. Может быть... Были, вероятно. Но это четырнадцатый век. С тех пор минуло более шестисот лет. Предполагаемый подземный ход лежит в пойме реки. Давайте прикинем, какой слой песка могла нанести за шестьсот лет Талица. Она только на вид скромная речушка... Я ее видел и в дни разлива...

— На откосах видны камни. Можно предполагать, что она бежит по каменистому кряжу...

Чарустин покачал головой.

— Кремниевые прожилки и не более того. Песок. Талица в древности, вероятно, в меловой период, была дном моря. Вообще огромные площади этой области в меловой период были покрыты морем. Отсюда и пески. И не только по руслу Талицы. Со времен татарских нашествий здесь вырубались леса. В петровские времена отсюда брали дуб и сосну. В прошлом веке разорившиеся помещики продавали лес на выруб. Пески не дремали, они тихо накатывались под ветрами, которым открыло дорогу безлесье.

Чарустин начал что-то подсчитывать на бумажке и вдруг остановился. Внимательно посмотрел на меня, и по бумаге опять побежали цифры. Карандаш сломался от сильного и, пожалуй, нервного нажима.

Он достал из кармана шариковую ручку. На листке выстроились в колонки цифры, пошла в ход логарифмическая линейка.

Я смотрел на него, пытаясь угадать, всерьез все это или тонко рассчитанная игра?

— Я не хотел бы таких доказательств своей невиновности, — сказал задумчиво Чарустин. — Вам известно, какое обвинение выставляется прокуратурой?

— Мне известен акт технической комиссии... — ответил я уклончиво.

— В прокуратуре ход рассуждений сводится к тому, что я получил трубы некачественного металла... Слово

«диверсия» не произнесено, но оно как бы повисло в воздухе. Мне легко было бы ухватиться за эту версию... но! Подземный ход в песчаном грунте поймы не мог сохраниться на протяжении шестисот лет. Это исключено. Что там произошло? Почему получился провал? Выводы технической комиссии относительно причин взрыва придется мне оспаривать.

— А каменная кладка?

— Она о чем-то говорит... Но о чем? Техническая экспертиза не упоминала о каменной кладке. Я буду настаивать на широких вскрышных работах. Может быть, что-то объяснит геолог... Но это все детали. Я отвечаю за эту аварию... Некачественный металл? Это я сразу и категорически отвергаю!

Я указал на листок бумаги.

— Что говорят ваши расчеты?

— Они приблизительны. Нанос песка должен составить за шестьсот лет... Это горы песка! Нефтепровод лежит значительно мельче. Но мы можем идти и от обратного. Мог быть нанос песка, а могло быть и смывание песка. Тогда бы подземный ход открылся и следы его исчезли бы еще в семнадцатом столетии...

— А каменная кладка?

— Она меня и сбивает. Нужны вскрышные работы...

Я встал. Чарустин проводил меня до двери. Визит окончился. Я медленно спускался по лестнице.

Портрет Гертруды? Что должно означать это? Он ее старше лет на двадцать с лишним. Портрет, конечно, дареный. Но это еще не обязывало поставить его на виду, на столе. Не для меня же он поставил его? Для тех, кто часто ходит в дом, для его приятелей это предмет интереса и прямых вопросов. Что он отвечает на такие вопросы? Любовь, разъединенная границами? Портреты переводчиц и просто приятельниц на стол не ставят.

Однако если состоялась вербовка, то никакой речи о чувствах быть уже не может. К тому же вступают в силу иные законы, а по этим законам привлекать внимание к Гертруде он не имеет права.

С Гертрудой связано важнейшее звено вербовки. Их свидания зафиксированы, и не только БНД и Фишером, но и его спутниками по поездке в ФРГ. Даже имели место разговоры о странной их близости, о вне-служебных контактах.

Фишер или, скорее, те, кто с ним связан, могли дать совет Чарустину: поставить портрет Гертруды на стол, афишировать связь с ней ссылкой на чувства. Любовь в общем-то не боится государственных границ. Они могли предполагать чей-то вопрос Чарустину о Гертруде. Фотография, да еще и с дарственной надписью,— готовый ответ на этот вопрос.

Стало быть, появление портрета на столе могло быть тонко рассчитанным ходом. Могло быть...

7

Наконец прибыл в Энск геолог Григорий Осипович Осипов. Поезд пришел вечером. Осипов пришел в гостиницу и снял номер. Весь вечер у него был свободным. Он провел его в ресторане при гостинице. Там в ресторане к нему за столик подсел Баландин.

Утром Осипов явился к следователю прокуратуры. Вот выдержка из протокола допроса:

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, вы ознакомились с заключением технической комиссии о причинах взрыва на нефтепроводе. Что вы по этому поводу могли бы заявить?

ОСИПОВ. Никаких существенных возражений против выводов технической комиссии я высказать не имею оснований. Когда я узнал о несчастье, я сразу подумал, что лопнул сварной шов.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. От вас мы хотели бы услышать: не вызвала ли у вас тревоги местность, по которой прокладывался нефтепровод? Не имелось ли каких-либо данных разведки, вызывающих опасения подземных обвалов, осыпей, оползней, проникновения подпочвенных грунтовых вод в сферу нефтепровода?

ОСИПОВ. Местность трудная. Трудная именно на этом участке нефтепровода. Об этом предупреждала разведка.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Конкретнее... О чем предупреждала разведка?

ОСИПОВ. Прокладывая нефтепровод, строители обычно стараются выпрямить насколько возможно его линию. Но это не всегда возможно. Наша разведка предупреждает обо всех опасностях на пути нефтепро-

вода. Русло реки Талицы мы считали трудным участком. Я написал заключение, что нефтепровод на этом участке проводить нельзя...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кому вы написали заключение? Я его в деле не видел...

ОСИПОВ. Не может этого быть! Я написал заключение, что в пойме Талицы возможны пробои из-за сильных подземных источников, что возможны обвалы в слоях юры, обнаженных смытием грунта талыми водами.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я очень внимательно ознакомился со всей документацией. Этого заключения я не видел.

ОСИПОВ. Я передал заключение начальнику строительства нефтепровода товарищу Чарустину. Он при мне написал на уголке свою резолюцию: «Во внимание не принимать!» Он мне доказывал, что прочность труб нефтепровода гарантирует безопасность. Я потребовал его резолюции. Он при мне, повторяю, написал... Я не отвечаю за прочность нефтепровода, я отвечаю за прочность грунта. Он взял ответственность на себя.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Эта ваша докладная шла под каким-нибудь номером? Результаты разведки нумеровались?

ОСИПОВ. Акты разведки все нумеровались. Но акты носили чисто описательный характер грунтов. Это была докладная, написанная от руки. Она не нумеровалась.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы не могли бы припомнить, какого числа была вами передана докладная?

ОСИПОВ. Это вспомнить невозможно. Она, наверное, могла быть от того же числа, что и акт разведки поймы Талицы.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Какого рода опасность вас беспокоила? Могли бы вы нам ее обрисовать?

ОСИПОВ. Талые воды могли устремиться по кремнистым и глиняным слоям в грунте. Они могли размыть подземные протоки, что привело бы к обрушению земли под трубами нефтепровода. Трубы оказались бы без грунтовой подушки и повисли бы в воздухе. Давление грунта, а также всякого рода посторонние толчки с земли могли поломать трубы. Промывы под землей могли оказаться довольно длинными и глубокими. Обо всем этом я указывал в докладной на имя Чарустина...

Следователь предложил Осипову ознакомиться с образовавшимся провалом на месте катастрофы и высказать свое заключение о причинах его. Осипов ознакомился с провалом и дал следователю показания, что именно такого рода промыва подземными водами он и опасался, когда писал докладную.

Мы с Марченко ждали результатов допроса Чарустина по показаниям Осипова. Баландин задерживал ответ на поставленный нами вопрос. На месте прорыва нефтепровода велись большие вскрышные работы.

Из протокола допроса Чарустина:

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вам известен Осипов Григорий Осипович?

ЧАРУСТИН. Известен.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Следствие предъявляет вам показания Осипова. Ознакомьтесь с его показаниями.

ЧАРУСТИН. Я ознакомился и крайне удивлен.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Удивление — это область эмоций. Что вы можете сказать по существу показаний?

ЧАРУСТИН. Я заявляю, что Осипов лжет!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Осипов, как свидетель, предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний.

ЧАРУСТИН. Он не внял этому предупреждению. Осипов ни словом не обмолвился о непригодности поймы Талицы для прокладки нефтепровода. Не говорил, а тем более не писал. Никакой докладной с его протестом я не читал, не видел и никаких резолюций, стало быть, не накладывал. Если бы я получил такую докладную, если бы геологическая разведка возражала против прокладки нефтепровода в этих местах, мы провели бы дополнительные работы, приняли бы меры против подземных промывов или изменили бы направление прокладки труб. Технически эта задача при современной технике не составляла особого труда и даже не влекла бы за собой особых затрат. Утверждение Осипова ложно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, вы полностью отрицаете факт представления вам докладной Осиповым?

ЧАРУСТИН. Полностью! Осипов лжет!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Может быть, вы забыли? Постарайтесь вспомнить.

ЧАРУСТИН. Я все отлично помню. Не было ни докладной, ни каких-либо заявлений Осипова об опас-

ности для прокладки нефтепровода в пойме Талицы.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мы вынуждены дать вам очную ставку с Осиповым.

В кабинет следователя пригласили Осипова.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Товарищ Осипов, на допросе вы показали, что предупреждали Чарустина об опасности прокладки нефтепровода в районе поймы реки Талица и что по этому поводу вы писали ему докладную записку. Вы подтверждаете свой показания?

ОСИПОВ. Я по этому поводу уже давал показания и настаиваю на них. Возможность размыва грунта, возможность подземных его промывов вынудили меня подать докладную записку товарищу Чарустину. Докладная была написана от руки в полевых условиях. Чарустин приехал на место геологической разведки. Дело происходило летом на берегу Талицы. Он вышел из машины. Я подал ему докладную...

ЧАРУСТИН. Это ложь от начала до конца!

ОСИПОВ. Вы достали из кармана ручку и начертали резолюцию: «Не принимать во внимание!» Это же было, товарищ Чарустин!

ЧАРУСТИН. Повторяю. Ничего подобного не было. Пусть Осипов назовет свидетелей!

ОСИПОВ. Свидетелей, к сожалению, не было! И вы это прекрасно знаете, товарищ Чарустин.

ЧАРУСТИН. Я не желаю больше слушать эту ложь и расцениваю показания Осипова как оговор.

Мы попросили Баландина провести дополнительные исследования в свете показаний Осипова. Он их провел. В заключении Баландина говорилось, что грунт в пойме реки Талицы содержал в себе опасности для прокладки нефтепровода, что разрыв труб мог произойти и от подземных обвалов и промывов.

Марченко созвал оперативное совещание. Надо было оценить весь материал по расследованию.

Докладывал Марченко. Мне хотелось послушать анализ собранного материала со стороны. Он начал с материалов, присланных нашими друзьями из Германской Демократической Республики. Закончил он вопросом — верить показаниям Фишера или поставить их под

сомнение? Фигура Фишера сама по себе не внушала доверия. Поэтому Марченко предложил еще раз перепроверить его показания. Портрет Гертруды у Чарустина он отнес лишь к категории косвенных доказательств. Этот портрет мог свидетельствовать лишь о том, что Чарустин действительно встречался с Гертрудой. Остальное он относил к области предположений.

Виновность Чарустина в катастрофе на нефтепроводе Марченко считал недоказанной. Перед показаниями Осипова остановился. Противоречие редкое, почти неразрешимое. Кому верить? Осипову или Чарустину?

Показания Фишера, характеристика, данная Чарустину председателем технической комиссии, — все это склоняло чашу весов в пользу показаний Осипова. Но нужны были доказательства.

8

Василий Михайлович Чарустин. Все, что удалось собрать нашим товарищем, лежало передо мной.

Человеку частенько приходится писать автобиографию. Вот его автобиография, написанная в 1940 году при поступлении в институт. Она еще коротенькая, событий мало, поэтому автор отдает дань подробностям, которые впоследствии выпадают одна за другой.

Родился Чарустин в 1923 году, отец его работал егерем в охотничьем хозяйстве на севере Калининской области, а до этого был лесным объездчиком. Образование у отца четыре класса церковноприходской школы, дед Чарустина охранял лесные владения крупного русского промышленника Рябушинского.

Итак, сын лесного объездчика, внук лесного сторожа. Стало быть, в этой семье никак не мог зародиться протест против Советской власти.

Учиться Василий Чарустин начал в сельской школе. В первые классы он ходил каждый день пешком четыре километра лесом. Дальше и того труднее. Поступил в пятый класс сельской семилетки, и пешком приходилось ходить уже восемь километров. Два часа дороги в один конец.

Десятилетку кончал в маленьком поселке. Туда ходить было невозможно. С восьмого класса жил на квартире. И вот копия с аттестата. Все до одной отметки отличные. В семилетке он вступил в пионеры, в десяти-

летке — в комсомол. Мальчик из лесной сторожки, из глухого, хоть и не очень-то удаленного от Москвы, но в полном смысле слова медвежьего края. Зимняя тропка через лес, весенняя распутица, разлив речушек, а осенью дожди и дожди... Все преодолел! Приехал учиться в Москву... Горный институт. Потянуло к странствиям, к приключениям, к жизни первопроходчика.

На этом автобиография, которую он писал при поступлении в институт, заканчивалась.

Грянула война.

Летом сорок первого двадцать третий год призыву не подлежал. 3 июля 1941 года Чарустин поступает аппаратчиком на военный завод. Ему положена военная броня, но в октябре он через райком добровольцем уходит в истребительный батальон.

В сорок втором году он уже командир танка КВ. Дважды горел. Первый раз — в дни Изюм-Барвенковской операции, второй раз — в ноябре сорок второго года, когда войска Донского фронта нанесли удар по окруженной группировке Паулюса в Сталинграде. За участие в знаменитой танковой битве под Прохоровкой 12 июля 1943 года награжден орденом Красной Звезды.

Заканчивает он войну командиром танковой роты. Два раза после тяжелых ранений лежал в госпитале, после второго в конце сорок четвертого года демобилизовался.

Автобиография, написанная им при вступлении в партию, при поступлении в другой институт после окончания войны, обрастает справками, характеристиками, послужным списком, наградными удостоверениями.

Институт, студенческая жизнь в общежитии.

Крепко сшита эта биография. Даже там, где я с усилием над собой пытался разорвать сварные швы, они не рвались.

Что же за история с диссертацией, о которой нам рассказывал Баландин?

Наши товарищи пока не могли найти объяснения истории конфликта с профессором в аспирантуре. Это можно было бы выяснить прямым вопросом, но для прямых вопросов время еще не наступило.

Единственно, что удалось получить, — это отзыв Высшей аттестационной комиссии. В нем говорилось, что диссертация Чарустина отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации.

Семья... Что здесь случилось? Почему развод, почему брошены дети? Бывшая жена его замужем, он не женат. Проще было бы все объяснить, если бы он второй раз женился.

Я никак не мог обнаружить подпорок для того мостика, который мог перекинуть к нему Фишер. Не обнаружив уязвимых мест, которые дали бы перевес Фишеру в поединке, состоявшемся там, на чужой для Чарустина земле, я не мог, не имел права подписать постановление об его аресте. Не сближались в моем сознании столь полярно заряженные жизненные линии: линия Фишера, палача и фашиста, и линия Чарустина, биография которого вплеталась в жизнь нашего общества. Но показания Фишера были фактом, и с этим фактом невозможно было не считаться.

Я выехал в Москву с твердым решением добиться встречи с Фишером.

9

В четвертый раз я пересекаю границу и вступаю на немецкую землю.

Я смотрю из окна вагона на прикрытые туманом черепичные крыши, на прямые струны асфальтированных дорог, на подстриженные деревья. Все так же это выглядело и тридцать лет назад. Для человеческой жизни — это огромный срок, а для истории — мгновение. Самолет пересек государственную границу гитлеровского рейха и, меняя несколько раз курс, вышел на ту точку, где я должен был приземлиться. Это было зимой в метельную ночь. Погоду выбрали специально, чтобы легче уйти от места приземления.

Передо мной была земля, над которой нависла страшная тень, земля, где творилось зло и выплавлялась сталь для уничтожения всего живого на земле. Мне нужно было прижиться на ней, затаиться и смотреть. Для того чтобы знать повадки врага, надо с ним пожить бок о бок. В моей судьбе сыграло странную роль знание немецкого языка. Отец много лет прожил в эмиграции в Швейцарии, в той ее части, где говорили по-немецки. Мне было семь лет, когда мы уехали в Россию. Изучить язык вообще-то нетрудно, но сделать так, чтобы он звучал для тебя как родной, почти невозможно. Но я знал немецкий язык не по учебникам, а с детства, он был

для меня почти родным языком. Именно это и определило мою судьбу...

Я попросил привести арестованного Фишера и оставить нас одних. И вот он. Лицо без живых красок, лицомаска.

Он смотрел на меня пустыми, ничего не выражающими глазами, но я чувствовал, что он весь в напряжении.

Я положил на стол перед ним протокол допроса и спросил: что он мог бы добавить к этим показаниям?

Фишер внимательно перечитал протокол. Пожал плечами.

— Я все сказал... Большого я не знаю...

— Итак, — начал я, — вы сняли на киноплёнку похождения Чарустина с Гертрудой. Как это было сделано технически? Пожалуйста, расскажите все в мельчайших подробностях.

— Это чем они занимались?

— Меня интересуют технические подробности съёмок. Прежде всего, где вы это могли снять?

— В гостиницах, господин следователь! Когда Чарустин приходил к портье, он получал определенный номер. В гостинице всегда найдутся номера со скрытыми магнитофонами, приспособлениями для киносъёмки и синхронной записи. Дело, конечно, нечистоплотное, но надо кому-то и им заниматься. Непристойных картинок иной раз насмотришься до тошноты. Мы кое-что смонтировали. На нас работают специалисты и из области кинематографа.

— Гертруда Ламердинг знала, что ее изображение попадет на киноплёнку?

— Не знаю... Обычно мы не ставим такого рода помощниц в известность...

— Где и когда вы показывали эту кинокартину Чарустину?

До этой минуты Фишер отвечал без запинки, тут он запнулся, помолчал.

— Вам это важно знать?

— Обязательно, Фишер! Вы имеете опыт полицейской работы. Разве это маловажная деталь?

— Я не могу вспомнить название отеля... Это было в номере. Я позвонил ему по телефону и представился служащим фирмы, с которой он имел дело. Я объявил

господину Чарустину, что являюсь представителем определенных кругов, заинтересованных в сотрудничестве, которое должно остаться в тайне от органов безопасности его страны. Господин Чарустин возмутился, потребовал, чтобы я покинул номер, пригрозил обратиться в свое консульство, в печать, в полицию. Я ему сказал, что мы не собираемся обращать его в свою веру, но что он обязан на нас работать из чувства самосохранения, и упомянул о его приключениях с Гертрудой. Тогда господин Чарустин заявил мне, что в своих отношениях с Гертрудой он никому не подотчетен. Мы показали ему несколько ликантных кадров...

— И что же?

Фишер почти беззвучно рассмеялся.

— Вы поглядели бы, какая была физиономия у господина Чарустина, когда он просмотрел кинокартину! Чарустин согласился сотрудничать с нами...

Я занес ответы Фишера в протокол, дал ему расписаться.

Казалось, что все это должно было убедить меня. Но именно теперь возможность диверсии со стороны Чарустина входила еще в более разительное противоречие с логикой, которую ему диктовала бы связь с иностранной разведкой. Нелепо такого агента превращать в диверсанта! Это несовпадение было последним вопросом, который требовал ответа. Я был обязан найти ответ.

Глупость в действиях противника меня не устраивала, я привык считать, что противник умен и осторожен.

Гертруда Ламердинг... Она могла бы кое-что подсказать. Но и она всего лишь переходное звено. Главная фигура — это тот, кто направлял Фишера. Связной агент Шварц. Но искать его — это искать иголку в сене. Искать надо Гертруду.

Но как с ней встретиться? Где? Что это даст? Захочет она со мной говорить? Можно передать ей привет от Чарустина, рассказать, что видел ее портрет на столе у него. Что она скажет? Мне до зарезу нужно было с ней встретиться.

Я попросил наших друзей попытаться узнать все, что было бы возможно, о Гертруде Ламердинг.

Вот пришло первое сообщение из Гамбурга. Генерал

фон Ламердинг из прусских юнкеров, военная косточка. Погиб на Восточном фронте, под Сталинградом в 1942 году. Вдова генерала живет на пенсию. Гертруда — ее дочь, брат Гертруды — коммерсант, разъезжает по всему миру как представитель фирмы. Пауль Ламердинг совершает свои вояжи и в Советский Союз. Во всяком случае транзитным пассажиром часто бывает на советских аэродромах во время полетов в страны Востока.

По показаниям Фишера Гертруде Ламердинг было не более двадцати пяти лет. Даты смерти генерала и рождения Гертруды не сходились... Генерал Ламердинг не мог быть ее отцом.

Брат тоже нас заинтересовал. Он много старше сестры. В сорок втором году, когда Эрих Ламердинг сложил голову в Сталинграде, ему было уже двадцать лет. Он вырос в семье, где восточный поход рассматривался как нечто само собой разумеющееся в развитии германской политики. Если молодчики типа Фишера втянули в свои сети его сестру, то его они никак не могли обойти вниманием.

Пришлось опять побеспокоить Фишера.

Пауль Ламердинг ему известен, сказал Фишер. Он не сомневается, что Пауль Ламердинг связан со службами БНД, но сам Фишер с ним дела не имел.

Терпение и ожидание были вознаграждены... Наши коллеги из органов безопасности ГДР сообщили, что поступил запрос на разрешение посетить Германскую Демократическую Республику от Гертруды Ламердинг. Разрешение было дано незамедлительно.

Показания Фишера давали право задержать ее для допроса. Я присутствовал на нем.

Да, портрет, который мне довелось видеть, не польстил ей. Она была красива броской, заметной красотой. Высокого роста блондинка, волосы цвета спелой пшеницы. Глаза голубые, скорее даже синие, бездонные глаза.

Она вошла спокойно, с достоинством поклонилась и села, выжидающе оглядев нас.

— Гертруда Ламердинг? — спросил следователь.

— Частицу фон вы опустили из демократических побуждений? — спросила она.

Это мне понравилось. Противник шел на «вы».

— Может быть, от неуверенности, что эта частица должна быть поставлена.

— Гертруда фон Ламердинг! — ответила она вызывающе.

— Гражданка Федеративной Республики Германии?

— Совершенно верно...

— Национальность?

— Немка!

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот сорок пятый!

— Место рождения?

— Гамбург...

— Профессия?

— Переводчица...

— Вы служите в каком-нибудь учреждении?

— Нет. Я работаю по договорам. Иногда перевожу книги...

— Ваш отец Эрих фон Ламердинг?

— Эрих фон Ламердинг...

— Бывший генерал рейхсвера, командир дивизии на Восточном фронте?

— Да, он был генералом...

— Вам известно что-нибудь о его судьбе?

— Этим вопросом я обязана приглашению к вам?

Следователь помедлил с ответом. Ответил уклончиво:

— Отчасти...

— Мой отец погиб в сорок пятом году в Берлине, защищая город от штурма советских войск.

— Вам известна дата его смерти?

— Да. Двадцать восьмого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. Он застрелился в час, когда дальнейшая борьба стала бессмысленной!

— Откуда это вам известно?

— Мне об этом рассказывала моя мать...

Следователь приостановил вопросы об ее отце. Мы входили в соприкосновение с семейной тайной, и надо было продумать, касаться ли ее. По нашим сведениям, труп генерала был обнаружен советской похоронной командой среди замерзших.

Я решил переключить внимание на другой предмет.

— Скажите, госпожа Ламердинг, — начал я. — Вам знаком советский инженер Чарустин?

Я должен был отдать должное этой женщине. Она умела владеть собой, оставаться холодной и надменно-вежливой в самые острые минуты.

Она взглянула на меня и тут же отвела глаза.

— Теперь я понимаю... Вас не может интересовать судьба моего отца. Он умер двадцать с лишним лет тому назад. Вас интересует Чарустин. Но я хотела бы знать, по какому праву вы мне задаете эти вопросы?

Следователь представил меня.

— Советский следователь! — повторила она слова моего коллеги. — Теперь мне понятно, почему меня задержали. Я сопровождала его как переводчица, встречалась с ним...

— Скажите, известен ли вам немецкий гражданин Фишер?

— Фишер? — медленно произнесла Гертруда. — Фишер? Вообще, может быть, и найдется в числе моих знакомых человек с такой фамилией. Но я не улавливаю связи между первым вопросом и вторым.

— Фишер... Может быть, вам известен человек под именем и фамилией Эрвин Эккель!

— О! — воскликнула Гертруда. — Эрвин Эккель мне известен. Правда, в число своих знакомых я не хотела бы его заносить...

— Эрвин Эккель и Фишер — это одно лицо!

— О Фишере мне ничего не известно. Эрвин Эккель... Это непорядочный человек.

Я как бы между прочим заметил:

— Инженер Чарустин хранит ваш портрет у себя на столе.

— Мой портрет? — переспросила она несколько удивленно.

— Да, ваш портрет.

— Это мой подарок. Я не рассчитывала на такое внимание.

— Почему же?

— Это очень личное... Я не думаю, что я должна здесь объяснять эти вещи... Вы меня спрашивали об Эккеле! О нем и будем говорить...

До этой минуты я не мог заметить никакой игры. Удивление ее было искренним. В голосе, когда она говорила о Чарустине, была озабоченность.

Все это крайне не подходило к той роли, которую ей отводил в своих показаниях Фишер — Эккель.

Передо мной стоял выбор. Или кое-что рассказать ей о неприятностях Чарустина, или на некоторое время вернуться к вопросу об ее отце, чтобы несколько прояснилась ее личность. Потянуть с острым вопросом никогда не ме-

шает, отложить его, подготовиться к нему. И я резко перевел разговор.

— Госпожа Ламердинг! У меня еще есть один недоуменный вопрос. Он касается вас лично. Заранее прошу извинения за вторжение в ваши семейные дела. Вы сказали, что ваш отец Эрих фон Ламердинг застрелился в тысяча девятьсот сорок пятом году... Я хочу только уточнить. Ваш отец, генерал фон Ламердинг, насколько мне известно, погиб в декабре сорок второго года под Сталинградом.

На этот раз мое сообщение произвело впечатление. Гертруда выпрямилась, она даже подняла к лицу руку, как бы отстраняя это известие.

— Этого не может быть! — вырвалось у нее. — Я родилась в сорок пятом году! О смерти отца рассказывали мне мать и мой брат!

Я попросил своего коллегу предъявить Гертруде ту часть показаний Фишера, где говорилось о ней. Гертруда прочла и подняла на меня глаза. Выдержка начинала ей изменять.

— Я не понимаю, почему он говорит, что Ламердинг не мое имя... У вас есть фотография генерала Ламердинга, погибшего в Сталинграде?

— Есть! — коротко ответил я и попросил показать фотографию.

На стол легла фотография Ламердинга. Она взглянула на фотографию и пожала плечами.

— Это не он! Этот человек ничего общего не имеет с моим отцом.

— Стало быть, Фишер прав, — заметил я. — Вы носите чужое имя...

Гертруда покачала головой.

— В том, что говорил Фишер, нет ни слова правды. Деньги. Никаких он мне денег не платил и не собирался платить! У нас вообще о деньгах разговора не было.

— Вы знали, что Фишер связан с разведкой?

— Знала.

— Вы получали от него задания по линии разведки в отношении Чарустина?

— Получала...

— Он руководил вами?

— Да, руководил.

Мой коллега взял у Гертруды фотографию генерала фон Ламердинга и спросил:

— Как же быть с вашим именем? Кто же ваш отец?
— Эту фотографию я вижу впервые. Я ничего не понимаю... Отец... Значит, у нас с моим братом разные отцы?..

— У вас есть фотография вашего отца?

— С собой нет. Я должна спросить обо всем этом мою мать... При чем здесь мой отец? Вас интересует Эккель...

11

Для того чтобы понять дальнейшее, придется вернуться теперь уже в относительно далекое прошлое, к тем дням, когда приближался час крушения гитлеровского государства.

Историки много писали об этих днях, делая выкладки, основанные на документах о том, на что мог надеяться Гитлер, когда советские войска вошли в пределы Германии. Нам нет нужды повторяться. Надежды Гитлера оказались неосновательными. Но наряду с судьбой гитлеровского рейха существовали еще миллионы человеческих судеб. Если Гитлер, Геринг, Гиммлер, Кальтенбруннер, Риббентроп, хотя и тешившие себя несбыточными надеждами, все же знали реальное положение вещей, знали, как тает гитлеровская армия, то еще очень много оставалось в Германии людей, которые верили, что пробьет час и все переменится к лучшему...

И вот все рухнуло!

На запад устремились толпы беженцев. Разношерстная, разнородная толпа. Бежали те, кто боялся расплаты за свои преступления в восточном походе, бежали и те, кто просто в страхе не мог усидеть на месте.

Генерал Эрих фон Ламердинг был чисто военным человеком. В число военных преступников, подлежащих суду, он не попадал. Нечего было опасаться и его вдове. Но она бежала, как бежали все люди ее круга. Бежала, захватив с собой, что можно было унести в руках. Вклады в банках погибли.

Для вдовы генерала нищенство было непереносимо. В гигантской воронке, в которую затянуло гитлеровский корабль, она нашла бы себе могилу и никогда не выплыла бы на поверхность. Кому нужна память о подвигах ее покойного супруга, когда и живым было неуютно в послевоенном мире. Она погибла, если бы вдруг не понадобилась...

Генеральскую вдову присмотрел один из тех, кто имел все основания опасаться судебного преследования... Надо было сменить имя, надо было подобрать подходящую легенду.

Имя генерала Ламердинга присвоил себе по соглашению с вдовой один видный деятель вновь создаваемой нацистской партии. Он поселил вдову в Гамбурге.

Его разыскивало военное командование союзников, так как он был занесен в список лиц, подлежащих суду Международного трибунала. Тогда еще тем, кто был занесен в списки военных преступников, было трудноато скрываться от гнева народов. Любовь сорокалетней, да еще к тому же и облагодетельствованной женщины была более надежной гарантией, чем прежние партийные связи. Каждый устраивался в соответствии со своими возможностями. Естественно, что из семейных альбомов и семейных воспоминаний исчезли все реликвии, как-то связанные с генералом, и исчезли его фотографии.

Гертруда, потрясенная показаниями Фишера, взорвалась. Нет нужды приводить все те слова, которыми она окрестила Фишера. Она сказала главное: Фишер — лжец.

О, теперь она начинает кое-что понимать! Обман, который был совершен ее матерью, может быть, и простителен. Он, этот человек, который скрывался много лет в их доме, все же был ее отцом! Он не был Ламердингом, но был ее отцом! Они его скрывали. Потом он исчез. Он скрылся в другом месте. Где? Она не знала. Ее воспитывали в убеждении, что ее отец генерал, что он прославленный герой, что ему нельзя объявиться, что везде и всюду надо говорить, что он погиб в Берлине, что настает час и его военный опыт вновь понадобится нации...

Дома боготворили этого человека. Наверное, это пошло от матери. И все робели перед ним.

В особняке была комната, куда был закрыт доступ для посторонних. В ней не было окон, она размещалась между стенами. Эта комната сообщалась с угловой спальней. Войти в нее можно было только зная механизм, приводящий в действие окованные броней двери.

Гертруда допускалась в эту святыню. Скорее, это была домашняя церковь без алтаря и религиозных атрибутов. Ламердинги были атеистами. В нише, обычно за-

навешенной тяжелыми драпировками, висел в дубовой раме большой портрет Гитлера, древнегерманской вязью над портретом было выведено: «Каждому свое...» Под портретом стояли два боевых знамени с черной свастикой.

На тяжелом дубовом столе, как музейные экспонаты, были разложены боевое оружие, форма, которую носил Пауль в последние дни перед падением Берлина, мундир Ламердинга.

У всякого ребенка наступает возраст, когда он начинает задавать вопросы. Гертруда помнила, что она сама спросила, указывая на портрет Гитлера, кто это такой. Детская память цепко держит подробности. Гертруда помнила, как ей тогда ответил отец. Он тяжело вздохнул и несколько торжественно, вполголоса произнес:

— Настанет, дочь моя, час, когда я тебе все расскажу об этом человеке.

Позже начались и более развернутые объяснения.

Иногда эта комната оживала. В ней собирались какие-то люди, для них открывались потайные двери. Они были сдержанны и молчаливы. Входя в комнату, они выбрасывали руку вперед и вверх и полусепоном, как заклинание, произносили: «Хайль Гитлер!»

Гертруде было семнадцать лет, когда ее пригласил в эту комнату ее брат. Отца в это время уже не было.

Собрались несколько человек, и она произнесла перед ними клятву служить до конца своих дней великой германской нации. Клятва кончалась тем же заклинанием: «Хайль Гитлер!» Да, она читала «Майн кампф» — эта книга многие годы была у нее настольной книгой.

Гертруда вызывала у меня уже не только профессиональное любопытство. Ее откровенность в чем-то даже подкупала. Я, пожалуй, впервые имел случай поговорить с представительницей того поколения, на которое рассчитывают неофашисты. Нельзя же считать, что неофашизм собирается опираться только на бывших эсэсовцев, время постепенно сводит их со сцены...

Я спросил Гертруду:

— Вы безоговорочно приняли все, что проповедовал Гитлер?

— Не знаю. Я не задумывалась над этим. Мне нравилась определенность поставленной цели. Что вы можете найти сегодня у нас на Западе равное по силе этому учению? Только не обращайтесь к учениям социалистического характера! Вы обратитесь к нашим философским уче-

ниям! Либерализм приемлем для Англии. В Англии все определилось и замерло на века без надежды на какие-либо изменения. Америка бурлит, она огнедышащий вулкан. Там сражаются противоборствующие стихии. Что делать нам? Вы нам противопоставляете порядки в Восточной Германии...

— Почему же мы? — перебил я ее. — В ГДР хозяином положения выступает народ. Он устанавливает и порядки...

— Не будем об этом спорить! — воскликнула Гертруда. Ее несло к какой-то пока что известной только ей цели, она торопилась высказаться. — Неужели вы не понимаете, что социализм неприемлем для очень многих? Что может принести социализм моему брату? Вы об этом подумали?

— Социализм действительно ничего не может принести вашему классу, но он принесет многое рабочему человеку.

— А мой класс все без сопротивления уступит? Мой брат с юности держал в руках оружие, он — солдат. Он будет сражаться до последнего. А для того чтобы сражаться, нужны знамена. Гитлер оставил ему знамена! — Гертруда вдруг улыбнулась. — Не так все просто, господин следователь! Я уронила эти знамена. Я не устояла!

— Что же вас сбило, почему вы уронили знамена, почему вы разочаровались? Кто выбил у вас из рук эти знамена?

— Инженер Чарустин!

Синие глаза смотрели на меня пристально и спокойно.

Реакция должна была бы быть мгновенной. А разве мы были не готовы к тому, что она встанет на защиту Чарустина вопреки показаниям Фишера? Это диктовала логика. Скорее всего, она ждала от нас удивления или протеста. Ни того, ни другого не последовало.

Я резко возвратил ход вопроса назад к ее отцу. Я просил ее уточнить: когда он исчез, при каких обстоятельствах, почему он исчез?

Нет, ее положительно несло, она торопилась, и от моего вопроса просто отмахнулась.

— Скажите, господин следователь, вы же открытый и откровенный представитель той идеологии, с которой боролся мой отец...

— Какой отец? — перебил я ее.

— И тот, о котором вы мне сказали, и тот отец, с которым я выросла! Вы представитель той идеологии, с которой борется мой брат! С которой я готова была бороться... Против которой поднялись все те, кто меня окружал с детства. Скажите мне: что вы в конечном счете предлагаете? Уберите все детали, все подробности, вернитесь к библейской мудрости, к библейской простоте, к категориям самым общим и самым доступным! Что вы предлагаете для этого холодного и мрачного мира?

— Свобода, равенство, братство...

— Это известно... Еще Библия утверждала, что не хлебом единым жив человек! Ну, а как же быть с хлебом? Христос взял буханку хлеба и разделил ее на пять тысяч человек. Но это же сказка! Да и сказка для ленивых! Для тех, кто ждет с неба манны! А вы хотите одним хлебом, одним куском хлеба напитать миллионы. Что стоит в основе такого равенства? При нем все остаются нищими! А если один захватил себе три доли из вашей подачи, вы его тут же забрасываете камнями! А я не хочу быть нищей! Я не хочу, чтобы в меня кидали камни! Что я должна сделать? Вооружиться камнями и закидывать тех, кто опасен? «Только в силе лежит право!» Вот что я вычитала в своей настольной книге. Кратко и точно!

— И что же из этого следует? — спросил я.

— Немцам оставили мало земли, мы не успели вовремя к всеобщему дележу пирога. Значит, должна быть употреблена сила!

— Трижды на протяжении последних ста лет была употреблена сила, и чем это закончилось?

— Значит, не достало силы!

— А если ее и опять не достанет?

— Тогда никому! Ни нам, так и никому другому!

Я извлек из папки документ о Фишере и подал его Гертруде. Она прочла вслух начиная со штампа.

Повертела в руках и небрежно отодвинула.

— Я где-то читала, господин следователь, что в Индии ежедневно умирают с голода более двух тысяч человек. Какой же там палач орудует?

— Если хотите, все тот же — Фишер!

— Вот мы и объяснились! Вас, конечно, не устраивает моя идеология?

— Вы довольно точно все изложили... Но мы еще не

имели времени взвесить основательности ваших суждений. Вы оговорились, что обронули знамя.

— Сама я его не обронула бы! Его выбил у меня из рук Чарустин.

— Какие доводы нашел Чарустин?

— Рассказывать долго и трудно! Если вас это интересует, я изложу все на бумаге.

12

Из показаний Гертруды Ламердинг:

«...Мне было семнадцать лет, когда я была принята в НДП. Вступая в новую партию возрождения Германии, я дала твердое слово не отказываться ни от каких партийных поручений ради общей великой цели.

Я распространяла партийную литературу в среде своих знакомых, собирала средства на партию. Когда я начала работать переводчицей, меня просили сообщать об иностранцах, приезжавших в ФРГ. Особый интерес вызвали приезжающие из социалистических стран: из Советского Союза, из Чехословакии, из Польши и Болгарии.

Когда меня направили переводчицей к инженеру Чарустину, мне намекнули, что я не должна стесняться в средствах, чтобы завоевать его доверие.

Меня связали с Эккелем, на него тоже возлагались кое-какие задачи, связанные с пребыванием в нашей стране советского инженера.

Инженер Чарустин оказался обворожительным человеком. Он интересовался музеями, книгами, нашей стариной и историей. В технике я ему не могла быть консультантом, там мои возможности не простирались далее перевода.

Я видела, что параллельно со мной кто-то тоже работает над инженером Чарустиным. Так, на заводе, куда он прибыл, его встретил глава фирмы. Ему делали очень ценные подарки. Я могу их перечислить, ибо Эккель попросил меня проследить, как распорядится своими подарками господин Чарустин. Ему были подарены магнитофон, транзисторный радиоприемник и еще какие-то мелочи.

Наутро, после посещения завода, я пришла к нему. Все подарки стояли на столе.

Он их упаковал при мне в чемодан, и мы по дороге на фирму заехали в советское торговое представительство.

Когда я рассказала об этом Эккелю, он был очень раздосадован:

— Маньяк! Он же никогда не сможет приобрести что-нибудь подобное! Не может быть, чтобы его не взволновали эти вещи. Надо помочь ему их купить...

Через некоторое время от фирмы последовало предложение инженеру Чарустину оказать помощь в технической консультации. Такого рода консультации хорошо оплачиваются. Я не очень уверена, что консультация была необходима, скорее ее придумали. Чарустин провел консультацию. Руководитель фирмы выписал ему чек на двести долларов. Чарустин взял чек и, как мне стало известно, передал эти деньги опять же в советское представительство.

Тогда Эккель попросил меня завести с Чарустиным разговоры на идеологические темы. Посоветовал начать с мелочей. Хотя бы с тех подарков, от которых он отказался... Эккелем и его шефом был продуман план разговора.

Я к тому времени уже начинала немного понимать Чарустина. Мне их план показался наивным, но я подчинилась.

Я прямо спросила Чарустина: почему, он отдал свои подарки и гонорар в торговое представительство? Я попыталась уверить его, что фирма совершенно бескорыстно сделала подарки, это принято при совершении сделок на Западе.

Мне помнится, что Чарустин объяснил все это таким образом. На Западе при заключении сделок принят обмен сувенирами, да еще за счет фирм. Возможно, что это даже и узаконено. У нас, говорил Чарустин, тоже есть обычай делать подарки-сувениры при деловых взаимоотношениях. Дорогие подарки могут мешать делу, а дело у нас общее, народное.

— Вы что же,— спросила я Чарустина,— считаете, что коммунисты не вправе пользоваться технически совершенными вещами? Разве коммунист не может пользоваться лучшим в мире магнитофоном?

И тут началось. Со мной о коммунизме, как Чарустин, никто не говорил.

Господин Чарустин, вопрошала я, видели ли вы хотя

бы одного нищего на нашей земле? Стало быть, говорила я, вопрос о некоторой, хотя бы и относительной нивелировке в распределении жизненных благ все же разрешен и в нашем несовершенном обществе.

Мне казалось тогда, что уже на этом пункте я его сразила. В ответ он мне задал загадку. Правда, он назвал ее «притча». Представьте, говорил он мне, дорогу. Пустынную трудную дорогу. Она каменистая, о камни разбиваются ноги. По этой трудной дороге идет человек, согнувшись под мешком с золотом. Ноша пригибает его к земле, и он готов бросить туго набитый мешок, ибо уже надвигается ночь и тогда все погибло: и ноша погибнет, и сам человек. В это время его догоняют путники, молодые, полные сил. Что делать? Бросить на землю тяжелый мешок или... Или, может быть, поделиться тем, что в мешке, с этими людьми и попросить донести. Иного выхода нет. Человек останавливает путников, отсыпает каждому по горсти золота и перекладывает мешок на их плечи. И те легко, не сгибаясь, несут эту ношу. И так они идут еще долго, пока не начинает их одолевать усталость...

Хозяин ноши надбавляет им плату за труд. Это подстегивает их слабеющие силы, но ненадолго.

Ну так что же делать? Отказаться от ноши, бросить все в пустыне или еще и еще делиться?

Я поняла, к чему была рассказана эта притча. Мне показалось, что я все же уловила в ней слабое место.

— Ну что же,— ответила я ему,— хозяин ноши поделился своими богатствами, но он сделал это добровольно.

— Правильно,— согласился Чарустин.— Добровольно. Но добровольность это только видимая. Он знает прекрасно, что если к ночи не дойдет, то пропадет и ноша и сам он погибнет. Да,— говорил мне Чарустин,— капитализм кое в чем изменил свои внешние черты за последние полстолетия.

Я пустила в ход самый сильный аргумент, которым снимали в моем кружке возможность установления коммунизма в человеческом обществе.

— Хорошо,— сказала я Чарустину.— Предположим, что на всей земле в один прекрасный день устанавливается коммунизм. Мы все должны будем работать так, как работали. Я буду переводить книги, моя сверстница будет мыть посуду в ресторане, вы, инженер, будете изобретать

машины, а рабочий будет свинчивать трубы. Но все мы получаем одинаково. И даже неодинаково. Мы получаем каждый по своему желанию, все что пожелаем. Согласна. Магнитофон, который вам был подарен, можно изготовить для всех. А я хочу надеть на плечи мех голубой норки. Вы полагаете, что если каждый пожелает это сделать, то найдется для этого возможность? Или, может быть, мне захочется носить бриллианты с голубиное яйцо? Как быть с этим «я хочу!»?

Признаться, я была уверена, что против этого нет у него аргументов.

— Ни в одну ночь, ни в один день коммунизм не может родиться,— сказал Чарустин.— Коммунистом можно стать только овладев всем богатством человеческой культуры, когда не дурной вкус и не дурное воспитание будут руководить желаниями человека, а точное сознание целесообразности всякого желания и его согласованности с интересами общества. Тонкость вкуса, эстетическое восприятие мира не сводятся к норковому меху. Главная потребность человека — это поиск разума, здесь ограничений быть не может. Не отказ в силу правил общежития от излишеств, а просто тот уровень культуры, когда эти излишки оцениваются как дурной вкус, осуждаются сознанием...

Для меня в этом положении было что-то новое.

Я должна была все это пережить и обдумать.

Игра с Чарустиным начинала меня увлекать. Я несколько не обманывалась относительно цели, которую имел Эккель и наши шефы из БНД. Устоит ли он? Там ведь речь пойдет не о подарках, а о счете в швейцарском банке.

Признаться, я даже не поняла, когда Чарустин стал мне не безразличен. Говорят, что любовь может начаться и с удивления. Я удивлялась Чарустину, он был для меня неиссякаемо интересен. Я полюбила его, а когда поняла это, то ужаснулась роли, которую должна была играть. Началась моя мука. Он мне не давал никаких оснований надеяться на взаимность. Нас разделяла пропасть, бездна, мы ни по одному пункту не могли найти согласия...

Кому-то надо было уступать.

Эккель, видно, что-то понял. Обычно он был со мной вежлив и предупредителен, а тут вдруг заявил:

— Вы что же, считаете, что можете обратить совет-

ского инженера в свою веру? Бросьте! Занятие безнадежное... Вы уложите его с собой в постель, остальное мы сами доделаем!

И хотя идеалы мои к этому времени погускнели, я смолчала: просто побоялась ответить дерзостью.

Я почти перестала встречаться с Чарустиным. А перед его отъездом подарила ему фотокарточку и написала на ней: «Николаю Чарустину, человеку, который раскрыл мне глаза на новый мир и на человеческие чувства, любимому и дорогому человеку».

Эта фотография хранилась у него в номере.

Несколькими днями позже Эккель нанес визит Чарустину.

Тут же после свидания с Чарустиным меня навестил Эккель и показал свой фотомонтаж. Кое-что им удалось сделать... Наука нехитрая. Он потребовал, чтобы я засвидетельствовала своей подписью подлинность снимков. Я отказалась и выставила его за дверь. Без моей подписи на публикацию снимков они не могли решиться. Я пригрозила Эккелю скандалом.

Звезда Эккеля закатилась после разговора с руководителями разведки, закончилась и моя карьера. Меня это мало трогало, для Эккеля это могло кончиться катастрофой. И кончилось.

Естественно, что после этого я не решилась встретиться с Чарустиным. Я написала ему письмо, где все объяснила, хотя это могло грозить мне смертью.

Я просила его также подумать о возможности перебраться мне в его страну, если это не расходится резко с его желанием».

13

В органы безопасности пришел брат Гертруды Ламердинг, его интересовала судьба сестры. Он был похож на сестру. И в то же время очень некрасив. Высок ростом. Белокурые волосы. Яркий блондин, такая «белокурая bestия». Широкие плечи, спортивная выправка, не солдатская, а именно спортивная. Легкий и энергичный шаг. Но при широких плечах и высоком росте удивительно маленькая головка с низким, невыразительным лбом.

У Гертруды синие глаза, у него — стального оттенка, оттого жесток и холоден их взгляд.

Фишер в своих показаниях указывал, что Пауль Ламердинг связан с каким-то подразделением федеральной разведки. Этих показаний было, конечно, недостаточно для того, чтобы мы могли предъявить Ламердингу обвинения.

Я был приглашен на встречу с Паулем Ламердингом.

Гость наш держался с достоинством, несуетливо и, пожалуй, даже вызывающе.

— Я хотел бы получить справку,— начал он.— Несколько дней тому назад сюда, на территорию Восточной Германии выехала моя родная сестра Гертруда фон Ламердинг. Прошел срок ее возвращения, она не вернулась. У нас в семье возникло предположение, что она арестована.

Фон Ламердинг сам дал нам возможность задать вопрос, и он последовал мгновенно:

— Простите, господин Ламердинг, откуда у вас могло возникнуть такое предположение?

Фон Ламердинг поморщился.

— Чисто следовательский вопрос. Вы ловите меня на слове. Люди внезапно и бесследно редко исчезают. Мне известно, что некоторые лица из федеральной разведки иногда давали кое-какие поручения моей сестре. Они могли втянуть ее в какое-либо дело, совершенно против ее воли или пользуясь тем, что она не ориентирована в этих сложных делах. Я забеспокоился и пришел к вам... Вас устраивает мой ответ, господин следователь? Я рассчитываю на откровенность с вашей стороны.

Этим ответом фон Ламердинг поставил моего коллегу перед необходимостью отвечать на прямо поставленный вопрос.

— Ваша сестра задержана,— ответил он.— У нас имеется материал для обвинения ее во враждебной деятельности против Германской Демократической Республики и Советского Союза. Ведется следствие...

Фон Ламердинг хладнокровно выслушал ответ следователя. Встал.

— Очень сожалею...— начал было он и осекся.

Мой коллега протянул ему пачку сигарет.

— Я не курю!— ответил Ламердинг.— От стакана воды не откажусь.

Я налил воды. Он сделал несколько глотков, прошелся по кабинету и остановился передо мной.

— Что я могу сделать, чтобы выручить сестру из бе-

ды? Я никогда не поверю, что ее обвиняют в чем-то серьезном.

— Мы исходим из ее собственных признаний.

— Бедная девочка... Что она могла наболтать на себя? Чем я мог бы ей помочь?

Следователь подумал, попросил фон Ламердинга сесть.

— Вы можете помочь своей сестре, ответив на некоторые вопросы...

— Пожалуйста.

— Вам известен Эрвин Эккель?

— Известен! — коротко ответил фон Ламердинг.

— Как знакомый вашей сестры?

— Знакомый моей сестры? О, нет! Такого рода человек не мог бы переступить порог нашего дома! Он не мог бы состоять и в числе личных знакомых моей сестры...

— Несовпадающие взгляды на жизнь или что-то другое помешало бы этому?

— Эрвин Эккель — человек не нашего круга.

— Он показывает, что знаком с вашей сестрой, что она работала по его заданиям. Вам известно, что Эрвин Эккель является агентом федеральной разведки?

— Я этого подтвердить не могу.

— Он арестован и дает показания на вашу сестру.

Фон Ламердинг пожал плечами, опустил глаза. Он, видимо, с трудом сдерживался.

— Эрвин Эккель это выдуманная фамилия, — продолжал мой коллега. — Известно, что в годы, когда Гитлер стоял у власти, он исполнял обязанности палача в Эстерегене...

— Эти превращения сегодня не столь большая редкость.

— Он показал, что ваша сестра по его заданию соблазнила одного советского инженера. Некоторые сцены засняты на киноплёнку...

— Мерзость! — вскричал фон Ламердинг. — Этого не может быть!

— Все может быть, когда к делу привлекают людей типа Фишера.

— С сестрой этого быть не могло! Она могла выполнять задания из патриотического чувства, из приверженности к идее великой Германии, но... до предела, господин следователь, за это я ручаюсь...

Следователь иронически улыбнулся.

— Поручительство, я сказал бы, не очень надежное...

— Что значит в этой игре Эккель? — спросил фон Ламердинг. Выдержка ему изменила. — Карьера Эккеля закончена. Он арестован вами.

— Я могу подсказать, в каком направлении вам надо вести поиски. Есть некий Шварц... Вы знакомы с ним?

— Нет, — тут же ответил фон Ламердинг.

— У него остались некоторые документы, связанные с интересующим нас делом. Фотографии Гертруды и советского инженера, о котором шла речь... Если бы мы их получили, мы могли произвести экспертизу, не являются ли эти снимки фотомонтажом. Тогда обвинения против вашей сестры были бы сняты. Но нужны подлинники.

— Они у Шварца?

— Так показывает Фишер, так предполагает ваша сестра.

Ламердинг стремительно встал.

— Через несколько дней вы получите эти документы! Но я хотел бы поставить встречное условие: наши с вами переговоры должны остаться в тайне. Я не верю показаниям Фишера. Может быть, он или Гертруда как-то могли склонить к сотрудничеству советского инженера, но не той ценой, о которой говорит Фишер! И к тому же он действует в системе операции «Индекс». Операция «Индекс» — это сбор информации. Составляется досье на каждого человека из социалистических стран, попадающего в поле зрения федеральной разведки. Изучаются все стороны его характера, увлечения, достоинства, слабости. Может быть, немедленно это и не пригодится, но может пригодиться впоследствии. О, совсем не обязательно вербовать скомпрометированного человека, достаточно его просто-напросто осрамить и опозорить. Не сегодня так завтра, может быть, через десять лет обнаружится та клавиша, на которую можно будет нажать в своих целях. Здесь все идет в ход: и клевета, и анонимные письма, и дезинформация, и распространение фальшивых купюр и фальшивых распоряжений в банки, и подкуп...

14

Наступил подходящий момент для очной ставки Фишера и Гертруды.

Первым ввели Фишера.

Когда к нему обращался следователь, Фишер бук-

важно вытягивался навстречу каждому его слову.

— Мне хотелось бы,— начал я,— господин Фишер, уточнить некоторые детали ваших показаний.

Фишер вытянулся в мою сторону.

— Слушаю вас, господин следователь!

— Господин Фишер, правильно ли мы вас поняли? Вы изъявили готовность говорить вполне откровенно.

— Конечно, конечно, господин следователь! Полная откровенность. Полное признание. Никаких тайн от следствия. Я надеюсь, что полное признание смягчит мою вину. И что же у меня за вина? Сегодняшние мои действия? Прошлые? Прошлому уже более двадцати лет! За давностью смягчается наказание. Я действовал лишь по приказу...

— Господин Фишер,— перебил я его.— Мне стало известно, что на новой работе вы имели неприятности. Вами были недовольны ваши хозяева из федеральной разведки.

— Мной! Недовольны?.. А бывают ли эти господа кем-нибудь довольны?

— В чем-то у вас получился срыв. В чем?

Бесцветные, студенистые глаза уставились на меня. Он явно старается понять, откуда у нас сведения, что мы знаем.

— Я умею служить,— сказал он медленно.— Я службист, господин следователь, и горжусь этим. Я был всегда на хорошем счету у начальства. Если бы вы вдруг пожелали взять меня на службу, вы убедились бы в моей исполнительности. Я не понимаю, о каких неприятностях вы говорите. Скажите мне, господин следователь, прямо: что вы от меня хотите?

— Мы вас предупреждали, что нам нужна правда. Только правда! Вы нигде в своих показаниях не лгали?

— Вам надо, чтобы я изменил показания? Пожалуйста! Я откажусь, если это вам нужно...

Я поинтересовался, где мы могли бы найти доказательства вербовки Чарустина, кинофильм, о котором он рассказывал, и прочее.

— А разве мои показания не убеждают вас? — Фишер сказал это даже с некоторой издевкой.— Вы понимаете, господин следователь, что такие вещи не являются личной собственностью. Обратитесь к господину Шварцу. Вам известен его адрес. Возможно, он передаст вам этот документ.

— А почему бы и нет? — ответил я. — А пока мы обратились к Гертруде Ламердинг.

Фишер откинулся на спинку стула. Мы ждали, что он скажет. Он это понял и тоже молчал. Молчание затягивалось. Если бы он был уверен, что его показания не разойдутся с показаниями Гертруды, зачем бы ему сейчас так упорно молчать?

— Господин Фишер. Мы вам сейчас предоставим возможность изложить свои показания, касающиеся Гертруды Ламердинг, в ее присутствии.

— Я вас еще раз спрашиваю, господин следователь, какие вам нужны показания?

— Нужна правда и только правда!

— Эта формула для всех судов! И ни один суд не искал правды. Правда лишь то, что хотят считать правдой! Что вы хотите, господин следователь, считать правдой?

— Действительно ли вы засняли кинофильм, о котором говорили нам?

— Как вам нужно?

— Вы показывали правду или нет? Вот что нас интересует...

— Правду... — процедил сквозь зубы Фишер.

Мой коллега снял трубку и попросил привести Гертруду Ламердинг.

— Она арестована? — вырвалось у Фишера.

Ожидание длилось довольно долго, во всяком случае вполне достаточно, чтобы Фишер успел обдумать сложившуюся ситуацию.

Наконец послышались шаги за дверью, и в кабинет следователя вошла Гертруда.

Фишера словно ударило электрическим током. Гертруда поздоровалась, а он вдруг крикнул:

— Как ты сюда попала, как они тебя заманили?

Гертруда окинула его холодным взглядом и отвернулась.

— Я слушаю вас, — обратилась она к нам. — Это, вероятно, очная ставка.

Бледное, землистое лицо Фишера не могло изменять окраски, но вдруг он осунулся, сник и сгорбился. Несколько оправившись от волнения, Фишер ровным, спокойным голосом начал рассказывать. Он полностью повторил свои прежние показания.

И вот он, главный вопрос, ради которого и устроена очная ставка.

— Расскажите, Фишер, в присутствии Гертруды Ламердинг, каким образом вы засняли фильм... кадры, которые могли скомпрометировать инженера Чарустина и Гертруду Ламердинг?

— Я дал задание Гертруде Ламердинг соблазнить инженера Чарустина. Фотографирование велось...

Он замолк.

— Как велось? — воскликнула Гертруда. — Как велось? Вы расскажите, кто делал фотомонтаж, где вы взяли всю ту порнографию, которая вами была предъявлена Чарустину?

Кто из них говорит правду? Или, может быть, вся эта сцена искусно разыграна для нас, чтобы спасти действительно завербованного агента. Если считать, что она — агент федеральной разведки и все рассказанное о ее чувствах к Чарустину — сентиментальная выдумка, то и тут есть логика... Ну хотя бы в том, что она по служебной своей обязанности должна спасти Чарустина любой ценой.

Нет, Гертруда говорит правду. А Фишер поставил простейшую задачу. Как это раньше не пришло в голову мне и моим коллегам: это просто попытка оговорить, оклеветать человека.

Почему же именно Чарустина? И это объяснимо. Из-за него рухнула карьера, потеряны последние крохи с господского стола. Месть за провал!

Он вдруг поднял глаза на Гертруду и бросил ей:

— Вы, кажется, упрекнули меня, что я палач! Да, я палач! Я приводил приговоры в исполнение, а выносились они вашим отцом, Гертруда... Это не Ламердинг! Вы считаете своим отцом Эриха фон Ламердинга? Он убит в Сталинграде. Ваш отец жив, хотя вы и ваша семья его второй раз умудрились похоронить.

Фишер обернулся к моему коллеге.

— Пишите протокол. Я расскажу еще об одном псевдониме...

Двумя днями позже мне принесли одну из вечерних газет, издающихся в ФРГ. В газете сообщалось, что в автомобильной катастрофе погиб преуспевающий коммерсант Пауль фон Ламердинг, сын бывшего генерала Эриха Ламердинга, участника восточного похода.

Автомобиль Пауля фон Ламердинга марки «Мерседес-300» следовал в Гамбург. На окраине города в него врезался на полной скорости тяжелый грузовик. Пауль

фон Ламердинг умер сразу, шофера грузовика не нашли. Он выскочил из кабины и скрылся.

Далее шло сенсационное повествование о семье Ламердинга, удивительно схожее с тем, что нам рассказал Фишер во время очной ставки с Гертрудой.

15

Эту главу можно было бы озаглавить «История еще одного псевдонима».

Сопоставив газетную статью с показаниями Фишера и рассказом Гертруды, мы получили любопытную картину.

Эрих фон Ламердинг, генерал рейхсвера, был убит в Сталинграде. Немецкое командование занесло его имя в списки пропавших без вести. Это дало возможность появиться Эриху фон Ламердингу вновь в сорок пятом году. Воскресший генерал поселился со своей вдовой в Гамбурге. При этом был пущен слух, что он погиб, покончив самоубийством в Берлине. Он считался живым только для семьи и для некоторых сообщников. Однако жизнь под именем известного генерала грозила осложнениями, а надо было выходить из подполья. В 1955 году по улицам Гамбурга протянулась похоронная процессия.

Тогда считалось, что был похоронен советник Лоритц, бывший оберфюрер СС. В одном из журналов была помещена фотография этой процессии. А потом появилось разоблачение. Сообщили в газетах, что похоронен вовсе не Лоритц, а генерал Эрих фон Ламердинг. Следы окончательно запутались. Раздались голоса, требовавшие произвести эксгумацию трупа. Полицейский комиссариат провел эксгумацию и составил протокол, что на самом деле был похоронен не Лоритц и не Ламердинг, а Артур Кегель — оберштурмбаннфюрер СС, занесенный в списки военных преступников, подлежащих смертной казни за преступления против человечности. На том и успокоились. Однако в некоторых французских газетах лет десять назад промелькнуло сообщение, что в Мадриде Отто Скорцени имел встречу с Артуром Кегелем. Сообщение это проскочило мельком, корреспонденты не могли представить доказательств.

Внезапная смерть Пауля фон Ламердинга проливала свет на эту игру. В карманах его пиджака были обнаружены любопытные документы. Из них явствовало, что Артур Кегель появился теперь уже в роли владельца

контрольного пакета акций одной из крупных промышленных фирм. Откуда вдруг возник миллионер Макс Майер? Оказывается, Макс Майер — это Артур Кегель. Не за миллионами ли он ездил к Отто Скорцени в Мадрид, который, как предполагают, остался распорядителем эсэсовских сокровищ, хранимых тайно в швейцарских банках. Газета так комментировала это событие:

«Полиция, обнаружив эти документы, попыталась обратиться к Максу Майеру за разъяснениями, но поздно. Макс Майер, он же Артур Кегель, узнал о смерти своего приемного сына до того, как к нему обратилась полиция. Он тут же продал контрольный пакет акций и исчез в неизвестном направлении. Предполагают, что на этот раз он покинул территорию Федеративной Республики».

Мы показали эту заметку Гертруде. Она подтвердила, что ее отец решил в 1955 году выйти из подполья. Для этого была разыграна сцена с похоронами. Он исчез на некоторое время, затем действительно появился под именем Майера. Откуда у отца деньги? Этого она не знает. История, изложенная в газете, похожа на правду. Но при этом она заявила, что брат ее погиб не случайно...

Мы могли догадываться, кто направил на него тяжелый грузовик. После ареста Гертруды Пауль фон Ламердинг стал опасен. Историю с превращениями Артура Кегеля подбросили для того, чтобы отвести внимание общественности от разоблачений более актуального характера. Так мы истолковали эту откровенность западногерманской газеты...

16

— Каковы успехи?— встретил меня вопросом Юрий Александрович, когда я вошел к нему в кабинет.— Садитесь, рассказывайте. Разворошили вы там осиное гнездо.. Читаю газеты. Какой поднялся шум вокруг семейки Ламердинга!

— Осиное гнездо!— согласился я.— Но в этом осинном гнезде не все осы жужжат одинаково.

— Это вы о Гертруде? Понятно. Чарустин молодцом держался! Напрасно ничего нам не рассказал о попытках Фишера... Боялся?

— Не знаю...— ответил я.— Можно его спросить. А может быть, просто боялся за жизнь Гертруды. Мы имеем доказательства, что опасения не напрасны. Брат-то

погиб. Как вы теперь смотрите на Чарустина?— спросил я Юрия Александровича.

— Пора завершать дело...

— Можно еще повременить? Я хотел бы съездить в Энск и уточнить показания Осипова. Расставим все точки над «и».

— Пожалуй, вы правы,— согласился Юрий Александрович.— Ваш Баландин здесь развил бурную разоблачительную деятельность.

— Почему он мой?

— Ну, как же, ссылается на вашу с ним встречу, настаивает, требует ареста Чарустина, жалуется, что мы инертны... Собрал заявления у тех, кто был в поездке с Чарустиным, пробил, буквально прокричал своей луженой глоткой освобождение от работы Чарустина. Идея разоблачения стала просто навязчивой. Мы даже поинтересовались — не стоит ли он на учете в психиатрической лечебнице? Не стоит! В чем же дело?

На этот вопрос я не мог ответить. Мне тоже непонятен Баландин. Излишняя подозрительность? Так нет же! Ранее таких заскоков у Баландина никто не отмечал. Личные счеты? Объективно его действия чем-то напоминают действия Фишера. Но тот враг и клевета — одна из форм борьбы. А чего добивается Баландин?

— Баландин настойчиво просил о приеме,— продолжал Юрий Александрович.— Мне пришлось с ним встретиться.

К тому времени наши сотрудники разобрались в истории с диссертацией. Чарустин в диссертации резко разошелся с выводами своего профессора по некоторым техническим вопросам, по существу разрушил теорию профессора. Профессор не внял выводам аспиранта и «зарезал» его диссертацию. Чарустину пришлось уйти из аспирантуры. Баландин был учеником того же профессора, его выдвиженцем, его приверженцем. И все равно до конца это ничего не объясняло. Я выехал в Энск.

Я знал уже, что Баландин и Осипов встречались в ресторане перед визитом Осипова к следователю в прокуратуру. Не в этой ли встрече и окончательный ответ на вопрос?

Еще один человек, еще одна биография, еще один характер. Он вошел ко мне в кабинет, сел и замер в ожидании, темные глаза смотрели с тревогой, он то бледнел, то краснел. Сильно взволнован, боится. Я это сразу по-

нял по походке, по взгляду, по нервному напряжению. А чего ему бояться?

Ему тридцать два года. Стало быть, сознательная жизнь уместается в какие-то пятнадцать лет. Институт, работа в разведывательных геологических партиях, Какой у него рабочий стаж?

Я заглянул в анкету. Странно: рабочий стаж всего пять лет. Тридцать три года, а работает только с двадцати восьми лет. Человек кончает институт в двадцать один, в двадцать два года. Что он делал до двадцати восьми лет?

— Почему у вас, Григорий Осипович, такой маленький трудовой стаж?— спросил я его.

— Почему маленький?— с обидой переспросил он.— Я сразу же после института пошел на работу.

— Сколько вам было лет, когда вы кончили институт?

— Двадцать восемь...

— У вас был перерыв в учебе?

— Много перерывов. Болел...

— Когда вы поступили в институт?

— Сразу как кончил школу.

— Вам было?..

— Мне было семнадцать лет...

— Одиннадцать лет учились в одном институте?

— Одиннадцать лет... Я же болел. Это разве относится к делу?

— Не относится! Просто любопытная история... Если бы вы еще работали...

— Нет, я не работал. Я учился, когда мне позволяло здоровье.

— Что же у вас со здоровьем?

— Переутомление... Мозговое что-то, нервное...

Он не производил впечатления больного, но впечатление в таких случаях может быть и обманчиво. Я заметил себе: запросить справку у врача.

— Григорий Осипович, нас интересует всего лишь один вопрос. С вами беседовали в прокуратуре, состоялась даже очная ставка. Дело, как известно, передано нам. Была докладная?

Дрогнули веки, он поднял на меня темные глаза, в них метался страх. Он лихорадочно искал в оброненных словах, в жестах моих ответ: что нам известно?

Наконец едва внятно он ответил:

— Не было докладной, Никита Алексеевич! Я не хочу, чтобы у меня были тайны от Комитета государственной безопасности.

— Не имеет смысла иметь от нас тайны. Зачем же вы дали эти показания в прокуратуре?

— Испугался... я не понял, что там произошло на нефтепроводе. Баландин мне пригрозил расстрелом...

— Вам? За что же?

— Дескать, все будет приписано мне, Чарустин большой начальник, его отведут от ответственности...

— Где происходил разговор?

— В ресторане, а потом в номере...

— Рассказывайте все...

— Вы же все знаете...— произнес едва слышно Осипов.

— Я хочу, чтобы вы до дна испили чашу, что сами себе налили. Говорите!

— Баландин сказал мне, чтобы я дал эти показания...

— Сказал?

— Он продиктовал мне докладную... Заставил меня выучить ее наизусть.

— Докладная целая? Шпаргалка, вернее.

— Она у него... Он говорил мне, что Чарустин негодяй, что его очень трудно разоблачить, что я помогу большому делу...

Я протянул лист бумаги Осипову и предложил ему написать показания.

Осипов написал, я молча отметил ему пропуск. Он встал, нетвердой походкой пошел к выходу. У двери остановился.

— Что мне теперь делать, товарищ следователь?

— Это дело вашей совести. Я бы советовал пойти в партийные органы и все рассказать.

Пока я ездил в ГДР, Марченко здесь тоже поработал. Он создал экспертную комиссию из авторитетных специалистов. Специалисты провели обследование места взрыва. Были проведены раскопки, и вскрылась любопытная картина: нефтепровод лег не на подземный переход, а на выложенную из камня водопроводную трубу, протянутую в монастырь от подземного источника.

Время, грунтовые воды подточили и ослабили клад-

ку. А когда над подземной кладкой прошлись тяжелые машины, камни поползли, труба зависла и, не выдержав нагрузки, лопнула. Устремившаяся в отверстие нефть сначала заполнила подземные пустоты, затем просочилась сквозь песок на поверхность.

Кто же виноват во всем этом? Геологическая разведка? Несомненно, добросовестное исследование грунта должно было бы привести к открытию подземных провалов. Их не ожидали и просмотрели... Отвечать геологам и, в первую голову, Осипову. Но это уже не наша забота. Это все опять уйдет в прокуратуру. Чарустин в катастрофе не виноват...

17

Вернувшись в Москву, я пригласил на допрос Баландина.

Снетков с нескрываемым сочувствием смотрел на меня, пока я объяснялся с ним по телефону.

— Над чем смеешься?— спросил я его, положив трубку.

— Не смеюсь, а сочувствую... Тяжелое предстоит объяснение!

— Не вижу ничего тяжелого. Налицо сговор и лже-свидетельство. Заказывай пропуск. Я с ним поговорю с глазу на глаз.

Баландин присел к столу и выдвинул перед собой разбухшую от бумаг папку.

— Я рад, что вы появились,— начал он наставительным тоном.— Все ссылаются на вас, дескать, товарищу Дубровину поручено разобраться в этом нелегком деле. А вас нет и нет!

Я должен, должен понять этого человека. Что им руководило? До объяснений с Осиповым были какие-то сомнения, колебания... Теперь не было ни сомнений, ни колебаний. Передо мной сидел клеветник. Какие он имел цели?

А он продолжал говорить:

— Я переслал вашим товарищам письма некоторых инженеров, находившихся в командировке с Чарустинным. Я не знаю, передали вам эти письма или нет. Я могу вам показать их копии... Я настаиваю на том, что-

бы была проведена тщательная проверка, как себя вел в Западной Германии Чарустин!

Баландин запустил руку в папку, отыскивая какие-то документы.

— Николай Николаевич, я только что вернулся из командировки в Германскую Демократическую Республику. Я занимался той самой проверкой, о которой вы говорите.

Баландин привстал.

— Это правда?

— Правда!

— Вам удалось что-нибудь установить?

— Я хотел бы, Николай Николаевич, вам задать вопрос. Вам знаком человек по фамилии Фишер?

Баландин задумался. Покачал головой.

— Нет. Я впервые слышу такую фамилию.

— А имя Эрвина Эккеля говорит вам о чем-нибудь?

Баландин опять покачал головой.

— Эрвин Эккель, он же Фишер, бывший палач в лагере Эстервеген, военный преступник. Ныне сей господин арестован органами безопасности ГДР за враждебную деятельность. Он дал показания, что инженер Чарустин был завербован им.

Я говорил и смотрел на Баландина. Впервые лицо его как бы просветлело, появилось даже подобие улыбки, он потянулся ко мне навстречу, он обрадовался.

— Я же говорил, а меня никто не хотел слушать!

— Да, да... Вы намекали, Николай Николаевич! Вы достаточно прозрачно намекали на такую возможность. Я это удостоверяю.

— Я не решался говорить прямее.

— Так вот этот Фишер дал показания, что он лично завербовал Чарустина. Я выезжал для того, чтобы допросить Фишера. В результате дополнительного расследования нам удалось установить...

Я сделал паузу.

— Нам удалось установить, что Фишер, действуя в соответствии с директивами своего руководства, умышленно оклеветал советского инженера.

Баландин внимательно смотрел на меня. Видимо, не сразу доходил до него смысл моих слов. Медленно сходила с лица улыбка.

— Вы не знакомы с Фишером, вам не известен сей господин, и не может быть известен, но откуда же такое

совпадение? Почему и он и вы вдруг выступаете в одной роли, словно по какому-то сговору? Он клеветает на Чарустина там, вы клеветаете здесь.

— Где, как, когда я клеветал? Я высказывал свои сомнения!

— Сомнения высказать вправе каждый человек. Не о них речь, хотя минуту назад вы это ставили себе в заслугу. А толкать Осипова на дачу заведомо ложных показаний — это, по-вашему, благородно? Что вас побудило принудить Осипова дать ложные показания о докладной на имя Чарустина, когда шла прокладка нефтепровода?

— Что такое? Когда? Что?

— Вы в день приезда Осипова по вызову прокуратуры встретились с ним в ресторане...

— Где? Где у вас доказательства?! — закричал Баландин.

Я вернулся к столу, достал из папки протокол допроса Осипова и положил перед Баландиным.

Он схватил листки и пробежал их.

— Ложь!

— Вам нужна очная ставка с Осиповым?

— Он арестован? — спросил Баландин.

— Вам нужна очная ставка с Осиповым? — повторил я вопрос.

Баландин сник.

— Не нужна. В таком случае, берите бумагу и дайте следствию собственноручные показания, только без лжи. Вы и так долго лгали.

— Я буду жаловаться!

— На что?

— Мало ли что я мог посоветовать Осипову. Он сам не маленький, он сам отвечает за свои показания...

— Так же, как и вы, Баландин, за свои действия!

Чарустин встретил меня довольно сухо. Прошли в его кабинет, он предложил мне кресло, сам сел на стол.

— Вот кстати, — сказал я, указывая глазами на портрет. — После нашей встречи, Василий Михайлович, мне довелось познакомиться с Гертрудой фон Ламердинг. Я беседовал с ней, и довольно долго... У меня к

вам вопрос, Василий Михайлович! Гертруда фон Ламердинг задержана органами безопасности ГДР. Наши коллеги разбираются в ее деятельности. Что бы вы могли сказать о ней, как бы вы могли ее охарактеризовать? Что это за человек? Для наших коллег это очень важно...

— Вас, наверное, интересует вопрос, почему у меня фотография Гертруды Ламердинг?

Чарустин пристально посмотрел на меня.

— У меня сложилось впечатление, что Гертруда Ламердинг порядочный человек, но убеждений совершенно противоположных нашим. Убеждений неосновательных, скорее, наносных. Это результат воспитания и формирования в определенной среде... Она пыталась со мной спорить и нападала на мои взгляды довольно горячо. Но когда пропадал запал, пропадала горячность и мы начинали спокойно и не торопясь просматривать ее убеждения, они рассыпались, тогда она отступала. На это у нее хватало объективности...

— Она это приписывала вашему умению полемизировать... — заметил я.

— Она преувеличивает. Просто ей, видимо, не случилось встречаться с людьми, умеющими отстаивать свои убеждения. Примешалось к этому и еще одно обстоятельство. Мне трудно об этом судить... еще труднее говорить...

— Она вас любит. Она даже готова приехать сюда, к вам, конечно!

— Но я ее не люблю...

— Вам что-нибудь было известно о ее связях с разведкой?

— Нет! Но у меня были все основания предполагать, что на первых порах она не сама по себе ко мне потянулась. Потом это переменялось, и она в решающий момент выступила против тех, кто пытался руководить ею. Но это все область предположений. Я об этом мог судить лишь по грубости того господина, который явился ко мне. Я, несомненно, сообщил бы об этом вашим товарищам, если бы придавал какое-то значение этой попытке. Все было грубо и примитивно. Шум поднимать не хотелось. Гертруда мне сказала, что если по этому поводу разразится скандал, ей не жить... Я был обезоружен... Если бы мне пришлось еще раз ехать туда же, я, конечно, отказался бы и объяснил вашим товарищам причину отказа.

— Господин, который пытался вас шантажировать, арестован. Он занимался довольно активно такого рода делами.

Чарустин вдруг улыбнулся, и как бы тяжесть свалилась с его плеч.

— Молодцы товарищи из органов безопасности ГДР! Это подлый человек! Я готов дать свидетельские показания...

— Не нужно. Он полностью изобличен в своих преступлениях, над ним состоится суд. Гертруда заслуживает снисхождения. Ее брат, лишь начав в чем-то разбираться, стал жертвой автомобильной катастрофы: на его машину наскочил тяжелый грузовик...

Чарустин взглянул на портрет. Задумался.

— Мне жалко ее,— произнес он тихо.— Но жалость — это еще не любовь!

19

Вот и закончено еще одно дело.

Прокуратура привлекла Осипова к уголовной ответственности за халатность и за дачу ложных показаний, Баландина — за организацию клеветы на Чарустина.

В министерстве отменили приказ об освобождении Чарустина от работы. На заседании парткома завода Марченко рассказал товарищам об итогах нашего расследования.

В. Востоков

БРАТЕЦ

Накануне юбилея органов безопасности меня пригласили на встречу с молодыми рабочими.

Когда наша беседа подходила к концу, мне передали записку.

— Не могли бы вы рассказать о каком-нибудь случае из личной практики?— прочел я.

В зале стояла тишина. На меня смотрели сотни глаз.

— Если располагаете временем, я могу рассказать вам об одном деле.

Ребята оживились, раздались одобрительные голоса.

— В тот день, как всегда, мне принесли на доклад почту,— начал я.— Наряду с другими документами в папке лежало заявление. Заявление как заявление. Неровный женский почерк. Внизу штамп «Приемная МГБ. Ящик для писем». Таких заявлений поступало много. Но тогда оно было, как помню, в единственном числе. Я был занят каким-то срочным делом и хотел было отложить его в сторону, но мое внимание привлекла упоминаемая в нем фамилия Шкуро. Решил прочесть заявление.

«В советскую контрразведку. Уважаемые товарищи, спешу сообщить вам об одной встрече, которая перевернула всю мою душу. В районе Метростроевской улицы я неожиданно повстречала на днях своего земляка — Карпецкого Валентина Иосифовича. Боже мой, что со мною было. Белогвардеец из армии атамана Шкуро, дей-

ствовавшей на Кавказе в годы гражданской войны, его руки по локоть в крови защитников Советской России, оказывается, еще жив и ходит по нашей земле. По рассказам его жены, с которой я была немного знакома по Пятигорску, ее муж Карпецкий наводил страх на местных коммунистов и причастен к смерти Анджиевского, руководителя борьбы за установление Советской власти в Пятигорске, активного борца против белогвардейцев и интервентов на Кавказе. Товарищи чекисты, разыщите этого злодея и воздайте ему должное. Его приметы: высокий, статный, седой, ему сейчас лет 60. С уважением...» — и далее следовала неразборчивая подпись. На конверте значился обратный адрес: Кропоткинская улица, квартира восемь, а вот номер дома и фамилия отправителя отсутствовали.

Заявление, как говорится, позвало в дорогу. Я занялся установлением местожительства автора письма. Пришлось «перелопатить» все дома по Кропоткинской улице, имеющих квартиры восемь, на что ушло немало времени... Анна Алексеевна оказалась милой старушкой, сохранившей цепкую память. На вопрос, что ей известно, кроме написанного в заявлении, ответила:

— Не очень многое. Когда я жила в 1919 году в Пятигорске, занятом белогвардейцами, моя племянница общивала жену Карпецкого, который к тому времени работал в контрразведке у атамана Шкуро. Он иногда приходил к нам вместе с супругой.

— Вы уверены, что Карпецкий работал в контрразведке атамана Шкуро? — спросил я Анну Алексеевну.

— Да, сынок. Об этом мы опять-таки знали от жены Карпецкого. Она гордилась мужем и усердно помогала ему. А главное — не скрывала этого. Хорошо помню, как рассказывала она, что однажды, случайно встретив на рынке какого-то знакомого ей большевика, не моргнув глазом, тут же выдала его контрразведке. Получила за это какую-то медаль. Я сама ее видела. В общем, это была достойная друг друга пара.

— О ее судьбе вам что-нибудь известно?

— Конечно. С приходом Красной Армии ее расстреляли, а Карпецкий успел удрать с беляками. Правда, когда наши вели бои за Пятигорск, она мне сказала, что ее муж погиб на перевале во время отступления. Теперь-то ясно, что она врал.

— В своем заявлении вы писали, что Карпецкий при-

частен к смерти Григория Григорьевича Анджиевского. Откуда вам об этом известно?

— Мне рассказывали люди, которые хорошо знали жену Анджиевского. Она им говорила, что, когда они с мужем вышли из театра «Рекорд», что на проспекте Свободы, его схватили английские интервенты, среди которых был и белогвардейский офицер, выделявшийся высоким ростом. Она его хорошо запомнила. Надо полагать, это был Карпецкий.

— Мог быть, мог и не быть.

— Подходит рост и место службы, а там разберитесь. На это вы поставлены.

— Логично. Будем разбираться. Уважаемая Анна Алексеевна, еще один вопрос: кто вам известен из родственников Карпецкого и где они сейчас?

— Насколько я помню, у него были две сестры — Екатерина, ее-то я и знала, и Светлана, она жила от них отдельно, видеть ее не пришлось, обе уроженки, кажется, Тифлиса.

Далее Анна Алексеевна рассказала об обстоятельствах встречи с Карпецким. Когда она узнала Карпецкого, то обратилась к проходящему мимо молодому мужчине с просьбой помочь задержать Карпецкого, но тот, сославшись на занятость, отмахнулся от старушки. Получив отказ, Анна Алексеевна решила проследить, куда он пойдет. Это был один из переулков на Метростроевской улице.

Мы поехали с ней искать этот переулок. Нашли. Примерно определили группу домов, куда мог войти Карпецкий.

Тогда мы попросили Анну Алексеевну вместе с нашим сотрудником подежурить в районе предполагаемого жительства Карпецкого. Однако прошел месяц, а Карпецкий не появлялся. А тут Анна Алексеевна заболела. Проверка Карпецкого по адресному бюро ничего не дала. В нашем распоряжении оставался единственный путь — идти к Карпецкому через его сестер. Но мы не знали их настоящих фамилий, а под фамилией Карпецких они нигде не значились. Пришлось в домоуправлении проверить все дома и квартиры по Метростроевской улице и прилегающим переулкам. Установили, что в этих домах проживают несколько десятков Екатерин и Светлан, из них три человека с отчеством Иосифовна. После тщательного изучения остановились на Екатери-

не Горбань, подходящей по возрасту и месту рождения. Она проживала у пенсионера Бориса Георгиевича Корнеева в качестве домработницы.

Вскоре достали фотографии Корнеева и его домработницы. Снова я встретился с Анной Алексеевной. Среди шести разных фотокарточек, предъявленных ей, она уверенно показала на Корнеева, которого знала под фамилией Карпецкого, а в домработнице признала сестру его Екатерину Иосифовну.

Изучение жизни Корнеева заняло немало времени. Он вел очень скромный образ жизни, был на редкость осторожен и недоверчив.

Соседи отмечали, что Корнеев на улицу выходил довольно редко, объясняя это плохим здоровьем. О себе никогда не говорил. Писем по почте не получал, дружбы ни с кем не поддерживал, кроме одной знакомой женщины Люси, работавшей в аптеке.

Многое о Карпецком могли бы рассказать архивы. Но они почти не сохранились. Тем не менее кое-что все же удалось наскрести. Карпецкий происходил из крупных лавочников. До первой мировой войны окончил военное училище. В период гражданской войны действительно находился в белой армии атамана Шкуро, но в качестве кого, установить не удалось. Сменил фамилию на Корнеева Бориса Георгиевича и в двадцатых годах приехал в Москву. Работал по граверной части на дому, по договорам. Вторично женился. Жена умерла в пятидесятом году. Вскоре он ушел на пенсию.

Параллельно с изучением Корнеева—Карпецкого мы искали жену Анджиевского. Она могла рассказать кое-что о Карпецком. Но ее не было в живых. Вот тогда-то и родилась идея, так сказать, психологического характера, позволившая немного встряхнуть Карпецкого, а главное, узнать кое-какие детали из его прошлой жизни. Но об этом лучше всего поведаст сама Екатерина Горбань, точнее, сделанные мною выписки из ее дневника. Я снял копии с наиболее характерных мест, имеющих непосредственное отношение к данному случаю. Все думал написать об этом, но так и не собрался с духом. С вашего разрешения я их зачитаю.

...Братец пришел бледный, с трясущимися руками. Спрашиваю, что случилось. Мотает головой, не может говорить. Чувствую, как и у меня по телу заползали

мурашки. Не знаю, о чем подумать. Неужели раскрыта тайна, вот уже столько лет так тщательно охраняемая? Не выдерживаю и набрасываюсь коршуном на него. В ответ вижу горькую улыбку на усталом бледном лице. Затем последовал рассказ. Оказывается, случайно встретил на улице одного знакомого армянина по совместной службе в белой армии Шкуро. И так перепугался, что тот его вдруг узнает,—полдня заметал свои следы по городу. Чудак. Впрочем, его можно понять».

«...Десятый день мой братец никуда не выходит после того случая. Бойтся. Ну и напугал же его армянин. Дышит свежим воздухом через форточку. Усиленно занимается физзарядкой. Утром и вечером принимает ванны из морской соли. На телефонные звонки не отвечает, двери в квартиру сам никому не открывает».

«...Пришла из города, как всегда, нагруженная сумками. Зову братца. Не отвечает. Захожу к нему. Сидит в комнате, глушит водку. «Опять что-то случилось»,— решила я. Спрашиваю, в чем дело, не отвечает. Молчит день. Молчит второй. «Ты в конце концов скажешь, что произошло, или нет?» — со злостью кричу. В ответ он молча протягивает мне конверт. Обратный адрес не указан. Вынимаю из конверта листок, вырванный из настольного календаря. Заглядываю. Пусто.

— Ну и что? А где письмо?— спрашиваю его.

— Ты его положила на стол.

— Не понимаю...

— Прочти, что на листке написано.

— Что написано...

— Дура, читай ниже, под числом. Поняла?— говорит он, когда я после прочтения текста растерянно уставилась на него.

Я молча рассматриваю штемпель на конверте: «Пятигорск».

— Кто бы это мог? — допытывался братец.— О моей службе в контрразведке у Шкуро знают двое: армянин Сарапетян и Ахметов. Где армянин живет и чем занимается, я не знаю, и будем надеяться, что это взаимно. Я ушел от него по всем правилам слежки. Значит, исключается. Остается геолог Ахметов Василий Егорович, но он в Красноярске...

— Письмо-то из Пятигорска,—нарушаю наконец я молчание.

— Письмо можно опустить из любого города.

— Может быть, Костя из Одессы?—говорю я.

— Он ничего не знает.

— Тогда остается Ахметов...

— Остается... А может быть... это ты мне подарочек преподнесла.

Я просто онемела от этих слов.

— Ладно, не пускай слюни. Дай бог, чтобы этим кончилось.

— Одни переживания и тревоги. Вместо того чтобы быть твоей сестрой, я вынуждена объявляться домработницей. Надоело. А ты еще со своими идиотскими подозрениями,—говорю ему, утирая слезы, а сама думаю: «Так тебе и надо, старый хмырь».

— Оставь меня одного,—говорит он мне в ответ.

— Тебя, что ли, буду охранять. Много чести,—и я вышла из комнаты.

Через несколько секунд послышался щелчок ключа. Закрыл дверь на замок. «Интересно, что будет делать»,—сгорая от любопытства, подумала я, пристраиваясь около замочной скважины. На мое счастье, выступ ключа был в стороне от входного отверстия. Вижу краем глаза, как братец отодвинул письменный стол, осторожно вскрыл плитку паркета. Вынул оттуда небольшой сверток, развернул его. «Золото, бриллианты»,—мелькнуло у меня в голове. Вот тебе на. А я-то, дура, не знала о его настоящем богатстве. Всю жизнь прожили вместе. И это называется братец. Во мне все закипело. И только шаги, раздавшиеся рядом с дверью, отрезвили меня. Отпрянула от двери. В следующее мгновение раздался щелчок замка и появился он с чемоданом в руках. Подозрительно взглянув на меня, молча направился к выходу.

— Ты куда собрался на ночь глядя?—спрашиваю.

— Закудахтала. Скоро приду.

Я бросилась к окну. Вижу, он идет по двору. И тут меня осенила мысль. Быстро собираюсь. Бегу за ним. Увидела его только тогда, когда он подходил уже к метро. Доведа его до станции Перово. Дальше идти побоялась».

«...Прошло две недели. Все время думаю о нем. И вдруг телефонный звонок.

— Что нового?— слышу голос братца.

— Ничего. Поздоровался бы,— отвечаю ему как можно ласковее.

— Никто обо мне не спрашивал, не интересовался?

— Нет... Алло... Алло,— кричу я в трубку. В ответ раздаются частые гудки.

Через час он приезжает.

— У Люси был, что ли?— допытываюсь я.

— В Перово, у знакомого,— отвечает он вяло.— Значит, все в порядке. Может быть, действительно это была шутка?.. Лучше, пожалуй, бежать,— говорит он.

— Куда?

— За границу.

— Как будто бы это в Серебряный бор, сел и через двадцать минут там.

— А что? Помогут,— отвечает братец, а потом, как бы спохватившись, заметил:— Я пошутил, а ты уже и всерьез. Я приехал за одеялом. Холодно.

— Ужинать будешь?

— Нет времени. Пора.

Захватив одеяло, он уехал. Вернулся он только через неделю».

«...Случайно узнала от Люси, что по настойчивой просьбе братца она дала ему большую дозу снотворного. Что бы это значило? Правда, спать он стал плохо. Но зачем ему нужна такая доза? Принимаю решение посоветоваться со Светланой. Пригласила ее к себе. Долго судили, рядили. Пришли к выводу, что братец решил отравиться. Мы начали прикидывать, как поделить его имущество.

— А если доза окажется несмертельной? Вдруг проснется в гробу?— задаю я вопрос Светлане.

— Сейчас позвоню Люсе,— говорит Светлана и решительно направляется в прихожую.

Через несколько минут она возвращается.

— Все в порядке.

— Светик, а вдруг струсит?

— Сервант я бы взяла своей невестке. А ты бери пианино. Договорились?— говорит Светлана, не обращая внимания на мой вопрос, и выжидательно смотрит на меня.

Все было хорошо, пока не дошли до больших золотых часов. Зашел спор. Никто не хотел уступать. Пошли оскорбления.

— Ты с ним вместе живешь, небось на троих успела нахапать барахла-то,— упрекает меня Светлана.

— Я нахватала здесь, а ты на работе... Квиты.

Мы чуть не подрались. Светлана, зло хлопнув дверью, ушла. Ну и черт с ней. Воровка. Зачем только однажды выручила ее из беды? Сидеть бы ей в тюрьме...».

«...Братец ушел к Люсе. Воспользовавшись, ищу драгоценности. Все перерыла. Излазила пол на коленях. Старый тайник пуст. Драгоценностей нет. Неужели запрятал в Перово? От злости даже разревелась».

«...Сегодня почти всю ночь не спала. Уж очень разволновалась. Неожиданно приехал Вася Ахметов. Это моя давнишняя симпатия. Вспомнилось былое, и сердце сжалось в груди. Какой он был когда-то молодец, а сейчас... впрочем, и я-то далеко не первой свежести. Мой-то сын, не дав ему опомниться, сразу потащил его к себе. Это его вина, что мы не вместе. Любопытно было узнать, о чем у них будет разговор. Прижимаю ухо к стене. Великое дело иметь тонкую перегородку.

— Я, кажется, не вовремя приехал, Валя? Но ведь ты сам вызвал меня,— слышу я, как робко говорит Ахметов.

— Не Валя, а Борис. Пора бы привыкнуть. Сколько раз можно говорить.

— Извини... Что случилось? Зачем я тебе?

— Понадобился... Ты лучше объясни, кто тебя надоумил шутить надо мной...

— Не понимаю, о чем ты?

— Сейчас поймешь... Вот, смотри, твоя работа?

— Ты же знаешь, никакого отношения к смерти Анджиевского я не имел. При чем тут Анджиевский? — говорит после некоторой паузы Ахметов.

— Листок зачем мне подослал?

— Я?! Да... ты... шутишь!

— Мне не до шуток. Это ты решил поразвлечься... Я тебе покажу, какой ты геолог...

— Да ты с ума, видно, спятил, Ва... Борис. Что с тобой происходит... обратись к врачу... С ума сошел, такое подумать... — бормотал Ахметов.

— Врешь... притворяешься... Сознайся, твоя работа, твой почерк, меня не проведешь. Слышишь, «Бештау»? Я слишком хорошо тебя знаю.

— Борис, мне не о чем больше с тобой говорить. Я все сказал. Ты оскорбил меня своим нелепым подозрением, и я ухожу... Ухо-жу.

— Нет, постой... Ты сейчас мне нужен больше, чем тогда, помнишь? — говорит братец. В комнате становится тихо. — Скажи, кто бы мог такую шутку со мной сморозить? Чего молчишь... — первым нарушает молчание брат.

— Ума не приложу... Кто-то свой... — отвечает Ахметов.

— Если свой, то кто и с какой целью? Потешиться? Лишний раз плюнуть в душу старику? А может, вовсе и не свой...

— Что имеешь в виду?

— Будто не знаешь... Забыл черные кожанки...

— С ума сошел... столько времени прошло, все быльем поросло, откуда им знать.

— Думай, «Бештау», думай, что будем делать?

— У меня есть имя... штабс-капитан.

— И кличка тоже... Ладно, не будем ссориться. Фотографию привез?

— Привез. Зачем она тебе?

— Давай уничтожим, спокойнее обоим будет.

— Давно хотел это сделать... На, бери.

— Верю тебе. Понимаешь... ночами не сплю... Что делать? Подскажи, Василий. Больше мне не с кем посоветоваться.

— Меняй квартиру, — говорит Ахметов.

Они перешли на шепот. Сколько ни старалась, сколько ни напрягала слух, ничего не было слышно.

...Братец исчез. Мы со Светланой не находим себе места. Не знаем, радоваться или нет. Вещи вроде были на месте. А это главное. Я рассказала ей о разговоре брата с Ахметовым. Начали на всякий случай называть по больницам, вдруг нечаянно попал или сам кинулся под машину. Мог же он в конце концов стать настоящим мужчиной. В милицию не звонили. Боялись... И вдруг ночной звонок по телефону. Это брат. Он меня вызывает к метро. Я, конечно, пошла.

— Где шатался? — спрашиваю его.
— В Одессе. Искал Костю... черт бы его подрал...
— Мы тут со Светой думали, не случилось ли что с тобой.

— Вы только этого и ждете.

— Скажешь тоже. Нам какая радость. Живи на здоровье,— говорю я как можно мягче. А что я ему еще могла сказать».

«...Братец развил бурную деятельность по обмену квартиры. Сколько ни уговаривала его откзаться от этой затеи, все бесполезно. И вот однажды утром к нам пришел солидный мужчина в больших роговых очках.

— Кто там? — крикнул брат из своей комнаты.

— Пришли к тебе насчет обмена,— ответила я ему.

Братец нехотя вышел из своего убежища.

— Мне сказали, что вы хотите обменять квартиру,— обратился мужчина.

— Кто вам сказал? — спрашивает братец.

— Я был в аптеке и там случайно услышал разговор. Попросил адрес.

— Люська успела уже разболтать всем,— со злостью заметила я.

— А вы откуда? — допытывался брат, не обратив внимания на мое замечание.

— Я соискатель. Прибыл, как говорится, из собственной квартиры,— ответил мужчина, улыбаясь.

— А где проживаете?

— В районе Серебряного бора.

«У черта на куличках»,— подумала я.

— Почему меняетесь? — продолжал выпытывать брат, все еще подозрительно разглядывая незнакомца в больших роговых очках.

— Умер ребенок. Надо сменить обстановку. Квартира хорошая, можете не сомневаться.

Брат уехал смотреть квартиру незнакомца.

Я занялась хозяйством и не заметила, как наступил вечер.

Приехал он поздно вечером. На нем не было лица. Как тут не перепугаться?

— Где пропадал? Что случилось?

Он как-то странно посмотрел на меня, тяжело вздохнул, сказал:

— Скоро... скоро... Осталось недолго...

- Ничего не понимаю. Что скоро? Что недолго?
О чем ты?
— Мне плохо. Я устал... Оставь меня в покое...
— Успеешь напokoиться. Как квартира-то?
— Век бы ее не видеть.
— Я тебе говорила, лучше нашей не найдешь.
— Говорила, говорила... не найдешь, не найдешь...
Спать хочу. Завтра расскажу все...»

На этом выписки из ее дневника обрываются. Что же было дальше? Имея в распоряжении кое-какие материалы на Карпецкого, я выехал в Пятигорск.

В Пятигорске с помощью местных товарищей мы нашли нескольких старожилов. Переговорили с ними, но они не могли ничего сказать вразумительного о Карпецком, зато хорошо помнили казнь Анджиевского. Показал я им фотографии Карпецкого и его сестер, но они их не узнали.

Вскоре после возвращения из Пятигорска мы решили пригласить Карпецкого-Корнеева на Лубянку и откровенно с ним поговорить. Как сейчас, стоит он перед моими глазами. Высокий, седой старик, сохранивший военную выправку.

— Садитесь, Кар-пе-цкий Валентин Иосифович, — сделав ударение на фамилию, сказал я.

При этих словах Карпецкий оглянулся, затем посмотрел по сторонам, как бы отыскивая человека, к которому были обращены мои слова, а затем спокойно произнес:

— Вы ошиблись. Я Корнеев Борис Георгиевич. Можете убедиться. Вот мой документ, — и он достал из пиджака паспорт.

— Назовите вашу настоящую фамилию?

— Я сказал — Корнеев Борис Георгиевич.

— Допустим. Тогда расскажите свою биографию и, пожалуйста, как можно подробнее.

Карпецкий начал излагать биографию. Он говорил спокойным, ровным голосом, не сбиваясь, словно повторял заученный урок. Конечно, о службе в белой армии не было сказано ни слова. Тогда я решил прервать его рассказ.

— Приходилось ли вам служить в белой армии?

— В белой армии? — переспросил Карпецкий.

— Да, в белой.

— Служил по мобилизации два месяца, потом бежал...

— А почему вы об этом не сказали?

— Это такой незначительный эпизод...

— Где и в качестве кого служили?

— На Кавказе, рядовым в обозе.

— В обозе... Продолжайте.

Карпецкий опустил глаза, задумался на мгновение и незаметно проглотил слюну.

Карпецкий продолжал досказывать свою биографию.

— Назовите свою настоящую фамилию,— снова попросил я Карпецкого.

— Корнеев Борис Георгиевич,— последовал ответ.

Тогда я ему предъявил фотографию.

Карпецкий долго вертел ее в руках, собираясь с духом, мучительно соображал, как ему вести себя дальше. Он не мог скрыть растерянности.

— Узнаете? — спросил я его.

— Уз-на-ю,— произнес он шепотом и перекрестился.— Да, я Карпецкий Валентин Иосифович. Что вы от меня хотите?

— Расскажите, Карпецкий, при каких обстоятельствах вы сменили фамилию?

— Все расскажу... Пришел час очистить душу... Было это после того, как нас в 1919 году разгромила Красная Армия и я бежал с частями Шкуро. Тогда я у убитого солдата взял документы и по ним приехал в Москву.

— В качестве кого вы служили в армии Шкуро?

— Офицером конвойного взвода.

— Конвойного взвода, говорите?

— Да.

— А что вы тогда скажете по поводу этого письма?— и я ему дал прочесть письмо Анджиевского.

Карпецкий долго и внимательно читал письмо.

— Карпецкий, повторяю вопрос: в качестве кого вы служили в армии Шкуро?

— В контрразведке.

— Чем занимались?

— Выявлял революционно настроенных солдат...

— Продолжайте.

— ...и участников подпольной большевистской организации на Кавмингруппе,— закончил Карпецкий.

— Много удалось выявить?

— Не считал... Не помню.

— Придется подсчитать и вспомнить, Карпецкий. Что это за люди на фотографии? За что вы их расстреляли?

— Я не знаю... Я их не расстреливал... Тогда случайно шел мимо, ну, вот и...

— Значит, случайно... А на обороте ваша дарственная надпись, какому-то Ахметычу, тоже случайно.

— Что вы хотите от больного старика, у меня склероз,— и Карпецкий вдруг заплакал.

— Только что вы сказали, что «пришел час очистить душу», а теперь говорите, не помните. Когда рассказывали биографию, вас память не подводила. Как понимать вас?

Карпецкий молча глотал слезы.

— Вам представляется случай облегчить свое положение — рассказать правду о деятельности в банде Шкуро. Итак, вспомните, Карпецкий, сколько вы арестовали революционно настроенных солдат и участников большевистского подполья?

— Поверьте мне... не помню. Знаю, что немало. Но сколько, не помню... ей-богу,— и Карпецкий перекрестился.

— Бог вам не поможет, назовите фамилии.

— Не помню.

— Кто такой Ахметыч, которому вы подарили фотографию?

— Мой бывший осведомитель.

— Это его фамилия или псевдоним?

— Фамилия, а кличка была «Бештау».

— А как его зовут?

— Забыл... склероз... понимаете, возраст...

— Вам известно его местожительство?

— Нет.

— Карпецкий, побойтесь бога, в которого вы верите. Вы же с Ахметовым, а не с Ахметычем, как утверждаете, недавно встречались, неужели думаете, что нам это неизвестно? Назовите других осведомителей, находившихся у вас на связи.

— Не помню. Их много... было,— продолжал упорствовать Карпецкий.

— Мы ждем от вас искренних показаний. Скажите, Карпецкий, какие ваши поручения выполнял Ахметов?

— Он состоял вестовым при штабе. Доносил о настроях солдат охранного взвода... Вот и все.

— Кто этот армянин, который стоит на фотографии рядом с вами?

— Не помню.

— Опять «склероз»... Так мы тогда напомним, Карпецкий. Это Сарапетян из военного трибунала. Где он сейчас?

— Не знаю... Клянусь богом, не знаю.

— Вы Сарапетяна никогда после того расстрела не встречали?

— Нет... вернее, кажется... однажды... не так давно... вроде бы его видел, здесь в Москве... но точно утверждать не могу...

— А остальных лиц, принимавших участие в данном расстреле, вы знаете?

— Нет.

— Ахметов имел какое-либо отношение к тем троим расстрелянным?

— Точно не помню, но думаю, что нет.

— Хорошо. Мы дадим вам время все вспомнить. Ответьте на такой вопрос. Вы принимали участие в расстреле коммунистов и лояльно настроенных к Советской власти жителей Кавмингруппы?

— Я?! Нет.

— А за что вы получили два Георгиевских креста?

— По совокупности... За службу царю...

— По совокупности вы случайно не знали Анджиевского Григория Григорьевича?

— Анджиевского?! Я много слышал о нем... Видеть не приходилось... Нет, не приходилось,— после некоторого раздумья медленно произнес Карпецкий.

— И даже на месте казни?

— Я имел в виду... живого.

— При каких обстоятельствах был арестован и казнен Анджиевский Григорий Григорьевич?

При этом вопросе Карпецкий настороженно посмотрел на меня.

— Повторяю, Анджиевского я видел только мертвого, после казни... Он, кажется, целые сутки висел в Пятигорске... К его аресту и казни я не имел никакого отношения.

— Карпецкий, как вы бросили на произвол судьбы свою первую жену?

— Жену? А вы что, ее знали? — стараясь сохранить спокойствие, спросил Карпецкий.

— Отвечайте на вопрос.

— Не помню, как все это случилось...

— А вы помните, что хранили под паркетом у себя в комнате?

— Под паркетом... у себя в комнате...

— Да.

— У себя... в комнате...— По всему видно, что этот вопрос застал Карпецкого врасплох.— Браунинг,— наконец выдал он из себя.

— Вам предъявляется бельгийский никелированный браунинг за № 018171. Это ваш браунинг?

Карпецкий взял браунинг, повертел его, а затем дрожащими руками положил на стол.

— Да, этот браунинг принадлежит мне.

— Что вы рассчитывали с ним делать?

— Защищаться... или же...— сказал Карпецкий и вдруг замолчал.

— Карпецкий, если вас сейчас повезти в Пятигорск и показать старожилам, как бы они отреагировали?

— Если бы узнали, наверное, повесили бы,— тихо ответил он.

Допрос продолжался до позднего вечера. Мы понимали, что Карпецкий больше ничего не скажет о своей работе у атамана Шкуро, а документов, которые могли бы его изобличить, у нас не было. Чувствуя это, Карпецкий уходил от ответа на те вопросы, которые могли бы ему повредить. Да к тому же возраст и давность совершенного преступления давали ему надежду на снисхождение. Тем не менее к концу допроса Карпецкий на вопрос, в чем же все-таки он считает себя виновным, ответил:

— Гражданин следователь... По роду своих обязанностей я арестовывал и предавал суду революционно настроенных людей... Как позднее понял, в этом была моя вина перед богом и... властью Советов... Но что я смог сделать?.. Я... слабый... человек. Мне плохо... дайте воды... воды...— и Карпецкий повалился со стула.

Пришлось вызвать врача. У Карпецкого был сердечный приступ, врач долго приводил его в чувство.

Посоветовавшись с прокурором, мы отпустили Карпецкого домой, порекомендовав ему вспомнить о своей деятельности в армии атамана Шкуро... На этом месте я сделал паузу.

— Откуда у вас была фотография Карпецкого? — вдруг раздался вопрос из задних рядов.

— А как вы думаете? — спросил я.

Присутствующие в зале обернулись на вихрастого парня, задавшего вопрос.

— В архивах... возможно, изъяли у Карпецкого... или, может быть, нашли у его сестры Кати... — перебирал возможные варианты вихрастый паренек.

— Не угадали. Прислал нам фотографию Ахметов. Как, впрочем, и дневник Кати. Дело было так. Когда Ахметов получил телеграмму от Карпецкого, где тот просил захватить с собой фотографию, он решил обо всем рассказать органам госбезопасности. Ахметов знал, что Карпецкий запросил фотографию неспроста и переснял ее. Уезжая из Москвы, Ахметов написал большое заявление и вместе с копией фотографии и дневником Кати, который он прихватил у нее при посещении квартиры, опустил в ящик приемной МГБ.

— В связи с чем Карпецкий подарил эту фотокарточку Ахметову? — продолжал допытываться вихрастый паренек.

— Не перебивай! — раздался чей-то голос.

— В заявлении Ахметов подробно описывал обстоятельства его вербовки, а затем работы на белую контрразведку, — продолжал я. — Особое внимание уделил своему душевному состоянию. Он через всю жизнь пронес страх и смятение, боялся людей и скрывался от них, забираясь в самые глухие места. По этой причине даже боялся жениться, так и остался холостяком. Несмотря на способности, настойчивые советы окружающих пойти учиться, он так и не решился на это. За ошибку молодости он расплачивался всю жизнь. Особое место в заявлении отводилось фотографии. Это был, по всему видно, честный, но очень запоздалый рассказ человека, который хотел очистить свою совесть. Заканчивал он письмо описанием встречи с Карпецким в Москве. Теперь отвечу на вопрос. Карпецкий подарил эту фотографию Ахметову в знак признательности. Двое из трех расстрелянных солдат-дезертиров были на совести Ахметова; он их выдал Карпецкому.

— Почему же он тогда не уничтожил компрометирующую его фотографию? — последовал вопрос теперь уже из первых рядов.

— Дело в том, что Карпецкий пригрозил Ахметову,

что он выдаст его советским властям, а тот в свою очередь напомнил ему о существовании фотографии. И мир был сразу восстановлен. Вот почему он продолжал ее хранить.

— О Карпецком что-нибудь рассказал Ахметов?

— Ничего конкретного. В общих словах. Он ничего не знал о его делах.

— Что было написано на календарном листке, который вы направили Карпецкому? — раздался вопрос из зала.

— Там было указано, что в этот день, то есть 31 августа 1919 года, белогвардейской контрразведкой был казнен в Пятигорске известный революционер Анджиевский Григорий Григорьевич...

Спустя два дня возвратилась из Пятигорска Анна Алексеевна и сообщила, что она нашла одного человека, который помнил Карпецкого и может рассказать о его преступной деятельности на Кавказе. Он бежал из-под расстрела, которым руководил Карпецкий. Мы тут же вызвали этого человека в Москву.

Но Карпецкий не выдержал и отравился. Он оставил завещание и... записку. Все имущество он завещал Люсе. Записка была короткой: «В карательные органы Советской власти,— писал он.— Больше нет сил жить. Да, у меня руки были в крови. Тщетно отмывал все эти годы. Не отмыл. Хотел прийти покаяться, не хватило сил. Так и прожил тридцать три года в животном страхе. Мучил себя, мучил других. Простите, хоть сейчас, добрые люди. Ухожу. В полном сознании и здравом уме. Хочу покоя. Прощайте».

А ведь приди Карпецкий и ему подобные с повинной, все могло быть иначе в их жизни. Вот и вся история, о которой я хотел рассказать вам.

А. Зубов,
Л. Леров,
А. Сергеев

РАЗВЯЗКА

...Телефонная трубка положена на место, и подполковник Птицын, стараясь быть максимально сдержанным, сообщает:

— Звонили из приемной... Марина пришла...

Приемная КГБ... Как часто звонок оттуда сулит чекисту нечто совсем неожиданное — это может быть и такое, что поможет быстро распутать хитроумный клубок нитей трудного поиска, и такое, что еще больше запутает этот клубок, а возможно, заставит начинать все сначала. А сейчас как? Что принесет им, подполковнику Птицыну и его помощнику лейтенанту Бахареву, девушка, ожидающая в приемной.

Операция «Доб-1» несколько затянулась. Уже позабыт инженер Кириллов, завербованный вражеской разведкой в пору его заграничной командировки и арестованный в Москве, когда он во дворе Донского монастыря доставал из тайника предназначенные ему деньги, инструкции, материалы для тайнописи; человек этот отбывает ныне свой срок. С Кирилловым все ясно. А вот кто тот связной, что заложил деньги в тайник? Как найти его? Пока удалось ухватить только одну нить, точнее, ниточку — деньги для Кириллова были возвращены в «Медицинскую газету», на белом поле первой страницы которой карандашом выведен адрес: «Доб-1...» Дом 1 на улице, название которой начинается с трех букв — Доб. А номера квартиры нет... И по этому, не

очень надежному, следу — Доб-1 — начал свой поиск лейтенант Бахарев, поиск, который и привел его в семью доктора Васильевой — Анны Михайловны и ее дочери Марины.

И вот звонят из приемной.

— Марина Васильева пришла.

Кто она, Марина Васильева? Просто озлобленная, — для того есть у нее основание, — ершистая, взбалмошная девушка, оказавшаяся в поле зрения господина Зильбера, вражеского разведчика, приехавшего в Москву с паспортом туриста? Или же связная, не первый год выполняющая задания хозяев «туриста»? Поначалу, когда Бахарев, выдав себя за литератора, поближе познакомился с Мариной, все казалось предельно ясным. Отчим Марины, Эрхардт, немец по национальности, исчез в первые же дни войны: учитель немецкого языка оказался немецким шпионом. Под маской учителя он прожил в Москве около пятнадцати лет. Известно, что там, на Западе, он и сейчас пребывает все в той же роли разведчика, только хозяева у него другие: платят долларами. Известно, что в Москву приезжал «турист» Альберт Кох, посланец Эрхардта. Он виделся с Мариной, передал ей привет от папы и сувенир — две шерстяные кофточки. Зильбер, «случайно» встретившийся с Мариной в ресторане «Метрополь», надел ей на палец золотое кольцо с бриллиантом: «...это подарок от папы...» В доме Васильевых часто бывает подруга Марины, студентка медицинского института Ольга — иностранка, обучающаяся у нас в порядке культурного обмена.

Кажется, уже многое известно. И все «гири» подозрений должны быть брошены на чашу весов Марины, все законы логики побуждают Бахарева и Птицына сделать вывод — это она, студентка иняза, неродная дочь разведчика Эрхардта, Марина Васильева, видимо, и есть та связная...

Но чем больше они старались вникнуть в характер Марины, тем больше убеждались: нет, тут не все ясно, не все просто. И контрразведчики должны разобраться в противоборстве фактов и эмоций. Сделать это тем более важно, что Николай Бахарев стал для Марины не просто знакомым, а человеком, которого она полюбила.

...У Зильбера в Москве оказался свой надежный человек, уголовник, бывший одесский контрабандист, в картотеке зильберовских хозяев он числится Толстяком.

По поручению Зильбера Толстяк подбросил в студенческое общежитие фальсифицированные газеты «Футбол»: первая страница ничем не отличается от обычной газеты, продаваемой во всех киосках, а на остальных — антисоветские пасквилы. Такие же «газеты» оказались в почтовых ящиках одиннадцати квартир в домах подмосковного городка. Чья рука? В свое время с Толстяком был связан знаменитый одесский сапожник Аркадий Победоносенко, делавший хитрые тайники в элегантных туфлях. И вот выясняется: живет профессор обувных дел в том же доме, что и... Марина. И однажды во дворе она передала ему какой-то пакет. Какой? И случайно ли, что передала именно в ту пору, когда Толстяк, друг Победоносенко, подбрасывал грубо сфабрикованные антисоветские фальшивки?

Зильбер — Толстяк — Аркадий Победоносенко — Марина Васильева... Звено — к звену. Кажется, в основание гипотезы, ранее высказанной, можно положить еще один камень.

Чуть позже стало известно, что за пакет был передан Аркадию Победоносенко. Он, человек давно порвавший все связи с контрабандистами, сам явился в КГБ. Явился и положил на стол... туфли. Туфли с тайником в каблучке. Теперь уже, кажется, можно отбросить сомнения! Она, Марина, и есть связная. Это уже не гипотеза, а бесспорный факт. Но туфли, оказывается, принадлежали не Марине, а Ольге. Это по ее просьбе подруга отдавала их в починку Аркадию Победоносенко, «высокопоставленному сапожнику», к которому и не каждый-то имеет доступ.

И еще одно обстоятельство: среди хозяев почтовых ящиков подмосковного городка — пять пациентов Ольги, она там проходила практику в поликлинике. Остальные шесть — пациенты доктора, которой Ольга помогала.

...Уже, кажется, близка развязка. Идет совещание у генерала Клементьева. Тут и Бахарев, и Птицын, и непосредственный его начальник полковник Крылов. Докладывает Бахарев. И о туфлях, и о «Медицинской газете», которую видел в комнате у Ольги. На белом поле газетного листа — Доб-1-38. Газету выписывает доктор Васильева из квартиры 38, а Ольга берет у нее номера с интересующими ее статьями. И о результатах дактилоскопического исследования газеты, хранившейся в сейфе Птицына: криминалисты сличили отпечатки пальцев на га-

зете и в разное время собранные Бахаревым оттиски пальцев Ольги, Марины, доктора Васильевой. Полное совпадение. Пора бы уже, кажется, арестовать Ольгу. Но генерал не склонен спешить. Излишняя поспешность может повредить. На ряд сложных вопросов еще нет ответов.

Среди тех вопросов, что остались без ответа, есть один, который особо тревожит его: «А что, если и Ольга, и Марина? Может быть, они действуют вдвоем? Как быть с такой уликой: Марина рассказала Бахареву, кажется, все, что можно было рассказать о своей жизни, утаила встречи с гонцами Эрхардта, утаила историю золотого кольца?

И еще: лейтенанту известно, что Зильбер просил Марину познакомить его с Бахаревым: «Я имею просьбу вашего папы, если это не затруднит вас, привезти ему для книги что-нибудь любопытное из жизни современных советских писателей... Я буду иметь бесконечную благодарность вам, если вы познакомите меня со своим другом». Это говорил Зильбер.

Бахарев сам добивался встречи с разведчиком. У него созрел на сей счет план. Он несколько раз настойчиво предлагал Марине: «Пойдем вечером в ресторан... Люблю эти злачные заведения, грешен!» Это была проверка, пожелает ли Марина использовать столь простую и легкую возможность: они с Колей ужинают, и тут неожиданно появляется бородатый турист, тот самый, что подходил к их столу в «Метрополе».

Марина резко отвергла все предложения Бахарева. И вдруг...

Он был у Марины, когда позвонила Ольга и попросила срочно привезти ее туфли. Зачем они ей так срочно понадобились? Туфель у нее пар десять. Раздумывать было некогда. Марина предложила Николаю пойти вместе с ней к подруге. И вот там-то Марина, так стойко отбивавшаяся от всех ресторанных атак Николая, вдруг сдалась. Он пригласил подруг провести с ним воскресный день на ВДНХ. «Там и пообедаем», — весело заявил Бахарев. Сказал и выжидающе посмотрел на Марину. На сей раз она согласилась. А далее все шло как на хорошо отрепетированном спектакле. Во время обеда появился Зильбер. А вечер Бахарев провел в гостинице, в номере «туриста». У них состоялась весьма заинтересовавшая обе стороны беседа.

Кто же предупредил Зильбера о предстоящей воскресной прогулке на ВДНХ? Ольга, уклонившаяся от этой прогулки? Или Марина, разыгравшая в ресторане сцену яростного негодования, — у нее даже лицо перекошилось от бешенства, когда Зильбер подошел к их столу. Никогда Бахарев не видел ее в таком состоянии. Она не просила, она требовала: немедленно домой! Что это было: каприз взбалмошной девушки, какое-то время сдерживавшееся, а сейчас прорвавшееся чувство ненависти к Зильберу? Или что-то совсем другое? Кто, кроме Марины, мог навести его на след Бахарева? А если Ольга? А если Ольга и Марина?

В ответ на приглашение Птицына¹ сестра она не сказала ни «здравствуйте», ни «благодарю». Она сразу выплеснула: «Спасите!» И больше не смогла сдержаться — к горлу подступил комок...

— Не надо, девушка, успокойтесь. Вот так. Я, простите, не очень понял вас: кого надо спасти? — Последние слова были сказаны вежливо, учтиво, но достаточно холодно.

Марина вопрошающе посмотрела на Птицына. Когда она шла сюда, то десятки раз прикидывала, как спокойно, размеренно будет повествовать обо всем: и о том, как ушла на фронт ее мама, и о том, как исчез в неизвестном направлении отчим, и о той страшной встрече в лагере военнопленных советского врача с начальником лагеря господином Эрхардтом, ее мужем, и о «туристе» Кохе, и о подарках отчима. Она расскажет и о странной статье Эрхардта, и о ее подспудно зревших подозрениях, о домогательствах Зильбера и легкомыслии Бахарева. Все было разложено по полочкам. И твердо решено было покаяться в собственной вине, объяснить, почему медлила, почему не пришла тогда, после встречи с «туристом» Кохом, вручившим ей подарки отчима. Но, как часто бывает в таких случаях, все заранее приготовленные слова в последний момент бесследно исчезли. Сейчас она ощущала дрожь голоса, удары крови в висках. А сердце билось так часто, что, кажется, вот-вот вырвется наружу. И когда она уже переступила порог приемной КГБ, ей почему-то казалось, что главное в ее визите — спасти Бахарева. Она так и начала свой разговор с Птицыным.

— Речь идет о близком мне человеке... Бахарева Ни-

колае Андреевиче, литераторе. Поверьте, речь идет о весьма достойном человеке. Иначе я не пришла бы к вам.

Сказала и запнулась, смутилась. «То есть как не пришла бы? Она все равно пришла бы сюда, и вовсе не потому, что Бахарев...» — Это она подумала. А говорить не могла. У нее закружилась голова, и она почувствовала странную слабость, охватившую ее после бессонной ночи.

А Птицын все так же вежливо, но холодно и строго продолжал:

— Вы не ответили на мой вопрос, товарищ Васильева, кого надо спасать: вас или упомянутого вами литератора?

Марина тяжело вздохнула и, глядя в упор на подполковника, отчеканила:

— И меня, и его. Я пришла к вам с повинной...

Птицын слушает с живейшим интересом. Он с удовольствием отмечает точность бахаревских характеристик, фиксирует: сейчас девушка, кажется, ничего уже не утаивает. Да, были у нее и сомнения, касающиеся отчима, были и проблески надежды: «А вдруг раскается во всем и вернется?»

— Я его сразу узнала... господина Зильбера... Он был с Альбертом Кохом, когда мы с ним встречались в кафе «Метрополь». Подозрения незаметно, исподволь закрадывались уже тогда. Я догадывалась, что это за туристы. Но сама себе не решалась признаться. Я старалась не слышать голоса разума, а может быть, предпочла игнорировать его. Вероятно, так было легче.

До сих пор она говорила спокойно, ровно, глядя прямо в лицо собеседнику. А тут вдруг сорвалась, опустила глаза, и голос задрожал.

— То был мой первый ложный шаг... А за ним второй... Мы возвращались всей компанией с вечера в медицинском институте. Бахарев предложил пойти в ресторан... в «Метрополь»... Все отказались. А я пошла... А потом случилось страшное... Непоправимое... Я это поняла позже... Не знаю, не знаю, что это было — случайность или преднамеренно задуманное... В ресторане появился Зильбер и пригласил меня танцевать... Я отказалась... Он снова пригласил... Коля настоял... И я согласилась. Мы танцуем, гремит музыка, а Зильбер нашептывает: «Вам привет от папы... Он очень скучает без

вас. Я привез вам небольшой подарок господина Эрхардта». И я не успела опомниться, как он надел на мой палец золотое кольцо с бриллиантом, я так растерялась, что забыла про Николая, забыла, что он может заметить неожиданно появившееся на моей руке кольцо. Что я отвечаю ему, если спросит: «Откуда оно взялось?..» За столом я перехватила Колин взгляд... пробормотала что-то невнятное, извинилась и вышла из зала... Спрятать кольцо... Боже мой, как это все гадко получилось... Я принесла его с собой, вот оно.— И Марина, достав из сумки кольцо, положила его на стол.— Оно не принадлежит мне. Делайте с ним то, что считаете нужным...

И сразу умолкла. Собиралась с мыслями, вспоминала. И продолжала уже неторопливо, тяжело.

— Во время танца Зильбер сказал, что имеет некоторые пустяковые поручения ко мне от господина Эрхардта. Я спросила: «Какие?» Он ответил: «Не стоит сейчас об этом». И тут же сообщил, что хотел бы показать мне статью отчима, опубликованную в одной из прогрессивных газет Запада. «Господин Эрхардт немного занимается литературой и немного политикой. Ваш папа тоже хочет бороться за мир против империализма и фашизма. Жизнь многому научила его...— И многозначительно добавил: — Конечно, средства борьбы бывают разные... А газету я вам принесу. Нам надо еще раз поговорить. Но у вас, кажется, не принято встречаться с иностранцами в гостинице...» И назначил свидание у памятника Пушкину.

Не знаю, какая неведомая сила заставила меня в тот воскресный день пойти на свидание с Зильбером. Потрясенная встречей в ресторане, я не спала всю ночь, а утром меня охватила страшная апатия, весь белый свет был не мил. Я все-таки отправилась на свидание с Зильбером... Почему? Не могу вам объяснить... Мы встретились у памятника Пушкину, а потом поехали в Архангельское. Гуляли. Обедали... Я не помню, о чем шел разговор за столом. Осталось лишь противное ощущение, что Зильбер пытается залезть в душу, узнать твои мысли, что есть у него какие-то мерзкие планы и он уже отвел тебе какое-то место в них...

И снова умолкла. И снова смотрит на Птицына отсутствующим взглядом. И вновь всплывают перед ней недавние встречи, беседы... Бородатый, скользкий Зиль-

бер, непонятная Ольга с вечно деланной улыбкой... Марине надо сейчас все вспомнить, обо всем рассказать этому человеку, который так внимательно слушает ее. Обо всем, до мельчайших деталей...

...Архангельское... Ресторан... Зильбер с его разглагольствованием о России, о молодежи, о ее призвании идти во главе масс, бороться за справедливость, демократию и испытующе-выжидательный взгляд на Марину, на молодую парочку аспирантов, подсевших к их столу...

После обеда она попросила у Зильбера обещанную газету. Он изобразил на своем лице смущение: «Не обессудьте, проклятый склероз. Приготовил для вас газету и в последний момент забыл положить ее в карман». Позже она поняла: турист соврал. Газета — это всего лишь предлог, повод для дальнейших встреч. И действительно, он тут же предложил ей через два дня встретиться у Кировских ворот... Она и туда пришла — уж очень ей хотелось получить газету со статьей отца. Но было у нее еще одно важное дело. Марина попыталась вернуть Зильберу кольцо. «Я не хочу получать подарки от чужого человека и очень жалею, что приняла такой подарок тогда, в первый раз...» Зильбер усмехнулся, насильно сунул кольцо в карман ее пальто и стал поучать: «Вам никуда от этого не уйти... Вот вам газета, прочтите его статью, и вы поймете, что ваш отчим не так уж далек от тех, кто стоит на весьма прогрессивных позициях... И, в частности, коммунистов, покинувших свои родные дома, так называемые социалистические государства, чтобы на чужбине бороться за подлинный социализм, демократический социализм... Я не сомневаюсь, фрейлен Марина, и в вашей стране есть люди, молодые люди с горячим сердцем и светлой головой, которым придется по душе статья вашего папы... Да! Это так, есть... Не смотрите на меня удивленными глазами. Я читал статьи этих молодых людей... Я читал их там, у нас, где свобода печати... Я мог бы вам показать очень интересный русский журнал, который издают на Западе — «Грани». Вы нашли бы там прекрасные рассказы и стихи весьма уважаемых и весьма популярных у вас советских авторов, то есть людей, не имеющих возможности печатать свои произведения у себя дома. Это настоящие борцы за настоящую демократию... Я не политик, я ученый, но я есть гражданин. И не могу

не преклоняться перед ними». Зильбер предложил ей: «Если фрейлейн пожелает, то будет получать этот русский журнал... Я знаю, что есть в Москве люди, которые с большим интересом читают это издание истинных борцов за новую жизнь в России». И стал рассказывать о программе неизвестной ей зарубежной организации русских эмигрантов. Запомнилось название: НТС — народно-трудовой союз. Она впервые услышала о союзе и о журнале. Но ей не трудно было понять, даже в зильберовской подаче, что это за народно-трудовой союз, а что это за «Грани».

— Зильбер настойчиво рекомендовал мне время от времени почитывать «Грани»... «Вы должны иметь широкий взгляд на окружающий вас мир,— убеждал он.— В «Гранях» вы найдете многое такое, что вам ни есть известно... Я от души желал бы, чтобы вы, фрейлейн Марина, прониклись тем, что мы называем дух времени... Я готов обеспечить вас этим журналом, который есть дух времени».

— По почте?

— Он не уточнял...

— И вы согласились?

— Почему вы так говорите?...

Ее лицо ожесточилось...

— Значит, отказались? Ну, ну... Не сердитесь... Не надо... Молодежь, она ведь любознательная: хочет знать, что за «Грани» такие... А что вы скажете о статье отца?

— Я плохо разбираюсь в политике, тем более в вопросах теории...

— Жаль... Серьезный пробел в вашем вузовском образовании.

— Бахарев тоже так считает. И все же я позволю высказать свое мнение... Автор,— она избегала слов «отец», «отчим»,— клеймит империалистов и ратует за многообразие путей строительства социализма. При этом, может быть так мне показалось, ловко маскирует подтекст: из всего многообразия путей он предпочел бы тот, который решительно отменяет диктатуру пролетариата и руководящую роль партии...

— О, вы не так уж плохо разбираетесь в политике, если в закамуфлированном подтексте уловили эти «мотивы». Я, кажется, зря ополчился на вузовское образование.

— Это не вуз... Это Бахарев... У нас с ним был

долгий спор. И, читая статью, я не раз вспоминала про тот наш разговор... Это был, пожалуй, единственный случай, когда я увидела своего друга в неожиданном для меня облике.

— В каком же?

Марина задумалась.

— Легкомысленный и вольнодумный Николай вдруг предстал передо мной, если хотите, политическим бойцом, таким воинственным агитатором, умеющим убеждать и драться за свои убеждения. А разговор шел на острые политические темы... Я ведь привыкла к тому, что у нас, в институте, наши ребята-активисты обычно уклоняются от таких разговоров, отшучиваются... А Бахарев не уклонился, сам вызвал меня на спор. И тогда я была благодарна ему...

Птицын слушает сбивчивую речь Марины, вспоминая генеральский наказ Бахареву по части «разведки боем».

— Надеюсь, вы догадались принести нам газету? Отлично... Вот и мы сейчас читаем сочинение господина Эрхардта. А вы, если хотите, можете кофейком побаловаться. Не хотите? Как угодно.

Птицын, неплохо знавший немецкий язык, бегло пробежал статью, тут же занялся тщательным изучением всей газетной полосы. И, к немалому удивлению Марины, стал даже на свет рассматривать ее. Затем он позвонил кому-то по телефону, сообщил название газеты, дату и заголовок статьи.

— Проверьте, и как можно быстрее... Да, да, вы правильно поняли... Напоминаю — фамилия автора Эрхардт... Ну-с, продолжайте, товарищ Васильева. Я вас слушаю... Как дальше развивались события?

— Через несколько дней Зильбер снова позвонил мне и сообщил, что позавчера в Москву приехал его коллега и он видел у него на столе, в номере, газету, в которой опубликована еще одна статья господина Эрхардта. Если она меня интересует, то мы можем завтра пообедать в Сокольниках.

...С утра на улице шел пронизывающий дождь. Она выглянула на балкон. От резкого ветра было зябко. От одной мысли, что надо ехать в Сокольники, видеть, слышать этого лошеного бородача ей становилось дурно. Зильбер вызывал у нее уже физическое отвращение, желание кинуться на него с кулаками, хлестать его самыми оскорбительными словами. И вдруг словно что-

то подхватило ее, подтолкнуло — она быстро прошла в переднюю и стала одеваться.

...Он подждал ее, как и было условлено, у входа в парк. Марина подошла, кивнула головой и, не подав руки, тут же резко спросила: «Вы принесли газету?»

— О, майн готт... Такие есть неудобные обстоятельства. Мой друг неожиданно улетел в Ленинград... Я есть очень огорчен, что не могу выполнить свое обещание.— И тут же счел нужным разразиться целой тирадой: — Жаль, что вы не будете читать этой блестящей статьи господина Эрхардта... То есть вдохновенное слово о величии гуманизма. Увы, иногда им пренебрегают даже там, где он должен стать знаменем людей, которые есть строители новой жизни.

Разговор в Сокольниках не был для нее прозрением. Она уже давно, ощупью, шла к тому, чтобы убедиться, кто есть кто. Она по рассказам мамы все знала об отчине. Но ведь прошло столько лет! Разве время не властно над людскими судьбами, разве не бывает так, что даже самые закоренелые преступники решительно рвут со своим темным прошлым? Где-то глубоко в тайниках души теплилась надежда. И ей хотелось продлить состояние столь туманного неведения...

— Мне тяжело в этом признаваться... Я виновата... Скажу честно, привезенная Зильбером газета поначалу даже в какой-то мере окрылила меня. Но ненадолго. К чувству смутной надежды примешивалась неясная и с каждым часом обострявшаяся тревога... Не знаю почему, но у меня сложилось какое-то настороженное отношение к этой статье...

— Мы постараемся,— сказал Птицын,— еще до того, как вы уйдете отсюда, помочь вам ответить на тревожащий вас вопрос. А теперь продолжайте...

— Я ее читала дважды... статью Эрхардта... И анализировала: что, собственно, нового добавила газета? А тут еще поведение Зильбера... В Сокольниках он начал действовать активнее, решительнее, почти в открытую стал требовать: «Вы обязаны стать помощницей отчима. Не забывайте, что вы дочь господина Эрхардта...» От требований перешел к убеждению. Зильбер доказывал, что если я буду помогать отчиму, то это облегчит ему возвращение к семье. Потом отказался и от этой тактики. Стал прощупывать мои настроения, снова вещал о высоком призвании молодых бороться за гу-

манизм, демократию, свободу слова и мнений... Говорил, что мой отец вместе с группой истинно русских патриотов, вместе с коммунистами, бежавшими из социалистических стран, живет теми же заботами, что и самая передовая, по мнению господина Зильбера, часть советской молодежи. И сразу дал мне понять, кого он имеет в виду. Я не помню, как это случилось, но я рассказала ему о нашем студенческом поэте, авторе песни «Заря». Она в рукописи ходила по рукам. Эта песня — я узнала позже от Бахарева — стала гимном группы антисоветски настроенных студентов. У них был свой клуб, свой устав... Студента, автора песни, хотели исключить из института. Не помню в какой связи, но я рассказала о «Заре» «туристу». Зильбер обрадованно воскликнул: «Эта есть настоящий борец, Марина!.. Ваш папа всем сердцем с такими людьми. Это есть, как у вас говорят, продолжатель традиций Чернышевского и Писарева». И он даже процитировал Писарева, напомнил его слова о свежести взглядов университетской молодежи, всегда питавшей непримиримую ненависть к рутине. И вновь повел разговор о каких-то издаваемых на Западе русских газетах и журналах, где можно прочесть произведения советских литераторов, художников, критиков, которые, по его словам, вынуждены уйти в подполье...

— А вы не спрашивали у Зильбера, чем, собственно, вы должны помочь отчиму? О каких поручениях идет речь?

— Нет, не считала нужным даже задавать такой вопрос, мне уже все было ясно. Но он сам, не дожидаясь вопроса, поспешил набросить туманную завесу. «От вас требуются сущие пустяки, Марина... Информация... Обычная информация о самых обычных фактах... В глазах любого человека — коммуниста или социал-демократа, капиталиста или рабочего — факт остается фактом... Категория внеклассовая, вне партий... Я слушала его и улыбалась. Он удивленно спросил меня: «Чему вы улыбаетесь? Разве я сказал что-нибудь смешное?» Я ответила: «Нет, не смешное... Тривиальное... Недавно я имела возможность выслушать примерно такую же точку зрения. Одна из наших студенток доказывала своему другу, что факт неудач СССР в начале войны есть факт бесспорный, какими бы глазами писатель ни смотрел на него. И для советского, и для буржуазного писателя это есть факт неопровержи-

мый. И тогда начался спор, может ли быть классовый подход к факту и его описанию. Друг студентки рассказал любопытную историю о том, как один и тот же совершенно бесспорный факт был по-разному принят людьми, представляющими разные классы.

Осенью 1920 года Петроград посетили два иностранца: он и она. Он, вернувшись домой, написал, что улицы Петрограда находятся в ужасном состоянии, изрыты ямами и автомобильная езда по городу сопряжена с чудовищными толчками. А перед ней эти же улицы, изрытые ямами, предстали в ином облике. Неподалеку от Путиловского завода она увидела развороченную мостовую и баррикаду, сложенную в дни наступления белогвардейцев. И перед ее внутренним взором возникли баррикады Парижской коммуны, священные камни революции. Так один и тот же факт по-разному выглядел в глазах Герберта Уэллса и Клары Цеткин.

Зильбер вначале растерялся, потом улыбнулся: «О, это есть блестящий полемист... Друг вашей подруги есть отличный мастер коммунистической пропаганды... Но я еще более высокого мнения о русской студентке — у нее острый ум интеллектуала, который ищет настоящую правду... Я был бы рад беседовать с такой студенткой...» Ох, как мне хотелось сказать ему, что такая студентка стоит перед ним, а ее друг — это Николай Бахарев, с которым господин Зильбер имел честь познакомиться в ресторане «Метрополь».

— Почему же вы не сказали ему этого?

— Не хотела... Не хотела, чтобы господин «турист» причислял меня к тем молодым, о которых он говорил. Зильбер сделал бы из этого гнусные выводы.

— Вам нельзя отказать в некоторой проникательности, товарищ Васильева. Итак, Зильбер, судя по вашему рассказу, атаковал вас и с фронта и с флангов...

— Да, примерно так... Но было еще одно направление атаки: Бахарев... Только что я объяснила вам, почему не было сказано Зильберу, кто та студентка и кто тот «блестящий полемист». А сейчас я подумала: жаль, что не сказала. Быть может, Зильбер тогда и не добивался бы встречи с ним.

— С кем?

— С Бахаревым...

— Что вы можете сказать о нем?

— Говорят, что настоящая привязанность слепа.

Может быть, и так. Но я попытаюсь... На первый взгляд он кажется человеком легкомысленным. Но, пожалуй, это — обманчивое впечатление. Кто познакомится с ним поближе, тот увидит, что он вдумчив, умен, серьезен. Я уже вам говорила...

Марина умолкла, задумалась.

— И все же я смею утверждать, что этот человек несколько легкомыслен. Есть в нем что-то от богемы, от прожигателей жизни. Он любит рестораны, веселые компании, легко тратит деньги — на себя и на других, любит щегольнуть острым словом и острой мыслью. О таких говорят: для красного словца не пожалеет и отца.

— Не пойму — вы в осуждение Бахарева говорите или в одобрение?.. Лично я люблю острую мысль. Самое опасное — стандартумыслие. Оно идет от равнодушия. А ваш Бахарев каков?

— О, нет, он не из равнодушных. Нет, нет... Он человек импульсивный, человек острой реакции. И эта реакция его... Я боюсь, что она будет понята господином Зильбером по-своему. Я боюсь, что он попытается...

Марина хочет подобрать слова, чтобы точнее выразить свою мысль, но не находит подходящих слов. И Птицын спешит ей на помощь:

— Сделать с Бахаревым то же, что он пытался сделать с вами.

— Возможно, что и так... Я не знаю, чем кончился их разговор...

Она несколько растерянно оглянулась по сторонам, словно хотела убедиться в том, что никто кроме Птицына не слышит ее слов.

— Мне очень тяжело говорить вам все это...

Она осеклась, смутилась, а Птицын про себя отметил: «Пожалуй, я начинаю проникать в тайну, которую не отнесешь к категории государственных. Вот уж действительно — молодость не умеет гайть своих чувств».

И снова пауза. А Птицын не склонен нарушать молчание. С невозмутимо-отрешенным выражением смотрит он куда-то в сторону и ждет.

— Зильбер настойчиво добивался встречи с Бахаревым, — продолжает Марина. — Я это чувствовала. Я догадывалась, зачем нужна ему эта встреча... Подходящий, с точки зрения Зильбера, объект. Я вам говорила о некоторых чертах его характера... Таким я нарисовала его портрет и в разговоре с Зильбером, когда мы

были в Архангельском. Тогда у меня еще не сложилось окончательное представление о «туристе». А потом было уже поздно. Он действовал тонко и хитро. Не могу не воздать должное его хватке...

И она снова о том же, об ухищрениях «бородача».

— «Турист» избрал другую тактику. Он знал, как я люблю маму. Для меня нет на свете человека более дорогого, близкого... Хотя иным со стороны кажется, что я плохая дочь...

— А как мама относится к вам?

— Обожает, опекает, как ребенка.

— Да, все мамы на свете одинаковы... Ну, а вот, скажем, вы пошли в ресторан «Метрополь». Пошли с человеком, не очень еще близким. Мама знала об этом?

— Конечно. Я, правда, с трудом, но дозвонилась ей в тот вечер. Она дежурила в больнице...

Птицын тут же вспомнил, как они с Бахаревым терялись в догадках, кому Марина звонила по телефону-автомату на пути в ресторан: маме или Зильберу?

— Это очень трогательно. Но я, кажется, прервал нить вашего рассказа. Прошу прощения. Вы остановились на том, что Зильбер повел атаку с другого фронта.

— Да, это было так.— И она все теребит и теребит воротничок своей блузки, будто он душит ее.— Зильбер знал, что я очень дорожу спокойствием мамы... Да, да, это так... И Зильбер заявил, что, если я откажусь помогать отцу, он расскажет маме обо всем и предупредит, что на карту поставлена судьба ее дочери... Законченный негодяй! Когда он пустил в ход шантаж, я сникла и...

— И поддалась?

— Нет, нет... Это случайность...

— Что вы имеете в виду?

— Встречу Зильбера с Бахаревым на ВДНХ.

— Когда, в какой связи?

...Марина долго упорствовала: «Нет, нет, я не желаю идти в ресторан». А Бахарев твердил свое: «Почему ты упрямисься? Я хотел бы отметить твоё выздоровление. И, вообще, люблю застолье под звуки джаза».

У нее не было никаких оснований кого-то в чем-то подозревать, но шестое чувство подсказывало ей, что встреча в «Метрополе» произошла отнюдь не неожиданно. Возможно, что все это ложный страх. Но в ре-

сторон с Бахаревым она не пойдет. И решение ее непоколебимо. Она должна помешать встрече Зильбера с Бахаревым.

...И надо же было случиться такому. И эти проклятые туфли, и этот визит к Ольге. Вместе с Бахаревым. Щебечущая, расточающая улыбки хозяйка дома. «Как я рада видеть тебя вместе с Николас». Потом появился ее поклонник Владик. Он приехал из института после занятий. Марина так и не поняла его перепалки с Ольгой. У нее это бывает. Сама же просила Владика узнать о каком-то математике, с сыном которого тот дружит, а теперь, когда он рассказывает об этом ученом — «любит правду-матку резать, сторонник некоторой демократизации нашей жизни», — Ольга грубо обрывает: «Владик, оставь нас в покое с этим математиком. Поставь лучше какую-нибудь хорошую пластинку. Давайте потанцуем, мальчики...» Они танцевали и о чем-то весело, оживленно разговаривали. У Марины было отличное настроение. Откуда? Вероятно, Бахарев был «виноват». И вдруг он объявляет: «В воскресенье мы едем на ВДНХ. Гарун аль Рашид дает обед. Согласны?» Первой подала голос Ольга. А Марина молчала. Он подошел к ней, посмотрел в глаза и спросил: «Так как, Марина? Договорились». Она утвердительно кивнула головой и сказала: «Если это тебе доставит удовольствие...»

И вот ВДНХ. Воскресный день. Осень. Зябко. А народу много. Ольга с Владиком не пришли. Ну и пусть себе. Она была рада. Они отправились в ресторан. Ей было очень хорошо вдвоем с Николаем. И вдруг словно какое-то страшное наваждение... Зильбер стоял рядом и галантно склонил голову в их сторону. И теперь она уже с ужасом подумала: «Как и тогда, в «Метрополе»...»

— Я не знаю, не помню, что произошло потом... Я была как в бреду... Я готова была избить этого бородатого негодяя. Смутно припоминаю, как он уговаривал Бахарева поехать к нему в «Метрополь», в его номер, продолжить их «интересную» беседу... И тут словно кто-то стал трясти меня за плечи: «Очнись, послушай, что затевает этот Зильбер...» И я очнулась... Презрела все условности — конечно, девушка не должна была так унижать свое достоинство. Но я не побоялась унижить его. Слишком дорог мне Бахарев. И когда он вместе с Зильбером подвез меня к дому, чтобы затем проследо-

вать дальше, в гостиницу, я стала умолять Николая: «Не уезжай... Я одна дома... Я хочу в этот вечер быть с тобой, вдвоем...»

Наступила пауза. Молчит Васильева. Молчит Птицын. В это мгновение он по достоинству оценил мужское благородство своего помощника — даже ему, начальнику, он не передал Марининых слов... Александру Порфирьевичу нетрудно догадаться, как тяжело ей об этом говорить. Ему бы сейчас пожалеть ее, посочувствовать, но он не имеет права.

— У вас будут еще вопросы?

— Да... И не один... Вы рассказали сейчас о неожиданном появлении Зильбера на ВДНХ. Но, согласитесь, чудес же не бывает... Ведь кто-то...

Марина встрепенулась и испуганно, громче обычного спросила:

— Что вы имеете в виду? Нет, нет, я не организовывала этой встречи. Вы должны мне верить. — И в голосе ее — отчаяние.

— Конечно, бывают и случайные стечения обстоятельств... Допустим... Но, может быть, случайность проявилась совсем в другом. Ну, скажем, вы случайно, без умысла, невзначай где-то обронили слово о ваших планах на воскресенье?..

Марина задумалась.

— Нет, я никому не говорила.

— Тогда разрешите еще вопрос: как вы считаете — Зильбер встречался с вашей мамой?

— Нет, категорически нет.

— Откуда такая категоричность?

— Я сама все рассказала маме. И все мои сомнения — идти к вам или нет — отпали после разговора с мамой. По ее настоянию я пришла к вам.

— А я-то думал, что вас привело сюда доброе чувство к другу... — Птицын улыбнулся, поднялся с места и подошел к Марине.

— Вы не улыбайтесь. — Она теперь смотрела на него снизу вверх. — Это все очень сложно. Вначале мне казалось, что только одна сила побудила меня прийти к вам — Бахарев. А теперь понимаю, что иначе поступить не могла... При любых обстоятельствах... Но разговор с мамой многое решил.

— Мы-то не хуже вас знаем, какая она мудрая и сильная...

Марина поняла, что разговор закончен. Встала и спросила:

— Я могу идти?

— Да... Впрочем, задержитесь...

Птицын снял телефонную трубку, набрал номер.

— Как ваши газетные дела, Сергей Петрович? Так я и предполагал — тот же почерк. Благодарю за оперативность. А справку пришлите... Для документации...

И, уже обращаясь к Марине, Птицын сказал:

— Ну вот, еще одна ваша загадка разгадана. Могу сообщить, что газета со статьей господина Эрхардта — чистейшая фальсификация. Ловкая проделка, рассчитанная на простаков. В указанной газете за указанное число нет никаких сочинений господина Эрхардта. Газета с его статьей отпечатана тиражом в один экземпляр. Специально для вас... Вот так, товарищ Васильева. А теперь можете идти. До свиданья. Но нам, вероятно, придется еще раз встретиться. Будьте здоровы...

* * *

Как и следовало ожидать, незадолго до отъезда Зильбера Ольга снова вышла с ним на связь. В Архангельском, в тайнике она оставила для него письмо с закодированным текстом, фотокопия с которого лежала на столе Птицына. Медичка сообщала, что решила не рисковать и не посылать с Зильбером все собранное и подготовленное ею, так как скоро сама поедет на каникулы. Что касается математика, то, по некоторым сведениям, он выступал на ученом совете и частично признал ошибочность своей позиции. Но кое в чем продолжает упорствовать. В чем именно?.. Ольга надеется получить соответствующую информацию через близкого ей студента, который дружит с сыном профессора...

А еще через час в этом же парке появился Толстяк. Переваливаясь с боку на бок, он неторопливо приближался к заветной скамейке. Кругом тихо, ни единой души. Он присел на скамейку, углубился в чтение газеты, которую держал левой рукой, а слегка дрожащей правой шарил в тайнике. Все на месте, отлично! Сейчас он поедет на Белорусский вокзал, положит чемодан в камеру хранения. Вечером Зильбер — ему этот шифр известен — заберет чемодан. И делу конец... Завтра рано

утром Зильбер улетит домой, и тогда Толстяк облегченно вздохнет.

В столь блаженном настроении он покидал парк, не подозревая, что завтра уже будет сидеть... перед следователем, и рассказывать, как летом служебные дела привели его под Можайск и в воскресенье, прогуливаясь по лесу, он набрел на веселый пикник молодежи. Его пригласили выпить рюмку водки, за ней вторую, третью... На гостеприимство молодых он ответил широким жестом — через час принес бутылку армянского коньяка, купленного в ближайшем кафе, и в состоянии крепкого подпития стал болтать об Одессе, о дружках, о своих связях и красивой жизни, которой он сейчас, увы, может предаваться лишь в мечтах... Так он познакомился с Ольгой и ее мужем... Супруги оценили «перспективность» неожиданного знакомства. Договорились о встрече в Москве. Там разговор был более откровенным. Толстяк почувствовал, что еще не все потеряно по части красивой жизни. Хозяева хорошо платили за выполнение казавшихся безобидными поручений. И он был вполне доволен своей ролью связного — этот тип уже давно жил по принципу: «деньги не пахнут». А новая хозяйка требовала расширять связи. Так появилась на горизонте дама из технической библиотеки научного института, о которой Ольга сказала: «Она нам пригодится...» Время от времени Толстяк получал подачки.

И вот последнее задание — газеты «Футбол», студгородок, тайник в Архангельском...

Толстяка арестовали вечером на Белорусском вокзале. Он не возмущался, не выражал удивления, негодования, хмуро посмотрел сперва на одного, потом на другого молодого человека, обронил перчатку, и сотрудник КГБ, подняв ее, сказал:

— Не надо суетиться... Вот вы и перчатку чуть было не потеряли... Разрешите помочь чемодан до машины донести?..

На следующий день, рано утром, Бородач улетел домой. А через две недели в КГБ поступило сообщение Ландыша — нашей разведчицы, получившей доступ в штаб-квартиру хозяев Зильбера.

Это была запись происходившей там беседы.

Бородач докладывал хозяевам итоги своей миссии в России. Операция «Футбол», по его мнению, осуществ-

лена удачно. Новый связной Медички показал себя достаточно ловким и расторопным. Медичка успешно действует в соответствии с заданиями центра. С ее помощью операции «Футбол» удалось придать более широкий размах. В ближайшее время она прибудет на каникулы и доставит важные сведения. Несколько сдержаннее Зильбер говорил о возможностях дальнейших контактов со студенткой Мариной Васильевой. Однако и здесь усилия не пропали даром. При ее содействии удалось установить контакт с одним московским литератором. Зильберу удалось заманить его к себе в номер и за рюмкой коньяка они вели разговор на острые темы. Был у них разговор и о литературных делах. Характеристика, данная Зильбером литератору, вызвала повышенный интерес хозяев, в частности человека с протезом, он командует литератор — друг Марины Васильевой и может повлиять на нее. Но это, конечно, не самое главное. Зильберу в упор был поставлен вопрос куда более серьезный:

— Считает ли господин Зильбер возможным в недалеком будущем установить контакт известного деятеля русской эмиграции с Бахаревым?

— Да, сэр! Я допускаю такую возможность. Хотя мой собеседник весьма уклончиво реагировал на соображения, туманно высказанные ему в этом плане. Но мне показалось, что если его новую повесть откажутся печатать в России, то Бахарев не прочь будет воспользоваться моими предложениями.

— Какими? Я попросил бы господина Зильбера подробнее передать эту часть разговора с Бахаревым.

— Слушаюсь, сэр. Я сказал ему, что, будучи ученым, человеком, далеким от политики, случайно оказался в достаточно близких отношениях с редакторами журнала русских эмигрантов «Грани», издаваемого в Мюнхене, и издательства «Энкоунтер» в Лондоне. И прокомментировал: «Об этом издательстве англичане говорят, что оно левее центра и во главе его стоит уважаемый поэт, воевавший когда-то на Гвадалахаре против Франко. И «Грани» и «Энкоунтер» охотно публикуют отвергнутые в России рассказы, повести, стихи...» Тут же я назвал Бахареву фамилии нескольких популярных в России авторов таких произведений. И это, кажется, произвело на него впечатление. Если не считать иронического замечания по поводу «Сказания о синей мухе» Тарсиса:

«Неужели читающая публика Запада всерьез принимает этого шизофреника?» Я попытался «отстреляться» шуткой. «Люди,— заметил я,— бывают разные, и было бы не совсем справедливо ожидать, что каждый из нас обладает всеми добродетелями. К тому же прошу учесть специфику наших издательств — коммерция! Все, что вызывает интерес публики, может стать предметом бизнеса. Один из моих друзей в Англии работает сейчас в чисто коммерческом предприятии «Флегон пресс». Когда, скажем, в советском журнале или в «Гранях» появляются произведения, интересующие западного читателя, то «Флегон пресс» незамедлительно размножает их и продает по достаточно дорогой цене. Вам следует с должным пониманием отнестись к этим законам жизни мира бизнеса. Тут ничего не поделаешь, господин Бахарев. В вашей стране тоже есть свои, непонятные нам законы издательского дела. У вас это называется партийностью литературы. Не так ли?» Бахарев в ответ неопределенно пожал плечами и усмехнулся, буркнув: «Да, да, конечно...» К чему относилось это его замечание, я не понял.

— На чем же основана уверенность господина Зильбера в том, что Бахарев воспользуется нашими связями с «Гранями» или «Энкоунтером»?

— Прошу прощения, сэр, но я не выражал такой уверенности. Я лишь изволил заметить, что мне показалось, будто Бахарев несколько заинтересовался моими предложениями. Поверьте, сэр, для этого имеются некоторые основания.

— Я попросил бы господина Зильбера аргументировать их.

— Извольте, сэр. Бахарев спросил меня: «Как практически я смогу отправить свою рукопись в «Грани»; если вдруг — пока это лишь игра моего воображения — появится такая необходимость?» Согласитесь, сэр, что подобные вопросы не задают зря. Я ему ответил: «Господин Бахарев может не беспокоиться... Вот вам моя визитная карточка,— и вручил ему карточку с адресом, известным вам.— Когда у вас, господин Бахарев, созреет решение послать рукопись в «Грани», или «Энкоунтер», или во «Флегон пресс», дайте мне знать. Хорошо?!» В ответ Бахарев многозначительно посмотрел на меня и ушел от прямого ответа. «Да, да, я понимаю ваше недоумение, господин Бахарев,— сказал я.— Мне знакома специфика

вашей демократии — это не совсем безопасно для вас — писать иностранцу... Мы с вами условимся о маленькой хитрости. Вы напишете мне письмо с просьбой прислать обещанный вам в Москве лечебный препарат... Обратный адрес можете указать любой, какой придет вам на ум... Далее все будет организовано должным образом...» Бахарев с живейшим интересом выслушал меня, а потом неожиданно рассмеялся. «Неужели вы серьезно полагаете, господин Зильбер, что я стану играть в эту конспирацию?.. Впрочем, кто его знает? Жизнь преподносит удивительные сюрпризы. Обо всем вами сказанном надо подумать... Вы дали пищу для серьезных размышлений». Он небрежно сунул мою визитную карточку в карман и тут же перевел разговор на нейтральную тему.

Зильбер умолк, а человек с протезом, глядя слегка прищуренными глазами в бокал с вином, продолжал одобрительно кивать головой теперь уже, вероятно, каким-то своим мыслям.

— Мы еще вернемся, господин Зильбер, к вашему сообщению о московском литераторе. Вы правильно сориентировали Медичку постоянно держать молодого человека в поле своего зрения, изучать его настроения, взгляды. В частности, мы должны точно знать, не отправится ли он в зарубежный вояж, когда и куда.

...Ландыш сообщила, что пока не имеет точных координат Медички, связника и дамы из института. Что касается Марины Васильевой, то о ее координатах, видимо, все известно: она неродная дочь Эрхардта. Он специально прибыл в связи с докладом Зильбера. Судя по некоторым репликам человека с протезом, с Эрхардтом здесь уже не очень-то считаются, и вся работа с Васильевой велась Зильбером по собственному усмотрению, без всяких консультаций с Эрхардтом. Ландыш передала содержание разговора Эрхардта с Зильбером, когда они остались вдвоем. В голосе бывшего учителя немецкого языка прозвучал упрек:

— Я же предупреждал вас, господин Зильбер, с моей дочерью вам вряд ли удастся установить контакт... Как видите, даже сфабрикованная вами без моего ведома газета не очень-то помогла... Вы не сделали необходимых выводов из информации Коха, из моих комментариев к этой информации... Я уже не говорю о личной просьбе. Я имел честь просить вас, господин Зильбер, не впутывать девушку... Вы не пожелали внять этой просьбе...

Потратили много средств, энергии, времени, подвергали риску себя и других... А польза какова?

— Профит еще будет, господин Эрхардт... Смею вас заверить. Контакт с литератором многого стоит. А что касается личных просьб... Что мне вам сказать? Сентиментальность — опасная болезнь...

Бахарев по-прежнему продолжал встречаться с Мариной. Ей показалось, что он остепенился, его не тянет больше в рестораны, к шумному застолью. В чем дело? Марина терялась в догадках. И была среди них такая, что не давала покоя: вероятно, его вызывали, с ним беседовали, предупреждали? И восстанавливая в памяти свой разговор с Птицыным, она думала: неужели так? А почему, собственно, должно быть иначе? О, если бы она сама могла рассказать ему о той беседе. Не может. По крайней мере сейчас. После злополучного обеда на ВДНХ Бахарев счел нужным прийти к Марине и в собственном ему шутовском тоне извиниться за то, что не сдержал слово, не пришел к ней: «Ваш рыцарь просит нижайшего снисхождения. Турист, Мариночка, оказался существом в высшей степени болтливым и любознательным. Даже сюжет моей будущей повести заинтересовал его...» Николай со всеми подробностями передал ей беседу с Зильбером. И от него не ускользнуло испуганное выражение лица Марины. Для Бахарева уже бесспорно — Ольга, а не Марина наводила «туриста» на след. И все, что произошло тогда в ресторане ВДНХ, — не искусно разыгранная сцена. Надо успокоить ее, объяснить... Рано. Да и поймет ли? И он старался убедить себя: должна понять, она же умница... Скорей бы. И тут же: умей ждать, Бахарев. А она ждать не хотела. Она была настойчива, требовательна.

Иногда Николай куда-то исчезал на несколько дней, но накануне всегда предупреждал: «Буду работать. Легко пишется...» Как-то она спросила его: «Когда же выйдет из печати твоя книга? Ты уже давно получил аванс». Он тяжело вздыхал и сетовал на издательство: «Перенесли в план будущего года».

В эти дни Бахареву и Марине все реже удавалось оставаться вдвоем. У них появился почти постоянный спутник — Ольга. Она всегда находила повод прийти к Марине именно тогда, когда там был Николай, и уйти именно в тот час, когда Бахарев собирался домой. Хо-

зьянка нервничала, иногда даже грубила Ольге. Та делала вид, что не понимает, в чем дело, и продолжала... приходить.

...Ольгу арестовали в Бресте, когда она уезжала домой на каникулы. Все, что предшествовало предъявлению постановления на арест, она восприняла с поразительной невозмутимостью — ни тени смущения, тревоги. Когда ее пригласили в административное здание КПП для осмотра личных вещей, она с холодной вежливостью сказала:

— Сейчас, вероятно, придет носильщик?

— Да, конечно...

— Благодарю вас.— И всем своим видом подчеркнула: да, я понимаю, у вас такая служба.— Пожалуйста — вот все мои вещи... Видимо, тут какое-то недоразумение.

Капитан, производивший обыск, не торопился. Он аккуратно вынимал из Ольгиного чемодана одну вещь за другой, внимательно рассматривал белье, обувь, платья, блузы, шерстяные кофты, всякие безделушки, русские сувениры, бутылки коньяка и пакеты с кофе. Понятые — механик железнодорожного депо и врач медпункта — задремали в мягких креслах. Ольга села рядом с понятыми. Вынув из сумочки губную помаду и зеркальце, принялась освежать бледную краску на губах. Потом спросила: «Разрешите курить?» — словно все происходящее ее не касалось и уж, во всяком случае, не волновало.

Так прошло не менее часа.

Капитан занес в протокол последнюю запись под номером 27. Каллиграфическим почерком было выведено: «Сувенир — тульский самовар. Цена не обозначена». Ольга повернула голову в сторону капитана и, улыбаясь, спросила:

— Это, кажется, все? — Пожалуй, впервые в ее голосе прозвучало нетерпение.

И с той же неизменно холодной вежливостью последовал ответ капитана:

— Простите, это еще не все. Разрешите посмотреть вот эту сумочку?

И он потянулся к лежавшей перед Ольгой на круглом столике черной кожаной сумочке. Понятые, впервые за два часа услышав человеческие голоса, встрепенулись, закашляли, заерзали на своих креслах и даже привстали.

Сидевший у окна Птицын все время пристально наблюдал за Ольгой. Он подметил, как круто изогнулась ее искусно подчеркнутая бровь, как слегка порозовело бледное лицо и задрожали пальцы, ухватившиеся за ремешок сумочки.

— Разрешите...

Ольга разжала пальцы.

— Пожалуйста...

Капитан открыл сумочку и по-прежнему неторопливо выложил на стол пудреницу, расческу, носовой платок, тюбик губной помады, деньги, набор открыток, жевательную резинку... И когда сумочка уже опустела, он осторожно раскрыл ее пошире и ловко зацепил кончик клейкой ленты, скрепившей внутреннюю обшивку с металлическим остовом. Лента легко отделилась, и внутри сумочки обнаружилось тайное отделение. Капитан попросил понятых подойти поближе к столу и на их глазах извлек из тайника несколько листков. Это тонкое шелковое полотно весьма условно можно было назвать бумагой. В тайнике оказались три пронумерованных листка такой бумаги, исписанных убористым почерком.

Капитан взял лист № 1. Первая строка была жирно подчеркнута. Он вслух прочел ее: написанные по-немецки фамилия, имя, отчество и полное ученое звание. Это была фамилия математика, которым так интересовалась разведка.

Капитан бережно отложил в сторону найденные в тайнике листы бумаги и подчеркнуто вежливо обратился к Ольге:

— А теперь я прошу вас снять туфли... Вот здесь коврик... Чтобы вам не простудиться... Или вам угодно будет достать из чемодана другие туфли?

Молча, ни на кого не глядя, Ольга сняла туфли и подала их капитану. Он достал из кармана перочинный нож, легко вывернул четыре шурупа, крепивших каблук правой туфли, и, когда каблук отделился, офицер показал его понятым.

— Прошу вас, товарищи понятые, осмотрите. Внутри каблука тайник.

Капитан и понятые подписали протокол обыска, положили к нему постановление на арест студентки, вышли. Птицын остался один на один с Ольгой. Медичка поднялась, не зная, что ей делать дальше, поежилась, хотя в кабинете было тепло.

— Вам холодно? Можете накинуть пальто. Нездоровится? Знобит? Да, бывает... Садитесь... У нас разговор будет недолгий, но сидя как-то удобнее вести его. Русские говорят: в ногах правды нет. У меня есть несколько вопросов к вам.

— Слушаю вас.

— Кто была ваша попутчица в купе?

Ольга ухмыльнулась.

— Жена какого-то советника.

— Какого?

— Не знаю точно... Ливанского или ливийского. Ее муж работает в посольстве в Москве.

— Куда едет?

— В Париж. Пробудет там неделю, а потом домой.

— Она знает, кто вы, куда едете?

— Нет, она ничего не знает обо мне. Я пыталась говорить с ней по-французски, но она плохо знает язык. С большим трудом объяснились с ней по-французски и по-русски. Она приняла меня за француженку!

— Ваши родные ждут вас? Вы известили их о выезде? Письмом, телеграммой?

— Я послала маме письмо, в котором сообщила, что выезжаю в Париж, пробуду там три дня, а в пятницу автобусом — домой.

— Вы, вероятно, догадываетесь, что в этом маршруте произойдут некоторые изменения... А мамы на всем белом свете остаются мамами, когда ждут домой своих дочерей. Не надо, чтобы ваша мама волновалась.

Ольга вопросительно посмотрела на Птицына, стараясь понять его.

— Думается, следовало бы отправить маме телеграмму и сообщить ей, что ваши планы изменились, что вы задержались в Москве.

— Я охотно послала бы такую телеграмму, но как это сделать? Если я вас правильно поняла, то больше не принадлежу себе... Так, кажется?..

— Да, вы правильно поняли... Впрочем, это, кажется, не очень трудно понять... Но о телеграмме мы могли бы позаботиться. Вот вам листок бумаги. Пишите.

Ольга написала телеграмму, протянула ее Птицыну.

— Ваша телеграмма будет отправлена.

— Из Бреста?

— Нет, из Москвы. А сейчас прошу вас...— И Александр Порфирьевич подал Ольге пальто.

В тот же день Медичка была отправлена в Москву. Вместе с ней летел и Птицын.

На первом же допросе Ольга собственноручно написала обстоятельные ответы на вопросы. Арестованная ничего не скрывала и даже не пыталась скрыть. Это, пожалуй, шло не от отчаяния, а от сознания: иного пути нет. Она вела себя так, словно давно ждала подходящего случая, чтобы рассказать советской контрразведке о своей шпионской работе. Ее не очень беспокоили утомительные допросы и, видимо, не очень тревожила перспектива суда. И это иногда озадачивало следователя. Однажды он спросил ее:

— У вас сегодня такой вид, будто вам нездоровится. Может, прервем?

Она вскинула на него длинные ресницы и несколько вызывающе ответила:

— Как вам будет угодно. Лично я готова продолжать.

— Вы пользуетесь прогулками?

— Да, благодарю вас...

— У вас есть сигареты?

— Да, благодарю вас...

— Вам дают книги?

— Да, благодарю вас...

— У вас есть какие-нибудь просьбы?

— Нет.

— Почему вы отказались встретиться с представителем консульства вашей страны?

Ольга посмотрела на следователя и сказала:

— Я знаю, что в этом доме вопросы задавать — ваша прерогатива. И тем не менее не могу не спросить: а что я скажу консулу, когда встречу с ним? Что я агент разведки?

— Ну что же, как вам угодно...

И она продолжала рассказывать, как все это было. Ольга никого не щадила: ни себя, ни своих хозяев. Она никого не старалась выгородить, оставить «в тени». Она ни на чью помощь не рассчитывала.

Следователь уже знал, что эта молодая женщина в последние годы жила двойной жизнью: в институте — серьезна, вдумчива, сдержанна, достаточно прогрессивна в своих суждениях, оценках разных событий. Но это

грим. Подлинное ее лицо — падкое на деньги, легкомысленное существо, для которого жизнь — это мимолетные развлечения. Но такой она представляла лишь перед узким кругом особо близких ей людей, которым доверяла.

Теперь перед следователем сидела совсем другая Ольга: ни та, что носила маску, ни та, что так цинично смотрела на окружающий ее мир. Это была женщина, видимо, принявшая какое-то трудно давшееся ей решение. Следователь пытался понять: что произошло с этой женщиной? Прозрела, опомнилась? Внезапно наступило духовное обновление? Нет, конечно. Но нельзя было не заметить, как внутренне переменилась Ольга. И эта перемена в известной мере определила ее поведение. У нее не было каких-то убеждений, идей. Была лишь жажда сладкой, бездумной жизни. И сейчас она поняла, что поставила не на ту карту, что она проиграла, и не одна, а вместе со всей своей компанией, ставшей теперь для нее ненужной, далекой и даже враждебной. Она знала: бывшие ее хозяева палец о палец не ударят для спасения или хотя бы облегчения ее участи. И Ольга избрала для себя единственно правильный в ее положении путь: раз попалась, да к тому же с явными уликами, надо признаваться во всем.

Говорит она тихим, размеренным голосом, глядя следователю прямо в лицо.

Ее родители еще до первой мировой войны, сразу же после свадьбы покинули Россию. Отец — немец. Мать — русская. Жили недалеко от Саратова, на берегу Волги. Жили небогато, бедствовали и в далекие неведомые края отправились в поисках счастья. Куда ехать, где найдешь это счастье? Все решило письмо дяди Андрея. Мамин брат жил в Тунисе, писал, что преуспевает, стал хозяином солидного «оффиса». «Приезжайте, не пожалеете».

Мама и бабушка трогательно прощались с Волгой, даже всплакнули. А отец был более сдержан, хотя и у него на душе горько — тяжело ему уезжать с берегов этой широкой русской реки: здесь жили отец и дед его, здесь он родился, рос... Отчий дом! И даже там, далеко-далеко от Волги, под знойным небом Африки, одной из первых колыбельных песен, что напевала бабка Олюшке, была грустная песнь о русской реке. Отец сердился на бабушку, говорил, что с Россией, с Волгой все и навсегда покончено, и грозно объявил, что жизнь в доме своем намерен строить на европейский лад.

Мама смотрела на гневавшегося супруга иронически — пусть себе тешится, ворчит, она-то уж знает — в доме будет так, как она того хочет. А она пожелала, чтобы в доме всегда звучало русское слово и чтобы на столе появлялась русская еда. И Олюшку свою воспитывала так, чтобы помнила и чтילה Россию.

Небо Африки оказалось не очень милостивым к переселенцам. Дядюшка явно переборщил в своих восторженных описаниях райского житья в Тунисе. Пришлось перебазироваться в Грецию, оттуда в Югославию. А начало второй мировой войны застало их в Швейцарии.

Ольга тогда была еще крохотулей. Только по рассказам мамы она знала, что в Цюрихе семья их тайно помогала русским военнопленным, бежавшим в нейтральную страну. Когда стало известно, что несчастных этих людей хотят вернуть в Германию, с решительным протестом в адрес правительства выступили местные коммунисты и социалисты. Олины родители не были ни коммунистами, ни социалистами, но они принадлежали к тем прогрессивным людям, которые присоединили и свои голоса в защиту русских военнопленных. И правительство вынуждено было отказаться от своих намерений... В память о тех днях сохранилась у Ольги дудочка, подаренная ей пленным русским солдатом, с которым мама подружилась в парке — он там помощником садовника работал.

В трудные послевоенные годы судьба перебросила их из Швейцарии на север Европы. Они переехали в столицу маленького государства, куда из Туниса давным-давно перебрался дядя.

Здесь Ольга заканчивала гимназию, здесь и спотынулась, шагая по неширокой и ухабистой дороге жизни. И не последнюю роль тут сыграл все тот же легкомысленный дядюшка, Андрей Филиппович, господин Андреас — так он именовал себя, так именовали его друзья и сподвижники.

Сподвижники — это из его терминологии. К ним он причислял тех немногих, о которых говорил сугубо доверительно: «Спасители России!»

О том, что «золотых гор» не будет, что дядя по меньшей мере хвостун и обманщик, стало ясно в первый же год жизни на новом месте. Но отнюдь не только по этой причине полоса отчуждения легла между двумя семьями, и в первую очередь между братом и сестрой. Господину Андреасу не нравилось, что сестрица втайне от му-

жа вынашивает план возвращения на родные волжские берега, не по душе ему были и люди, бывавшие в доме сестры. Среди близких ее подруг — Эрика Мейснер, активная участница движения Сопротивления, познавшая весь ужас гитлеровских концентрационных лагерей. Там она подружилась с русским доктором Анной и бережно пронесла эту дружбу через все военные и послевоенные горести. Они и сейчас сравнительно регулярно переписываются. Вошли в круг друзей дома Марии и родственники Эрики, коммунисты. А для господина Андреаса — это уже «красная зараза», это единомышленники его злейших врагов.

Сейчас трудно сказать, как это случилось, но Ольга, вопреки воли матери, втайне от нее, а может, именно потому, что запретный плод сладок, потянулась к дому дядюшки и, скрывая от родных, частенько бывала там. Впрочем, причина тут была более серьезная, нежели сладость «запретного плода»: в доме дядюшки она познакомилась с приятелем двоюродного брата Петера — Куртом Вильде. Курт был всего лишь на два года старше Ольги, а уже успел многое познать. Красивая Ольга заставила биться сердце юноши чаще обычного, и он перешел в стремительную атаку, используя гостеприимный дом господина Андреаса. Хозяин встречал гостей радушно, полагая, что сие есть продолжение его коммерческой и общественно-политической деятельности. Позже Ольга поймет, что между этими двумя видами деятельности не было никакой разницы — основа у них одна: деньги, как можно больше денег! Но поначалу ей кружила голову атмосфера дома.

Здесь собирались деятели НТС и с пафосом говорили о будущем России, о своем призвании спасти ее от большевиков. Приняв вина сверх всякой меры, гости до полуночи истошно вопили о своей великой «миссии» и похвалялись друг перед другом — кто какой куш смог урвать у американских хозяев за антисоветские провокации.

Так было и в тот вечер. Шумит, гудит эмигрантская «вольница». А в соседней комнате притаились Ольга и Курт. Ольге интересно послушать, что там говорит дядюшка о России, а Курту наплевать и на дядюшку и на его пьяные излияния. Юноша «пылает страстью нежной», он гладит оголенные Олины плечи, руки. Но Оля ловко освобождается из цепких объятий Курта и шепчет:

— Послушай меня, Курт... Не надо... Ну, послушай... У нас дома тоже часто говорят о России. Мамина подруга Эрика получает письма из Москвы от женщины, вместе с которой сидела в лагерях. Но мама и тетя Эрика совсем иного мнения о Советах, — и она головой кивнула в сторону гостиной... — А ты что скажешь?

Но он не слышит, не хочет слушать Олю, ему нет дела до России, до НТС, до дядюшки... Домой она вернулась на рассвете. Мама была предупреждена заранее: «Я приглашена на вечеринку...»

Семья Курта Вильде принадлежала к числу богатых и высокопоставленных. Господин Андреас, человек отнюдь не высоких нравственных устоев, смотрел на забавы молодых сквозь пальцы. Ему нравилось, что в доме его бывает много молодежи. Тем более, что среди далеко идущих дядиных планов был и такой: привлечь и Петера, и Курта, и Ольгу, и ее подружку Веру, дочь русских эмигрантов, к некоторым операциям. Курт рассматривался как источник пополнения кассы — «папа ему не откажет», а на Ольгу и Веру у него были другие виды.

Первое задание дяди показалось Ольге и Вере безобидным и даже забавным. Побывать в порту, где пришвартовался советский теплоход, и проследить, когда и куда ходят советские моряки в часы, свободные от работы. Девушки добросовестно выполнили поручения господина Андреаса. И с нетерпением ждали — что же будет дальше. А дальше следовало такое, что они сразу надули губки: дядя предлагал им познакомиться с кем-нибудь из моряков... Он хихикнул и сказал, что Курт и Петер не будут в обиде, а потом, поняв свою ошибку, патетически воскликнул: «Есть такие великие цели, дорогие девушки, во имя которых все условности должны быть отброшены прочь». Вера робко спросила, какие это такие «великие цели», и Андреас счел возможным вскользь познакомить их с программой НТС, главный пункт которой — свержение Советской власти.

К тому времени, когда Ольга закончила колледж, она уже была существом, познавшим жизнь. Ее уже не устраивали молокососы типа Курта: Оля знала, что и куда более солидные мужчины не отрывают глаз от нее. Ольга знает, что в дядиной гостинной появляется иногда молодой, рано полысевший джентльмен.

С лысым джентльменом ее познакомил дядя, отрекомендовав племянницу как девушку обаятельную, ве-

селую, но при всем при этом весьма преуспевающую в науках, у нее острый ум, искусство наблюдать, видеть и распознавать людей. И тихо добавил: «Моя племянница подает большие надежды... Я имею в виду и наши дела». Ольга усмехнулась и подумала, что дядюшка наблюдателен.

В доме дядюшки она стала своим человеком. И многое увидела, услышала, поняла. Здесь часто говорили о главарях НТС. Называли их фамилии. А охмелев, давали характеристики, порой далеко не лестные... Ей было уже известно, что главари эти в свое время верно служили гитлеровцам, а теперь — американцам и англичанам, что финансовая база союза — весьма зыбка: главный источник — ассигнования американской разведки на так называемую «общую деятельность НТС». Американцы же дают деньги и на разовые операции — провокации против советских граждан. Тут уж составляется специальная и, конечно, завышенная смета. Вот и за «работу» Ольги и Веры в порту дядя получил солидную сумму по «спецсмете». Доллары, фунты — вот что лежит в основе всех «высокоиндейных» операций «спасителей России». Устраиваются всякие хитроумные комбинации, американцам докладываются самые нелепые — «полученные из достоверного источника» — сведения о якобы завербованных «советских агентах», только бы хватануть еще один куш.

Заочно Ольга уже знакома с главарями НТС. Тут и бывшие белогвардейцы и их питомцы, давно запродавшие душу и тело разведкам разных стран. Первая скрипка, кажется, Околович: работал и на японскую, и на гитлеровскую, и на английскую, и на американскую разведки. Это не мешает ему сотрудничать с ведомством Гелена. Романов, Крушель — они из «новых эмигрантов», из так называемых перемещенных советских граждан — служат американцам. Поремский — тот сразу на две разведки работает. Бывший служащий парижской уголовной полиции, он был в тесной связи с главарем французских фашистов де ля Рокком. А когда гитлеровцы оккупировали Францию, этот господин был отправлен в Берлин, в распоряжение управления имперской безопасности. Его назначили комендантом в школах немецких пропагандистов Циттенгорста и Вустрау. А через несколько лет он будет уверять, что работал на гестапо с ведома... англичан. Так это или нет — никто не знает.

Но после краха гитлеровской империи он действительно стремглав помчался к английским разведчикам.

Ольга с интересом прислушивается к откровениям основательно подвыпивших дядюшкиных гостей. Да и сам он любит похвастать своей осведомленностью. «Вон Романов Евгений Романович!.. Через него все контакты с американцами держим... Вождь! А если бы не война — его на Украине, в Днепропетровске судить должны были...»

Дядя теперь уже, пожалуй, и не стесняется племянницы. Своя! Все знает, все понимает...

И, видимо, решив, что Ольга вполне созрела для дел куда более серьезных, чем, скажем, наблюдение в порту за русскими моряками, он познакомил ее с Карен Милз и Груд Белан. Карен, обаятельная молодая женщина средних лет, отрекомендовалась преподавательницей истории искусств, а незаконный муж ее, долговязый, худющий Груд Белан — хозяином небольшой мастерской «Все для автомобилистов». Следующая их встреча состоялась уже не в доме господина Андреаса, а в приморском ресторане «Креветка» — завлечь сюда легкомысленную девицу было делом нехитрым. Они подружились. У них оказались общие знакомые, общие интересы. Ольга неплохо разбиралась в современной живописи с интересом слушала Карен, хорошо знавшую историю искусств, и с благодарностью приняла от нее прекрасно изданную монографию, посвященную Ренуару. Ей было приятно бывать с Карен, и, как это часто бывает у девушек, подружившихся с женщинами постарше, она с некоторым благоговением относилась к ней и даже в какой-то мере боготворила ее, принимая все сказанное Милз за мудрость самой жизни. Милз сказала ей, что они должны чаще встречаться. Только не в этом шумном доме Андреаса, где слишком много пьют и слишком много болтают. И предложила:

— Пусть этот миленький приморский ресторанчик станет местом наших встреч...

Однажды ее увидел тут отец. Дома разыгрался грандиозный скандал.

— Я уже не маленькая девочка, — парировала Ольга наскоки мамы. — Я уже могу сама выбирать себе знакомых и проводить с ними время там, где это мне приятно.

Отец попытывался, кто эта женщина и кто тот мужчина, что сидел за их столиком. Ольга сказала то, что

знала. И ещё добавила, придумав легенду о Карен Милз, которая обещает устроить ее на интересную работу в клинику своего знакомого профессора: Ольга решила стать врачом и после колледжа исподволь, не торопясь готовилась к поступлению в медицинский институт.

Семейная буря со временем улеглась. Случилось так, что среди приятелей Милз действительно оказался профессор-окулист, согласившийся взять к себе секретарем миленькую Ольгу.

Теперь они уже встречались в другом ресторанчике — «Дельфин», тоже приморском, но третьесортном: на окраине города. «Пусть это будет нашей маленькой тайной», — сказала Милз. Но вскоре от «маленькой тайны» она перешла к более значительной.

Стоял душный, знойный воскресный день. Нещадно палило солнце. Стар и млад, все живое заполнило пляж, и Ольга, направляясь к «Дельфину», с трудом протискивалась среди людских тел. Ей не очень хотелось уходить от воды, забираться в душное помещение ресторанчика. Но так они условились с Милз. И она не может нарушить слова.

Карен Милз и Груд Белан уже сидели за столиком и пили лимонад со льдом. Ольгу сердечно приветствовали. Груд вскоре поднялся и вышел на улицу подышать воздухом. А Карен, наклонив голову поближе к Ольге, говорила тихо, почти шепотом:

— Ты сегодня очаровательна... Такая, как ты, должна быть королевой общества... И ты обязательно будешь ею. Поверь мне. Олюшка будет иметь все, что она пожелает.

— Кто же тот принц, что сделает меня королевой? — спросила Ольга, и губы ее дрогнули в насмешливой улыбке.

— Ты не иронизируй. Я говорю вполне серьезно. Ты спрашиваешь — кто тот принц? Я назову его — доллар!

— Ты говоришь сегодня какими-то загадками, Карен!

— Я постараюсь обойтись без загадок... — И она пристально посмотрела на Ольгу из-под полуопущенных век. — Я уже давно собиралась поговорить с тобой об одном деле. Мне нужно рассказать тебе кое-что... А, кстати, ты знаешь сколько получил господин Андреас за твою прогулку в порт, где стояло советское судно?..

Ошеломленная Ольга хотела что-то сказать, но Милз остановила. Так Ольга узнала, что есть в городе люди,

которые хорошо платят за выполнение их в общем-то безобидных поручений. Политика? Да нет же, никакой политики... Это лишь игра в политику. Просто кто-то заинтересован, чтобы Ольга познакомилась с советским человеком, работающим в торгпредстве. Вот и все. Никакой политики. Деловая сделка. Ни больше...

У «подруг» появилась новая тема бесед. Они встречались еще два раза. Разговор шел о разном, но неизменно кончался «принцем». Ольга терялась в догадках. Что же требуется от нее? Ей не давали никаких заданий, с ней пока разговаривали обо всем и ни о чем. Но постепенно в этих, казалось бы, ничего не значащих беседах она стала улавливать лейтмотив, звучавший, однако, не назойливо: антикоммунизм. Хотя Милз все время подчеркивала: «никакой политики...» Ольга не задавала вопросов. Ей дали понять, что сказанное обсуждению не подлежит...

Туман постепенно рассеивался. Ольга уже, кажется, поняла. И кто они, ее новые «друзья», и что это за «принц», который может сделать ее королевой. Глупая, беззаботная и немного наивная девчонка, поверившая, что самый могущественный в мире человек — это тот, у кого деньги, она быстро клюнула на приманку Карен Милз и Груда Белана — теперь он уже не отмалчивался, не удалялся «подышать воздухом».

Процесс вербовки оказался куда более легким, чем это предполагали «супруги». Правда, пришлось все же уговаривать ее.

Риска никакого, усилий потребуется мало, а вознаграждение солидное... Тогда она еще не понимала что к чему, и поначалу они не очень ясно говорили, в чем будут заключаться ее обязанности, что и для кого она должна делать. Все рисовалось туманно, в общем плане: придется иногда выполнить отдельные несложные поручения, скажем, с кем-то познакомиться, кого-то о чем-то расспросить, что-то узнать, куда-то ненадолго поехать. И тут же подчеркивали: «Все это будет хорошо оплачено». И тут же предупреждали: «Все, о чем мы условились, должно сохраняться в тайне».

Они теперь уже не друзья, а участники тайной коммерческой сделки.

Карен была весьма недовольна, узнав, что родители Ольги знают о существовании Милз и Белан, знают о их дружбе. «Ты должна им дать понять, что дружбы, собст-

венно, и не было, что связь наша оказалась мимолетной, что ты давно забыла о нас и в последний раз мы виделись бог весть когда... Это в твоих же интересах. К дядюшке ходить не надо. Если потребуется — я тебе сама скажу».

И вот уже в их беседах незаметно всплыла еще одна важная тема — искусство конспирации, техника работы вдаль от штабквартиры.

Несколько месяцев с ней никто не встречался. Казалось, что о ней забыли. И вдруг телефонный звонок Карен Милз: «Оля, я должна тебя повидать». Место встречи было обусловлено заранее: все тот же кабинет приморского рестораника «Дельфин». Здесь ей и было объявлено, что она должна поехать в Москву, учиться в медицинском институте. Все необходимое для этого будет сделано без ее участия...

Ольга и рада и растерянна. Что сказать родителям? Откуда вдруг свалилось такое? Но обо всем за нее подумала Милз. Оказывается, «инициатором» поездки в Москву был не кто иной, как шеф Ольги, профессор. И он сам вызвался поговорить с родителями своей секретарши. Родители были польщены. А для мамы это настоящий праздник — ее дочь поедет в Россию, в Москву! С участием Эрики Мейснер обсуждалось ее будущее житье-бытье. Конечно, Эрика даст рекомендательное письмо к дорогой Аннушке, к доктору Васильевой. Ольга будет чувствовать себя в том доме отличнейшим образом.

У Карен Милз и Груды Белана свои заботы по случаю отъезда Ольги. Они по-своему готовили ее в путь-дорогу. За несколько дней до отъезда Ольги Груд Белан вызвал ее в «Дельфин». Они были вдвоем. В отдельном кабинете. И здесь уже Ольге было сказано все, что должен знать резидент, работающий в Москве. Он тщательно инструктировал ее. В Москве она должна изучать окружающих ее людей: профессоров, преподавателей, студентов, их родителей. Сбирать о них как можно больше сведений: фамилии, имена, отчества, происхождение, адрес, материальное и семейное положение, способности, жилищные условия, состояние здоровья, увлечения, слабые и сильные стороны характера, пристрастия, политические и философские убеждения, религиозность, отношение к деньгам, служебная перспектива, отношение к советскому строю. По возможности нужно

доставать фотографии этих людей, сведения об их документах — паспорт, билет члена Коммунистической партии, комсомола, профсоюза, воинский билет, пропуск в институт, учреждение, библиотеку, на завод.

Груд Белан требовал, чтобы она уделила особое внимание молодежи, и в частности молодым интеллектуалам. Именно в их среде она скорее всего сможет найти те самые критически мыслящие личности, которые, по словам Белана, выполняют роль социального и политического обличителя общества, роль передового борца за высокие идеалы подлинного гуманизма.

Теперь уже Ольге не говорили: «Никакой политики... Только коммерческая сделка... Только деньги...» Она давно поняла, что это за «безобидные поручения», щедро оплачиваемые мифическим «принцем». Теперь разговор идет в открытую, все фиговые листочки отброшены. Белан ссылается на каких-то, по его мнению, видных экономистов, философов, социологов.

— Помните,— поучал он,— в наше время иногда важнее владеть идеями, умами людей, нежели созданными ими машинами. Будущая судьба современного общества в руках, точнее, в умах интеллигентов.— Шеф называл их «пятым сословием» и несколько театрально воскликнул: — Вот сфера ваших действий, контактов! Нам важно знать, действительно ли в Советском Союзе существует так называемая независимая интеллигенция, и если это так, то мы должны выявить ее кадры.

Ольга робко заметила, что все это сказано несколько возвышенно и общо и ей желательно услышать более конкретные советы. Груд Белан насупился, но тут же перешел к практическим инструкциям.

— Чаще заводите разговоры на литературные темы. Учтите, что в России иные архизасекреченные физики и математики отлично разбираются в литературе, искусстве. Почище иных гуманитариев! И уж во всяком случае проявляют обостренно повышенный интерес ко всем новинкам литературы, театра, кино и порой именно с этих позиций начинают свой политический артобстрел. В Москве, Ленинграде вокруг некоторых журналов разгораются диспуты, выходящие далеко за рамки литературных. Вы должны прислушиваться к таким спорам, но при этом очень осторожно высказывать свою точку зрения. Спор о новом романе — удобная форма выявления политических настроений, взглядов. За лите-

ратурными симпатиями и антипатиями иногда скрываются симпатии и антипатии к тому или иному политическому курсу. Спор об остром романе — своеобразная лакмусовая бумажка, умело пользуйтесь ею. А для расширения вашего кругозора рекомендую полистать вот эту литературу. Делается не очень чистыми руками господ эмигрантов, возомнивших себя совестью России, это те, что бушуют в гостиной господина Андреаса... Но литература полезная... Если хотите получить практические инструкции, почитайте ее внимательно...

И он не без некоторого презрения ткнул пальцем в извлеченную из портфеля кипу газет и журналов на русском и английском языках.

— Издатели, господа русские эмигранты и так называемые перемещенные лица пытаются доказать нам, что делают великое дело, в которое стоит вкладывать капитал. Что же, в какой-то мере это, может быть, и так... — И он снова повторил: — Рекомендую вот эту их продукцию — «Посев», «Грани»... Вам работать в России. Вы должны знать, что пишут о России ее люди, какие болевые точки нащупаны ими в том сложном организме, что именуется СССР. Вы услышите здесь голос тех советских интеллектуалов, кого я причислил к «пятому сословию»... Вот любопытные «Письма» «Граней»... Занятное чтиво для разведчика, уезжающего в Москву... Это переписка журнала «Грани» с его друзьями в России: эмигранты стараются убедить нас, что в России у них много друзей. Лично я имею на сей счет свою особую точку зрения. Думаю, что господа эмигранты стараются подороже продать товар. Но мы с вами не будем залезать в дебри... Будем исходить из того, что есть в России люди, для которых «Письма» «Граней» представляют интерес. Подобные письма раньше отправлялись в СССР с помощью специальных воздушных шаров. Но при такой транспортировке много их пропадало. Теперь, когда в России наступила «оттепель», их посылают почтой... Возможно, что и от вас потребуется вклад в список адресов получателей... но мы еще вернемся к этому вопросу...

Затем он познакомил ее с материалами проходившего в Лондоне закрытого симпозиума русских эмигрантов с участием профессора Лондонского университета Леонарда Шапира. Тема формулировалась коротко: «Советская молодежь». На симпозиуме было прочитано

три реферата: «Отношение молодежи к КПСС», «Подпольные писатели в СССР среди молодежи», «Интерес молодежи к религии».

В канун отъезда она получила дополнительный инструктаж по работе с кодами, зашифровке и расшифровке секретных сообщений, по более сложной технике фотографирования, уменьшению текста до микроточки. Ее научили особым образом обрабатывать пленку, чтобы она становилась мягкой и вкладывалась в такие неприметные контейнеры, как батарея карманного фонаря, полый карандаш и даже пятикопеечная монета, распадающаяся на две части. Все это она потом использовала в своей работе.

...Ольга в первый раз приехала домой на каникулы и привезла данные на двадцать семь человек. Убористо были исписаны три листа специально изготовленного для таких целей полотна: оно не шуршит и не прощупывается в тайнике — качества, весьма ценные в работе разведчика. Эти листы она закладывала в тайник своей сумочки, заклеивала его и с успехом провозила через границу. На пограничной таможне дважды осматривали ее сумочку, когда в ней находились конспиративные материалы. И каждый раз операция кончалась благополучно.

Сумочку с тайником ей дала Карен перед отъездом в Москву. Тогда же Милз наставлял: «Запомни — в тайник нельзя класть предметы, которые прощупываются или велики по объему». Карен положила в тайник два носовых платка и кромку заклеила лентой. Платки эти так и пролежали до тех пор, пока Ольга не понадобилось вложить туда листки со списками людей, на которых она собрала нужные данные.

Обработкой списков она уже занималась дома. Три дня корпела. Доклад получился на двадцать страниц машинописного текста.

Ольга не знала, кому нужны эти списки советских людей, ей ничего не сказали об этом. А спрашивать строжайше запрещено. Ольга могла лишь догадываться — большинство этих лиц, а может быть и все, будут внесены в картотеку разведслужбы.

Во второй раз она привезла из Москвы материалы еще на одну большую группу советских граждан и несколько фотографий. Кроме того, она передала Грудю два комсомольских билета, три книжки членов проф-

союза и пять пропусков в разные учреждения. Документы ей удалось выкрасть у своих знакомых.

Фотографии и документы она провозила через границу в чемодане с двойной стенкой. Таким чемоданом Ольга пользовалась несколько раз, пока Груд не запретил ей прибегать к такой уловке: «Все тайное со временем становится явным — советская контрразведка уже знает секреты таких чемоданов».

Списки людей, фотографии, документы... Это только начало. Так сказал ей Груд Белан — Ольга поняла, что главное действующее лицо это он, хозяин мастерской «Все для автомобилистов». Сфера ее деятельности непрерывно расширялась. Прежде всего расширился сам круг людей, интересовавших хозяев. Она составила список известных ей иностранных студентов, обучавшихся в Москве, и по возможности постаралась узнать номера почтовых ящиков — адреса военнослужащих. Пришлось пойти на небольшую хитрость — студенты, живущие в общежитии, получали письма и от военных — родителей, братьев, друзей. А на конвертах — обратный адрес. Почтальон бросал письма на стол в вестибюле... Был у нее еще один способ. Во время учебной практики в Подмоскowie к ней на прием приходили жены военнослужащих. В историю болезни вписывались их адреса...

Военные люди, воинские части — тут все должно было быть в ее поле зрения. Она следила за передвижением войск в дни подготовки к военным парадом. Записывала номера военных машин, въезжавших или выезжавших из ворот заводов, находившихся под ее наблюдением... Таких заводов было два. Ольга должна была сообщить, чем они огорожены, как просматриваются снаружи, сколько входов и въездов, система охраны, номера машин, стоящих перед административными корпусами...

Каждый раз, когда Ольга возвращалась в Москву после каникул, Белан давал ей новые и не всегда понятные поручения. Было и такое — достать книги, в которых содержатся списки советских писателей, художников, композиторов... В одном доме ей удалось похитить книгу со списками писателей... Но оказалось, что эта книга была издана несколько лет назад. Груд Белан был недоволен.

— Здесь нет молодежи, влившейся в Союз писателей за последние годы. А она-то интересуется нас прежде

всего... Постарайтесь достать такую же книгу последнего года издания. И еще... Нет, нет, не записывайте — запомните. Вы должны иметь отличную память... Покупайте путеводители... Самые разные... Покупайте конверты с советскими марками... Малогабаритные будильники, которые можно использовать в качестве контейнеров... Составьте подробный план-схему ГУМа...

Поручений было много. Она должна была взять пробу земли с названных ей четырех мест на улицах Москвы. Места эти были точно обозначены. Подыскать подходящие места для тайников... Ее попросили найти предлог, чтобы поехать в приволжский город и взять там пробу воды. «Скажите, что вас тянет к берегам Волги, где родились ваши родители», — советовал ей Белан. Но она не смогла выполнить столь трудное для нее задание. И хозяева были явно недовольны, требовали предпринять еще одну попытку. Это уже было в пору вторых летних каникул, в памятное для нее лето...

Ольга вышла замуж. Она встретила с Германом на веселой вечеринке в приморском ресторане, где она бывала с Милз и Беланом.

Было уже далеко за полночь, когда они вдвоем вышли на берег. В лицо резко ударил морской ветер, пахнувший йодом, водорослями и прелыми листьями. Домой идти не хотелось, они гуляли, наслаждались лунной дорожкой на воде, вдыхая полной грудью острые ароматы моря. В ту ночь у нее было очень хорошо на душе. Она смотрела на огоньки, светившиеся в черной воде, и ей казалось, что она погружается в беспредельное блаженство. Ольга забыла о прошлом, о Курте, о лысом джентльмене, о своих «шефах», забыла о тяжком грузе, что взвалила на себя.

...Та ночь глубоко врезалась в память. Так ведь бывает: одна ночь больше чем год. Это произошло в ту пору ее жизни, которую нельзя измерить обычным счетом времени, — Ольга впервые задумалась над тем, куда затянет ее ловко брошенная сеть, к чему приведет ее, мягко выражаясь, легкомыслие, цинизм, жажда денег, каким бы способом они ни добывались. Вы мне не верите, улыбаетесь? Нет, тогда это не был голос разума. Обычный животный страх взбалмошной девчонки, которую в какую-то минуту осенила страшная мысль: «Подумай, Ольга, какой дорогой ценой дадутся тебе те деньги, смотри, как бы не пожалела потом. Хватка у них желез-

ная, не вырвешься». И ей действительно уже нелегко было вырваться. Она оставалась верна принципу того общества, в котором выросла: брать от жизни все, что можно взять от нее. Любой ценой.

В ту ночь ей казалось, что Герман, сын весьма обеспеченных родителей, молодой человек с университетским образованием и большим будущим — он имел шанс пробиться в крупные журналисты, — сумеет дать ей в жизни все, что хочет иметь взбалмошная женщина, и тогда она сможет порвать те узы, которыми связала себя с разведкой. То был страх плюс расчет...

Где-то далеко-далеко за лесом уже занимался рассвет, а они все еще шли по берегу и уже в который раз объяснялись в любви, говорили друг другу какие-то слова о верности, долге, нравственных идеалах, о своем будущем. Позже, когда она вспоминала про эти слова, ей становилось неловко, было смешно.

...Вскоре сыграли свадьбу, и молодые отправились в свадебное путешествие на шикарном теплоходе. Поздно вечером они вышли на палубу и долго любовались, как волны, разбиваясь о борт судна, рассыпались брызгами, как одиноко мерцали редкие звезды в черном небе. Ольга предложила пойти в каюту — стало холодно.

— Подожди, мне надо тебе что-то сказать... — И Герман почему-то боязливо оглянулся по сторонам.

...В тот вечер он сообщил ей, что все знает о ней, о ее связях с Карен Милз и Грудом Беланом, что работать на них им придется вместе, помогая друг другу.

На какое-то мгновение перед ней открылось совсем другое лицо Германа — глубоко запрятанные под широкие брови глаза смотрели на нее холодно и расчетливо. Она молча выслушала его признание и тяжело вздохнула. Он спросил:

— Что ты вздыхаешь? Нам будет хорошо. У нас будет много денег. Они должны платить и мне и тебе: А такая красивая, как ты, должна быть богатой, очень богатой...

На губах у Ольги заиграла ехидно-насмешливая улыбка... «Боже мой, какие они стандартные... С одной и той же пластинки. Милз тоже так говорила ей». Но она не сказала ему то, о чем подумала. Спрятав улыбку, она деловито заметила:

— Но у нас будет много трудностей на пути к богатству. Ты не считаешь?

И тогда, задрав нос кверху, Герман, словно он вещал с амвона, изрек: «Через трудности к звездам!»

...Да, медовый месяц оказался горьким! Родители ее словно чувствовали это и все допытывались: «Почему ты, доченька, такая грустная?» Они ничего не знали. И Ольга употребила все свое искусство конспиратора, чтобы мать и отец даже мысли не допускали, что их дочь продавалась разведчикам, работающим против России. Они проклинали бы ее. Ольга вспоминала Швейцарию, советских военнопленных, дудочку, подаренную ей солдатом, вспоминала, как отец, немец по национальности, помогал участникам движения Сопротивления, вспоминала друзей матери, коммунистов. А она... Продалась.. Ну что же, быть по сему!

Кончились каникулы, и наступил день отъезда в Москву. Ее снова инструктировали. «Ваша главная задача — непрестанно расширять круг знакомых, изучать их, поставлять нам данные о них». Она догадывалась, что в Москву под видом туристов приезжают ее «коллеги». Но Карен строго предупредила: никаких встреч, никаких бесед с ними. Никто до поры до времени не будет ее инспектировать, и никому она не подотчетна в Москве. О выполнении заданий Ольга должна была докладывать, вернувшись домой, сдавая собранные материалы. Когда она приезжала домой, то в тот же день отправляла открытку по условному адресу — текст был стандартный: «Дорогая Рит! Вчера я вернулась из продолжительной поездки. Все хорошо, плохо только, что моя глухота прогрессирует, совсем неважно стала слышать. Привезла тебе обещанную гранатовую брошь. Скоро увидимся. Целую, Ольга».

Кто такая Рит? Она не знала, но предполагала, что такой вообще не существует. Видимо, псевдоним, придуманный для связи с Карен и Гудом. Да и эти, вероятно, скрываются под псевдонимами. На второй день после того, как Ольга опускала в почтовый ящик открытку, раздавался телефонный звонок. Ее вызывали на встречу. Сперва она отчитывалась устно, а потом ей говорили: «...об этом напишите подробнее». И два-три дня она писала свой отчет. Сдавала его и получала вознаграждение. Деньги платили большие, но платили по-разному. Если в докладе оказывались сведения, представляющие

особо большой интерес, ставка повышалась. Иногда даже до двухсот процентов. Так, в частности, было, когда Ольга передала не только основные данные о своем возлюбленном, студенте МВТУ, но и скупые сведения о его институте, о его учебной практике в Севастополе, включая фотокопии с некоторых листов студенческого конспекта.

Иногда Ольга оставалась в недоумении. Ей, например, казалось, что она заслужит самой щедрой награды за свои сообщения о докторе Васильевой и ее дочери, студентке Марине. Глава этой семьи Эрхардт оказался немецким шпионом и в первые же дни войны бежал к гитлеровцам. Сейчас он работает на какую-то разведку. Однако это сообщение было воспринято равнодушно, спокойно, без дополнительных вопросов. Вскоре она поняла, в чем тут дело: хозяевам многое уже было известно и об Эрхардте и о его семье. И только значительно позднее от нее потребовали письменного доклада о докторе Васильевой и ее дочери Марине, их друзьях и знакомых.

Она выполнила и это требование, хотя писать о Марине было нелегко — иногда ей казалось, что она искренне подружилась с дочкой русского доктора. Она могла бы, конечно, поступить тут так же, как это делали дядюшкины друзья — сочиняли небывлицы о «настроениях» советских людей и «полной готовности их» идти на контакт с вражеской разведкой. За такую «информацию» источник получал повышенную плату. Но с Мариной Ольга так не могла поступить. Она дала себе слово — напишу то, что есть.

«...Марина Васильева. Сложная натура. Остатки былой озлобленности, склонность к фронде и порой стремление обязательно высказать свою особую, оригинальную, отличную от общепринятой точку зрения на острые вопросы жизни. Но у этой девушки есть и такие качества, как честность, неподкупность, принципиальность, желание глубоко осмыслить окружающий мир... Марину Васильеву нельзя купить... Любовь и преданность своей стране в ней намного сильнее озлобленности и фрондерства... Сама она иногда позволяет себе смотреть на некоторые стороны советского образа жизни сквозь дымчатые очки, но, как тигрица, набрасывается на того, кто посмеет чернить эту жизнь в главных ее проявлениях... Скорее можно запугать — она несколько

боязлива. Страх преследовал ее с детства... И у нее есть уязвимое место — слепая любовь к матери. Лишь бы не потревожить маму... Я говорила об этом и господину Зильберу...»

Господин Зильбер... Его приезд в Москву имел для нее особо важное значение. Белан предупреждал: «Обстоятельства могут сложиться вопреки общему правилу, так что в Москве вы должны будете встретиться и помочь нашему человеку. На этот случай вам дается пароль: «У меня для вас имеется гранатовая брошь». Человеку, который произнесет эту фразу, можно верить, помогать, отвечать на его вопросы...»

Однажды к Ольге, в общежитие, позвонил иностранец и сказал, что привез небольшую посылку от ее родных. Они условились о встрече. Посылки не было. Был пароль: «У меня для вас имеется гранатовая брошь». Это сказал Зильбер...

После первых же его вопросов Ольга поняла: среди других заданий разведчика есть и такое: проверить ее работу на месте. И действительно. При первой же встрече он попросил подробно рассказать, как выполнялась операция закладки тайника в Донском монастыре. Вопрос этот насторожил, точнее, напугал. Усилил тревогу. И вот почему.

Летом к ней в гости приехал Герман и сообщил о важном поручении центра — это было, пожалуй, первое небезопасное дело, которое доверялось Ольге. Она получила от Германа материалы, необходимые для зашифровки и расшифровки текстов, а также большую сумму советских денег. И инструкцию: в начале сентября ежедневно бывать на улице Горького, на Главном телеграфе и заглядывать в будку телефона-автомата — при входе первый справа. На стене будет знак «W», начертанный угольным карандашом. Как только появится такой знак, она должна во второе воскресенье сентября, рано утром, не позднее шести часов, отправиться во двор Донского монастыря и, согласно полученному ею плану, отыскать там тайник и заложить в него все, что передал Герман. Она не знала, кому это предназначено, и была строго предупреждена не пытаться узнавать. Во вторую субботу сентября пометка появилась. Ольга помчалась в общежитие. К счастью, подруга ушла в кино, и она имела возможность тщательно упаковать в газету все, что требовалось заложить в тайник.

И рано утром, сказав, что едет на аэродром провожать родственницу, отправилась в Донской монастырь.

По инструкции, в среду она снова должна была пойти на Главный телеграф. В той же будке рядом с «W» появится буква «R», сигнал, подтверждающий, что все в порядке. Нет буквы «R» — значит, беда. Условленного знака не оказалось. Ни в четверг, ни в пятницу, ни в последующие дни... Ольга потеряла покой, испугалась. Ей казалось, что все правила конспирации были соблюдены строжайшим образом. И вдруг — провал! Неужели в этом она виновата? И вот от Зильбера Ольга узнает: человека, которому предназначалось содержимое тайника, провалил один из разведчиков 'штабквартиры, за что и понес суровое наказание. Там, в центре, естественно, догадались, в каком тревожном смятении находится Ольга, и, видимо, поручили Зильберу внести ясность: «Вас не винят».

* * *

Следователь спокойно, внимательно слушает Ольгу. Он не задал ей еще ни одного вопроса. Но сейчас, пожалуй, нельзя не задать. Есть для этого все основания.

Бахаревская гипотеза по части «Доб-1» должна быть подтверждена документально.

— Вы сказали, что пакет, заложенный в тайник, был завернут вами в газету. Вы не вспомните в какую?

Ольга удивленно посмотрела на следователя.

— Помню... Отчетливо помню... В «Медицинскую газету».

— Вы ее выписываете?

— Нет... Точнее так: выписывала на первое полугодие, а на второе пропустила сроки подписки. Но все же номера, которые меня интересовали по ходу занятий в институте, мне охотно давала доктор Васильева... Она подписчик этой газеты...

— Ясно... Разрешите еще один вопрос... Вы говорили, что поручение центра передал вам Герман. Это было единственное задание, полученное им от вашей штабквартиры?

— Нет... Он должен был проехать на машине по дороге, проходящей через некоторые районы Подмосковья...

— Какие? Вот вам карта... Покажите...

Ольга сразу же прочертила карандашом маршрут.

— Мы воспользовались приглашением моего однокурсника. Его родители живут в деревне, дорога к которой идет примерно тем же маршрутом.

— Что интересовало вашего мужа?

— Линии электропередач, радарные установки, промышленные объекты, встречавшиеся в пути военные машины. Он записывал их номера...

— Это его запись?— и следователь протянул коробку для сигарет, на который был записан номер машины.

— Нет, в данном случае моя. Мы дублировали друг друга. Вечером мы долго искали эту коробку...

— Что еще привлекало внимание вашего супруга?

— Мы остановились на берегу реки, чтобы набрать бутылку воды...

— Ясно. Как оценивал Герман результаты поездки?

— Сдержанно... Хотя был очень доволен неожиданным знакомством... К нашему пикнику присоединился гражданин, отрекомендовавшийся Семеном Опанасенко.

И Ольга подробно рассказывала о том, что уже хорошо известно следователю, как человек по кличке Толстяк — контрразведчики нарекли его Косым — стал выполнять поручения ее хозяев.

— Герман дважды встречался с ним в Москве. Толстяк достаточно откровенно поведал о себе, о своих делах до ареста. Герман осторожно дал ему понять, что услуги таких людей, как Толстяк, всегда высоко котировались и будут котироваться. Тем не менее муж приказал мне до поры до времени держаться подальше от этого типа, пока он не посоветуется с хозяевами, пока не придет условная телеграмма: «Твое письмо получил, спасибо». Значит, Толстяка можно использовать. Такая телеграмма пришла. Видимо, его фамилия значилась где-то там в досье. Он до ареста работал против вас. Но даже после получения телеграммы я должна была прибегать к услугам Толстяка осторожно, втемную.

— Хороша темная! Вы же ему давали прямые шпионские поручения,— заметил следователь.

— Да... Соблазнительно было. Когда Зильбер приехал в Москву, он при первой же встрече со мной поинтересовался Толстяком. И был весьма доволен, узнав, что человек этот как раз в эти дни находится в Москве.

— Что вам известно о заданиях, которые выполнял Зильбер в Москве?

— Я уже говорила: проверить мою работу на месте и лично познакомиться кое с кем, на кого я давала материал.

— И это все?

— Нет... Ему удалось перевезти через границу сфабрикованные газеты «Футбол». Внешне они ничем не отличались от такого же советского издания. Ну, а по содержанию... Содержание вам известно.

— Какова ваша роль в распространении этих фальшивок?

— Я подсказала исполнителя — Толстяка. Из списка людей, за которыми мною велось наблюдение во время учебной практики в Подмоскowie, выбрала одиннадцать человек и дала их адреса. Это главным образом учащаяся молодежь. С некоторыми из них я познакомилась поближе на одном из лесных пикников, устроенном моим поклонником, местным хирургом. Мне казалось, что настроения этих молодых людей таковы, что фальшивка попадет на благодатную почву... Я дала Зильберу еще один адрес — студгородок, в котором бывала два-три раза, и знала, как туда легче всего проникнуть, куда следует положить газеты...

— Вы показали, что Зильбер имел задание установить контакт с Мариной Васильевой. Вы содействовали этому?

— Частично... Когда мы всей компанией возвращались со студенческого вечера, Марина со своим знакомым Николаем Бахаревым пошла в ресторан «Метрополь». Я тут же из автомата дала знать об этом Зильберу... Его очень заинтересовал друг Марины литератор Николай Бахарев. Я познакомилась с ним в доме Васильевых, и мне казалось, что Бахарев человек, который может привлечь внимание наших людей. Именно так я охарактеризовала его в своем сообщении Зильберу. Его очень заинтересовала причастность Бахарева к миру литераторов, хотя он был несколько озадачен, не найдя его фамилии в списке членов Союза писателей. Я объяснила ему, что Бахарев еще только начинающий литератор и у него все впереди, его, конечно, примут в Союз. Зильбер согласился со мной и стал настойчиво добиваться встречи с другом Марины. И не без моей помощи кое-чего добился. Мне удалось свести их в рес-

торане на ВДНХ, а Зильбер ухитрился каким-то образом затащить Бахарева к себе, в номер гостиницы. О чем они беседовали там, мне неизвестно. Перед отъездом, во время нашей мимолетной встречи, Зильбер на ходу, скороговоркой передал свои впечатления об этой встрече. Он, примерно, сказал так: «Ничего определенного сообщить не могу. Бахарев оказался юношей с более сложной натурой, чем я предполагал. С ним надо работать, его нужно изучать. На таких выигрывают, но на таких иногда и проигрывают». Последние его слова я запомнила хорошо...

— Уезжая, Зильбер оставил вам какие-нибудь инструкции?

— Да, он просил меня продолжать наблюдение и за Мариной и за Бахаревым, но не предпринимать без согласования с центром каких-либо активных действий. Кроме того, Зильбер сообщил мне о намерении центра использовать меня как передаточный пункт для доставки в Россию пропагандистских материалов на русском языке, в том числе и тех, которые пишутся в вашей стране, а печатаются в свободном мире. Зильбер сказал, что в ближайшее время будет организовано поточное микрофильмирование многих таких материалов. Микроплёнки через меня будут направляться определённым лицам для проявления, размножения и распространения. Я поняла Зильбера таким образом, что центр обеспечит доставку микроплёнок мне в Москву. А я, в свою очередь, обязана через тайники передавать эти микроплёнки третьим лицам. Кто они, Зильбер не сказал. Микрофильмирование предполагало и такой вариант: в Москве я буду получать от каких-то лиц микроплёнки для отправки центру. Зильбер назвал всю эту операцию бесконтактной связью. Такую связь мы с ним отрабатывали в дни его пребывания в Москве. Зильбер сказал: «Пусть это будет для вас тренировкой». Он привез с собой магнитный контейнер, внешне ничем не отличающийся от спичечной коробки советского производства. Только взяв в руки эту спичечную коробку, можно было определить, что она металлическая и при соприкосновении с другим металлом накрепко прилипает к нему. Я имела возможность лично убедиться в этом, используя для такой отработки бесконтактной связи тайник в Архангельском. К тренировке был привлечен и Толстяк. Однако в последние дни пребывания Зильбера в Москве я

вынуждена была прибегнуть к этому тайнику уже не в порядке тренировки. Так сложились обстоятельства... Я поддерживала связь с Зильбером или открытыми телефонными разговорами, или, по наиболее ответственным делам, передачей кодированных записок. Мы пользовались тем, что в ваших универмагах толпы народа и люди пробиваются к прилавку, будучи весьма плотно прижаты друг к другу. Но однажды я заметила за собой то, что принято у разведчиков называть «хвостом». Мне удалось «оторваться» от «хвоста», лишь прибегнув к хитрости,— я скрылась из зала кинотеатра «Метрополь» во время киносеанса. Следивший за мной агент остался в зале.

— Вам предъявляется изъятая у вас при обыске записная алфавитная книжка в голубом кожаном переплете. Она принадлежит вам?

— Да.

— Дайте пояснения по существу некоторых записей. Что значит запись на последней странице: «Концерт Баха». И рядом несколько цифр.

— Зашифрованный телефон Бахарева. Из каждой пары цифр надо вычитать 26.

— Он сам дал вам свой телефон?

— Нет. Я выкрала из сумки Марины Васильевой ее записную книжку и переписала телефон Бахарева, а потом незаметно положила книжку на ее письменный стол.

— На предпоследней странице есть такая запись: «Св. 40, Мол. 50». Что это значит? Расшифруйте.

— Пожалуйста: «Свечи стоят 40 копеек, молитвенники — 50». Эта запись, связанная с заданием, которое я получила в Москве от мужа, Германа. Он передал мне ряд поручений деятеля русской эмиграции, действующего в контакте с моим шефом. При этом Герман подчеркнул: «Считай, что ты получила задание шефа».

— Как зовут эмигранта?

— Истинная его фамилия мне неизвестна. А кличка — «Константин».

— Что требовал от вас Константин?

— Я должна была собрать широкую информацию о художниках, изучающих живопись монастырей, церквей — особенно в северных краях России; о так называемых подпольных советских литераторах — биографии, политические взгляды, почему их произведения

не издаются в СССР, над чем работают; составить справку — отношение студенческой молодежи к разным литературным журналам, издаваемым в Москве и Ленинграде. И, наконец, совсем новое для меня дело — побывать в московских церквях, побеседовать с верующими и священниками.

— Что вы должны были выяснить в этих беседах?

— Нет ли нарушений закона о свободе вероисповедания. Много ли среди верующих молодежи. Печатаются ли церковные книги, где их достать, сколько стоят свечи, молитвенники. Возрастной состав священников, содержание их проповедей. Как много свободных мест в церковных приходах для семинаристов, оканчивающих духовные училища.

— Вы выполнили это поручение?

— Частично. Я побывала в церквях Троицы в Холмовском переулке, Николы в Хамовниках и в церкви Донского монастыря. Беседовала с верующими и со священниками. Но считаю, что еще не располагаю достаточно полной информацией для ответа на поставленные вопросы. Однако мне уже сейчас ясно: некоторые ответы верующих не обрадуют шефа. Верующие выражали недовольство по поводу того, что были случаи, когда священники покидали церкви и выступали с лекциями на атеистические темы.

А как с поручением Германа касательно «подпольных литераторов», литературных приверженностей студентов?

— О, это чрезвычайно многостороннее задание... Очень сложное... Рассчитанное на длительное время... Я немного успела...

— Это все, что вы можете ответить на мой вопрос?

— Чего же вам более?

— Я рекомендовал бы вам придерживаться иной тональности на допросе. Ясно?

— Благодарю вас... Прошу прощения. Я хочу добавить к сказанному следующее: я возлагала большие надежды на Бахарева... Но в беседах он высказывался по интересующим меня вопросам очень неопределенно. Мне кажется, что встреча Зильбера с Бахаревым была более результативной. Перед отъездом на каникулы я стала активнее контактировать с Бахаревым. Но, увы, женская ревность!.. Марина вела себя как тигрица... И все же я буквально за несколько дней до отъезда

договорилась с Бахаревым, что после возвращения в Москву мы пойдем ужинать в Дом литераторов. Конечно, вместе с Мариной. Он тогда в шутку заметил: «Я обеспечу вам, Оленька, кавалера... Очень популярного писателя... Но, увы, обстреливаемого всеми калибрами критики». А потом обстоятельства сложились так...

Она помолчала, а когда опять заговорила, голос ее стал глухим.

— Я постараюсь искупить свою вину... Я сознаю ее... И готова подробнейшим образом ответить на все ваши вопросы.

— При обыске в вашем правом туфле был обнаружен тайник. Кто дал вам эти туфли, как вы использовали их?

— Туфли мне дала Карен, когда я в последний раз была дома на каникулах. За несколько дней до отъезда в Москву. Мы встретились на явочной квартире. Карен сняла со своей блузы гранатовую брошь, вынула из нее булавку и концом, противоположным острию, служившим ей отверткой, вывинтила четыре шурупа, крепивших каблук, и ловко отделила его от туфли. Каблук был полый, Карен объяснила: «В этом полом каблуке ты будешь перевозить через границу микропленку, отсюда в Москву, но возможно, что в будущем придется возить и из Москвы. Какую микропленку, узнаешь потом, в следующий приезд. А пока надевай туфли и носи их как можно больше. Считай это экспериментом».

Затем она попросила поставить каблук на место с помощью все той же булавки. У меня это сразу получилось. Карен была довольна. И между прочим заметила: «Здесь неплохо хранить ампулу с кураре». И весело засмеялась. Я ничего не ответила. Я не была уверена, что это шутка... Кураре, как известно, яд...

Тогда же Карен сказала: «Носи туфли до самого отъезда из Москвы и постарайся забыть, что под твоей правой пяткой тайник». Видимо, она обладает каким-то даром внушения. Я действительно забыла о существовании тайника под пяткой и сдуру попросила Марину отдать эти туфли частному сапожнику. Там требовался небольшой ремонт. Беспечность обошлась дорого. Видимо, я плохо усвоила уроки конспирации. Я спохватилась через несколько дней после того, как туфли были отданы сапожнику. Спыхватилась и ужаснулась. Тут же позвонила Марине и, сочинив легенду о предстоящем се-

минаре, попросила ее забрать туфли и привезти их мне. Сказала, что они срочно нужны. Сама я не могла поехать — ждала важное сообщение от своего поклонника, студента МВТУ, об одном московском ученом. Мои хозяева весьма интересовались им...

— Знали ли о вашей преступной работе Васильевы? Может, догадывались?

— Нет. Ни в малейшей степени.

— А ваши родители?

— Нет... Я уже говорила — они проклинали бы меня.

— Вы несколько лет занимались изучением политических настроений окружавших вас молодых людей. Не требовали ли ваши хозяева, так сказать, общих соображений о мировоззрении, тенденциях развития духовного мира советской молодежи? В прямой или иной форме?

— Нет... Впрочем, был такой разговор с Беланом во время моей последней встречи с ним. Он показал мне одну из наших газет с антисоветской статьей, подготовленной Мюнхенским институтом по изучению СССР. В ней красным карандашом было подчеркнуто несколько строк, и Белан просил внимательно прочесть их. Если мне память не изменяет, в статье шла речь о том, что современная советская молодежь, как та, что готовится к вступлению в армию, так и находящаяся в ее рядах, политически и идеологически не готова к тому, чтобы сознательно пожертвовать жизнью во имя так называемого социалистического отечества. Автор утверждал, будто в СССР молодой человек — и призывник и солдат — не отвечает тем морально-политическим требованиям, которые необходимы для решающей победы СССР в мировом вооруженном конфликте.

Когда я прочла эти строки, Белан спросил: «Вы как считаете — автор дает правильную оценку? Нам важно знать, что это — наша пропаганда или реалистическая картина? Мы не имеем права заблуждаться там, где речь идет о мобилизационной готовности возможного противника». Я хотела тут же ответить Белану, но он остановил меня: «Я не тороплю вас с ответом. Вопрос слишком серьезный. Проанализируйте ваши многочисленные беседы с молодыми людьми в СССР. Завтра мы снова с вами встретимся. Я попрошу изложить ваши соображения письменно». Я очень долго и трудно писала эти свои соображения. Мне никогда не приходилось заниматься анализом таких сложных явлений... Несколько

ко раз я перечеркивала все написанное. И, наконец, написала, обдумав каждое слово. Вероятно, поэтому я могу сейчас сказать вам, хотя бы примерно, что я ответила Белану. «Автор статьи глубоко заблуждается,— написала я.— Да, в СССР есть небольшая категория молодежи, охваченная духом непрестанного сопротивления, бунтарства. Но мне кажется, что для нас весьма рискованно делать ставку на эту ничтожную часть советской молодежи. Да и эти ребята, как мне думается, в случае, когда дело дойдет до военных столкновений, будут преданнейшими солдатами. Среди всех и самых разных их чувств все же главным, решающим остается необычайной силы любовь к своей стране, к своему народу. Что же касается фронды или какой-то группы молодежи, на которую мы рассчитываем, то я не могу не согласиться с метким замечанием одного француза, с которым я как-то беседовала в Москве,— он приезжал в гости к моей коллеге. «Фронта молодых,— сказал француз,— это болезнь эпохи, она исчезнет, как исчезают прыщи на лицах юных, испытывающих в известном возрасте волнение крови». Белан, видимо, был не очень доволен моим письменным ответом и, сухо поблагодарив за откровенность, спросил: «А вы не ошибаетесь?» Я твердо ответила: «Нет, не ошибаюсь».

* * *

В другой раз Марина Васильева пришла в Комитет госбезопасности уже по вызову.

Следователь не сказал ей об аресте Ольги — для Марины она уехала домой на зимние каникулы,— но по характеру некоторых вопросов Васильева стала догадываться о повышенном интересе контрразведки к жизни иностранной студентки. И Марина откровенно рассказала все, что знала, что думала о своей подруге. И проgrim, что на лице и на душе: всегда сдержанная, на людях — лучший друг Советского Союза, она, как-то не подозревая, что Марина все слышит, изощрялась перед Германом в гнусных измышлениях в адрес страны, так гостеприимно принявшей ее...

И про ее цинизм во взаимоотношениях с поклонниками. «Порой мне казалось, что Ольга — несчастная женщина, искалеченная сексбизнесом... Иногда, оставшись наедине со мной, Ольга представала без грима —

это бывало очень редко, но случалось главным образом тогда, когда, потеряв контроль над собой, она выпивала лишнее. Тогда казалось, что у этой женщины нет ничего святого, кроме двух богов: денег и секса. Точнее — денег. Секс — производное. Она с упоением рассказывала о книге, которая называлась «Проститутка в обществе». Я не помню авторов. Но я помню, в каком экстазе была Ольга, когда говорила о последней главе книги — «Секс как сервис». Авторы, выступая в защиту проституции, считали, что она помогает сохранить семью. Ошеломленная таким тезисом, я спросила у Ольги: «А ты что скажешь?..» Она подернула плечами, подняла брови и загадочно сказала: «Эта формула заслуживает глубокого социального анализа... Однако не лишена жизненной правды». И тут же вытащила из чемодана шведский порнографический альбом.

— А что вы скажете об Ольге как о подруге? — спросил следователь.

— Пожалуй, ничего дурного... Добра и неплохой товарищ... Даже бывает обаятельной... Но есть в этой женщине при всем ее обаянии нечто такое, что вызывает настороженность. Даже тогда, когда грим на душе...

— Ольга когда-нибудь говорила с вами о родителях?

— Да... Она боготворит мать... С большим уважением отзывается о ее подруге, сидевшей в одном лагере с мамой... И мне кажется, что тут она говорит искренно... Это, может, несколько противоречит тому, что я рассказывала вам, но соответствует истине...

Разговор был долгим и касался, конечно, не только Ольги, но и ее самой. Может, впервые здесь, лицом к лицу со следователем, отвечая на его вопросы, Марина остро ощутила нависшую над ней опасность — бог ты мой, как легко можно было покатиться по наклонной! И Васильева честно призналась в этом следователю.

А впереди еще один трудный разговор и неожиданное открытие.

После допроса ее проводили в кабинет Птицына. Марина не удивилась встрече с человеком, перед которым совсем недавно излила свою душу. Она решила, что допрос будет продолжен. Васильева стояла перед Птицыным усталая, растерянная, поникшая, и бледное лицо ее выражало глубокое душевное волнение.

Птицын предлагает ей сесть, а она все еще стоит,

словно не слышит или не понимает его слов. И Александр Порфирьевич повторил:

— Садитесь же! А то ведь и я должен буду встать. Вот так... Кофейку не угодно ли? Воды? Извольте...

Она выпила стакан воды.

— Вы не волнуйтесь. Самое страшное позади. Я разговаривал со следователем. Он сказал, что ваши показания для дела важны, и при этом подчеркнул их объективность и откровенность. Со своей стороны я признателен вам за то, что вы в тот раз сами пришли к нам. Вы и тогда были искренни, но я не мог быть с вами откровенным до конца. На это были свои основания. Они отпали. Сейчас я могу сообщить вам нечто такое, что должен был скрывать от вас...— Птицын запнулся, на какое-то мгновение окинул взглядом удивленное лицо Марины и продолжал:— Дело в том, что Николай Андреевич Бахарев — наш сотрудник. Больше того, он работает под моим началом и действовал по моим указаниям...

Она силится что-то сказать, но, видимо, не может. Нет сил, нет слов. Перехватило дыхание. Комната расплылась в каком-то тумане. Марина судорожно уцепилась за край стола. Теперь на ее лице можно было прочесть не только изумление, но и досаду, гнев и даже страх. Большие глаза ее вопрошали: «Зачем же так?..» И, перехватив ее взгляд, Птицын говорит:

— Поймите, товарищ Васильева, так надо было!

В тот вечер Марина несколько раз подходила к столу, поднимала телефонную трубку, начинала набирать номер. Наконец она решилась и все же позвонила Бахареву. Она отчетливо видела перед собой лицо человека, ставшего для нее близким и теперь неожиданно далеким: неужели так надо было? Она слышала его нетерпеливый голос: «Алло! Алло! Кто говорит?» Не ответила. Молча опустила трубку на рычаг. И вдруг в ее почти потухших глазах сверкнула надежда. Марина снова звонит Бахареву и глухим голосом говорит:

— Николай Андреевич!— Так она называет его впервые.— Я все знаю. Меня вызывали на допрос. Я была у вашего шефа... Мне было сказано: «Так надо было...» Это и ваше мнение?

Бахарев не сразу ответил. На какое-то мгновение ему захотелось весело, как он это обычно делал при встрече с ней, сказать что-нибудь успокаивающее. По-

медлив, сдержанно, с трудом скрывая душевную теплоту, высказал на одном дыхании:

— Марина... Ты пойми... Это все очень сложно...

— Мне ясно,— отчужденно-холодно отчеканила она.— Значит, и ты так считаешь... Значит...

— Никаких «значит», Мариночка! Ты должна все понять...— И Бахарев на мгновение умолк, словно подыскивал самые нужные сейчас слова.

Никогда еще так остро не ощущал он, насколько глубока его привязанность к этой девушке, столь необычно и сложно появившейся на его пути. Бахарев весь день готовился к этому разговору. Он уже знал о встрече Птицына с Мариной. Знал о реакции генерала Клементьева на эту встречу. Бахарев находился в кабинете Александра Порфирьевича, когда к концу рабочего дня подполковнику позвонил генерал. Клементьев интересовался, как прошла беседа с Васильевой и, в частности, что сказали ей о Бахарева, сумели ли объяснить все... И, судя по выражению лица Александра Порфирьевича, генерал был чем-то недоволен.

— Черт те что получилось,— отхлебывая горячий кофе, говорил расстроенный Птицын.— Докладываю генералу: объяснили, мол, девушке коротко и ясно. Сказали: «Так надо было». А генерал не без иронии заметил: «Это все, что ты мог сказать ей, Птицын? Малова-то... Немного у тебя слов нашлось. Думал я, что для девушки, перенесшей столько горестей, найдешь слова потеплее.— И добавил:— Позвоните ей и попросите, если может, пусть завтра придет ко мне». И нам с тобой велено быть там. И Крылову. Об остальном, сказал, сам позаботится. Вот так... Ну, чего молчишь? Ишь, как сияет товарищ Бахарев... Черт те что...

И тут же Птицын, напомнив Николаю про давнишний их разговор о Марине: «По душе ли тебе эта девушка?» — с лукавством спросил:

— Так как же, и сейчас на тот мой вопрос ответить затрудняешься? Мне-то ты теперь сможешь ответить... Все на свое место стало... А с Мариной, вероятно, разговор у тебя тяжким будет...

И вот он идет, этот разговор...

Бахарев продолжает все на той же ноте:

— Мариночка, ну что же ты молчишь? Я взываю к твоему разуму и сердцу. Разреши мне сейчас приехать к тебе...

— Нет, не надо... Это все не так просто...

— Да, это все сложно. Я хотел бы... Алло! Алло!

Марина, не попрощавшись, положила телефонную трубку. Затем, тяжело ступая, подошла к балконной двери, прижала голову к холодному стеклу — на улице шел мокрый снег, стала прислушиваться: не раздастся ли телефонный звонок? Нет, Бахарев не звонил. Тишина! Только слышно, как по оконному карнизу без конца тенькает ледяная капель.

Ее вывел из оцепенения звонок. Она бросилась в переднюю к телефону. «Николай... Пусть приезжает... немедленно». Но это звонил Птицын.

— Марина! Сможете ли вы еще раз приехать к нам завтра? Когда? Когда вам удобно. Хорошо, в три часа.

...Бледная и взволнованная, переступила она порог большой светлой комнаты. Генерал поднялся ей навстречу.

— Здравствуйте, Марина! Рад вас видеть. Только хмуриться не надо. Знакомьтесь: Крылов Иван Михайлович. А с этими товарищами вы, кажется, уже знакомы.— И, улыбнувшись, кивнул в сторону Бахарева и Птицына.

Марина смущенно, растерянно оглядывается по сторонам. На длинном полированном столе — ваза с красными розами. Коробка конфет. Что все это значит? Зачем ее сюда позвали? А генерал продолжает:

— Присаживайтесь... Вот сюда... Что будем пить: кофе, чай? Николай Андреевич! Вы себя неприлично ведете — рядом такая девушка, а вы словно в рот воды набрали и никакого внимания. Я-то в ваши годы... Прошу вас...

Бахарев краснеет и что-то несвязное бормочет в ответ.

...Вот уже минут пятнадцать Марина сидит за этим длинным столом в обществе четырех чекистов и никак не может понять: зачем, собственно, ее сюда пригласили?! Генерал расспрашивает о занятиях в институте, интересуется здоровьем мамы, ее работой, настроением.

— Я очень рад, что у вас дома все в порядке, что все тяжкое осталось позади... Ваша мама молодец. Передайте ей привет и наше пожелание доброго здоровья. А теперь хотелось бы несколько слов сказать вам, Марина... Вы, вероятно, догадываетесь, что пригласили вас сюда не только для того, чтобы угостить чашкой кофе.

Мы не без вашей помощи провели нелегкую операцию. Распутали сложный узел. Ваша роль при этом была трудной. Жизнь вас не баловала с детства. Но вы на очень важном рубеже смогли подавить чувство страха и пришли к нам, отбросив сомнения, колебания... Спасибо вам за это. У нас, Марина, суровая служба. И веления ее суровы. Что поделаешь? Порой приходится подавлять проявление самых сильных человеческих чувств. Простите за это небольшое отступление. Полагаю, что вы меня поняли. Поняли, к чему все это сказано...

Генерал допил чашку кофе, встал с места, прошелся по кабинету и вскользь, словно только сейчас вспомнил, обронил:

— Мы тут вчера посоветовались с руководством и приняли решение вручить вам этот скромный сувенир.— И он протянул ей часики, на крышке которых было выгравировано: «Марине Васильевой — от друзей».— И еще один сувенир, вот эти розы... Их уж пусть вам вручает Николай Андреевич. Впрочем, служебный кабинет — это не лучшее место для столь лирической акции. Бахарев сегодня свободен, и уж он сам решит, где их вручить. Николай Андреевич! Проводите, пожалуйста, Марину... А заодно постарайтесь помочь ей понять все, что осталось для нее еще неясным. Только не прибегайте, пожалуйста, к категорическим формулам вроде: «Так надо было». Никому еще точно не известно, так ли надо было или чуть-чуть, самую малость, но не так. Во всем этом нам с вами еще надлежит разобраться позже. А пока не смею задерживать... Впрочем, я совсем забыл. У вас, Марина, могут быть просьбы, вопросы?

Она благодарно взглянула на высокого, скорее долгового, обаятельного человека и покачала головой.

— Просьб нет, а вопросы... Что ж, вы, кажется, мудро все решили... И время поможет... Спасибо вам... И за сувениры... И за уроки...

СОДЕРЖАНИЕ

В. Кравченко. Предисловие . . .	5
В. Егоров. Заложник	11
А. Лукин, Т. Гладков. Прерванный прыжок	92
В. Листов. Венский кроссворд	163
Ф. Шахмагонов, Е. Зотов. Индекс без индекса	215
В. Востоков. Братец	290
А. Зубов, Л. Леров, А. Сергеев. Развязка	307

Составитель Илья Иванович Шмелев
ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...
Книга 2-я

Редактор И. В. Стабникова
Художник Г. Г. Бедарев
Художественный редактор Н. Л. Юсфина
Технический редактор Т. Ф. Клапцова
Корректор Н. Д. Толстякова

Сд. в наб. 17/II-72 г. Подп. к печ. 5/IX-72 г.
Ф. бум. 84×108¹/₃₂. Физ. п. л. 11,5. Усл. п. л. 19,32.
Уч.-изд. л. 19,93. Изд. инд. ХД-278. А07784. Тираж
100 000 экз. Цена 74 коп. в перепл. Бум. № 3.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд
Сапунова, дом 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Ко-
митета по печати при Совете Министров РСФСР,
г. Электросталь Московской области, ул. им Тевос-
сяна, 25.

74 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»